

НИКОЛАЙ ПЛАТОШКИН

ГОРЯЧИЕ СРАЖЕНИЯ
ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Annotation

В книге российского дипломата и политолога Николая Платошкина хронология 45-летней холодной войны Запада и Востока дана автором на основе дипломатических документов, разведдонесений и других материалов, которые свидетельствуют о широте и накале противостояния двух социальных систем во второй половине XX века. Читателю, без сомнения, интересно будет увидеть изнанку борьбы, определившей вектор мирового развития на десятилетия вперед.

Как начиналось эпическое противостояние СССР и США? Как Европа оказалась расколота на два лагеря? Кто спровоцировал венгерское восстание и «Пражскую весну»? Как Запад боролся за «демократию», а СССР — за «мир во всем мире»? Как Горбачев предал Советский Союз?

История холодной войны от разгрома фашистской Германии до развала СССР — на страницах этой книги.

- [Николай Платошкин](#)
 - [Борьба СССР и США за умы в послевоенной Европе \(1940-е — 1950-е годы\)](#)
 - [Истоки эпического противостояния, или когда же началась «холодная война»?](#)
 - [«Разведка должна быть глобальной и тоталитарной»: основание и первые годы ЦРУ](#)
 - [Нацисты в Аргентине: мифы и реальность](#)
 - [Долгий путь к Австрийскому государственному договору 1945–1955 гг](#)
 - [Установление социализма в Чехословакии \(май 1945 — февраль 1948 года\)](#)
 - [О событиях 1956 года в Венгрии: правда и мифы](#)
 - [Воздушная война над Кубой в апреле 1961 года](#)
 - [Чехословацкая народная армия во Франции: военные планы 1964 года](#)
 - [События 1968 года в Чехословакии и позиция США](#)
 - [Подрывная деятельность США против Чили \(осень 1970 года\)](#)
 - [Военное сотрудничество ГДР с развивающимися странами \(Ближний Восток и Африка\)](#)
 - [Тщательно подготовленная «вспышка ярости»: агрессия США](#)

[против Гренады в 1983 году](#)

- [Объединение Германии: как это было](#)
- [Распад СССР и право наций на самоопределение](#)

- [notes](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)

- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)

- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)

- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)

- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)

- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)

- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)

- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)

- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)

- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)

- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)

- [466](#)
 - [467](#)
 - [468](#)
 - [469](#)
 - [470](#)
 - [471](#)
 - [472](#)
 - [473](#)
 - [474](#)
 - [475](#)
 - [476](#)
 - [477](#)
 - [478](#)
 - [479](#)
 - [480](#)
 - [481](#)
 - [482](#)
 - [483](#)
 - [484](#)
 - [485](#)
 - [486](#)
 - [487](#)
 - [488](#)
 - [489](#)
 - [490](#)
 - [491](#)
 - [492](#)
 - [493](#)
 - [494](#)
 - [495](#)
 - [496](#)
 - [497](#)
 - [498](#)
 - [499](#)
 - [500](#)
 - [501](#)
 - [502](#)
-

Николай Платошкин
Горячие сражения Холодной войны.
Неизвестные страницы

Борьба СССР и США за умы в послевоенной Европе (1940-е — 1950-е годы)

Изучение психологической и пропагандистской войны США против Советского Союза в Европе в послевоенные годы, к сожалению, не только не утратило своей актуальности, но, напротив, становится прикладной темой именно в наши дни. Соединенные Штаты в который раз пытаются представить Россию «империей зла» и использует при этом те же самые приемы и методы, которые они уже применяли в годы «холодной войны».

Причем и тогда, и сейчас большая роль в пропаганде против нашей стране отводится специальным службам США, прежде всего, Центральному разведывательному управлению (ЦРУ), созданному в 1947 году. С тех пор «мандат» этой организации не изменился.^[1]

18 июня 1948 года директива Совета национальной безопасности (СНБ) США NSC 10/2 уже точнее определила, что понималось под тайными операциями (covert actions). Это операции, «которые осуществляются или поддерживаются нашим правительством против враждебных иностранных государств или групп или в поддержку дружественных иностранных государств или групп, но которые планируются и осуществляются так, что любая ответственность правительства США за них не очевидна непосвященным лицам, и если эти операции становятся достоянием гласности, правительство США смогло бы достоверно отречься от любой ответственности за них»^[2].

Организовывать подрывные операции поручалось ЦРУ либо единолично, либо в контакте с госдепартаментом и министерством обороны. Перечень подрывных акций СНБ определял следующим образом: «пропаганда; экономическая война; превентивные прямые акции, включая саботаж, контрсаботаж, разрушение (объектов) и эвакуация (людей); подрывная деятельность против враждебных государств, включая поддержку движений сопротивления, партизан и эмигрантских освободительных групп, а также поддержку местных антикоммунистических элементов в находящихся в опасности странах свободного мира»^[3].

В 40-е — 50-е годы XX века, как и сейчас, США уделяли

первостепенное внимание идеологической антисоветской обработке Европы, где были сильны традиционные симпатии к русской культуре. После победы Советского Союза во Второй мировой войне эти симпатии еще больше усилились, причем среди интеллектуалов таких стран как Франция и Италия «просоветские настроения» стали, как бы теперь выразились, «мейнстримом». Быть тогда правым или проамериканским интеллигентом в Париже или Риме считалось просто неприличным.

СССР и США вели тогда активную и ничуть не менее «креативную» борьбу за умы населения Западной Европы, чем сейчас Москва и Вашингтон. При этом надо отметить существенное отличие, также сохраняющее актуальность и в наши дни. Если Советский Союз делал упор на открытую (или «белую» пропаганду), то США отдавали предпочтение тайным операциям («серой» и «черной» пропаганде).

При анализе темы автор старался опираться, прежде всего, на первоисточники, недавно рассекреченные документы ЦРУ госдепартамента и СНБ США. Перечень наиболее важных документов различных ведомств США по данной проблематике можно найти в труде Р.Т. Дэвиса. Среди западной литературы следует отметить главным образом хорошо документированную книгу Ф.С. Сандерс. В отечественной историографии данная тема практически не исследована.

В ходе исследования выделено два основных метода воздействия США на умы населения Западной Европы в послевоенное время: подрывной («тайные операции») и открытый (работа под прикрытием «перекупленной» тем или иным способом западноевропейской интеллигенции).

В 1948 году для проведения тайных, в том числе и пропагандистских операций руководство США решило создать отдельную структуру, лишь номинально входившую в ЦРУ. Название было выбрано самое «невинное», чтобы ввести потенциального противника в заблуждение — Офис по координации политики (Office of Policy Coordination). Кадровой основой офиса стали переданные в 1946 году в министерство обороны военным былые остатки террористических структур расформированного в 1945 году управления стратегических операций (УСС, Подразделение стратегических служб). «Офис» возглавил бывший сотрудник УСС Ф. Визнер, работавший против СССР в Румынии еще в годы Второй мировой войны. От ЦРУ офис Визнера получил лишь здание для работы и финансирование. Первоначально в офисе числилось всего 10 человек. Формально организация Визнера подчинялась Штабу политического планирования госдепартамента США. В офисе учредили специальную «мастерскую

психологической войны» (Psychological Warfare Workshop), костяк сотрудников был набран из студентов и преподавателей Принстонского университета.

Визнер призвал работников «мастерской» выдвигать самые смелые идеи, что те и не преминули сделать. Первый проект «психологической войны» состоял в том, чтобы изготовить и сбросить над советскими городами с самолетов большие партии огромных презервативов с надписью по-английски на каждом «medium» (т. е. среднего размера). Эта акция должна была убедить советских женщин в экстраординарных сексуальных способностях американских мужчин^[4].

«Черную пропаганду» против СССР ЦРУ осуществляло через ряд «неправительственных», «частных» организаций, полностью находившихся на содержании американской разведки. Под эгидой одной такой «частной» организации (Национальный комитет за Свободную Европу) была учреждена радиостанция «Свободная Европа», которая, как и сам комитет, всецело финансировалась ЦРУ. В 1950 году была проведена кампания по сбору пожертвований в специальный фонд упомянутого выше комитета, на средства которого содержалась (формально) радиостанция «Свободная Европа». В 1951 году эта радиостанция начала первые передачи против Чехословакии из Мюнхена. Затем «Свободная Европа» распространила вещание на все восточноевропейские социалистические страны.

В 1953 году добавилось радио «Освобождение», вещавшее против СССР.

В 1953 году при радиостанции «Свободная Европа» возникла некая организация, именовавшая себя «Прессой свободной Европы». Именно она фабриковала для стран Восточной Европы пропагандистскую литературу, которой начинялись шары из резины и пластмассы. Запуск шаров в социалистические страны носил кодовое наименование «Операция "Просперо"», и естественно это была операция ЦРУ. Сотрудники Визнера изготовили и с помощью воздушных шаров переправили за «железный занавес» 300 миллионов листовок (400 тонн)^[5].

Как писал профессор журналистики университета штата Огайо Лури: «Визнер создал организацию, которую он со смехом и любовью называл «мой мощный Вурлитцер». Это была удивительная машина, которая использовала множество клавишей (благотворительные фонды, профсоюзы, книгоиздательства, студенческое движение) для исполнения вариаций на темы: дискредитация коммунизма и Советского Союза,

развитие христианско-демократического движения в Западной Европе и создание позитивного образа Соединенных Штатов за границей»^[6]. Вурлитцер был американцем немецкого происхождения, сконструировавшим музыкальный орган для киносъемок. Этот орган, имитировавший любые звуки (грома, дождя, автомобильных сигналов и т. д.) и прозвали «вурлитцером».

Американцы начали заниматься систематической пропагандой в Европе сразу же после окончания Второй мировой войны. Поначалу цель была довольно благородной — перевоспитание заблудших в тенетах нацизма немцев. Однако сразу же после речи Трумэна в конгрессе в марте 1947 года у США появился новый враг — мировой коммунизм. Теперь пропаганда была нацелена на то, чтобы Западная Европа не попала в руки «красных». Для этого следовало завладеть умами и сердцами европейской интеллигенции.

Задача для американцев была не из простых, если учесть, что подавляющее большинство деятелей искусств, писателей и философов Европы крайне снисходительно (в лучшем случае) относились к американской культуре. А многие считали, что таковой вообще нет.

К тому же после победы СССР в Великой Отечественной войне престиж Советского Союза в Европе был очень высоким. Советские книги, фильмы, театральные постановки триумфально шествовали по Европе. Цвет европейской интеллигенции от Сартра до Чаплина открыто выражал своим симпатии Москве.

В «интеллектуальной» работе против СССР ЦРУ сделало ставку на эмигрантов из России, например ^[7] на Михаила (Майкла) Джоссельсона, выходца из Тарту (Эстония). В 1943 году его призвали в американскую армию, и со своим европейским опытом и знанием иностранных языков Джоссельсон сразу же попал в разведывательный отдел (Intelligence Section) Управления психологической войны (Psychological Warfare Division) УСС. В 1946 году Джоссельсон остался в аппарате Американской военной администрации в Германии в качестве специалиста по вопросам культуры и пропаганды (Cultural Affairs Officer). В 1948 году Джоссельсон был приглашен в ЦРУ и получил оперативный псевдоним «Джонатан Ф. Саба».

Вместе с Джоссельсоном культурой и пропагандой в Европе занимался Николай (или как он сам себя называл Николас) Дмитриевич Набоков, брат известного писателя-эмигранта Владимира Набокова. Сам «Николас», правда, всегда отрицал, что был кадровым сотрудником ЦРУ, но

задания этой организации он все же выполнял.

По состоянию на 1947 год (год создания ЦРУ) СССР, по оценкам самой же американской разведки, опережал американцев в борьбе за умы европейцев.

В 1947 году в Берлине, на главной улице Унтер-ден-Лиден советская военная администрация в Германии (СВАГ) открыла прекрасно обставленный и хорошо отапливаемый (зима 1946–1947 в Европе была самой холодной за всю историю метеонаблюдений) «Дом культуры». Среди дорогих ковров, прекрасных люстр и утонченной мебели проводились диспуты, концерты и лекции. Деятели искусства в советской зоне оккупации получали усиленные продовольственные пайки (в Германии в то время царил голод).

Американцы ответили учреждением по всей Европе «Домов Америки» как «форпостов американской культуры».

ЦРУ с большим трудом боролись в Европе против устойчивого имиджа Америки как «культурной пустыни», страны жвачки и комиксов. К тому же США в Европе справедливо считали расистской страной (в то время в южных штатах чернокожие и белые ели в разных ресторанах, учились в разных школах и ездили в разных автобусах). Чтобы как-то подправить столь нелестный имидж, военная администрация США в Германии в марте 1947 года предложила провести концерты известных негритянских вокалистов в Европе. Причем в обосновании прямо отмечалось, что главной целью этих гастролей было противодействие советской пропаганде, бичевавшей расизм в США.

В Германии в рамках программы культурной пропаганды прошли выступления таких американских композиторов как С. Барбер, Л. Бернстайн, Э. Картер, А. Копленд, Д. Гершвин, Д. Менотти.

Правительство США финансировало постановку в европейских театрах пьес таких американских драматургов как Теннесси Уильямс, Уильям Сароян, Лилиан Хеллман, Юджин О'Нил, Торнтон Уайлдер.

Управление психологической войны ЦРУ спонсировало издание и распространение в Европе таких книг американских авторов как «Гражданин Том Пейн» Говарда Фаста, «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена, «Книга чудес» Натаниэля Готорна, «Маленький домик в прериях» Лоры Инглз-Уайлдер.

Все эти произведения, бесспорно, являются выдающимися и украшают собой историю американской литературы. Но была и специальная антикоммунистическая издательская программа, где ненависть к СССР была главным художественным критерием. На американские

деньги большими тиражами издавались «Возвращение из СССР» Андре Жида, «Слепящая тьма» Артура Кестлера и «Хлеб и вино» Иньяцио Силоне. По книге Джорджа Оруэлла «Скотный двор» был сделан мультипликационный фильм — его производство и распространение по всему миру финансировало ЦРУ.

Наоборот попали под запрет книги, в которых СССР описывался позитивно, или где хотя бы пропагандировались идеи сотрудничества Запада с Москвой по прагматическим соображениям (например, поддержание всеобщего мира). Дошло до того, что запретили книгу будущего госсекретаря и яркого антикоммуниста Джона Фостера Даллеса «Россия и Америка: тихоокеанские соседи».

После провозглашения летом 1947 года «плана Маршалла» «культурную» пропаганду в Европе стали финансировать из этого источника.

Помимо собственной пропаганды американцы пытались сорвать культурные мероприятия, осуществляемые под эгидой СССР в Европе и в самих США. Здесь на руку американцам играла начавшаяся в СССР в 1947 году борьба против космополитизма, вылившаяся в «закручивание гаек» в сфере культуры.

В 1947 году американский журналист Мелвин Ласки попытался своим бурным антисоветским выступлением сорвать конгресс писателей в Берлине. Ласки наряду с Кестлером позднее стал одним из главных бойцов ЦРУ на «культурном фронте». 7 декабря 1947 года Ласки направил на имя главы американской военной администрации в Германии генерала Клея предложения по коренной перестройке американской пропаганды в Европе. В документе, в частности, говорилось: «Долгое время использовавшаяся США формула «дайте людям свет и они сами найдут свой путь» преувеличивала наши возможности по легкому переубеждению людей в Германии (и Европе)... Было бы глупо ожидать от примитивного дикаря, что он отречется от своей веры в магические травы после того, как ему предоставят современную медицинскую и научную информацию... Мы не преуспели в борьбе против многочисленных факторов — политических, психологических, культурных — которые действуют против внешней политики США...»^[8]

В частности, Ласки предложил издать в Германии (бесспорно, стране высокой культуры) интеллектуальный журнал, который должен был демонстрировать, что Америка и американцы достигли зрелого триумфа во всех областях человеческого духа. Ласки дали добро и в октябре 1948 года увидел свет антикоммунистический журнал на немецком языке с не очень-

то интеллектуальным названием «Дер Монат» («Месяц»). Тут как раз «подоспел» берлинский кризис и американские самолеты доставляли журнал в «осажденный Советами» Западный Берлин. Сам журнал поначалу печатали в Мюнхене, и Ласки стал, естественно, его главным редактором. Первые номера финансировались за счет средств «плана Маршалла», затем все расходы оплачивало ЦРУ. Потом ЦРУ в этом деле помогал фонд Форда.

Журнал позиционировал себя как трибуна «некоммунистических» левых. В 1966 году общественность ФРГ узнала, кто на самом деле финансировал этих «левых», разразился скандал, и журнал был продан редакции леволиберального еженедельника «Ди Цайт». В 1971 году «Месяц» закрылся, но его возобновили в 1978 году, пока детище Ласки окончательно не почило в бозе в 1987 году.

«Специальными мероприятиями» ЦРУ противодействовало и советской пропаганде на Западе.

25 марта 1949 в Нью-Йорке в фешенебельной гостинице «Уолдорф-Астория» должна была открыться «Культурная и научная конференция за мир во всем мире» (Cultural and Scientific Conference for World Peace). В ЦРУ немедленно решили сорвать это мероприятие, так как туда должны были приехать выдающиеся деятели советской культуры — Фадеев и Шостакович. На деньги американской разведки на 9-м этаже гостиницы был снят номер, который превратился в штаб по саботажу конференции. Формально номер снял «философ» из Нью-Йорка Сидни Хук. Бывший коммунист Хук в 1939 году основал Комитет за свободу культуры — антисталинскую организацию, которую после войны взяло под свое крыло ЦРУ.

Помимо Хука к срыву конференции в «Астории» готовились «Николас» Набоков, итальянский журналист Никола Чиаромонте, писательница Элизабет Хардвик, Дэвид Дубински из профсоюза производителей женской одежды и другие «интеллектуалы». Привлечь на борьбу против «сталинистов в культуре» по-настоящему видных американских деятелей культуры ЦРУ не смогло. А вот на конференцию прибыли такие звезды интеллектуальной жизни США как Артур Миллер, Леонард Бернстайн, Дешил Хэммет и Лилиан Хеллман. Их, а также главного спонсора конференции миллионера Карлисса Ламонта криками «Предатели!» встречали нанятые ЦРУ пикетчики (в том числе и монашки).

В противовес оргкомитету конференции ЦРУ организовало «контркомитет» в составе Игоря Стравинского, Карла Ясперса, Бертрана Рассела, Андрэ Мальро, Жака Маритена и Томаса Стернза Элиота. От имени этого контркомитета группа Набокова пыталась перехватывать почту

конференции и саботировать ее контакты со СМИ. От всех американских участников шумно требовали «раскрыть» членство в компартии США.

Хук разработал целый план срыва церемонии открытия конференции. Для этого пробравшиеся в зал «антисталинисты» должны были громко стучать зонтами по полу и привязать себя к креслам, чтобы их не вывели вон. Однако вопреки ожиданиям сталинисты дали возможность всем оппонентам выступить и «партизанский» план Хука оказался ненужным. Тогда участников закидали глупыми и провокационными вопросами типа позволили ли бы американскому философу Ральфу Уолдо Эмерсону (умер в 1882 году) жить и работать в СССР. Фадеева укоряли за то, что под давлением «политбюро» он частично переписал «Молодую гвардию».

Между тем число пикетчиков у входа в «Асторию» достигло тысячи, чему удивлялись многие ньюйоркцы, но только не Хук и Набоков. По просьбе ЦРУ издатель Генри Люс в апреле 1949 года опубликовал в принадлежащем ему и самом популярном американском журнале «Лайф» список подозрительных западных деятелей культуры, продавшихся коммунистам. Причем фото этих людей «Лайф» дал в формате полицейского протокола. В «черный список» попали Чарли Чаплин, Артур Миллер, Леонард Бернстайн, Лириан Хеллман, Норман Мейлер и Альберт Эйнштейн.

Естественно, что за всеми «коммунистами Уолдорфа» следило ФБР. Причем от участников конференции не отстали и после ее завершения. Например, по указанию директора ФБР Гувера его агенты потребовали от издательства «Литтл, Браун» отказаться от публикации романа «Спартак», написанного в тюрьме американским писателем Говардом Фастом. Бывшего сотрудника министерства обороны США и военного корреспондента Фаста посадили на три месяца за неуважение к конгрессу — на заседании Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности он отказался назвать имена своих друзей-членов компартии.

В ЦРУ расценили «успешную» обструкцию конференции в Нью-Йорке как начало мощного наступления против «сталинизма» на культурном фронте. Теперь войну следовало перенести в Европу, в чем американской разведке помогали англичане в лице Департамента по информации и исследованиям (Information Research Department, IRD). Эта главная структура внешнеполитической пропаганды Великобритании была создана в феврале 1948 года в рамках МИД.

Ободренный нью-йоркским «успехом» Визнер решил сорвать следующую конференцию «сталинистов» (Всемирный конгресс сторонников мира), намеченную на 20–25 апреля 1949 года в Париже.

Госдепартамент обещал любую поддержку. Визнер запросил у Администрации по европейскому сотрудничеству (американская структура, распределявшая деньги в рамках «плана Маршалла») 5 миллионов французских франков (16 тысяч долларов по курсу того времени) на срыв «коммунистической конференции в Париже»^[9].

Представитель Визнера в Париже Ирвинг Браун («официально» он представлял там американский профцентр АФТ-КПП) связался с французским социалистом Давидом Руссе и левой антисоветской газетой «Франтирер». На этой базе в противовес «сталинистам» был устроен «Международный день сопротивления диктатуре».

Из Москвы в Париж приехали настоящие интеллектуальные звезды того времени — Илья Оренбург, Константин Симонов, Александр Маресьев и Александр Фадеев. Не уступали им по «калибру» и западные участники Всемирного конгресса мира — Поль Робсон, Говард Фаст, Фредерик Жюлио-Кюри, Луи Арагон. Приветственную телеграмму прислал Чарли Чаплин. На конгрессе общественности был представлен присланный Пикассо голубь мира, ставший популярным «брендом» движения сторонников мира. «Безбожный сталинизм» своим выступлением поддержал митрополит Крутицкий и Коломенский Николай.

В целом 2065 делегатов Всемирного конгресса представляли 72 страны. Такого представительного мероприятия в истории человечества еще не было. 561 организация, участвовавшая на форуме, насчитывала в общей сложности 600 миллионов членов.

Открывшийся 30 апреля 1949 года «контрконгресс» Визнера поддержали приветственными телеграммами Элеонора Рузвельт (вдова президента США Франклина Рузвельта), Энтон Синклер, Джон Дос Пассос. Другие «сторонники» были не очень-то известны. На деньги Визнера в Париж прибыли такие «интеллектуалы» как Сидни Хук, Иньяцио Силоне, Франц Боркенау. Но «контрконгресс» провалился как раз в интеллектуальном смысле, что был вынужден признать и Хук, который с горечью писал: «Никогда с тех пор, когда я был маленьким мальчиком 30 лет тому назад, и слушал самозванных ораторов на Мэдисон-сквер, и не слышал больше банальностей и пустой риторики».

Визнер, который уже провозгласил «контрконгресс» «маленьким «Деминформом» (намек на созданный некоторыми европейскими компартиями в 1947 году Коминформ), выразил опасение, что он превратится в «сборище козлов и обезьян, чье фиглярство полностью дискредитирует работу и заявления серьезных и ответственных

либералов»[\[10\]](#).

Таким образом, анализ всего лишь некоторых операций психологической войны ЦРУ против Советского Союза в послевоенной Европе позволяет сделать вывод о том, что американская разведка была готова использовать любые методы, в том числе и явно незаконные даже с точки зрения законодательства самих США. Метод очернения противника и распространения заведомо ложных сведений, который сейчас с легкой руки президента США Д. Трампа получил «имя собственное» — «фейк ньюс», использовался ЦРУ еще в 1940-е — 1950-е годы и утратил для американцев актуальности и по сей день.

Истоки эпического противостояния, или когда же началась «холодная война»?

Большинство тех, кто, так или иначе, пишет на темы «холодной войны», относят это противостояние между СССР и США к 1945–1991 годам. Другие думают, что они более точны, и приводят хронологические рамки 1948–1991 годов.

Насчет конца «холодной войны» вроде бы все ясно — она завершилась гибелью одной из «воюющих сторон» — Советского Союза.

Что касается начала, то те, кто предпочитает 1945 год, аргументируют примерно так. Победив Гитлера, СССР стал мировой державой и Запад под руководством другой мировой державы — США — пытался «сдержать» СССР по всему миру. Сторонники 1948 года немного нюансируют этот тезис — мол, в 1945–1948 гг. СССР и США еще сотрудничали как союзники по антигитлеровской коалиции, но потом стали врагами. Западный лагерь считает отправной точкой «холодной войны» так называемый «коммунистический переворот» в Праге в феврале 1948 года, хотя на самом деле никакого переворота в Чехословакии не было. Был лишь спровоцированный и проигранный соперниками коммунистов парламентский кризис. Причем отметим, что на свободных выборах в 1946 году компартия Чехословакии стала сильнейшей политической силой, получив примерно 40 % голосов.

По мнению автора, «холодная война» началась сразу же после 25 октября 1917 года, когда впервые в истории человечества в одной из стран пришла к власти коммунистическая партия, то есть сила, претендовавшая на создание принципиально новой модели человеческого общества.

Именно этот идейный, а отнюдь не геополитический вызов и заставил крупнейшую державу старого мира — США — встать на защиту основ того, что американцы считали квинтэссенцией миропорядка — частной собственности и социального неравенства. Ибо с военной точки зрения до середины 1960-х годов никакой опасности для США Советский Союз не представлял.

Попробуем воссоздать в памяти некоторые страницы «довоенной» «холодной войны».

Все началось с того, что США де-юре не признали советскую власть и не делали этого вплоть до 1933 года. Никакими ссылками на отсутствие

демократии в России это нельзя объяснить, да американцы раньше об этом и не говорили. Ведь в 1920-е -1930-е годы Вашингтон дружил с самыми отвратительными диктатурами и охотно признавал де-юре Гитлера.

С самого начала в США пытались представить коммунистические и социалистические идеи чужеродными, не подходящими «американскому образу жизни». Соответственно их носителей считали опасными иностранцами или «чужаками» (aliens), а после 1917 года — еще и русскими агентами. По этой логике «нормальный» американец не мог быть коммунистом.

Панорама социалистических сил в Америке к 1917 году была очень разношерстной. При этом следует отметить в принципиальном плане, что партии европейского типа (с членскими взносами, постоянным руководством и регулярными съездами) вообще были нетипичны для американской политической традиции.

В 1875 году выходцы из Германии учредили в Чикаго марксистскую по своей программе Социалистическую рабочую партию (Socialist Labor Party), которая однако к 1917 году представляла собой маленькую группу без всякого влияния на массы.

В 1901 году партия раскололась и была создана Социалистическая партия Америки (Socialist Party of America) во главе с Юджином Дебсом. С самого начала коллективными членами соцпартии были так называемые национальные федерации, представлявшие тех членов, родным языком которых не был английский. Такая традиция «землячеств» была характерна для всех американских массовых организаций, например, профсоюзов. Это неудивительно, если учесть, что подавляющее большинство населения США в начале XX века были иммигрантами в первом или втором поколении и недостаточно хорошо говорили по-английски.

С территории Российской империи в США эмигрировали до 1917 года примерно 3,5 миллиона человек, среди которых было много евреев, бежавших от погромов и антисемитской политики царского правительства. В социалистическом движении эти люди, как правило, не участвовали. Тем не менее, в соцпартии наряду с другими национальными федерациями существовала и Русская (т. е. объединявшая членов партии, основным языком общения которых был русский). До 1917 года в ней состояло не более 750 человек, и никаких контактов с большевистской партией в России федерация не поддерживала.

В 1917 году в соцпартии США насчитывалось примерно 80 тысяч членов.

Среди американских профсоюзов сами радикальными были

Индустриальные рабочие мира (ИРМ, Industrial Workers of the World). Организация была основана социалистами и анархистами в 1905 году в Чикаго и ее программа была довольно путаной, хотя и провозглашала целью ликвидацию эксплуатации человека человеком. К 1917 году в ИРМ было более 100 тысяч членов.

После начала в Европе Первой мировой войны в соцпартии оформилось сильное Левое крыло, выступавшее против участия в войне США. К 1917 году за левыми шло большинство членов партии (и почти все национальные федерации, кроме Еврейской), однако Национальный исполнительный комитет (высший орган повседневного руководства) находился в руках правых.

В октябре 1915 года левое крыло создало свою собственную организацию — Лигу социалистической пропаганды.^[11]

Отметим, что центром американского левого движения стал Чикаго и во многом потому, что этот город был традиционным центром славянской и восточноевропейской иммиграции.

В апреле 1917 года США вступили в Первую мировую войну на стороне Антанты и в июне того же года президент Вильсон подписал Закон о шпионаже (Espionage Act). Согласно закону всем, кто организовывал в воюющей Америке акты неповиновения, мятежи и прочие «нелояльности», грозило 20 лет тюрьмы. На основании закона власти обрушили репрессии против всех пацифистов в стране, особенно из рядов соцпартии и ИРМ.

Например, в сентябре 1917 года сотрудники министерства юстиции США провели синхронные облавы против сорока восьми местных организаций ИРМ по всей стране. 165 членов ИРМ были арестованы за организацию политического заговора с целью препятствовать набору в армию, поощрение дезертирства и запугивание других лиц в связи с трудовыми спорами, в соответствии с Законом о шпионаже. Сто один человек предстал перед судом в 1918 году и все были признаны виновными — даже те, кто не был членом профсоюза в течение многих лет, получив тюремные сроки вплоть до двадцати лет.^[12]

Контакты американских левых с Россией в 1917–1918 гг. были очень затруднены из-за бушевавшей на тот момент Первой мировой войны.

До Октябрьской революции в России практически никто в США, даже в левых кругах, не слышал имени Ленина. Русских левых в какой-то мере олицетворял живший в США Троцкий, который до августа 1917 года не состоял в партии большевиков. Соцпартия США полагала, что революция в отсталой России невозможна и не уделяла этой стране никакого внимания.

Сам Ленин (находившийся во время войны в эмиграции в нейтральной Швейцарии) также не знал лично ни одного американского социалиста. Правда, узнав из прессы об образовании Лиги социалистической пропаганды, Ленин направил в ее адрес материалы на немецком языке. Лидер большевиков просил наладить с ним постоянный контакт, но Лига письмо неизвестного ей русского проигнорировала. Когда соратницу Ленина Александру Коллонтай пригласили выступить с лекциями в США (в основном как известную феминистку) Ленин по возвращении засыпал ее вопросами. Например, он хотел знать, кто такой Юджин Дебс (лидер соцпартии) и какие у него взгляды.

В ноябре 1916 года в США бежал из Англии Николай Бухарин, ставший в Нью-Йорке редактором печатного органа Русской федерации соцпартии газеты «Новый мир». Троцкий прибыл в США в начале 1917 года и приобрел большую известность благодаря еврейской американской прессе. Характерно, что в своем первом интервью на набережной Нью-Йорка Троцкий подчеркнул, что он — не революционер^[13]. Бухарин предлагал Левому крылу соцпартии выйти из ее рядов и сформировать отдельную организацию, Троцкий советовал этого не делать, а Ленин вообще ничего не знал об этом.

Ленин всегда считал США самой прогрессивной страной тогдашнего капиталистического мира, противопоставляя «американскому пути развития капитализма» «прусский», отягощенный феодальными пережитками, по которому шла Россия. Уже став лидером России Ленин неоднократно призывал русских рабочих учиться работать у американцев. В 1918 год он писал: «Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производительных сил человеческого объединенного труда, по применению машин и всех чудес новейшей техники».^[14]

Высоко отзывался основатель советского государства и об американской войне за независимость^[15]: «История новейшей, цивилизованной Америки открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных... дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей. Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку, как угнетают, как держат в колониальном рабстве еще теперь эти “цивилизованные” кровопийцы

сотни миллионов людей в Индии, в Египте и во всех концах мира».

Мысли самого Ленина американская левая пресса впервые подробно осветила лишь 30 июня 1917 года, опубликовав еще дореволюционную лекцию вождя большевиков «О русской революции», прочитанную им в эмиграции в Швейцарии. Затем вплоть до Октябрьской революции в левой прессе США появились всего три заметки с упоминанием имени Ленина. Да и сама Октябрьская революция вызвала в печатных органах американской соцпартии самые противоположные комментарии — от восторженных до критических.

Президент США Вильсон, так же как и американские социалисты, был плохо проинформирован о том, что конкретно происходит в России после Февральской революции (которую США приветствовали). 65-летний посол США в Петрограде Фрэнсис, бывший мэр Сент-Луиса, получил свое место как синектуру. Он приехал в Россию в марте 1916 года со своим чернокожим слугой и большими запасами жевательной резинки, которую он к ужасу остальных послов жевал на дипломатических приемах. Россию Фрэнсис презирал как полудикую страну, к тому же он увлекся в 1916 году некой Матильдой де Крам, которую военный атташе США в Петрограде Джадсон подозревал в шпионаже в пользу Германии. Дело дошло до того, что послы других держав Антанты перестали делиться с Фрэнсисом конфиденциальной информацией. Госсекретарь США Лансинг в шифровке потребовал от Фрэнсиса порвать с его любовницей, но посол указание проигнорировал и вообще перестал выходить из посольства.

Летом 1917 года США направили в Россию миссию Красного Креста для оказания продовольственной помощи российскому населению — Временное правительство довело страну до голода. Не смогло оно нормально разгрузить даже присланное американцами продовольствие, и миссия Красного Креста занималась в основном политической пропагандой, убеждая российское общественное мнение не выходить из войны. На работу с российскими СМИ и общественными деятелями было израсходовано более 1 миллиона долларов.^[16]

После Октябрьской революции Лансинг приказал всем дипломатическим представителям США воздержаться от любых контактов с большевистским правительством, хотя военный атташе Джадсон рекомендовал наладить с новым режимом дружественные отношения. Просто Джадсон считал, что никакой альтернативы большевикам в России нет. В личной беседе народный комиссар по иностранным делам РСФСР Троцкий обещал заместителю главы миссии Красного Креста США Рэймонду Робинсу взять под охрану Красной гвардии все склады с

американским продовольствием в Петрограде, которые стали жертвой грабителей. Это обещание было немедленно выполнено.

26 ноября 1917 года правительство Ленина обратилось ко всем воюющим державам с предложением прекратить боевые действия и начать мирные переговоры. Державы Антанты стали обвинять большевиков в измене, хотя 8 января 1918 года президент США Вильсон выступил со сходной программой мира, известной как «14 пунктов». И Вильсон, и Ленин предлагали заключить мир без аннексий и контрибуций с той лишь разницей, что Ленин предлагал это всерьез, а Вильсон — с пропагандистскими целями, чтобы как-то отреагировать на популярный во многих странах ленинский «декрет о мире».

Правительство США по личному указанию президента решило финансово поддержать белых донских казаков атамана Каледина, которые 15 декабря 1917 года захватили Ростов-на-Дону. 17 декабря

Вильсон официально распорядился оказать Каледину и Корнилову помощь. В распоряжение формирующейся на Дону белой Добровольческой армии Корнилова-Алексеева американцами было передано несколько миллионов рублей. Это позволило Алексееву наладить выплату постоянного жалования бойцам армии. Консул США в Москве Саммерс утверждал, что у Корнилова и Каледина 50 тысяч человек^[17] и они через пару недель возьмут Москву и Петроград.

Заметим, что в своих «14 пунктах» Вильсон публично ратовал за вывод иностранных войск с русской территории и предоставление русским права самим решать свою судьбу.

В целом Вильсон (как и многие в мире) считали приход к власти большевиков досадной случайностью, которая скоро будет исправлена.

26 ноября 1917 года на заседании кабинета министров Вильсон заявил, что «действия Ленина и Троцкого напоминают оперу-буф».^[18] Через пару дней он назвал большевиков «наивными и обидными».

Ленин 11 января 1918 года принял в Смольном для личной беседы Робинса и американского журналиста Эдгара Сиссона и предложил отпечатать и распространить на русско-германском фронте тысячи экземпляров «14 пунктов Вильсона». Советский лидер произвел на Робинса очень благоприятное впечатление своей простотой и деловитостью. Председатель Совнаркома подчеркнул, что если США окажут Советской России финансовую и военную помощь, то страна готова продолжать оказывать немцам сопротивление.^[19]

Предложение Ленина осталось без ответа — США по-прежнему

игнорировали советскую власть.

4 февраля 1918 года посла США Фрэнсиса посетил правый петроградский журналист Евгений Семенов, попросивший денег для Корнилова и Каледина. Семенов предъявил Фрэнсису копии неких документов, из которых следовало, что Ленин согласовал состав советского правительства с германским генштабом и регулярно получает от немцев указания.

Фрэнсис связал Семенова с Сиссоном и тот выразил желание купить сенсационные документы, которые Семенов в свою очередь обещал вынести прямо из Смольного. 2 марта 1918 года Сиссон пришел к Смольному, во дворе которого Семенов показал ему лежащие прямо на снегу взломанные ящики с какими-то бумагами. Мол, охрана уронила пару ящиков, они и разбились. Сиссон оптом купил ящики и через Финляндию вывез их в Норвегию. Когда 6 мая 1918 года Сиссон прибыл в Нью-Йорк, подготовленные газеты уже сообщали на первых полосах, что «Советские лидеры разоблачены как германские шпионы». Вильсон познакомился с бумагами 9 мая, и они его «впечатлили». Но понимая, что это, скорее всего фальшивка, президент пока запретил госдепартаменту публикацию «документов Сиссона».

Между тем немцы в ультимативном порядке предложили советскому правительству унизительные условия мира и после отказа большевиков начали наступление вглубь России. 5 марта 1918 года Троцкий (утверждавший, что говорит и от имени

Ленина) попросил Робинса о срочной помощи со стороны США. В этом случае Россия была готова продолжать войну. Робинс направил сообщение Фрэнсису но тот во время переезда из Петрограда в Вологду 27 февраля 1918 года^[20] якобы куда-то дел шифровальный блокнот и долго не мог его найти. В результате шифровка ушла в Вашингтон лишь через 17 дней.

Робинс приехал на съезд Советов в Москву где решался вопрос о заключении «похабного» (по словам Ленина) мира с Германией, вынужденного ввиду полного развала царской армии. К этому времени Робинс уже имел ответ Вильсона о том, что США «не в состоянии» оказать помощь (на Каледина у американцев деньги, как мы помним, нашлись). Прямо во время съезда Ленин пригласил Робинса на трибуну и спросил, есть ли вести из Вашингтона. Получив отрицательный ответ, лидер большевиков произнес: «Что ж, придется ратифицировать мирный договор (с Германией)».^[21] 16 марта делегаты съезда скрепя сердце утвердили

Брестский мир.

Встреча с Лениным дорого обошлась Робинсу — в мае 1918 года его отозвали в США за нарушение инструкции о запрете любых контактов с советским правительством. Правда возникал вопрос, а что собственно тогда делали посольство и консульства США в России. Ведь уезжать они не собирались, а большевики на этом и не настаивали.

В самих США между тем уже полным ходом шла борьба против коммунизма, хотя в стране еще не было даже компартии.

16 мая 1918 года президент США Вильсон подписал закон с красноречивым названием «О подстрекательстве к мятежу» (Sedition Act). Согласно этому закону американцы высылали из страны всех «подозрительных» иностранцев, к которым относили коммунистов и социалистов. Так были вынуждены уехать из США родители будущего лидера Чехословакии Александра Дубчека. Но закон бил и по американцам — на 10 лет был осужден лидер социалистической партии США Юджин Дебс, который до этого пять раз баллотировался на пост президента США, набирая сотни тысяч голосов. Даже находясь в тюрьме, Дебс получил на президентских выборах 1920 года 913 664 голоса. Никаких контактов с Россией Дебс не имел, а Ленин не считал его зрелым марксистом.

15 сентября 1918 года (через две недели после покушения на Ленина в Москве) Вильсон распорядился опубликовать «документы Сиссона». Президент США объявил своему помощнику полковнику Хаузу, что опубликование документов означает «по сути, объявление войны правительству большевиков».^[22] Однако уже на следующий день после опубликования многие американские журналисты охарактеризовали «документы» как грубо сработанные фальшивки.

19 сентября 1918 года американский посол в Лондоне сообщил в госдепартамент, что англичане еще раньше получили точно такие же документы и считают их «сомнительными». Например, документы из разных «источников» были напечатаны на одной и той же машинке. Посол сделал собственное заключение — все или почти все документы можно точно считать фальшивками.

Вильсон держал у себя «документы Сиссона» до своей смерти в 1924 году после чего их следы затерялись. В 1955 их обнаружили в Национальном архиве, и год спустя главный специалист по России в госдепартаменте (и «идейный отец» «холодной войны») Джордж Кеннан официально признал их фальшивкой. Он легко установил, что все подписи сделаны одной рукой и абсолютно не совпадают с уже известными на тот момент подписями советских лидеров, например, Троцкого. Печати на

«документах» тоже были грубо сработаны, причем явно в домашних условиях.

Однако «документы Сиссона» в 1918 году сыграли свою роль в развертывании новой волны антикоммунистической истерии в США.

19 сентября 1918 года сенат США образовал специальный комитет. У этого органа даже не было официального наименования и его назвали по имени председателя — сенатора Овермана. Сначала комитет преследовал всех американцев немецкого происхождения, например, пивоваров (еще шла Первая мировая война и Германия была противником США). Но в ноябре 1918 года война закончилась и с февраля 1919 года тот же комитет стал заниматься расследованием «...любых усилий, направленных на пропаганду в этой стране (т. е. США. — *Авт.*) принципов любой партии, которая имеет власть или утверждает, что имеет власть в России».^[23] Заметим, что в отличие от Германии Советская Россия никогда не находилась в состоянии войны с США.

Как и противники большевиков в самой России, члены комитета Овермана пытались представить антивоенную пропаганду коммунистов как дело рук германского генштаба, хотя к тому времени Советская Россия уже денонсировала навязанный ей немцами Брестский мир, а сама Германия капитулировала.

В феврале-марте 1919 года комитет Овермана заслушал более 20 «свидетелей»,^[24] большинство из которых призвали США усилить военную интервенцию в России. При этом американские войска и так находились на территории России с лета 1918 года.

Интересно, что комитет специально исследовал такую тему как якобы решающую роль евреев в Октябрьской революции. Один из свидетелей (методистский священник) заявил, что 19 из 20 русских коммунистов — евреи. Другие на полном серьезе утверждали, что весь командный состав Красной Армии — это евреи из нью-йоркского района Ист-Сайд (!).^[25]

Об этом же («мировом жидо-большевизме») чуть позднее постоянно говорил Гитлер. Не случайно, что первыми спонсорами никому еще неизвестной НСДАП в Германии были белые эмигранты во главе с генерал-майором царской армии Василием Бискупским, а также некоторые члены царской фамилии Романовых. Есть даже сведения, что после провала «пивного путча» в ноябре 1923 года Бискупский укрывал у себя на квартире Гитлера.^[26]

Комитет также ввел в оборот термин «салонные большевики», которым обозначались левые интеллектуалы с симпатиями к СССР, но не

являвшиеся членами коммунистической партии. Например, в эту категорию входил американский журналист и писатель, выходец из обеспеченной семьи Джон Рид (автор мирового бестселлера о русской революции «10 дней, которые потрясли мир»)^[27] Вскоре этот же термин стал любимым выражением Гитлера и Геббельса для обозначения прогрессивной немецкой интеллигенции.

Не обошел комитет Овермана и такой злободневный вопрос как «национализация женщин» в Советской России. «Коронным свидетелем» комитета по данной проблеме выступил бывший сотрудник Бюро расследований Арчибальд Стивенсон, считавшийся главным экспертом по большевизму, но в России никогда не бывавший.

«Оверман. У них (т. е. у большевиков. — *Авт.*) правда столько жен, сколько они хотят?

Стивенсон. По ротации.

Сенатор Нельсон. То есть, мужчина может жениться, а потом, когда ему надоест, развестись и жениться еще раз?

Стивенсон. Именно.

Майор Хюмс (эксперт комитета) То есть они по желанию могут расторгнуть узы брака?

Стивенсон. Именно».^[28]

В итоговом заключении комитета советскую власть назвали «царством террора, беспрецедентным в истории современной цивилизации».^[29] Оверман даже предложил принять закон о запрете ношения на улицах красного флага.

24 января 1919 года по радио из Москвы поступило известие о созыве в столице Советской России учредительного конгресса нового Коммунистического Интернационала. Из США пригласили Социалистическую рабочую партию, «левую тенденцию» соцпартии во главе с Дебсом (сам Дебс сидел в тюрьме), ИРМ и Лигу социалистической пропаганды. Но в Москву так никто из США и не приехал. Лишь один случайно оказавшийся в это время в советской столице американец участвовал в первом конгрессе Коминтерна от СРП, но без всяких полномочий от самой партии.

В 1919 году американская полиция раскрыла заговор анархистов, которые планировали разослать по почте несколько бомб в разные государственные учреждения США. 2 июня 1919 года произошла серия взрывов в восьми городах Америки, включая Вашингтон, где одной бомбой был поврежден дом генерального прокурора США Палмера, а другая

взорвалась недалеко от места, где в тот момент находился будущий президент США Франклин Рузвельт. На месте взрывов были найдены послания террористов, что позволило американским СМИ обвинить в организации терактов людей с левыми взглядами.

Ничего общего у этих террористов-анархистов (многие из которых были итальянцами) ни с коммунистами, ни с Советской Россией не было. Тем не менее, Палмер и американские газеты заговорили о «красной угрозе» (Red Scare). Были проведены так называемые «рейды Палмера», в ходе которых полиция картинно арестовала несколько сот «мятежных» иностранцев.

12 июня 1919 года полиция совершила налет на Бюро советского торгового представителя в Нью-Йорке Людвиг Мартенс.^[30] В комнатах бюро перерезали телефонные провода и стали изымать документацию. Однако никакого «компромата» при обыске так и не нашли. Газета «Нью-Йорк Таймс» 10 января 1920 года писала: «Под предлогом коммерческой деятельности советское бюро в Нью-Йорке служит ширмой для распространения писем Ленина американским рабочим и пропаганды, направленной против нашего правительства». СМИ требовали немедленного выдворения Мартенса из США.

Сенатский комитет по внешним сношениям в начале 1920 года образовал подкомитет по расследованию «подрывной» деятельности Мартенса, но никаких доказательств подобной деятельности так и не нашел. Тем не менее, в январе 1921 года Мартенса выслали из США.

Между тем Левое крыло соцпартии провело в 1919 году партийный референдум о присоединении к Коминтерну и созыве чрезвычайного съезда для смены правого руководства партии. Победа левых была оглушительной — за них голосовало в 10 раз больше членов соцпартии, чем за правых. Однако правый Национальный исполнительный комитет соцпартии объявил референдум недействительным и начал поспешное исключение из партии всех сочувствующих левым организаций (в том числе были исключены 7 из 10 национальных федераций). К лету 1919 года вместо 103 тысяч членов в соцпартии осталось 39 тысяч.

Левое крыло решило все же принять участие в созванном правым крылом 30 августа 1919 года в Чикаго съезде соцпартии, чтобы добиться перехода всей партии на позиции Коминтерна. Однако делегатов на съезд отбирали специально, а представителей левого крыла вывели из зала с помощью полиции.

В этих условиях часть левого крыла (82 делегата из 21 штата, в том числе Джон Рид) основали 31 августа 1919 года Коммунистическую

рабочую партию Америки (КРПА). Другая часть левого крыла (128 делегатов), которая с самого начала хотела выйти из соцпартии, образовала 1 сентября 1919 года Коммунистическую партию Америки (КПА). Никаких идейных разногласий между обеими партиями не было. В КРПА (примерно 15–20 тысяч членов) преобладали англоязычные «коренные» американцы, а в КПА (25–30 тысяч человек) — бывшие национальные федерации соцпартии (плюс «англоязычная» мощная организация соцпартии из Мичигана). Примечательно, что сам учредительный съезд КПА прошел в здании Русской федерации соцпартии в Чикаго, а само это здание прозвали «Смольным».

Дело в том, что после Октябрьской революции в России авторитет всех русских в США сильно вырос. Хотя они долгие годы жили в Америке, их априори считали представителями их далекой революционной родины. Число членов Русской федерации соцпартии выросло к 1919 году почти до 4 тысяч человек — их называли «ноябрьскими большевиками» (т. е. вступившими в соцпартию после Октябрьской революции в России).

На конец 1919 года в КПА было 7000 «русских», 4000 украинцев (т. е. членов отдельной Украинской федерации бывшей соцпартии), 1200 латышей, 4400 литовцев, 1750 поляков, 2200 «южных славян», 1000 евреев, 100 венгров, 850 немцев, 280 эстонцев и примерно 3000 «англоязычных».

[\[31\]](#)

Американские власти стали преследовать коммунистов прямо с момента образования обеих компартий. Прямо во время съезда КПА в зал ворвались полицейские и сорвали с трибуны кумачовые транспаранты. Лидеру мичиганской организации Батту предъявили обвинение в нарушении «закона о шпионаже» штата Иллинойс. Когда одна из женщин-делегаток попыталась протестовать против явно срежессированного ареста Батта, полицейский заорал на нее: «Заткнись — женщины и так виновницы всех бед!». [\[32\]](#) Другого делегата (юриста компартии) жестоко избили прямо в зале. Все, что происходило на съезде, внимательно фиксировал представитель Бюро расследований [\[33\]](#) (чикагский офис) Якоб Сполански.

После окончания Первой мировой войны в США начался экономический спад, который, в свою очередь вызвал мощное забастовочное движение. Борясь против увольнений и сокращения зарплаты, американские рабочие активно использовали лозунги большевиков, чтобы нагнать страх на работодателей.

6 февраля 1919 года первая в истории США всеобщая забастовка полностью парализовала Сиэтл. Под лозунгом «Вместе мы добьемся

лучших экономических условий» в ней приняли участие 100 тысяч человек — от пекарей до учителей. Хотя никаких контактов у бастовавших с Советской Россией не было, власти немедленно окрестили стачку «революцией». Мэр Сиэтла Хансон заявил, что все происходящее напоминает ему «революцию в Петрограде»^[34] Конгрессмен Ройял Джонсон отметил, что среди лидеров стачки много подозрительных людей с такими именами как «Иван Керенский». Видимо малограмотный Джонсон считал Керенского опасным большевиком.

На улицы Сиэтла вывели усиленные наряды полиции с пулеметами, хотя бастующие вели себя мирно.

«Большой бизнес» потребовал от властей навести в стране порядок, что и было сделано.

Именно после Сиэтла комитет Овермана стал расследовать «подрывную коммунистическую деятельность».

В 1919 году генеральный прокурор Палмер^[35] заявил в конгрессе, что США находятся на пороге красного переворота и попросил, естественно, увеличить расходы на федеральную полицию с 1,5 до 2 миллионов долларов.^[36] Эту традицию — пугать общественность «красными» и «русскими» — американские спецслужбы сохранили и по сей день. Перед каждыми выборами — президентскими и т. н. «промежуточными» — в США разоблачают «русских шпионов». Последний раз это случилось в сентябре 2012 года в Хьюстоне (штат Техас).

«Красные» фактически создали ФБР США — американскую политическую полицию и контрразведку. 1 августа 1919 года Палмер назначил 24-летнего клерка Эдгара Гувера шефом специального «политического» подразделения Бюро расследований — Отдела общей разведки (Division of General Intelligence). Именно с тех пор и до 1972 года Гувер считал основной своей целью борьбу с коммунизмом в США, утверждая при этом, что мафия (и вообще организованная преступность) — всего лишь выдумка газетчиков.

Свою первую операцию Гувер наметил на 7 ноября 1919 года — вторую годовщину Октябрьской революции в России. Незаконно собрав досье на более чем 100 тысяч «красных», в этот день полиция штатов и люди Гувера в присутствии прессы и часто без санкции судов арестовали сотни «подозрительных», в основном опять-таки иностранцев. При этом почти всех жестоко били. Только в Нью-Йорке было задержано 650 «красных». Однако даже суды этого штата смогли признать виновными и депортировать из США лишь 43 человека.

Абсолютное большинство арестованных Гувером никаких законов США не нарушили.

На самом деле Палмер и Гувер провели рейды для того, чтобы сорвать намеченную на ноябрь 1919 года забастовку шахтеров и железнодорожников, к организации которой Москва не имела ни малейшего отношения. Но депутаты конгресса от затронутых забастовкой районов потребовали от Палмера «проявить жесткость», что и было сделано. Депутатов же в свою очередь попросил вмешаться «большой бизнес».

В декабре 1919 агенты Палмера и Гувера арестовали 249 человек, включая известных радикальных активистов Эмму Голдман и Александра Беркмана, посадили их на пароход и выслали в Советскую Россию (пароход «Бьюфорд» американская пресса окрестила «советским ковчегом»).

Так как с точки зрения пиара успех арестов был сомнительным, то 2 января 1920 года началась новая серия полицейских рейдов против «красных». За 6 недель было арестовано более 4 тысяч человек, причем многих неделями держали в тюрьмах, не предъявляя никаких обвинений. Даже Гувер позднее признал «несколько случаев жестокости» по отношению к арестованным.^[37]

Для дальнейшего нагнетания антикоммунистической истерии весной 1920 года Палмер предсказал, что 1 мая в стране начнется коммунистическая революция. Газеты запестрели аршинными заголовками типа «Грядет царство террора, говорит

Палмер» и «Общенациональное восстание начнется в субботу».^[38] Некоторые штаты провели мобилизацию в Национальную гвардию. Полиция была приведена в состояние повышенной готовности. Например, в Нью-Йорке 11 тысяч полицейских непрерывно дежурили 32 часа. В Бостоне полиция установила на свои автомашины пулеметы.

29 апреля 1920 года Палмер истерически провозгласил, что в его руки попал список лиц, которых коммунисты обязательно убьют во время Первомая.

Но 1 мая 1920 года в США не произошло ни одного инцидента, и газеты всю потешались над Палмером, советуя ему лечиться от галлюцинаций.

16 сентября 1920 года серия взрывов потрясла деловой центр Нью-Йорка — Уолл-стрит (так называемая «бомбардировка Уолл-стрит»), погибло 38 человек и около 400 было ранено. Виновные в этом преступлении найдены не были, хотя его и пытались связать с

анархистами, в основном, итальянскими.

Палмер использовал свои «успехи» в борьбе с «красными» для выдвижения своей кандидатуры на пост президента США, но предвыборный съезд Демократической партии его не утвердил. Палмер позиционировал себя как «самый американский кандидат»: «Я сам американец и я люблю проповедовать свои взгляды лишь перед чистокровными и стопроцентными американцами, потому что моя платформа в одном слове — это чистый американизм и бессмертная лояльность по отношению к этой республике». Однако ксенофобская антииммигрантская истерия Палмера в стране иммигрантов выглядела нонсенсом.

Всего в 1919–1920 годах в ходе борьбы с «красной угрозой» в США задержали более 10 тысяч «подозрительных», из которых смогли депортировать лишь 556 человек. Более 2000 арестов впоследствии были признаны судами откровенно незаконными. Никогда ранее в истории США не было столь массовых репрессий.

Вашингтон принял непосредственное участие и в военном подавлении русской революции.

После начала наступления немцев на Россию в феврале 1918 года англичане решили оккупировать Мурманск и Архангельск, где были сосредоточены поставленные еще Временному правительству грузы союзников. Якобы следовало не допустить, чтобы эти товары попали в руки немцев. На самом деле англичане сообщили американцам, что после высадки союзных войск на севере России в борьбу против большевиков немедленно включатся 100 тысяч русских.

Под прикрытием союзников белые силы должны были через Вологду и Котлас ударить на Москву (которая с марта 1918 года стала новой-старой столицей России).

9 марта 1918 года Мурманск был захвачен союзным десантом под командованием британского генерала Пула (примерно 10 тысяч солдат и офицеров). Однако никаких «русских» для похода на Москву не нашлось и англичане стали требовать от США оказать им помощь.

8 мая 1918 года посол США Фрэнсис из Вологды потребовал немедленного начала интервенции. 22 июля Вильсон одобрил посылку трех батальонов на север России, несмотря на полученную депешу от консула США в Архангельске Феликса Коула о том, что местное население настроено враждебно к интервентам.

4 сентября 1918 года в порт Архангельска вошли корабли с американскими войсками. Речь шла о 339-м пехотном полке (4487 человек),

эмблемой которого был белый медведь на айсберге. Командир полка полковник Стюарт не имел никакого понятия, что он должен делать в России. Ему лишь приказали слушаться британского генерала Пула, командующего всеми союзными войсками на севере России.

Интервенты проводили массовые аресты и даже устроили на острове Мудьюг концлагерь, через который прошло более тысячи человек (300 заключенных погибли или были расстреляны).

В своем «Письме к американским рабочим», опубликованном в августе 1918 года, Ленин писал: «Именно теперь американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие — все равно, прямое или косвенное, открытое или лицемерно-прикрытое, — на вооруженный поход англо-японских^[39] зверей с целью удушения первой социалистической республики».^[40]

Интервенты начали было наступление из Архангельска на юг, но в ноябре 1918 года силы красных^[41] успешно контратаковали американцев и отбросили их обратно на север. О продвижении на Вологду пришлось забыть. В январе 1919 года красные неожиданным ударом выбили интервентов из города Шенкурск. Американцы отступали панически и бросили массу оружия и снаряжения, в том числе 15 орудий, 60 пулеметов и 200 винтовок. «Белым медведям» пришлось быстро отойти на 90 километров.

В американской армии стали отмечаться случаи открытого неповиновения. Солдаты и офицеры требовали объяснить, что они собственно делают в чужой стране, тем более, после капитуляции Германии в ноябре 1918 года. Сержант Гордон Смит, например, отметил, что «...мы уже давно не воюем за русский народ. Мы воюем за собственные шкуры».^[42]

Даже в конгрессе США от президента стали требовать немедленного вывода американских войск из России.

В июне-июле 1919 года американцы поспешно покинули север России, в сентябре-октябре за ними последовали англичане. 20 февраля 1920 года Красная Армия освободила Архангельск, 13 марта — Мурманск.

Позднее президент США Гардинг признал интервенцию американских войск в Россию ошибкой. Эта ошибка обошлась Америке примерно в 400 погибших от ран и болезней. Причем на родину удалось отправить лишь 86 тел. В Детройте был установлен памятник этим солдатам и офицерам 339-го полка, бесславно погибшим на русском Севере.

Летом 1918 года посол США в России Фрэнсис вместе со своими британским и французским коллегами принял участие в заговоре по свержению советской власти («заговор послов»), который предусматривал арест и убийство Ленина. Новый антисоветский режим должен был выслать войска на север к Архангельску для соединения с англо-американскими интервентами.

В мае 1918 года представился еще один повод для американской агрессии против России. После заключения Брестского мира с Германией советское правительство распорядилось отправить через Владивосток на родину 65 тысяч бойцов Чехословацкого легиона, сформированного на территории России в годы Первой мировой войны из военнопленных австро-венгерской армии. Отметим, что большевики наотрез отказались выдать чехов и словаков австрийцам. В марте 1918 года эшелоны чехословаков начали движение на восток и к апрелю растянулись от Поволжья до Владивостока (во Владивосток чехословаки прибыли уже 4 апреля). Антанта обещала прислать за легионерами корабли во Владивосток, но своего слова не сдержала.

На всем пути следования чехословаки самовольно занимались «реквизициями» и устраивали драки с возвращавшимися в обратном направлении австрийскими пленными. В ответ на требование советского правительства прекратить бесчинства и сдать оружие (принадлежавшее, заметим, российскому правительству), Чехословацкий легион поднял в конце мая 1918 года мятеж и сверг на всем протяжении Транссибирской железнодорожной магистрали советскую власть.

Американцы сразу решили «защитить» чехословаков на территории России. 3 июня 1918 года лидер чехословацкого освободительного движения в США Масарик (будущий первый президент Чехословакии) попросил госсекретаря Лансинга прислать во Владивосток корабли — чехи и словаки были готовы немедленно отплыть в Европу для борьбы против немцев. Но Лансинг сказал, что свободных кораблей нет, но они найдутся, если «чехи» помогут создать и сплотить в Сибири «антибольшевистские силы». 6 июля 1918 года Вильсон распорядился помочь «чехам» в Сибири оружием. В сентябре из предназначенного еще Временному правительству американского кредита было выделено 1,5 миллиона долларов для закупки «чехам» зимней одежды.

Заметим, что именно в это время (лето 1918 года) немцы вели массированное наступление на Париж и получившие на русском фронте боевой опыт чехословаки пришлось бы там как нельзя кстати.

В августе 1918 года генерал-майор Уильям Грейвс, командующий 8-й

пехотной дивизией в Калифорнии, получил от военного министра приказ готовиться к отплытию в Сибирь для того, чтобы разобраться «с этим периферийным спазмом мировой нервной системы».^[43] Уже в пути Грейвсу предписывалось вскрыть конверт с более детальными указаниями. К удивлению генерала в конверте был никем не подписанный документ от 17 июля 1918 года, в котором причиной ввода американских войск в Сибирь была названа «помощь чехам».

В середине августа 1918 года во Владивостоке высадилось 99 офицеров и 2912 американских солдат с Филиппин (два пехотных полка). 1 сентября из Калифорнии с пятью тысячами солдат и офицеров 22-й дивизии прибыл Грейвс. На русском Дальнем Востоке уже находилось 50 тысяч японских солдат,^[44] а также французские и британские контингенты. Таким образом, у «чехов» было больше «помощников», чем их самих.

Грейвс выдвинул отряды своего корпуса «Сибирь»^[45] на 125 миль по железной дороге от Владивостока на север и этим ограничился. Он сообщил в Вашингтон, что японцы хотят создать марионеточное государство на русском Дальнем Востоке, а англичане и французы отнюдь не заняты «чехами», а активно участвуют в борьбе против большевиков.

В ноябре 1918 года адмирал Колчак (который в 1917 году хотел поступить на американскую военную службу) произвел в Омске военный переворот, установил диктатуру и объявил себя «верховным правителем» России. В декабре 1918 года консул США в Иркутске Харрис рекомендовал официально признать Колчака. Грейвс был решительно против — он считал адмирала «маленьким тираном», не пользующимся никакой поддержкой среди населения. Но в марте 1919 года Вильсон решил оказать Колчаку финансовую помощь и поставить его армии оружие. Уже летом 1919 года Колчак получил из США помощи на 25–30 миллионов долларов.

Тем не менее, в сенат США был внесен запрос президенту с требованием объяснить, что собственно американские солдаты делают в далекой Сибири. Лансинг «разъяснил», что они поддерживают «свободу движения» по Транссибирской железнодорожной магистрали (!). При этом следует подчеркнуть, что «чехов» на родину по-прежнему никто не вывозил, хотя после окончания Первой мировой войны

у Антанты освободился огромный флот. И это неудивительно — именно чехословаки были единственной по-настоящему боеспособной частью армии «верховного правителя России».

Грейвс сообщал в Вашингтон о массовых репрессиях колчаковцев против крестьян, а белого атамана Семенова открыто называл «ужасным

военным преступником». В ответ госдепартамент критиковал «негибкий и отрешенный нейтралитет» Грейвса. Но главнокомандующий корпуса «Сибирь» понимал, что как только его части открыто поддержат белых, ему придется иметь дело с мощным красным партизанским движением. Ведь колчаковцы, семеновцы и интервенты держались лишь в крупных городах вдоль железной дороги.

16 сентября 1919 года Грейвс получил для уже деморализованной армии Колчака 50 тысяч винтовок, но сначала отказался их передать, так как японский ставленник Семенов (которого Грейвс считал палачом и садистом) требовал за «транзит» 15 тысяч из них. Настоящим шоком для Грейвса стало обнаружение при штабе Семенова... американского офицера связи, прибывшего из Иркутска, о чем командующий корпусом «Сибирь» и не подозревал. Офицер спокойно сказал кипевшему от возмущения Грейвсу («Вы что, не знаете, что он убийца?»), что «Семенов — единственная преграда между цивилизацией и большевизмом».^[46] В январе 1920 года семеновцы даже открыли по американцам огонь, убив одного и ранив еще одного солдата.

При этом красные партизаны в Сибири и на Дальнем Востоке по указанию Ленина старались не трогать американцев, декларировавших «нейтралитет» в российской гражданской войне, и те потеряли в основном от болезней вплоть до своего ухода в марте-апреле 1920 года всего 170 человек, 50 было ранено.^[47] Грейвс в своих мемуарах назвал миссию корпуса «Сибирь» провальной, бесполезной и незаконной.

В 1921–1923 гг. США через международный комитет Нансена с помощью своей организации Американская администрация помощи (АРА)^[48] оказывали содействие голодающим в Советской России. Пищу с помощью или на деньги США получали до 10 миллионов советских граждан. При этом глава АРА Гувер пытался использовать помощь для вмешательства во внутренние дела РСФСР, что сам же и признавал. Еще в октябре 1918 года Гувер убедил госсекретаря США Лансинга, что «пустые желудки означают большевиков, а полные желудки — никаких большевиков».^[49]

Заметим, что в 1919 году Гувер оказывал материальную помощь армии Юденича и белым формированиям в Прибалтике, о чем до сих пор мало пишут.

Гувер называл большевизм «чумой» и пытался привлечь к распределению помощи в РСФСР антисоветские элементы (особенно эсеров, традиционно сильных в Поволжье), чтобы нарастить их авторитет

среди населения. Например, даже американские служащие АРА жаловались, что нанятые Гувером для раздачи пищи голодающим дворянки приходили на работу в бриллиантовых колье и уже своим внешним видом вызывали возмущение толпившихся у кухонь голодных людей.

Отметим, что Ленин дал указание не брать никаких денег за транспортировку американской помощи от границы по российским железным дорогам. Сталин был поначалу против.

В 1922 году АРА прекратила кормить взрослых россиян, а госсекретарь США Хьюз заявил: «Основной доктриной людей, управляющих Россией, является... свержение и уничтожение правительства Соединенных Штатов, Англии, Франции и всех цивилизованных наций Западного мира».^[50]

В 1929 году голодать стали уже американцы, и засуха здесь была не причем. В США разразился и перекинулся на весь капиталистический мир мощнейший финансовый и экономический кризис. ВВП Соединенных Штатов упал в два раза, в 1930 году 10 миллионов американцев остались без работы. Так как никакой системы социального обеспечения в США до 1935 года не существовало, люди голодали, лишались жилья, а фермеры — земли, которую с молотка продавали за долги. Более 100 тысяч американцев от безысходности покончили жизнь самоубийством.

В это же самое время экономика СССР развивалась невиданными в истории человечества темпами и тысячи американцев с удовольствием ехали на работу в Советский Союз. Причем предложение американской рабочей силы сильно превышало советский спрос. На 6 тысяч предложений «Амторга» (о нем ниже) о работе в СССР откликнулось в 1931 году более 100 тысяч желающих.

Например, именно американские рабочие и инженеры из компании «Форд» помогали возводить Горьковский автомобильный завод (ГАЗ) и переводчиком у них работал когда-то высланный из США и переселившийся в СССР отец Александра Дубчека. На ГАЗе трудился и будущий лидер американского профсоюза работников автомобильной промышленности, министр труда в правительстве Кеннеди Уолтер Ройтер. СССР обязался купить у компании «Форд» 72 тысячи автомашин, чем сохранил десятки тысяч рабочих мест в США.

Таким образом, теперь русские спасали американцев от голода.

Такой яркий диссонанс экономического положения в СССР и США привел к бурному росту рядов американской компартии, которая до 1929 года фактически находилась в подполье из-за постоянных преследований

полиции.^[51] В 1930 году пионеры Нью-Йорка для своего слета сняли самый вместительный зал страны — Мэдисон-сквер-гарден.^[52] Во время первомайских демонстраций в школах города отсутствовало до 20 % учеников. В компартию США вступили видные деятели американской культуры, например, писатель Теодор Драйзер.

Однако для американского истеблишмента и спецслужб причины роста авторитета коммунистов были, конечно же, другими — вся компартия США была-де усеяна хитрыми советскими шпионами, которые вербовали доверчивых американцев на деньги из Москвы.

Для противодействия росту рядов компартии США (партия формально была абсолютно легальной с момента своего основания) решили прибегнуть к проверенному методу — запугиванию.

В мае 1930 года конгресс США создал специальный комитет по расследованию коммунистической деятельности. Его назвали по имени председателя — конгрессмена и яркого антикоммуниста Гамильтона Фиша. Фиш пытался представить угрозой для США даже обычный импорт советских товаров, например, древесины.

Комитет стремился «раскрыть» гнездо коммунистического шпионажа в США — государственную советскую внешнеторговую компанию «Амторг», легально работавшую в Нью-Йорке с 1924 года. Сам «Амторг» был учрежден по предложению известного американского бизнесмена Арманда Хаммера, которое он в личной беседе высказал Ленину. В отсутствие дипломатических отношений между СССР и США компания выполняла фактически функции торгпредства, а также через СМИ вербовала в Советский Союз на работу американских специалистов.^[53] Фиш вызвал повесткой на допрос главу «Амторга» Петра Богданова, но тот, естественно, отказался.

39 сотрудников «Амторг» обвинили в том, что они въехали в США по поддельным или неточным документам, например куратор американских коммунистов, «комиссар» «товарищ Лиза». Были даже изготовлены фальшивки, так называемые «письма Амторга», призванные доказать вмешательство компании во внутренние дела США. Богданов в своих письменных показаниях комитету Фиша убедительно доказал сфабрикованность писем, что подтвердили и другие свидетели комитета.

Комитет Фиша потребовал также от военно-морской разведки США немедленно дешифровать примерно 3 тысячи радиограмм, которыми обменялись «Амторг» и Москва. Американские шифровальщики бились над телеграммами 5 месяцев, но успеха не достигли, заявив, что

столкнулись с самым сложным шифром, который когда-либо видели. В комитете это тоже использовали против «Амторга» — мол, зачем коммерческой компании такой сложный шифр?

Комитет пытался представить советской агентурой чуть ли не всю американскую интеллигенцию, например, старейшую и самую авторитетную организацию по защите гражданских прав — Американский союз защиты гражданских прав (American Civil Liberties Union, ACLU)^[54]. Была сделана попытка оказать давление и на кандидата в президенты от компартии США на выборах 1928 года, видного профсоюзного деятеля Уильяма Фостера. Фостер был брошен в тюрьму, а в 1932 году перенес инфаркт и был вынужден прекратить общественную деятельность.

Комитет Фиша предоставил министерству юстиции США дополнительные полномочия по расследованию коммунистической деятельности.^[55]

В январе 1931 года, заслушав 275 свидетелей в 14 городах США, комитет Фиша представил свой доклад на 66 страницах. Причем было признано, что «письма Амторга» являются фальшивкой.

В 1933 году по инициативе нового президента Франклина Рузвельта США де-юре признали СССР. Рузвельт был реалистом и понимал, что главную угрозу для США представляют не мифические коммунистические шпионы, а фашистская Германия и милитаристская Япония (особенно последняя). Соответственно, СССР как активный противник и Берлина, и Токио является прирожденным союзником США.

Для борьбы против «великой депрессии» Рузвельт стал использовать и советские методы — например, создание трудовых лагерей для безработной молодежи (по образцу трудовых колоний для беспризорников Макаренко и Дзержинского). В США в рамках «нового курса» Рузвельта были также введены трудовые пенсии и пособия по безработице, легализована в полном объеме деятельность профсоюзов.

Такая «левая» политика Рузвельта привела к новой волне роста популярности компартии США, которая всегда выступала именно за активное вмешательство государства в экономику. Еще больше вырос авторитет компартии и СССР после июля 1936 года — ведь только Советский Союз и мировое коммунистическое движение оказали реальную помощь законному республиканскому правительству Испании, против которого вспыхнул фашистский военный мятеж, поддержанный Гитлером и Муссолини. Американские коммунисты активно собирали средства в фонд помощи Испании, а сотни добровольцев-коммунистов дрались против

Франко в рядах «батальона Авраама Линкольна».^[56]

Из 2800 американцев, сражавшихся в Испании против фашизма бок о бок с советскими танкистами и летчиками, 700 погибли в боях или умерли от ран.

В 1936–1938 гг. численность рядов компартии США выросла до 100 тысяч человек и 1930-е годы назвали в Америке «розовым десятилетием». Под влиянием партии находилась гильдия сценаристов Голливуда, союз американских писателей, многочисленные женские, молодежные и негритянские организации. В апреле 1938 года 150 видных писателей, деятелей искусств, композиторов США в открытом письме одобрили сталинские политические процессы в Москве.

Компартия США активно поддерживала политику Рузвельта и впервые не выставила своего кандидата на президентских выборах 1936 года. Рузвельт одержал невиданную доселе в истории США победу, выиграв в 46 штатах и набрав 523 голоса выборщиков. Его соперник-республиканец Лэндон, выступавший с антикоммунистических позиций, победил лишь в двух штатах (8 выборщиков). Такая «прурузвельтовская» политика компартии США была прямым следствием установок Коминтерна — в 1935 году Коммунистический Интернационал принял программу народного антифашистского фронта. Задачи социальной революции отходили отныне на второй план, и главной целью была объявлена борьба против фашизма в союзе со всеми силами, в том числе, и с прогрессивной буржуазией.

Но ФБР Гувера (ненавидевшего самого Рузвельта) и большая часть американского истеблишмента не желали мириться с ростом авторитета компартии США.

26 мая 1938 году уже по «доброй традиции», нижняя палата конгресса США создала очередной «следственный» комитет — Комитет по расследованию антиамериканской деятельности, или «комитет Дайса». Председатель комитета Мартин Дайс был конгрессменом от самого реакционного американского штата — Техаса и как-то заявил, что господство белой расы на Юге США «столь же вечно и несокрушимо как сама вечность».^[57] Дайс считал всех американских коммунистов либо иностранцами, либо шпионами, либо и теми и другими вместе. 1 мая 1935 года он «с целью сбора доказательств» лично присутствовал на первомайской демонстрации в Нью-Йорке и узрел там 100 тысяч коммунистов: «Я не видел ни одного американца в этой толпе, они открыто оскорбляли все то, что мы считаем святым. Если бы решал я, то я бы депортировал всех их и лишил гражданства тех, кто успел его получить».

[58]

Формально комитет Дайса расследовал подрывную деятельность в США и нацистов, и коммунистов, хотя СССР, в отличие от Германии, при Рузвельте считался другом США. Но на практике Дайс занялся лишь компартией. При этом предложение расследовать террористическую деятельность откровенно расистского и незаконного Ку-клукс-клана было комитетом отвергнуто.

Впервые в истории США Комитет Дайса перешел к открытым массовым «юридическим» репрессиям против инакомыслящих американцев. Если вызванный повесткой (subpoena) свидетель отказывался прибыть на слушания (на что имел по конституции США полное право), ему угрожал реальный тюремный срок. Если же свидетель являлся, но отказывался отвечать со ссылкой на Пятую поправку к конституции США [59], то ему грозило как минимум увольнение с работы а как максимум — все то же уголовное преследование по другим мотивам.

Заметим, что Дайс ненавидел не только коммунистов, но и Рузвельта (которого тоже считал скрытым коммунистом). Поэтому именно Дайс впервые поднял долгоиграющую тему о «засилье» коммунистов в госаппарате США, которую после Второй мировой войны сделал своим коньком еще более известный «борец против красных» сенатор Маккарти. Например, Дайс призвал к импичменту министра труда в кабинете Рузвельта Перкинса за то, что тот потакает коммунистам в профсоюзах. Перкинс в ответ назвал Дайса идейным наследником разбитого в гражданской войне 1861–1865 гг. рабовладельческого Юга.

Об уровне комитета Дайса свидетельствует расследование так называемого «Федерального театрального проекта», основательницу которого Хэлли Флэнаган обвинили в том, что театры пропагандируют коммунистические ценности. При этом весь проект осуществлялся на деньги правительства США в рамках программы ликвидации безработицы в творческой среде. Целью проекта было создание в США престижного Национального драматического театра по образцу Франции («Комеди Франсез») или Великобритании. В 1936–1939 гг. в рамках проекта были даны 60 тысяч представлений 1200 пьес, которые посмотрели более 30 миллионов американцев в 40 штатах.

Флэнаган вызвала ненависть американских правых тем, что хорошо отзывалась о советском театре, его новаторских тенденциях и даже посетила СССР.

На слушаниях в комитете Дайса Флэнаган спросили, не является ли английский драматург Кристофер Марлоу (его пьесы тоже ставились в

рамках проекта) коммунистом. Раздался смех — журналисты сообщили парламентариям, что Марлоу жил в XVI веке. Тем не менее, член комитета Старнс (конгрессмен от расистской в то время Алабамы) живо рассуждал о том, что «Мистер Еврипид проповедовал в своих пьесах классовую борьбу».^[60] То, что «мистер Еврипид» был современником Перикла и греко-персидских войн, борцов с коммунизмом не смутило.

На слушаниях комитета коммунистов обвинили даже в борьбе против Ку-клукс-клана — мол, они лишь заманивают тем самым наивных «негров» в свои ряды.^[61]

Заметим, что комитет Дайса по расследованию антиамериканской деятельности просуществовал до 1946 года и боролся с коммунистами в то время, когда они миллионами гибли на советско-германском фронте, спасая США от фашизма. В то время как Рузвельт публично воздавал должное героизму Красной Армии и всего советского народа, Дайс все еще искал коммунистических агентов, ведущих в США подрывную деятельность.

Неудивительно, что после окончания Второй мировой войны, когда благодаря «коммунистическому» Советскому Союзу угроза фашизма и порабощения для США миновала, комитет по антиамериканской деятельности развернул в США настоящую «охоту на ведьм», жертвами которой стали сотни тысяч ни в чем не повинных американских граждан. Заметим, что компартия США была распущена своим руководством в 1944 году и ее членам рекомендовали вступать в демократическую партию Рузвельта.

На США опустилась зловещая ночь маккартизма, подготовленная и обоснованная, впрочем, еще начиная с 1917 года.

«Разведка должна быть глобальной и тоталитарной»: основание и первые годы ЦРУ

До Второй мировой войны у США не было единой разведывательной службы, хотя сбором информации конспиративными методами занимались, специальные подразделения государственного департамента, министерства финансов, министерства обороны (т. е. на тот момент фактически сухопутных сил) и ВМС. В основном разведка состояла в попытках взломать дипломатические коды других государств, а также в так называемом «салонном шпионаже» — когда дипломаты и военные атташе США по всему миру собирали сплетни на различных светских мероприятиях.

Федеральное бюро расследований (ФБР) занималось борьбой со шпионажем на территории США (контрразведкой) и шпионажем в странах Латинской Америки, которые считались в США зависимым и подконтрольным «ближним зарубежьем».

В 1929 году госсекретарь США Генри Стимсон распорядился закрыть секретное подразделение госдепартамента МИ-8 (так называемую «черную комнату»), занимавшееся дешифровкой иностранной дипломатической корреспонденции. Стимсон заявил, что «джентльмены не читают писем других джентльменов».

Но после начала Второй мировой войны президент США Франклин Рузвельт по инициативе англичан решил создать единую разведывательную службу по образцу британской МИ-6. Президент поручил герою Первой мировой войны полковнику Уильяму Доновану (по кличке «Дикий Билл») [\[62\]](#) составить меморандум с обзором угроз для национальной безопасности США и с предложениями по организации единой разведслужбы страны.

Хотя Донован был республиканцем и человеком откровенно правых взглядов, демократ Рузвельт ценил его внешнеполитический опыт (Донован много ездил по Европе и встречался с некоторыми лидерами Старого света, например, с Муссолини).

11 июля 1941 года Рузвельт назначил Донована на специально созданную должность Координатора по информации (Coordinator of Information). В октябре 1941 года Донован получил офис в

Рокфеллеровском центре и стал набирать персонал из университетских профессоров, юристов крупных компаний и отпрысков из богатых семей, искавших приключений. Критерием отбора были личные связи Донована по университету, ордену мальтийских рыцарей («Дикий Билл» был его членом) и юридической практике в пользу крупных корпораций с Уолл-стрита. Именно из последней категории происходил Аллен Даллес, ставший правой рукой Донована. Заметим, что как и Донован, Даллес был республиканцем, и до войны яростно критиковал «новый курс» Рузвельта. Впрочем, с учетом того, что юрист Даллес всегда работал на крупные американские корпорации, это было неудивительно.

В 1942 году офис Координатора по информации был преобразован в Управление стратегических служб (УСС, Office of Strategic Services, OSS). Управление подчинялась высшему военному руководству США (Объединенный комитет начальников штабов) и формально должно было лишь выполнять заказы военных по разведывательному обеспечению конкретных боевых операций. Донована вернули на действительную военную службу и присвоили звание генерал-майора.

Предполагалось, что УСС будет действовать только на время войны и только против стран нацистской коалиции.

Но и Донован, и Даллес (который с 1942 года был резидентом УСС в Европе с дислокацией в нейтральной Швейцарии, Берн) считали, что США должны иметь полностью независимую разведслужбу, подчиняющуюся только президенту. И целью этой новой спецслужбы должны быть отнюдь не только военная разведка и тайные операции в тылу врага.

Еще в годы войны, когда Москва и Вашингтон были главными силами Антигитлеровской коалиции, «Дикий Билл» определил нового врага — СССР.

После того, как стало ясно, что именно Советский Союз сыграет решающую роль в разгроме Германии, Донован направил 18 ноября 1944 года меморандум на имя Рузвельта, предложив не только сохранить УСС в послевоенное время, но и расширить его функции и преобразовать в независимое ведомство. «В глобальной и тоталитарной войне, — писал Донован, — разведка должна быть глобальной и тоталитарной».^[63] «Дикий Билл» предложил и название для первой американской разведслужбы мирного времени — Центральная разведывательная служба (Central Intelligence Service). Причем первое слово подчеркивало, что все разведподразделения американских ведомств должны были перейти под контроль нового бюрократического монстра.

Однако Рузвельт был настроен на долгосрочное и конструктивное

сотрудничество с СССР после войны (как и Сталин в отношении США) и не считал Москву глобальным противником. К тому же демократ Рузвельт не обманывался насчет политических взглядов Донована и Даллеса. Он опасался, что новое ведомство превратится в «американское гестапо», которое его творцы могут использовать и против самого Рузвельта и его леволиберальных сторонников.

Поэтому Рузвельт не только оставил меморандум Донована без ответа, но и поручил своему помощнику по военным вопросам полковнику Ричарду Парку-младшему провести секретный анализ предыдущей деятельности УСС. Причем одновременно Рузвельт организовал утечку в прессу по поводу планов Донована, и СМИ наперебой заговорили именно об «американском гестапо». Со ссылкой на общественное мнение 6 марта 1945 года Объединенный комитет начальников штабов отверг предложение Донована.

12 апреля 1945 года Рузвельт скончался и Дононан немедленно принялся обрабатывать нового президента Гарри Трумэна. Но в день смерти Рузвельта Парк представил новому главе государства свой доклад, в котором деятельность УСС была подвергнута полному разгрому и даже осмеянию. В документе говорилось, что УСС «нанесло серьезный вред гражданам, бизнес-интересам и национальным интересам Соединенных Штатов».^[64] Например, из 21 группы УСС (по два человека), заброшенных в Германию, было сразу ликвидировано 20. Ложная информация УСС в июне 1944 года завела французские войска в ловушку немцев на острове Эльба (Италия) и более 1000 французов были убиты. Сам Дононан потерял на банкете в Румынии бумажник, и румынская танцовщица передала его в гестапо. По приказу «дикого Билла» парашютистов-диверсантов УСС по ошибке высадили в нейтральной Швеции.

Неудивительно, что 14 мая 1945 года Трумэн уделил Дононану в Овальном кабинете Белого дома всего 15 минут. «Дикий Билл» пытался убедить Трумэна, что угроза со стороны СССР гораздо серьезнее нацистской. При этом Донована не смущало, что Советский Союз, в том числе и ради спасения США от нацизма, потерял 26 миллионов своих граждан и 40 % накопленного национального богатства.

Трумэна антисоветские рассуждения Донована не убедили, и глава УСС принялся обрабатывать своих знакомых в конгрессе и «большом бизнесе». Но в 1945 году представить русских, только что обнимавшихся с американцами на Эльбе, врагами, было непросто. 20 сентября 1945 года Трумэн подписал указ номер 9621 о роспуске УСС в течение 10 дней, однако это распоряжение президента все же осталось на бумаге.

Отдел анализа и прогнозирования УСС (получивший высокие отзывы в меморандуме Парка) был передан в государственный департамент. В этом подразделении было много профессоров из лучших университетов «лиги плюща», и настроены эти люди были в основном либерально и даже прогрессивно. Лишь меньшинство аналитиков УСС считало своего недавнего союзника — СССР — глобальным противником США. Это задуманное тогда как «временное» подразделение существует в госдепартаменте до сих пор и называется Бюро разведки и исследований (Bureau of Intelligence and Research).

Подразделения УСС по террористическим операциям и саботажу («Секретная разведка», Secret Intelligence; «Контрразведка», X-2) передали в военное министерство США. Эти остатки УСС были сведены в Подразделение стратегических служб (Strategic Services Unit, SSU).

После указа Трумэна из примерно 11 тысяч сотрудников УСС на государственной службе к концу 1945 года осталось 1967 человек.^[65] Были закрыты 15 из 23 резидентур УСС в Азии. Однако в Европе остались (хотя и в усеченном варианте) резидентуры в Мадриде, Лондоне, Париже, Риме, Вене, Лиссабоне и Стокгольме.

Однако ни Донован, ни Даллес,^[66] ни их креатуры из бывшего УСС не оставили планов по созданию мощной и независимой разведслужбы, существование которой можно было оправдать лишь «советской угрозой».

В сентябре 1945 года подал в отставку соратник Рузвельта, военный министр и ярый противник «американского гестапо» Генри Стимсон (тот самый, который в 1920-е годы был против чтения писем других джентльменов). Заместитель Донована по УСС бригадный генерал Джон Макгрудер стал убеждать новое руководство Пентагона продолжить «незавершенные операции» УСС. Макгрудера поддержал заместитель военного министра Джон Макклой.

Макклой (родился в 1895 году) был из очень богатой семьи и в 1916 году окончил Гарвард. Как и Донован он представлял в 1930-е годы юридические интересы крупнейших компаний, в том числе и немецкого химического гиганта «ИГ Фарбен». Именно эта компания поставляла смертельный газ «циклон Б» для массового уничтожения узников нацистских концлагерей. Будучи во время войны заместителем военного министра, Макклой не допускал бомбежек тех немецких предприятий, в которых у него или его друзей были коммерческие интересы. Не случайно, что именно этого человека, пользовавшегося большим доверием связанного с нацистами немецкого бизнеса, в 1949 году назначили первым Верховным

комиссаром США в Германии (т. е. в ФРГ)^[67].

Макклой и Макгрудер фактически сохранили самую мощную резидентуру почившего в бозе УСС — берлинскую, находившуюся в самом сердце советской оккупационной зоны в Германии. Ее возглавил оперативник УСС, любимчик Даллеса и будущий директор ЦРУ США (в 1966–1973 гг.) Ричард Хелмс.

Хелмс родился в 1913 году в семье крупного бизнесмена, одного из руководителей алюминиевого гиганта «Алкоа». Средства родителей позволили Хелмсу учиться в лучших университетах Швейцарии (Лозанна) и Германии (Фрайбург). Вместе с американскими журналистами Хелмс участвовал в съезде НСДАП 1936 года в Нюрнберге и даже говорил с Гитлером. Хелмс хотел создать собственную газету и для накопления соответствующего опыта устроился в рекламный отдел газеты «Индианаполис Таймс». В декабре 1941 года после атаки японцев на Перл-Харбор Хелмс поступил добровольцем в ВМС США, а в 1943 году был переведен в УСС.

В группе Даллеса Хелмс, благодаря своим знаниям немецкого языка, отвечал за сбор информации в самой Германии (с января 1945 года он возглавлял немецкий отдел УСС, расположенный в Лондоне) и особо не преуспел. Единственным ценным источником Даллеса и Хелмса был немецкий дипломат Фриц Кольбе (оперативный псевдоним «Джон Вуд»),^[68] передавший УСС информацию о немецком секретном оружии — ракетах Фау-2 и реактивном истребителе Ме-262.

В октябре 1945 года Хелмс возглавил резидентуру УСС в Берлине, хотя самого УСС формально уже не существовало.

Однако в январе 1946 года лоббистам самостоятельной и мощной разведслужбы удалось убедить Трумэна создать на базе переданных военному ведомству отделов УСС новый орган — Центральную разведывательную группу (ЦРГ, Central Intelligence Group). 2 апреля того же года в ЦРГ передали из Пентагона Подразделение стратегических служб, получившее название Офис специальных операций (OSO, Office of Special Operations). Как ясно уже из названия, OSO занимался не столько разведкой, сколько подрывной деятельностью на территории СССР и его союзников. Это было грубейшим нарушением норм международного права (что тайно тогда признавали и в госдепартаменте США), так как агенты OSO убивали людей в странах, не находившихся в состоянии войны с США.

ЦРГ впервые подчинялась непосредственно президенту США, хотя

формально она докладывала некоему Национальному органу по разведке (National Intelligence Authority). Этот орган состоял из военного министра, министра ВМС, госсекретаря и представителя президента, но на самом деле этот орган на заседания почти не собирался. За первые три месяца существования ЦРГ Национальный орган по разведке заседал всего три раза.^[69]

В ЦРГ числилось примерно 2 тысячи сотрудников, и ее руководителем стал заместитель главы разведслужбы ВМС США контр-адмирал Сидни Сойерс.^[70]

Заслуги Сойерса состояли в том, что он занимался страховым бизнесом для сети магазинов самообслуживания в родном штате Трумэна Миссури и был «яркой посредственностью». Именно поэтому Сойерс и получил звонкий, но абсолютно не подкрепленный финансами и кадрами пост Директора центральной разведки. Трумэн все еще боялся всесильного «американского гестапо» «а-ля Даллес» и был намерен держать ЦРГ в «черном теле».

Сама процедура «инаугурации» Сойерса напоминала сатирический водевиль. Трумэн подарил ему черную шляпу, черный плащ и деревянный кинжал (намек на «рыцарей плаща и кинжала» как во всем мире насмешливо прозвали шпионов). Затем президент картинно посвятил Сойерса в вожди «Группы снайперов плаща и кинжала».^[71] Когда первого в истории США Директора центральной разведки спросили о его самом сокровенном желании, тот ответил: «Побыстрее уехать домой».

Формально Трумэн запретил ЦРГ заниматься чем-либо кроме обобщения поступавшей от различных ведомственных разведслужб информации. Люди Сойерса должны были каждый день готовить для президента обзор о событиях в мире на 2 страницах (не слишком образованный Трумэн не любил длинные документы). Основу для обзора должны были давать разведподразделения военного ведомства и госдепартамента. Отсюда и пышный титул Сойерса «директор центральной разведки» — подразумевалось, что все остальные разведслужбы ему как будто бы подчинены. На практике Сойерса игнорировали и в Пентагоне, и в госдепартаменте и в ФБР, а сам Сойерс считал дни до своего возвращения в любимый страховой бизнес.

Настроения в Белом доме в отношении СССР радикально изменились в начале 1946 года, хотя Трумэн и до этого был ярким антикоммунистом. Именно он, будучи сенатором, заявил по радио 22 июня 1941 года примерно следующее: если США увидят, что выигрывает Германия, то

надо помогать России и наоборот, и пусть русские и немцы убивают друг друга как можно больше. В мае 1945 года, едва став президентом, Трумэн резко и без объяснения причин прекратил все поставки СССР по ленд-лизу, а осенью 1945 года отказал Москве в кредите на восстановление разрушенной немцами советской экономики.

Но все же Трумэн побаивался «дядюшку Джо» (так американцы называли Сталина), поэтому формально «холодную войну» против Москвы объявил Черчилль, не занимавший с лета 1945 года никаких официальных должностей.

Черчилль произнес свою речь о советском «железном занавесе» в колледже города Фултона, в родном штате Трумэна — Миссури 5 марта 1946 года. При этом текст речи «частного лица» предварительно просмотрел и подправил Трумэн.

Черчилль фактически призвал весь «свободный мир», и особенно «англосаксонские нации», сплотиться против СССР и его союзников.

В ответ Сталин 14 марта 1946 года не без оснований сравнил Черчилля с Гитлером: «Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира...».^[72]

Лавры Черчилля как отца «холодной войны» активно оспаривал временный поверенный в делах США в СССР Джордж Кеннан. 22 февраля 1946 года он отправил из Москвы в Вашингтон необычайно длинную шифровку номер 511, которая и вошла в историю как «длинная телеграмма», или «телеграмма 8 тысяч слов».^[73] Научнообразно, путано и без всяких доказательств Кеннан рассуждал о том, что русские понимают только силу и с ними надо так и разговаривать. Никакие реформы в коммунистической системе, по мнению Кеннана, невозможны и ее следует уничтожить.

Вес телеграмме обычного чиновника госдепартамента придал бывший юрист на службе крупных корпораций Джеймс Форрестол. В 1940 году несмотря на проблемы с алкоголем и психикой жены Форрестола Жозефины, Рузвельт назначил Форрестола заместителем министра ВМС, а после кончины министра ВМС в 1944 году Форрестол занял это кресло.

Форрестол, как и все люди его круга, был ярким антикоммунистом и распорядился разослать телеграмму Кеннана во все федеральные ведомства США. После возвращения Кеннана из Москвы Форрестол устроил его в Национальный военный колледж, где готовили высших офицеров вооруженных сил США.

Именно Форрестол составил протекцию на пост директора ЦРГ Сойерсу, которого тоже ценил за антикоммунистические взгляды.

Форрестол стал жертвой собственной антисоветской истерии. В марте 1949 года из-за «нервного и психического истощения» его сняли с должности министра. Во время лечения в психиатрической больнице Форрестол неоднократно повторял: «Русские идут! Они везде. Я вижу русских солдат!». 2 мая 1949 года он выбросился из окна больничной палаты, разбившись насмерть.

Между тем, Сойерс все-таки исполнил свое желание и вернулся в Миссури «делать деньги». 10 июня 1946 года вторым Директором центральной разведки стал генерал Хойт Ванденберг.

Ванденберг родился в 1899 году в семье бизнесмена и вопреки желанию отца решил стать военным. После окончания элитного американского военного училища Вест-Пойнт в 1923 году его из-за плохих оценок не приняли в престижную кавалерию, и Ванденбергу пришлось стать летчиком. Правда, служил Ванденберг в основном на штабных и преподавательских должностях, так как его дядя был влиятельным сенатором в Вашингтоне.

Именно из-за этого дяди Сойерс и предложил Ванденберга в свои преемники — считалось, что благодаря связям в конгрессе Ванденбергу будет легче выбить деньги на все еще эмбриональную разведку. Ведь формально такого ведомства как ЦРГ вообще не существовало, так как учреждение всех федеральных агентств и министерств должен был утверждать конгресс.

Ванденберг в отличие от Сойерса подошел к делу серьезно и поручил Хелмсу наладить поток достоверной информации из СССР и Европы. Он и правда удвоил бюджет ЦРГ за счет перераспределения средств из других ведомств. По личной просьбе Ванденберга военный министр Паттерсон и госсекретарь США Бирнс тайно выделили ЦРГ из своих бюджетов 10

миллионов долларов.

Через свои связи Ванденберг смог убедить главных редакторов ведущих американских газет (например, «Нью-Йорк Таймс») предоставить ЦРГ свои досье на тысячи персон, в том числе и граждан США.

Вообще из Ванденберга просто били ключом идеи, в основном фантастические или незаконные. Сотрудники ЦРГ иронически называли босса за глаза «свечой зажигания».

Хелмс, которому в 1946 году исполнилось 33 года, стал шефом американской разведки во всей Центральной Европе (он курировал помимо Германии Чехословакию, Австрию, Польшу, Швейцарию и Венгрию).

По собственным воспоминаниям Хелмса как минимум половина всех сведений, которые собирали 228 сотрудников ЦРГ в резидентурах Европы, были чистой воды ложью или дезинформацией.^[74] Но Хелмс пытался через фабрикуемые его людьми небылицы о стремлении СССР к мировой войне все же заставить Трумэна учредить «американское гестапо» с полномочиями по проведению подрывных операций против Советского Союза.

17 июля 1946 года Ванденберг направил двух своих помощников к советнику Трумэна по юридическим вопросам Кларку Клиффорду,^[75] чтобы получить санкцию президента не только на сбор информации, но и на подрывные тайные операции против СССР и его союзников. Такая санкция была получена в обход американского законодательства — конгресс просто решили не информировать.

Все подрывные операции в рамках ЦРГ возглавил 23-летний Фрэнк Визнер, ставший шефом OSO.

Как и все «звезды» первых лет ЦРУ Визнер родился не просто в богатой, а в очень богатой семье. Строительному клану Визнеров-Гардинеров принадлежал практически весь родной город будущего «супершпиона» — Лоурел, штат Миссисипи. Родители воспитывали Фрэнка в духе элитизма — ребенка раздевала и одевала служанка, а играть он мог лишь с родственниками.^[76] Мать говорила Фрэнку что он всегда и во всем должен быть лучшим и первым. Поэтому сверстники не помнили, чтобы Визнер ходил — он всегда куда-то бежал.

В расистском и престижном (то есть дорогом) Университете Вирджинии, где почитали всех лидеров рабовладельческой Конфедерации времен 1861–1865 года, Визнер, естественно, был членом тайного студенческого «братства Семи». Настолько тайного, что имен его членов никто не знал. В США члены студенческих братств элитных университетов

обычно помогают друг другу по жизни деньгами и связями. Они считали и считают себя избранными провидением для руководства Америкой.

Как и положено американскому образцовому студенту Визнер активно занимался спортом (бег с препятствиями) и его кандидатуру даже рассматривали в олимпийскую сборную США на играх 1936 года в нацистском Берлине. Однако отец предписал поработать летом в компании «Кока-Кола» — Визнера-младшего уже традиционно готовили на роль юриста для «большого бизнеса».

Однако на Уолл-стрит Визнер скучал и в 1941 году (за полгода до нападения японцев на Перл-Харбор) записался добровольцем в ВМС США. Но там ему дали скучную «бумажную» работу военного цензора, а Фрэнк мечтал о блистательных подвигах на далеких морях. В июле 1943 года через одного из своих бывших университетских профессоров Роберта Гуча Визнер устроился в УСС.

Будучи активным и довольно безрассудным дилетантом, Визнер рьяно взялся за дело. Его под дипломатическим прикрытием отправили помощником к резиденту УСС в нейтральном Стамбуле Лэннингу Макфарлэнду. Тот был так «законспирирован», что в ресторанах при его появлении оркестр играл мелодию «Буп, буп, бэби, я — шпион». Как и Даллес Макфарлэнд был большим любителем прекрасного пола: одна из его любовниц работала на СССР, другая — на Германию.^[77]

Из Турции в августе 1944 года Визнера перебросили в только что освобожденный советскими войсками Бухарест на должность резидента УСС в Юго-Восточной Европе. Тут мечты Фрэнка о приключениях стали, наконец, сбываться. Он «реквизировал» себе 30-комнатный дворец крупнейшего румынского пивовара, вместе с его «кадиллаком» и 24-летней женой. Последняя привлекла Визнера тем, что убедила его в том, что она — принцесса королевских кровей, а ее предком был сам Дракула. Познакомился Визнер и с молодым румынским королем Михаем, который тоже любил покутить в дамском обществе. В подпитии резидент УСС перед зеркалом показывал королю, как надо стрелять из пистолета, не оборачиваясь (правда, не стрелял).

Визнер активно расхаживал по приемам, много пил и быстро выстроил в Бухаресте целую разведывательную сеть, состоявшую из заботливо подставленных ему советской разведкой «ценных» агентов.

Визнер (выбравший себе характерный для его темперамента псевдоним «Тифоид») заботливо искал себе шанс на чем-нибудь выдвинуться в провинциальном Бухаресте и поэтому еще во время войны бомбардировал штаб-квартиру УСС сообщениями о коварных замыслах

русских (с которыми Визнер охотно пил водку) после войны. Особенно сильно возмутило Визнера выселение из Румынии немцев (хотя то же самое происходило в Польше и Чехословакии с санкции всех союзников по Антигитлеровской коалиции), которое он приписал давлению русских. Ведь среди высланных было много знакомых Визнера по светским раутам.

Визнер явно лгал в своих депешах в УСС — он например, сообщил в декабре 1944 года, что русские специально «выпустили» из Румынии две немецкие дивизии, чтобы те обрушились на американцев в Арденнах.

Видимо Визнеру надоела его «принцесса» или русская водка, и в марте 1945 года его по собственному желанию перевели в Висбаден. Но и в Западной Германии ему не понравилось. Он писал своей брошенной любовнице в Румынию: «Здесь не то, что в Бухаресте. Нет приятных людей — ну никаких возможностей для удовольствия и расслабления после нудных и длительных часов работы за письменным столом. Я часто вспоминаю Румынию...». ^[78]

Из Висбадена Визнер тоже слал лишь антисоветские депеши. Например, он писал об антиамериканской компании слухов, которую русские-де организовали в Берлине: мол, американские солдаты грабят всех хорошо одетых немцев, особенно женщин. Знавший в то время Визнера будущий советник и биограф Джона Кеннеди Артур Шлесинджер вспоминал, что Визнер был «помешан на русских»: «Я и сам не был большим поклонником Советского Союза и уж точно не ожидал гармоничных отношений (с русскими) после войны. Но Фрэнк даже на мой вкус явно перебирал в этом вопросе». ^[79]

В сентябре 1945 года Визнер с возмущением подал в отставку из УСС, когда ему отказали в приобретении 200 велосипедов для немецких агентов, которые должны были на них ездить по всей советской оккупационной зоне в Германии и наблюдать за передвижениями советских войск.

Визнер поначалу опять стал обслуживать крупные корпорации в юридической фирме «Картер Ледьярд», но бывший шеф Визнера по УСС Даллес (тоже вернувшийся к юридической практике на Уолл-стрит) за ужином убедил Фрэнка все же не рвать с разведкой.

В марте 1947 года Визнер пришел на работу в госдепартамент как раз в то время когда «холодную войну» Москве объявил уже лично Трумэн.

Начиная с декабря 1944 года в Греции шла гражданская война между бывшими партизанами, боровшимися под руководством компартии против немцев в годы Второй мировой войны, и королевским правительством, которое из Каира привезли англичане. Фронт национального освобождения

Греции (ЭАМ), созданный компартией, в апреле 1944 года освободил от немцев половину территории Греции и сковывал больше немецких дивизий, чем англо-американские войска в Италии. В вооруженных силах ЭАМ (ЭЛАС) на сентябрь 1944 года насчитывалось 120 тысяч бойцов и около миллиона греков активно помогали партизанам. В боях и в ходе карательных акций погибло 80 тысяч греков, немцы уничтожили 1700 греческих деревень.

Компартию поддерживало большинство населения, в то время как в рядах королевской греческой армии воевали в основном бывшие коллаборационисты. Гражданская война в Греции продолжалась лишь потому, что на стороне короля воевали английские войска. Сталин по неформальному соглашению с Черчиллем в октябре 1944 года признал Грецию английской сферой влияния и СССР не оказывал греческим коммунистам никакой помощи, кроме моральной.

В феврале 1947 года англичане сообщили американцам, что не в состоянии дальше финансировать гражданскую войну в Греции, на которую, по их мнению, требовалось примерно 1 миллиард долларов в течение ближайших четырех лет. Посол США в Москве Беделл Смит сообщил свою оценку положения в Греции: без английских войск коммунисты быстро одержат победу.^[80] В Вашингтоне было принято решение заменить англичан на Балканах, но для этого был нужен предлог. Трумэн встретился с влиятельным сенатором Артуром Ванденбергом (дядей директора ЦРГ) и убедил его ради «спасения мира от Советов» побудить конгресс выделить необходимую сумму.

12 марта 1947 года Трумэн выступил на совместной сессии обеих палат конгресса и объявил о начале борьбы «свободного мира» за сохранение независимости Греции и Турции (которым никто не угрожал) от Москвы. Президент в частности заявил: «На настоящий момент мировой истории почти каждая нация должна выбрать между двумя альтернативными образами жизни. Однако слишком часто этот выбор не является свободным. Один образ жизни основывается на воле большинства и характеризуется свободными государственными институтами, представительными формами правительства, свободными выборами, гарантиями личной свободы, свободой слова и вероисповедания и отсутствием политического угнетения. Другой образ жизни основан на воле меньшинства, который оно силой навязывает большинству. Этот образ жизни основан на терроре и угнетении, на цензуре прессы и радио, на манипулировании выборами и на ликвидации личных прав и свобод. Я думаю, что политика Соединенных Штатов должна состоять в содействии

свободным народам, которые сопротивляются завоеванию со стороны вооруженных меньшинств или внешнему давлению».

Это выступление хозяина Белого дома сразу окрестили «доктриной Трумэна». В 1947–1948 гг. в рамках этой «доктрины» США предоставили Греции и Турции 400 миллионов долларов помощи, главным образом военной. Обе страны были наводнены американскими военными советниками и разведперсоналом. Греческие деревни стали бомбить американским напалмом.

При этом в Греции дело обстоит с точностью до наоборот — именно Запад пытался навязать большинству населения свой образ жизни с помощью немецких пособников и английских войск. Во имя свободы было убито около 200 тысяч греков, 1 миллион жителей был переселен в концлагеря и другие районы страны, чтобы лишить партизан поддержки. Заключенных коммунистов жестоко пытали и калечили в тюрьмах. Партизаны, ушедшие в 1941–1944 годах от немецких пуль, гибли от английских и американских. Были созданы даже тюрьмы для детей партизан, многие из которых затем нашли убежище в СССР и других социалистических странах.

На самом деле Трумэн не верил в стремление СССР покорить Грецию, да для этого не было никаких фактов. Дело было в том, что на промежуточных выборах в конгресс 1946 года большинство в обеих палатах получили республиканцы. Конгрессмен от Калифорнии Ричард Никсон в нижней палате и сенатор от Висконсина Джо Маккарти — в верхней, стали обвинять администрацию Трумэна в «мягкости» по отношению к «красным» на родине и в мире. Никсон и Маккарти принялись искать предателей и советских агентов в американском правительстве, в основном в госдепартаменте.

Трумэну в 1948 году предстояло избираться на новый срок, и он решил обойти своих правых оппонентов справа, показав решимость бороться с мировым коммунизмом. Таким образом, Греция и Турция просто подвернулись под руку и стали разменной монетой американской внутренней политики.

Именно в такой обстановке массовой антикоммунистической истерии Фрэнк Визнер вернулся на государственную службу, перейдя на работу в госдепартамент, в Офис по оккупированным территориям (отвечал за Германию, Австрию, Японию и Южную Корею). Характерно, что его начальником был бывший глава нью-йоркской фондовой биржи и клиент юридической фирмы «Картер Ледьярд» (где работал Визнер) Чарльз Зальцман.

К этому моменту ЦРГ триумфально провалила свою первую подрывную операцию против «несвободного мира». Под аккомпанемент рассуждений о свободе и демократии, американская разведка попыталась создать в Румынии вооруженное антикоммунистическое подполье и развязать там гражданскую войну.

Первоначально ЦРГ пичкала Вашингтон ложными данными о том, что именно Румыния избрана плацдармом для броска Советской Армии против Греции и Турции. О характере такой «информации» говорит то, что источником одной шифровки был некий «пьяный советский офицер», который пил за скорое взятие Стамбула.^[81] Подготовив таким образом почву, ЦРГ в июле 1946 года начала румынскую операцию и в октябре того же года усыпила и вывезла из Румынии в Австрию в мешках с дипломатической почтой лидеров правой Национал-царанисткой (т. е. крестьянской) партии Румынии. Эти политики, запятнанные, кстати, сотрудничеством с немцами в годы войны, должны были стать руководством «армии освобождения Румынии». Однако из-за бездарной работы резидентуры ЦРГ в Бухаресте (там никто не говорил по-румынски) советская и румынская разведка быстро «вычислили» заговор. В ноябре 1946 года в Румынии прошли аресты и на судебных процессах были даны подробные показания о вмешательстве США во внутренние дела Румынии.

Визнер, считавший себя главным специалистом по румынским делам, был возмущен бестолковостью сотрудников ЦРГ, тем более что на скамье подсудимых оказалась вся его былая агентура.

В госдепартаменте Визнер отвечал за тайный проект создания «антикоммунистической армии» на территории Западной Германии из так называемых «перемещенных лиц» (displaced persons). Это были граждане стран Восточной Европы и СССР, отказавшиеся после войны возвращаться на родину (их было более 700 тысяч) и жившие в лагерях, финансируемых США. Естественно, что среди них было много тех, кто сотрудничал с немцами и опасался заслуженного возмездия на родине.

Визнер создал исследовательскую группу «Использование беженцев из СССР в национальных интересах США», куда помимо чиновников госдепартамента входили и представители военного ведомства. По замыслу Визнера из «беженцев» следовало создать боевые группы, которые затем будут переброшены на территорию социалистических стран и станут там ядром вооруженного «народного сопротивления». Давить на «перемещенных лиц» было несложно — они получали в лагерях американский паек.

В мае 1947 года в ЦРГ опять сменился руководитель — на сей раз им

стал контр-адмирал Хилленкоттер. Всю жизнь (родился в 1897 году) он прослужил в военно-морской разведке, отвечая за эту сферу в Тихоокеанском флоте адмирала Нимитца в годы войны. Как и Сойерс Хилленкоттер не горел желанием возглавлять аморфную и не имевшую постоянного финансирования ЦРГ, и Трумэну пришлось его уговаривать.

Между тем на волне истерии вокруг «доктрины Трумэна» в США летом 1947 года была предпринята самая масштабная в истории страны реформа государственных органов, отвечавших за национальную безопасность.

В июне 1947 года конгресс провел секретные слушания по организации мощной американской внешней разведки. Характерно, что докладывал депутатам не Хилленкоттер, а Аллен Даллес — формально частный юрист с Уолл-стрит. Даллес говорил, что США нужна элитная «самая лучшая в мире» разведслужба, куда будут набраны самые одаренные люди страны.

На этот раз Трумэн уже не возражал против «американского гестапо» — он боялся, что Никсон и Маккарти опять обвинят его в мягкости по отношению к «красным». 26 июля 1947 года президент США подписал закон, известный как Акт о национальной безопасности, который касался отнюдь не только разведки.

Согласно закону ВВС приобретали статус особого вида вооруженных сил, так как именно на них возлагалась задача нанесения по СССР ядерного удара. ВВС возглавил бывший шеф ЦРГ Ванденберг.

С целью унификации военного руководства военное министерство (отвечало ранее за сухопутные силы) было слито с министерством ВМС в министерство обороны. Первым министром обороны США стал Форрестол.

Вместо ЦРГ и на ее базе в качестве внешней разведки США образовывалось Центральное разведывательное управление (ЦРУ, Central Intelligence Agency, CIA). Слово «агентство» подчеркивало самостоятельный ведомственный статус ЦРУ. Только «агентства» и «департаменты» (министерства) в США могут иметь самостоятельное бюджетное финансирование, а значит, их создание подлежит предварительному утверждению конгрессом посредством закона. Хилленкоттер стал первым директором ЦРУ сохранив титул Директора национальной разведки. То есть опять подразумевалось, что он должен был координировать работу всех ведомственных разведорганов США. Однако сам процесс координации в законе ясно прописан не был, поэтому и госдепартамент, и ФБР, и военная разведка зачастую игнорировали своего

нового конкурента.

Вместо аморфного Национального органа по разведке согласно закону создавался Совет национальной безопасности (СНБ, National Security Council) при президенте. В СНБ входили министр обороны, госсекретарь, иные министры в зависимости от рассматриваемых вопросов, а также директор ЦРУ. Работу СНБ, который в отличие от своего предшественника стал постоянно действующим органом, организовывал помощник президента по национальной безопасности. СНБ собирался часто, обязательно под председательством президента, и формулировал директивы в сфере внешней политики, обязательные к исполнению всеми ведомствами США.

ЦРУ начало свою работу 18 сентября 1947 года. Формально закон не давал ЦРУ никаких полномочий для подрывных операций за границей. Разведка должна была лишь собирать, оценивать, анализировать и распространять в американских ведомствах разведывательную информацию о зарубежных странах. Однако ЦРУ с самого начала, без ведома конгресса, но с санкции президента или СНБ, занималось такими операциями, используя следующий нарочито туманно сформулированный пассаж Акта о национальной безопасности о своих полномочиях: «... и осуществлять иные функции и обязанности, связанные с разведкой и затрагивающие национальную безопасность».^[82]

27 сентября 1947 года Кеннан направил Форрестолу (теперь влиятельному члену СНБ) докладную записку с планом Визнера по организации «партизанского корпуса» из перемещенных лиц для заброски в социалистические страны. При этом сам Кеннан признавал, что американское общественное мнение не одобрит такой меры, но утверждал, что «с огнем надо бороться огнем».^[83]

В декабре 1947 года Совет национальной безопасности (СНБ) США принял специальную директиву NSC 4-A, согласно которой только что созданной внешней разведке — ЦРУ — поручалось вести «психологическую войну» против враждебных США стран. Смысл директивы был еще и в том, что все подрывные операции носили тайный характер и не подлежали согласованию с конгрессом.^[84]

ЦРУ немедленно предложило в качестве первого театра психологической войны Италию. В этой стране была сильнейшая и популярная коммунистическая партия во главе с Пальмиро Тольятти. Авторитет итальянских коммунистов, как и в Греции, базировался на их решающей роли в борьбе против фашистского режима Муссолини и

немецкой оккупации. В Италии предстояли парламентские выборы, и ЦРУ сообщило, что если не предпринять срочных мер, то победа коммунистов более чем вероятна. При победе Тольятти Сталин якобы сможет сделать Италию коммунистической, «сняв трубку телефона», пугала Вашингтон американская разведка.

С помощью выделенных втайне от конгресса США средств (включая и деньги крупных американских корпораций, полученные через старые связи на Уолл-стрите) ЦРУ стало подкупать итальянских политиков, деятелей католической церкви и профсоюзных функционеров. С амвонов верующих (особенно женщин) начали призывать голосовать против «безбожных коммунистов», «разрушителей семьи». Священники говорили избирателям, что в кабинках для голосования бог наблюдает за ними, а Сталин — нет.

ЦРУ наняло даже самолеты, с которых на головы итальянцев сыпались антикоммунистические листовки — это был первый случай использования авиации для политической пропаганды в Европе. Члены созданных на деньги ЦРУ боевых групп срывали митинги коммунистов и социалистов. Финансируемая ЦРУ христианско-демократическая партия (ХДП) уверяла, что в «коммунистических странах родители вынуждены отдавать детей в тюрьмы, именуемые детскими садами». Пропагандисты ХДП пошли и еще дальше — мол, в СССР родители от голода вообще едят своих детей.^[85] От имени итальянской компартии оперативниками ЦРУ публиковались фальшивые листовки с бредовыми требованиями. Избирателям было отослано более 10 миллионов писем, предупреждавшим об опасности коммунизма в Италии.

Позднее ЦРУ признало, что передало ХДП и другими антикоммунистическим партиям Италии как минимум 1 миллион долларов.^[86]

Компартия Италии оказалась не готова к столь яростной и наполненной грязью компании, и ХДП получила на выборах 18 апреля 1948 года 48 % голосов. Возглавляемый коммунистами блок левых сил набрал всего 31 %.

Таким образом, ЦРУ успешно выполнило свою первую задачу.

В это время в США набирал силу очередной антикоммунистический психоз, связанный с «потерей Западом Чехословакии». В 1946 году компартия Чехословакии (КПЧ) выиграла свободные парламентские выборы и могла вместе с социал-демократами образовать левое рабочее правительство. Однако Сталин побудил лидера КПЧ Готвальда разделить власть с буржуазными партиями, членами Национального фронта чехов и

словаков.^[87]

Весной 1948 года в Чехословакии предстояли новые выборы и по оценкам ЦРУ и посольства США в Праге коммунисты могли набрать на них единолично более 50 % голосов. В этих условиях, по согласованию с США, представители буржуазных партий с целью срыва выборов в феврале 1948 года вышли из правительства, надеясь, что симпатизировавший им президент Бенеш приведет к присяге новый кабинет без коммунистов. Но согласно конституции страны, в случае, если из кабинета уходило меньше его половины (а так и было) президент должен был поручить прежнему главе правительства (т. е. лидеру сильнейшей парламентской фракции Готвальду) сформировать новый кабинет. Президент колебался, и коммунисты и профсоюзы вывели на улицы сотни тысяч людей. Бенешу пришлось соблюсти основной закон, и новое правительство Национального фронта Готвальда стало гораздо более левым, чем раньше.

В США почему-то окрестили эти события «коммунистическим путчем в Праге», хотя путч (хотя и неудачный) на самом деле предприняли противники коммунистов. Этот «пражский путч» стал предлогом для дальнейшего расширения полномочий ЦРУ в обход Акта о национальной безопасности 1947 года.

17 марта 1948 года (в первую годовщину провозглашения своей «доктрины») Трумэн опять выступил перед обеими палатами конгресса с антисоветской речью, в которой, в частности, нарисовал следующую откровенно лживую апокалиптическую картину: «...Трагическая смерть Чехословацкой Республики вызвала шок во всем цивилизованном мире... Греция подвергается прямому военному нападению... В Италии коммунистическое меньшинство предпринимает агрессивные и решительные усилия, чтобы взять эту страну под контроль».^[88]

Под аккомпанемент этой новой волны антикоммунистической истерии ЦРУ получило незаконные дополнительные полномочия.

18 июня 1948 года новая директива СНВ NSC 10/2 уже точнее определила, что понималось под тайными операциями (covert actions). Это операции, «которые осуществляются или поддерживаются нашим правительством против враждебных иностранных государств или групп или в поддержку дружественных иностранных государств или групп, но которые планируются и осуществляются так, что любая ответственность правительства США за них не очевидна непосвященным лицам, и если эти операции становятся достоянием гласности, правительство США смогло бы достоверно отречься от любой ответственности за них».

[89] Организовывать подрывные операции поручалось ЦРУ либо единолично, либо в контакте с госдепартаментом и министерством обороны. Перечень подрывных акций СНБ определял следующим образом: «пропаганда; экономическая война; превентивные прямые акции, включая саботаж, контрсаботаж, разрушение (объектов) и эвакуация (людей); подрывная деятельность против враждебных государств, включая поддержку движений сопротивления, партизан и эмигрантских освободительных групп, а также поддержку местных антикоммунистических элементов в находящихся в опасности странах свободного мира». [90]

Только в 1948–1952 годах ЦРУ смогло осуществить как минимум 81 подрывную акцию против социалистических стран и мирового коммунистического движения. [91]

Между тем, в 1947 году Визнер представил программу «Операция Пересмешник», нацеленную на манипулирование американскими и зарубежными СМИ. Он требовал создания в США единого ведомства внешней пропаганды. Но пока к проектам Визнера не хотели прислушиваться (особенной в Пентагоне), считая их слишком оторванными от реальной жизни. Какими они, собственно, и являлись.

Но Визнер не сдавался, и в мае 1948 года сформулировал свое новое предложение (программа «Кровавый камень», Визнер любил театрально выпренные псевдонимы и кодовые обозначения) об использовании эмигрантов из социалистических стран. На сей раз он пытался с их помощью осуществить массовое внедрение в коммунистические партии и левые общественные организации (профсоюзы, движение за мир, творческие союзы и т. д.). Визнер всегда завидовал коммунистам в том, что они так легко ведут за собой массы, но он считал, что дело здесь не в идеях и убеждениях, а просто в грамотной технологии манипулирования толпой. «Толпу» Визнер брался завоевать всего за 5 миллионов долларов, которые он запросил на свой «Кровавый камень».

Свои идеи Визнер активно пропагандировал на вечеринках, которые он с женой устраивал по выходным для своих единомышленников в своем доме в Вашингтоне. Там много пили и рассуждали о спасении мира от Советов. Завсегдатаями на этих вечеринках (Sunday Night Suppers) были единомышленники Визнера Кеннан и Форрестол. Подвыпивший Визнер в перерывах между обсуждением «крестового похода против коммунизма» поражал гостей экстравагантным танцем crab walk и хвастался, что на его вечеринках собрана «коллекция самых привлекательных женщин

Америки».^[92]

Скоро для неумного Визнера нашлось-таки дело его жизни. Поручив ЦРУ незаконные «тайные операции», никто из членов СНВ не хотел брать на себя полномочия по их санкционированию в письменной форме. Трумэн, будучи уже в отставке, утверждал в начале 1960-х годов, что, находясь в Белом доме, вообще ничего не знал ни о каких тайных операциях ЦРУ. Ложь Трумэна тогда разоблачил Аллен Даллес, которого президент Джон Кеннеди уволил с поста директора ЦРУ за позорный провал агрессии против Кубы в заливе Свиней в апреле 1961 года.

Из-за боязни «бумажного следа» для «грязных дел» решили в 1948 году создать отдельную структуру, лишь номинально входившую в ЦРУ. Название было выбрано самое невинное — Офис по координации политики (Office of Policy Coordination). Кадровой основой офиса стали переданные в 1946 году военным бывшие остатки террористических структур УСС (Подразделение стратегических служб). В 1946 году подразделение переименовали в Офис специальных операций (Office of Special Operations, OSO). Именно эта структура, влитая в ЦРУ и осуществила подрывные операции против коммунистов в Италии весной 1948 года.

Визнер с помощью Кеннана и Форрестала активно лоббировал создание специального «агентства» по подрывным операциям и психологической войне — ведь формально по закону 1947 года ЦРУ не могло всем этим заниматься.

Наконец по упоминавшейся выше резолюции СНВ NSC 10/2 от 18 июня 1948 года (ее текст составил Кеннан) для проведения втайне от конгресса США тайных операций был создан Офис специальных проектов (Office of Special Projects), быстро переименованный в еще более «невинный» Офис по координации политики (Office of Policy Coordination). Кеннан, Форрестал и Даллес провели на пост главы новой структуры Визнера.

От ЦРУ офис Визнера получил лишь здание для работы и финансирование. Первоначально в офисе числилось всего 10 человек. Формально организация Визнера подчинялась Штабу политического планирования госдепартамента США, который специально создали «под Кеннана». Но к тому времени (лето 1948 года) Кеннан сам пришел в ужас от задуманной им же самим «холодной войны» и предпочитал не участвовать в зачастую опасных и сумасбродных прожектах своего партнера по вечеринкам Визнера. Последнему это было только на руку — офис Кеннана «не глядя» визировал все его начинания.

Визнер ненавидел бюрократов и военных и поэтому искал для работы в своем офисе авантюристов из хороших (т. е. богатых) семей — то есть себе подобных. Военных Визнер презрительно именовал «виски-полковниками» — мол, они просиживают бес толку штаны в штабах, мечтая вечером надраться до одурения в офицерском казино.

Больше всего энтузиастов рекрутировали на последних курсах престижных американских университетов. Доверчивых студентов, уставших от сытой и богатой жизни, соблазняли зарубежными приключениями в духе Лоуренса Аравийского. Набор кадров из университетов называли на жаргоне американской разведки «источник П» (от слова «профессор»). В 1950-е годы в Принстоне персонал для разведки отбирал, например, декан по работе со студентами Уильям Липпинкотт. Обычно он спрашивал молодых людей, не хотели бы они послужить стране «особым способом».

Визнер решил, наконец, на практике осуществить давно задуманные им проекты психологической войны против СССР и его союзников. Своим помощником в этом новом деле Визнер избрал Джо Брайана, тоже южанина из Вирджинии по кличке «герцог Ричмондский». В офисе тот возглавил «мастерскую психологической войны» (Psychological Warfare Workshop). Команду себе Брайан набрал из своих бывших коллег-студентов по изданию сатирического журнала Принстонского университета «Тигр».

Визнер призвал работников «мастерской» выдвигать самые смелые идеи, что те и не преминули сделать. Первый проект «психологической войны» состоял в том, чтобы изготовить и сбросить над советскими городами с самолетов большие партии огромных презервативов с надписью по-английски на каждом «medium» (т. е. среднего размера). Эта акция должна была убедить советских женщин в экстраординарных сексуальных способностях американских мужчин.^[93] Правда, проект остался на стадии «концепции», так как был оригинальным даже для Визнера.

Более серьезным делом людей Визнера стало предоставление финансирования для экранизации в Голливуде антикоммунистического памфлета Оруэлла «Скотный двор». Для жены Оруэлла даже организовали по ее просьбе встречу с ее любимым актером Кларком Гейблом.

Еще одной «звездой» Визнера стал бывший сотрудник посольства США в Москве Кармел Оффи, который с гордостью называл себя гомосексуалистом — невероятная вещь для Америки того времени. Оффи выгнали с дипломатической службы за то, что он использовал дипломатическую почту для контрабанды валюты, рублей, алмазов и даже финских лобстеров. Но Кеннан убедил Визнера взять на работу этого

«специалиста по России».

Оффи устраивал для Визнера и Кеннана разные «приятные вещи». Например, он нашел для жены Визнера хорошего повара, а для детей своего босса устраивал просмотры кинофильмов.

Директор ФБР Гувер не без оснований называл Офис по координации политики «бандой чудаков Визнера».

Именно Оффи, как человеку без всяких моральных принципов, Визнер поручил разработку своей давнишней идеи о создании «освободительной армии» из «перемещенных лиц». Кадры этой армии составили бывшие нацисты, например Густав Хильгер. В 1923–1941 гг. Хильгер работал в германском посольстве в Москве и считался специалистом по России. В столице СССР он подружился с молодым американским дипломатом и будущим «отцом холодной войны» Джорджем Кеннаном.

После 22 июня 1941 года Хильгер был уполномоченным рейхсминистра иностранных дел Риббентропа по «восточным вопросам» (т. е. по СССР) и в этом качестве отвечал за связи МИД Германии с СС. Именно Хильгер координировал работу с СС по массовому истреблению коммунистов и евреев на территории Советского Союза «айнзацгруппами» СС. В 1943 году Хильгер участвовал в операции по депортации итальянских евреев в нацистские лагеря смерти. В 1944 году он содействовал образованию так называемого Комитета освобождения народов России (КОНР) во главе с Власовым в Праге и формированию частей власовской «армии» (РОА).

После войны Хильгер находился в розыском списке союзников как опасный нацистский преступник.

Однако еще в 1945 году американцы тайно перевезли его в США, где Хильгер стал советником госдепартамента по «русским вопросам» по протекции Кеннана. Во время суда над нацистами в Нюрнберге представитель Великобритании требовал ареста Хильгера, но американцы «не знали», где он находится. В то же время спецслужбы США даже выкрали из советской зоны оккупации жену и дочь Хильгера.^[94]

Контакты ЦРУ и офиса Визнера с бывшими нацистами в то время держались в тайне, так как вызвали бы глубокое возмущение американского общественного мнения.

В 1949 году конгресс США принял специальный закон (CIA Act, или Public Law 110), разрешавший ЦРУ конфиденциально вывозить в США и оформлять вне рамок обычного иммиграционного законодательства американские документы «полезным» иностранцам. Так в США оказалось много нацистских преступников.

По этому же закону ЦРУ фактически освобождалось от всякого контроля за конкретным расходованием выделявшихся разведке бюджетных средств.

В 1972 году конституционность закона была оспорена в Верховном суде США, но суд в 1974 году отказал истцу (налогоплательщику Уильяму Ричардсону) в необходимой «квалификации» для рассмотрения данного дела.

Визнер настолько доверял Оффи, что подписывал все представленные последним документы не глядя.

Оффи набрал из «перемещенных лиц» 5 тысяч «добровольцев-партизан», которых начали тренировать на американских военных базах в Германии для заброски на так называемые «территории вне доступа» (denied areas). Так на жаргоне людей Визнера именовались социалистические страны. Заброшенные «добровольцы» должны были составить «ядро постядерных партизанских сил». ^[95] То есть после нанесения американского ядерного удара по СССР (у Советского Союза на тот момент еще не было собственной атомной бомбы) кадры Визнера должны были начать массовое антикоммунистическое партизанское движение.

Заметим, что согласно разработанному министерством обороны США в 1949 году «плану Дропшот» предусматривалось сбросить на советские города (200 целей в 100 городах) 300 атомных и 29 тысяч «обычных» мощных бомб, чтобы одним ударом лишить и так разрушенный нацистами Советский Союз 85 % промышленного потенциала.

В сентябре 1949 года началась выброска с американских самолетов «добровольцев» с территории ФРГ на Западную Украину (операция ZRELOPE), ^[96] где они должны были усилить еще сопротивлявшиеся остатки бандеровцев из Украинской повстанческой армии (УПА). Операция завершилась полным фиаско — все группы Визнера были быстро обезврежены советскими органами госбезопасности.

В начале 1949 года Визнер дал указание объединить группы «старой» (белогвардейцы) и «новой» (власовцы и прочие нацистские коллаборационисты) русской эмиграции в единый центр, который должен был помогать отбирать агентуру для заброски в Советский Союз. ^[97] 13 апреля 1949 года была дана санкция на образование Русского благотворительного комитета, якобы для помощи «беженцам» из СССР.

В специальном секретном докладе офиса Визнера «Обзор русской эмиграции» (Survey of Russian Emigration, составлен в 1950 году)

анализировались основные группы эмиграции из СССР с точки зрения их «полезности» для США.

Основная роль в обзоре уделялась власовцам из РОА и фигуре самого Власова. Американцы выразили восхищение тем, как Власов в «кратчайшие сроки в очень неблагоприятных условиях превратил преданных советских работников в твердых антикоммунистов, что является феноменом выдающегося значения».^[98] Визнер предлагал использовать этот «полезный» опыт. В обзоре подчеркивалось, что власовское движение якобы никогда не разделяло цели нацистов: «...власовцы взяли за оружие как политические беженцы^[99] с целью борьбы за русские национальные интересы...». Отсюда люди Визнера делали «логический» вывод — власовцы не являются коллаборационистами и с ними можно сотрудничать.

После одобренного Визнером доклада для скрытой финансовой поддержки бывших пособников нацистов из числа советских граждан в 1951 году был учрежден «частный» Американский комитет за освобождение народов России. Учредителей комитета отбирал лично Визнер.

На самом деле комитет служил прикрытием для формирования из бывших советских граждан разведывательно-диверсионных групп в рамках операции Офиса по координации политики QKACTIVE (т. е. операция «Активный»). Цель операции была определена в сентябре 1950 года как «политическая организация и активация русской эмиграции с перспективой обеспечения сотрудничества народов России в борьбе западных демократий против нынешних правителей России».^[100] В рамках операции предполагалось создать «объединенный фронт» эмиграции, финансировать газеты и радиостанции на русском языке антисоветской направленности. Планировалось даже создать Институт русских исследований в ФРГ.

После долгой грызни среди антисоветских эмигрантских организаций, выведившей Визнера из себя, удалось, наконец, собрать в октябре 1952 года в Мюнхене десяток мелких антисоветских групп, образовавших Координационный центр антибольшевистской борьбы (КЦАБ). Среди руководства центра были много власовцев и нацистских пособников из грузин и представителей народностей Северного Кавказа. За образец был взят учрежденный нацистами в ноябре 1944 года (Визнеру помог советами Хильгер) власовский КОНР. Причем американцы столкнулись с той же проблемой, что и немцы в 1944 году — националисты типа бандеровцев или грузин не хотели подчиняться «русским» эмигрантам. С другой стороны против националистов как «раскольников единой и неделимой

России» выступал Национально-трудовой союз (НТС) — главная политическая группировка «русской» антисоветской эмиграции, также активно сотрудничавшая с немцами на временно оккупированной территории СССР.

После 1945 года НТС с помощью американцев снабжал власовцев новыми документами, чтобы спасти их от выдачи Советскому Союзу как военных преступников.

Но уже в 1953 году детище Визнера — КЦАБ — развалилось: украинские и прочие националисты создали в Париже свой «блок» — Международный антибольшевистский координационный центр, а визнеровский КЦАБ был переименован для пущей важности в Координационный центр освобождения народов России. Напомним, что созданная нацистами в 1944 году власовская политическая организация носила название — Комитет освобождения народов России. Преемственность явно налицо.

В результате в «сухом остатке» «операции Активный» оказалось финансируемое ЦРУ «Радио Свобода», начавшее в 1953 году вещание на языках народов СССР.

Но Визнер не успокоился. В начале 1953 года он привлек НТС к новой операции американской разведки — AESAURUS (т. е. операция «Ящер»). В рамках этого проекта НТС должен был с помощью людей Визнера готовить и забрасывать в СССР подпольные группы, а также вести разлагающую пропаганду на дислоцировавшиеся в ГДР советские войска. Однако, как и в случае с прочими проектами Визнера, гора опять родила мышь: у НТС просто не оказалось тех «многочисленных, проверенных и решительных кадров», о которых лидеры организации хвастливо заявляли Визнеру, чтобы получить у него деньги на свои личные нужды.

С СССР явно ничего не получалось, и Визнер решил свергнуть власть коммунистов в самой с его точки зрения уязвимой стране социалистического лагеря — Албании. Албания была отрезана от других социалистических стран полуфашистским режимом в Греции и титовской Югославией, которая с лета 1948 года проводила в отношении Москвы конфронтационный курс. Заметим, что одной из причин кризиса в советско-югославских отношениях было то, что Сталин фактически не дал Тито аннексировать Албанию. К тому же Албания была очень бедной страной с сильными феодальными пережитками в экономике.

Албанию (как и Грецию) традиционно считали сферой своего влияния англичане и британская разведка (Secret Intelligence Service, SIS) после войны всячески пыталась дестабилизировать власть лидера албанской

компартии Энвера Ходжи. Но, как и в случае с Грецией, у англичан не хватало денег, и Визнер предложил своим британским коллегам сделку — англичане предоставляют инструкторов и базу на Мальте с целью подготовки агентов-«партизан» для заброски в Албанию (тогда Мальта была британской колонией), а офис Визнера — деньги.

Визнер еще с войны очень ценил опыт британской разведки по проведению специальных операций, считая англичан своими учителями. К тому же ему очень нравился представлявший SIS в США в 1949–1951 гг. потомственный британский аристократ Ким Филби. Филби был остроумным, светским человеком и также как и Визнер любил вечеринки и красивых женщин. Визнер гордился тем, что такой «гламурный» светский лев и аристократ как Филби входит в его круг. Вот чего Визнер никак не мог предположить, так это того, что выпускник Кембриджа и сын лорда с 1934 года добровольно и сознательно стал сотрудником советской разведки.

14 апреля 1949 года Визнер заключил с англичанами в Лондоне джентльменское соглашение по свержению власти коммунистов в Албании, и почти сразу же об этом стало известно в Москве.

Албанскую операцию окрестили BGFIEND (т. е. «операция Злодей»), и в октябре 1949 года с моря и из Греции в Албании было высажено 20 набранных среди «перемещенных лиц» боевиков, которые должны были начать в стране «народное» партизанское движение. Ведь согласно анализу англичан албанцы только и ждали сигнала, чтобы подняться против «ненавистного коммунистического режима». Визнер создал даже албанское правительство в изгнании — Албанский национальный комитет.

Через несколько недель остатки боевых групп смогли пробиться в Грецию и сообщили, что во время высадки на берегу их уже ждали, а албанцы не проявили никакого желания бороться против коммунистов — бывших партизан, воевавших против немецких и итальянских оккупантов в годы войны. Тем не менее, англичане и американцы продолжали засылать агентуру в Албанию до 1952 года — с тем же «успехом». Последних американских агентов-«злодеев» выловили в Албании в 1954 году.

Очередной провал Визнера не смутил. Жизни своих агентов финансовый аристократ Визнер никогда не ценил и считал потери в 20 % абсолютно нормальными. К тому же он работал по принятому среди американских юристов принципу — чем больше проектов, тем больше финансирования. А уже чем эти проекты завершатся — дело десятое.

В принципиальном плане следует подчеркнуть, что с деньгами, хотя и незаконными с точки зрения американского законодательства, у офиса Визнера проблем не было.

В апреле 1948 года США стали осуществлять так называемый «план Маршалла»^[101] — выделение кредитов странам Западной Европы в обмен на удаление коммунистов из правительств (как это имело место во Франции и в Бельгии) и присоединение этих стран к системе военно-политических союзов под эгидой США. В 1948–1951 гг. в общей сложности было выделено 13 миллиардов долларов, в том числе 2,8 — Великобритании, 2,5 — Франции, по 1,3 — Италии и ФРГ (западные немцы выплачивали США обратно их «помощь» до 1983 года). По этому плану разоренные войной западноевропейские страны были вынуждены открыть свой рынок для не находивших сбыта в США американских товаров, за которые европейцы платили к тому же по искусственно завышенным ценам.

Но чего не знали ни американские, ни западноевропейские налогоплательщики, так это того, что по «плану Маршалла» финансировались подрывные операции Визнера, причем зачастую против тех же стран, которые получали американские кредиты. Согласно условиям «плана Маршалла» страны-получатели американских кредитов должны были в виде залога ежегодно откладывать на специальных счетах 5 % от предоставляемых США средств (примерно 200 миллионов долларов) в своих валютах. Именно этими деньгами бесконтрольно и пользовалось ведомство Визнера.^[102]

В 1953 году ЦРУ выделило на дестабилизацию СССР и европейских социалистических стран 100 миллионов долларов, причем половину из них — на военную и специальную подготовку и заброску «партизан» и прочих агентов.^[103]

Позднее Визнер и другие ветераны ЦРУ утверждали, что американская разведка никогда не планировала убийства иностранных граждан. Это была очередная ложь. Бывший помощник Визнера Джим Маккаргар признал: «Мы говорили о покушениях».^[104] Причем речь шла далеко не о рядовых иностранцах. В 1952 году Визнер рассматривал план организации покушения на Сталина, если тот приедет в Париж на саммит «большой четверки» лидеров стран бывшей Антигитлеровской коалиции, который инициировали французы.^[105] Конкретно предполагалось подложить бомбу в машину советского лидера. Но встреча в верхах в Париже так и не состоялась.

Заметим, что до этого Сталина пытались убить только одно иностранное государство — нацистская Германия (во время Тегеранской конференции 1943 года), но она хотя бы находилась на тот момент в

состоянии войны с СССР.

В заключение стоит отметить, что после неудачной и кровавой операции ЦРУ по организации контрреволюционного восстания в Венгрии в 1956 году Визнер устроил дебош в венском ресторане и был отправлен на психиатрическое лечение с диагнозом «маниакальная депрессия». Его лечили электрошоком, и после 6-месячного пребывания в больнице директор ЦРУ Аллен Даллес^[106] отправил Визнера на «спокойное место» — резидентом американской разведки в Лондоне. В 1962 году (уже при Джоне Кеннеди) его отозвали в Вашингтон и заставили написать прошение об отставке. 29 октября 1965 года Визнер застрелился — он так и не смог пережить свое личное поражение в «холодной войне».

Нацисты в Аргентине: мифы и реальность

С 1945 года и по сегодняшний день появляются «проверенные» и «предположительные» сведения о бегстве в Аргентину после краха «Третьего рейха» лидеров Германии и нацистских военных преступников рангом ниже.^[107] На берегах Ла-Платы «видели» и Гитлера, и Бормана, и шефа гестапо Мюллера. В джунглях северной Аргентины (наиболее неосвоенная часть страны) с завидной регулярностью находят руины «секретных» нацистских поселений. Все это плод воображения падких на сенсации журналистов, а также различных «краеведов» и «следопытов».

Но все же дыма без огня не бывает. Попробуем отделить зерна от плевел, опираясь на факты.

Аргентина, в отличие от соседних Бразилии и Чили, долгое время не была центром германской поселенческой колонизации в Латинской Америке. Только в 1843 году немцы основали там свою Евангелическую церковь (Аргентина была и остается католической страной), а реальная более или менее массовая немецкоговорящая эмиграция относится к периоду после 1870 года.^[108] Причем поначалу в Аргентину ехали немцы отнюдь не из Германии, а в основном поволжские немцы из России. Это было связано с курсом правительства Александра III на ассимиляцию немецких колонистов и на «привитие» им православия. А ведь в свое время в Россию немцы приезжали из различных германских государств именно потому что им гарантировали на новой родине свободу вероисповедания.

Аргентинское правительство старалось селить немцев в неосвоенных джунглях северо-востока страны на границах с Бразилией и Парагваем. Местные жители туда особо не рвались — их пугали нездоровый тропический климат и полное отсутствие дорог.

В начале XX века некоторые немцы-колонисты разбогатели, но на политическую жизнь Аргентины никак не влияли, отсиживаясь в своих хуторах и деревнях. Они эксплуатировали в основном своих же соотечественников, которые продолжали приезжать из Швейцарии и Германии.

Всего в начале 1930-х годов в Аргентине проживало примерно 250 тысяч граждан немецкого происхождения. В одном только Буэнос-Айресе насчитывалось примерно 160 немецких организаций, занимавшихся широким спектром деятельности — от поглощения немецкого пива до стендовой стрельбы.

Во время Веймарской республики иммиграция из страдающей от безработицы, инфляции и постоянного политического кризиса Германии в Аргентину сильно выросла. Только в 1923 году, например, на берега Ла-Платы приехало в поисках лучшей доли 5105 немцев, в 1927–5165, в 1930–5139. Примерно половину приезжих составляли промышленные и сельскохозяйственные рабочие, треть — различного рода бизнесмены (обычно разорившиеся в Германии).^[109] Но в 1932 году мировой экономический кризис всей мощью ударил и по Аргентине, и страна сократила иммиграцию из Германии в два раза.

Треть немцев Буэнос-Айреса (столица всегда играла главную роль в политической жизни Аргентины) в 1930-е годы были рабочими, но большинство принадлежало к зажиточным средним слоям (коммерсанты, врачи, адвокаты и т. д.).^[110] Ведущими немецкими газетами были основанные еще в XIX веке «Ла-Плата Цайтунг» и «Аргентинише Тагеблатт».^[111] В немецкой колонии присутствовал весь спектр политических взглядов.

В наиболее отсталой аргентинской провинции Мисьонес на границе с Парагваем жило к моменту прихода Гитлера к власти примерно 10 тысяч немцев — граждан Германского рейха (Reichsdeutsche).^[112] По крайней мере, начиная с 7 апреля 1931 года, в Аргентине существовала небольшая организация НСДАП,^[113] поддерживавшая связи с немецким посольством в Буэнос-Айресе. Поначалу организацию возглавлял капитан в отставке и бизнесмен-неудачник Рудольф Зайд.^[114] Друг Зайда майор в отставке Шнайдер был осведомителем аргентинской армии. Первый митинг нацистов в Буэнос-Айресе состоялся 27 июля 1931 года. Позднее Зайда сочли слишком бестолковым (к тому же он запутался в своем бракоразводном процессе) и он был заменен в 1932 году на Экарда Ноймана. Тот по оценкам АО НСДАП (см ниже) оказался «политически незрелым» и уже в конце 1932 года ему на смену пришел друг Зайда Рудольф Гернд, редактор «Ла-Плата Цайтунг». К моменту прихода Гитлера к власти, в организации НСДАП в Аргентине состояло по разным данным от 150 до 315 членов.

Вплоть до начала Второй мировой войны аргентинские власти не чинили местным нацистам никаких препятствий, зато эмигранты-антифашисты из Германии (особенно социал-демократы и коммунисты) сталкивались с различными бюрократическими препонами.

Формально аргентинские нацисты подчинялись организационно Заграничной организации НСДАП (Auslandsorganisation der NSDAP, АО

NSDAP; существовала на правах 43-го «гау» партии), которую с мая 1933 года возглавлял гауляйтер Эрнст Вильгельм Боле. Управление VII АО НСДАП ведало «Ибероамерикой» (т. е. Латинской Америкой и Карибским бассейном). Шефом управления был Рихард Вильгельм Цайсиг.^[115]

Биография этого человека очень показательна для нацистских кадров, занимавшихся Латинской Америкой в целом и Аргентиной — в частности.

Фанатик охоты и лошадей Цайсиг (родился в 1897 году) дослужился в годы Первой мировой войны до лейтенанта кайзеровской армии (имел несколько наград) и, как и многие его сверстники, тяжело переживал «неожиданное» поражение Германии в 1918 году. В 1920 году он принял участие в реакционном капповском путче, после поражения которого отправился вместе с братом в Аргентину.

Аргентина сказочно разбогатела на поставках мяса и зерна Антанте в годы войны и была в 1920 году одной из самых зажиточных стран мира. Многие немцы бежали туда от национального унижения, гиперинфляции и безработицы. Иммиграционная политика аргентинских властей была очень либеральной. Например, пассажиры первого класса всех пароходов (т. е. богатые люди) могли въезжать в страну без всякой визы.

Цайсиг подвизался на юге Аргентины в Патагонии сельскохозяйственным рабочим, потом ковбоем-гаучо (пригодилось отличное знание лошадей). С трудом накопив денег, он купил землю на севере Аргентины, но засуха положила конец бизнесу. После этого Цайсиг работал представителем немецкой фирмы в Буэнос-Айресе, занимавшейся экспортом в страну сельскохозяйственных машин. Именно в этом качестве он приехал в Германию в 1930 году. Страну тогда сотрясал жесточайший экономический кризис, обеспечивший НСДАП феноменальный успех на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 года. Цайсиг познакомился в Мюнхене с Гитлером и, вернувшись в Буэнос-Айрес, возглавил в рамках тамошней организации НСДАП «спортивную группу» — аналог боевой организации СА.^[116] На базе Немецкого конного клуба было создано кавалерийское подразделение СС.

«Спортсмены» срывали показы «вредных» фильмов в кинотеатрах (типа экранизации романа Ремарка «На Западном фронте без перемен») и проводили шумные демонстрации против антигермански настроенных аргентинских политиков. Например, 5 апреля 1933 года нацисты смогли собрать в лучшем театре Аргентины «Театро Колон» более пяти тысяч сторонников в поддержку «нового порядка» в Германии.^[117] Люди Цайсига совершили налет на редакцию «Аргентинише Тагеблатт» и избили

сотрудников газеты. Немецкое посольство в Буэнос-Айресе со своей стороны пыталось подорвать газету экономически, организовав бойкот рекламных объявлений со стороны «правильных» немецких фирм.

Нацисты смогли превратить в свой рупор вторую по значимости немецкую газету Аргентины «Ла-Плата Цайтунг» (основана в 1863 году), которая до 1933 года стояла на монархических позициях. При поддержке НСДАП, посольства Германии (оттуда газета получала прямую финансовую помощь) и крупного немецкого бизнеса тираж газеты удалось довести до 30 тысяч экземпляров.^[118]

Заслуги Цайсига высоко ценили в Берлине, и в 1934 году Боле отправил его в Чили, чтобы организовать боевую организацию НСДАП и в этой стране. Заметим, что именно чилийская организация НСДАП считалась самой мощной в Южной Америке.^[119]

Через год Цайсиг работал уже в центральном аппарате АО в Берлине. Ему оказали честь, включив в делегацию НСДАП на открытии Олимпийских игр 1936 года, а на его свадьбе присутствовал Боле. Затем «ценному кадру» отдали прекрасную квартиру, отобранную у евреев.

Помимо Цайсига некоторые ведущие нацисты имели особое отношение к Латинской Америке, и Гитлер прислушивался к ним как к «экспертам» по региону.

Близкий друг Гитлера^[120] и основатель СА Эрнст Рем в 1928–1930 гг. работал военным советником в Боливии (будучи отставным капитаном рейхсвера, Рем получил звание подполковника боливийской армии, научился бегло говорить по-испански; ему выделили высокий оклад — 1000 боливианос в месяц).^[121] Рем служил начальником III-го (оперативного) управления боливийского генштаба. Именно он готовил боливийскую армию к войне с Парагваем, проведя успешные штабные учения. После военного переворота в Боливии в 1930 году, Рему предложили должность начальника генерального штаба боливийской армии.^[122] Но «фюрер» срочно вызвал друга в Германию, где нацисты как раз добились оглушительного успеха на выборах в рейхстаг. В Берлине Рем (ставший фактически вторым человеком в НСДАП) часто посещал боливийское посольство. Однако, как известно, Гитлер по просьбе рейхсвера ликвидировал Рема и его соратников в 1934 году («ночь длинных ножей»). Заметим, что до самой смерти Рем числился офицером боливийской армии.

С тех пор главным «латиноамериканистом» в нацистской верхушке был Рихард Вальтер Дарре, родившийся в Буэнос-Айресе (его отец работал

там представителем немецкого торгового дома).^[123] В Первую мировую войну Дарре служил в германской армии (звание — лейтенант), затем пытался заниматься сельским хозяйством. Он намеревался вернуться в Аргентину, но этому помешало отсутствие средств.

Селекцию в области животноводства Дарре предлагал применять и к людям, что и привело его к нацистам. Наиболее чистой частью немецкого народа в расовом отношении Дарре считал крестьян, что нашло отражение в его книге «Новое дворянство из земли и крови» (1930). «Учение» Дарре о «земле и крови», как основных генетических признаках нации, после 1933 года изучали во всех немецких школах. Таким образом, Дарре был на практике главным теоретиком НСДАП после Гитлера. Дарре помимо немецкого владел испанским, французским и английским языками.

С 1931 года Дарре в ранге штандартенфюрера СС (членом НСДАП и СС он был с июля 1930 года) возглавил Расовое и переселенческое управление СС (Rassen- und Siedlungshauptamt, RuSHA). Целью управления была биологическая селекция членов СС, а затем и всего немецкого народа. Именно это управление, например, давало разрешение на браки членов СС.

После прихода нацистов к власти Дарре был сначала назначен «имперским фюрером крестьян» (Reichsbauernführer), а с июня 1933 года стал имперским министром продовольствия и сельского хозяйства. Однако после продовольственного кризиса в Германии весной 1942 года Дарре был фактически отправлен в отставку и с тех пор никакого влияния на политику «рейха» не имел. Сильно испортились и его отношения с бывшим соратником Гиммлером — последний решительно выступил против планов Дарре по переселению немецких крестьян на оккупированные земли СССР^[124]

В целом Гитлер считал Латинскую Америку естественным союзником Германии, так как многие страны региона, устав от постоянного вмешательства США в их внутренние дела, видели в Берлине естественный противовес Вашингтону. Что касается Аргентины, то «фюрер» оценивал ее как самую расово чистую и «белую» страну Западного полушария (в отличие от традиционного противника Аргентины «негроидной» Бразилии). А это в его глазах делало Аргентину естественным привилегированным союзником нацистской Германии по ту сторону Атлантики.

Инструктируя в 1933 году отправлявшегося в Аргентину главу дипломатического представительства Германии фон Термана, Гитлер сказал ему, что национал-социализм не предназначен для экспорта. То есть «новая

Германия» не будет навязывать Аргентине свою модель.^[125] В 1936 году Терман приехал в Германию в свой первый отпуск, и его для короткой беседы принял Гитлер. Только что повышенный до уровня посла фон Терман рассказал «фюреру» о политической обстановке в Аргентине и о торгово-экономических связях обеих стран. Гитлер только слушал и почти ничего не комментировал.

Когда фон Терман опять появился в Берлине в мае 1938 года, «фюрер» уже не удостоил его личной встречи, так как аргентино-германские отношения считались беспроблемными и не требовали вмешательства глав государств. Если не считать того, что аргентинцы постоянно навязывали немцам мясо, однако немецкое население до войны неохотно покупалось мороженую говядину с другого конца света.^[126]

В целом, что касается торговли, можно констатировать, что аргентинцев в сторону немцев просто толкали англичане. В 1932 году они ввели льготный режим для импорта мяса из своих доминионов (Канада, Австралия). Аргентинцам же выставили унижительное условие — минимум 85 % поставляемого на берега Альбиона мяса должно было происходить из холодильников, принадлежащим иностранным (читай: британским) фирмам. Да и остальные 15 % мяса предписывалось ввозить в Англию только на британских судах. Немцы, напротив, заключили торговый договор с Аргентиной в 1934 году на равных условиях. К 1937 году товарооборот «рейха» со странами Латинской Америки удвоился, и Аргентина являлась главным торговым партнером. Так как ни у Аргентины, ни у Германии не было свободно конвертируемой валюты, то торговлю вели на условиях клиринга. За мясо, кофе, пшеницу, табак, каучук и хлопок немцы платили оборудованием.

Заметим, что Гитлер и партийное руководство НСДАП не доверяли фон Терману — как и многие дворяне в МИД фон Терман считал лидеров нацизма плебеями и выскочками. Что, правда, не мешало ему служить этим плебейм верой и правдой, хотя и без особого рвения. Однако Боле постоянно жаловался Гессу (до 1941 года заместитель Гитлера по партийным делам), что фон Терман плохо поддерживает организацию НСДАП в Аргентине. В 1940 году фон Термана в этой связи даже вызвали в Берлин, где ему пришлось оправдываться.^[127]

Что касается нацистской разведки, то за Аргентину (как и за все западные страны) отвечало VI управление РСХА (SD Ausland) во главе с бригаденфюрером СС Вальтером Шелленбергом.

Начиная с 1937 года британская и американская разведки^[128] резко

усилили слежку за немцами в Аргентине. Англичан беспокоило, что в случае начала войны с Германией члены НСДАП в Аргентине могут организовать на пустынных берегах Патагонии базы для германских субмарин и «карманных линкоров». Ведь германский флот пытался оперировать в Южной Атлантике и во время Первой мировой войны. К тому же англичане (закупавшие 85 % аргентинской говядины), опасались, что люди Цайсига могут организовать диверсии на железных дорогах и в портах и сорвать поставки продовольствия в воюющую Великобританию.

Американцы до 1939 года особого внимания Аргентине не уделяли. Многие в Вашингтоне считали, что британцы специально раздувают миф о «нацистской угрозе» в Аргентине, чтобы сохранить там преобладающие позиции своего бизнеса в условиях возросшей американской конкуренции.

Когда в Европе вспыхнула Вторая мировая война, Аргентина объявила о своем нейтралитете (4 сентября 1939 года).

Но страна раскололась в своих симпатиях. Городская интеллигенция была на стороне Англии, и в этом ее поддерживали «коровьи бароны» — аргентинская животноводческая олигархия. Ведь почти все мясо шло в Англию, а возможный экспорт в Германию все равно был не более чем сказкой в условиях тотального господства на море флота Его Величества.

На стороне Германии и Италии стояли армия и католическая церковь. Аргентинские военные по образцу своих чилийских коллег восторгались германской военной историей, и с 1904 года ее изучение было обязательным для всех аргентинских офицеров. Католическая церковь считала, что Германия и Италия являются передовым отрядом в борьбе против «безбожных» коммунистов, евреев и «прогневших» либеральных демократий Запада.

К тому же армия и церковь носились с идеей образования в Южной Америке «католической империи» в границах бывшего испанского вице-королевства Ла-Плата. Предполагалось с опорой на немцев и итальянцев подчинить в той или иной форме Чили, Боливию, Уругвай и Парагвай. Это, в свою очередь, давало возможность повергнуть в прах «исторического врага» Аргентины — Бразилию. В этом случае Аргентина превращалась в мировую державу. Бразилия твердо ориентировалась на США, поэтому аргентинское офицерство столь же твердо симпатизировало противникам Америки в мировой войне.

Бразильский диктатор Жетулио Варгас, в общем-то, мало отличался по мировоззрению от Гитлера или Муссолини, но он не доверял Германии. На юге Бразилии (в отличие от Аргентины) компактно проживало много немцев, и Варгас боялся, что «Третий рейх» может попытаться

организовать там сепаратистское движение при поддержке Аргентины.

Свойственного, например, для Чили преклонения перед всем немецким в Аргентине не было. Образцом для «образованных классов» всегда была Англия, да и процветание страны зависло от торговли именно с этой страной. Не зря шутили, что аргентинец — это итальянец, говорящий по-испански^[129] и ощущающий себя англичанином.

Немцев нейтралитет Аргентины вполне устраивал. В Буэнос-Айресе работало немецкое посольство, совмещавшее светские рауты с активным шпионажем. К тому же из нейтральной Аргентины через тоже нейтральную франкистскую Испанию можно было наладить закупку сырья и продовольствия для «рейха». Среднегодовой урожай пшеницы в Аргентине в 1937–1942 гг. составлял 6,3 миллиона тонн, кукурузы — 3,8 миллиона тонн. В аргентинской пампе круглый год паслось 32–33 миллиона голов крупного рогатого скота.^[130] В 1944 году Аргентина вывезла 404 855 тонн мясопродуктов (консервированное мясо, свежая баранина, соленое мясо, охлажденная свинина, охлажденная говядина). В Германии всего этого не хватало, и война лишь усугубила продовольственные трудности.

Напротив, и англичане, и впоследствии американцы всячески стремились втянуть Аргентину в войну против держав Оси. Еще бы: британские инвестиции в аргентинскую экономику (5,4 миллиарда песо) в три раза превосходили американские, и в 150 раз — немецкие. Тут было что терять.

После начала Второй мировой войны Бразилией и Аргентиной активно заинтересовалась германская военная разведка — абвер. Поначалу агенты абвера, прежде всего в Бразилии, должны были следить за движением союзных конвоев в Атлантике и передавать по радиации данные о маршрутах, чтобы подлодки кригсмарине могли перехватить и потопить корабли. Когда Япония напала на Перл-Харбор, Бразилия, как и подавляющее большинство стран Западного полушария, под давлением США объявили войну державам Оси. Бразильцы закрыли посольство «рейха», под «крышей» которого в качестве военного атташе работал резидент абвера.

Нейтральными в Латинской Америке остались только Чили и Аргентина. Но союзные конвои вдоль чилийских берегов ходили редко, поэтому абвер и сконцентрировал свое внимание на Аргентине. Начался активный радиообмен между Аргентиной и Германией. Всего ФБР запеленговала в Южной Америке 33 передатчика, работавших на Германию.^[131] За работой немецкой агентуры сначала следили 7 станций

радиоперехвата в США, с января 1941 года добавилось еще пять.

Работу по Аргентине в абвере осуществляло отделение военной разведки в Кельне (Abwehrstelle Koln). В Буэнос-Айресе резидентом был военно-морской атташе посольства Германии Дитрих Нибур («Диего»).^[132] В отличие от СД абвер стремился поддерживать хорошие отношения с карьерными дипломатами и Нибур постоянно советовался с послом Германии в Аргентине по политическим вопросам.^[133] В 1936–1939 году Нибур получил для своей разведывательной деятельности от Верховного командования ВМС Германии 650 тысяч рейхсмарок в золоте, аргентинских песо и долларах.^[134]

В декабре 1939 года Нибур с помощью взяток убедил аргентинское правительство не выдавать англичанам экипаж «карманного линкора» (тяжелого крейсера) «Граф Шпее».^[135] Немцы с корабля жили в Аргентине компактно, проводили военные занятия и по данным антифашистских организаций даже получали оружие из Боливии.

Нелегальным резидентом абвера в Аргентине являлся Ханс Харниш, прибывший в страну в 1920 году. С 1939 года он состоял в НСДАП, ездил в Германию в 1941 году, позднее его вело СД.

Помимо абвера в Аргентине, как уже упоминалось, работало и СД Шелленберга. Хотя обычно СД и абвер до 1944 года^[136] сильно конкурировали друг с другом, в Аргентине им удалось наладить тесное сотрудничество, выражением которого стала совместная операция «Боливар».

Основную роль в операциях абвера и СД в Аргентине играл гауптштурмфюрер СС Йоханнес Зигфрид Беккер (псевдоним «Сарго»), появившийся в Буэнос-Айресе как минимум в мае 1940 года.

Поначалу вместе со своим партнером Хайнцем Ланге («Янсен») он должен был организовать в Аргентине саботаж поставок сырья и продовольствия Англии и США. Однако немецкое посольство в Буэнос-Айресе опасалось, что диверсии абвера могут толкнуть нейтральную Аргентину в объятия союзников и настояло в Берлине на том, чтобы агентура абвера занималась в Аргентине исключительно шпионажем. Аргентинцы быстро вычислили немецких агентов, и тем уже в июне 1940 года пришлось ретироваться в Бразилию.

ФБР считало Беккера самым опасным немецким агентом в Западном полушарии.^[137] В Бразилии Беккер вместе с другим немецким агентом Альбрехтом Густаво Энгельсом («Альфредо») смог-таки создать успешно работавшую шпионскую сеть. С помощью коротковолнового передатчика в

Берлин сообщали данные о судах, перевозивших стратегические материалы для союзников. Прекрасно говоривший по-английски и по-португальски Беккер вел в Бразилии шикарную жизнь, часто появляясь в театрах и на всевозможных вечеринках. Его слабостью были красивые женщины. Он открыто хвалился, что от него забеременела жена одного из бразильских министров. Такой светский характер жизни требовал много денег и Беккер регулярно просил об этом Берлин. В СД подобное транжирство вызвало недовольство и в конце 1941 года Беккера откомандировали в Берлин и отчитали. Агент возмущенно потребовал отправки его на восточный фронт. Однако Шелленберг лично принял решение о возвращении Беккера в Бразилию.

После Перл-Харбора Бразилия (как уже упоминалось) объявила войну Германии и по стране прокатилась волна арестов немецкой агентуры.

В марте 1942 года ФБР и бразильская полиция полностью разгромили разведывательную сеть немцев в Бразилии.^[138] Всего в этом году было арестовано 36 человек, которых обвинили в работе на Германию, Японию и Италию.

Беккер в это время был в Германии, где ему поручили руководить восстановлением всей шпионской паутины в Латинской Америке. Все немецкие агенты в Южной Америке должны были передавать по радию информацию ему, а он, базируясь в Буэнос-Айресе, суммировал и отправлял данные в Берлин. Хайнцу Ланге, который сумел ускользнуть из Бразилии в Парагвай, поручили наладить «радиооркестр» в Чили. Джонни Хартмут («Гуапо») отвечал за аналогичную работу в Парагвае. Агент Вольф Франчок (он же Густав Утцингер, «Луна») отвечал за бесперебойное техническое функционирование всей радиосети.

Тем временем, с мая 1941 года под давлением американцев пошли аресты немецких «пианистов» в Аргентине и в июне 1942 года там был задержан последний радист абвера.

Однако ситуация в Аргентине резко изменилась в пользу Германии 4 июня 1943 года, когда в стране произошел бескровный военный переворот, организованный тайной «Группой объединенных офицеров» (испанская аббревиатура ГОУ). Формально 7 июля президентом Аргентины стал генерал Рамирес, но реальная власть постепенно сосредоточилась в руках нескольких честолюбивых полковников, среди которых выделялся Хуан Перон.

В Берлине считали аргентинскую военную хунту и в целом, и Перона в частности своими единомышленниками и на то были основания. Как и нацисты, Перон выступал и против мирового коммунизма, и против

«прогнившей» западной демократии за некий «третий путь». В хунте он отвечал за работу с профсоюзами и, как и Гитлер в свое время, заставлял предпринимателей идти на экономические уступки рабочим, чтобы отвлечь пролетариат от классовой политической борьбы. Профсоюзам льстило подчеркнутое внимание новых властей, и популярность Перона в народе быстро росла.

Перон высказывал и антисемитские мысли (что с удовлетворением отмечали в Берлине), которые, надо сказать, были широко распространены среди аргентинских правящих классов задолго до прихода нацистов к власти, главным образом ввиду влияния католической церкви. Однако в отличие от Гитлера Перон был настроен прагматично. Евреи традиционно играли большую роль в экономике Аргентины и военные власти не предпринимали против них никаких дискриминационных мер.

Заметим, что после начала Второй мировой войны правительство Аргентины (задолго до прихода Перона к власти) отдало указание своим консульским учреждениям за границей прекратить выдачу въездных виз евреям. Тем не менее, многие аргентинские дипломаты в Европе просто торговали визами, вымогая у еврейских беженцев огромные деньги.

В 1939 году военное министерство Аргентины отправило Перона в Италию изучать опыт горной войны. Побывав во многих европейских странах (в том числе и в Германии) Перон пришел к выводу о том, что «социальная» диктатура является хорошей альтернативой как тоталитаризму (он имел в виду СССР), так и классическим либеральным демократиям англо-саксонского стиля.

Как и многие аргентинские военные, Перон желал победы германо-итальянскому блоку, но отнюдь не потому, что был убежденным фашистом. Он считал, что победа немцев в Европе ввергнет их неизбежно в затяжное противостояние с США, и американцам будет не до Латинской Америки. Вторжения же Германии в Западное полушарие в условиях тотального господства на морях англо-американского флота можно было не опасаться. Такой стратегический германо-американский пат открывал Аргентине возможность стать мировым арбитром, фактической сверхдержавой. И именно это и было целью националиста Перона.

ФБР подозревало Перона в симпатиях к нацистам, а между тем тайные политические контакты между Германией и Аргентиной начались еще до прихода военных к власти.

Внешнюю политику Аргентины в то время определяли сторонники испано-ватиканской ориентации. С помощью франкистской Испании и антикоммунистически настроенного Ватикана аргентинцы стремились

добиться выгодного для Германии и Италии мира в Европе, а затем, опираясь на помощь папы, Франко, Гитлера и Муссолини создать-таки католическую империю в Южной Америке в противовес Бразилии.

С тайной миссией в Европу решили отправить Хуана Карлоса Гойенече, известного католического националиста, чей дед был президентом Уругвая, а отец — мэром Буэнос-Айреса.^[139] Американцы позднее подозревали его в работе на СД. В апреле 1942 года Гойенече с дипломатическим паспортом «атташе по культуре» аргентинского посольства в Мадриде прибыл в Испанию. У него было секретное поручение от министра иностранных дел Аргентины Энрике Руиса Гуньясу который до своего назначения на этот пост был послом в Ватикане.^[140] В Риме Гуньясу установил дружеские отношения с проходившим там тогда стажировку Пероном. Именно Ватикан по замыслу аргентинцев должен был выступить посредником между Гитлером и его противниками в Европе, исключая «безбожный» Советский Союз.

В ноябре 1941 года на фоне, казалось бы, феноменальных успехов вермахта на восточном фронте Гуньясу сказал послу рейха в Буэнос-Айресе барону Эдмунду фон Терману,^[141] что вся Европа готова к немецкому лидерству и пора пока не поздно заключить мир с Англией при посредничестве папского престола. Терман отнесся к этой мысли осторожно — он полагал, что аргентинский министр просто очень хочет получить Нобелевскую премию мира. Посол сообщил об идее Гуньясу в Берлин, но Риббентроп отверг ее с порога — мол, победа германского оружия — и так вопрос считанных дней.

Однако из Ватикана Гуньясу пришел прямо противоположный ответ. Там получили информацию от папского нунция в Швейцарии, что после разгрома СССР Гитлер готов к мирным переговорам с Западом и посредничество Аргентины будет приветствоваться.

В Мадриде к Гойенече присоединились посол Аргентины в Испании Адриан Эскобар и консул Акилино Лопес. В мае 1942 года все трое выехали в вишистскую Францию, где встретились с «премьером» марионеточного правительства Лавалем, который пользовался полным доверием немцев.

В Париже аргентинские эмиссары установили контакт с резидентом СД штандартенфюрером СС Хельмутом Кнохеном^[142] и тот с ведома Шелленберга организовал поездку в Берлин.

Но перед этим в августе 1942 года Гойенече выехал в Рим. Там Эскобар и Гойенече попали на аудиенцию к папе, и Ватикан до сих пор не

разгласил содержание этих переговоров. Однако уже после войны Шелленберг говорил на допросах американцам, что был в курсе визита аргентинцев в Ватикан, и речь там шла о заключении мира между нацистами и Западом. В частности, Эскобар считался в СД большим другом Германии. Аргентина и по официальным каналам заверила госсекретаря Ватикана (отвечавшего за внешние сношения) кардинала Луиджи Мальоне, что готова выступить посредником на возможным мирных переговорах. Пий XII выразил готовность принять аргентинские услуги «когда настанет время». ^[143]

В октябре 1942 года Гойенече прибыл в Берлин, где его поселили в гостинице «Адлон», предназначенной для высокопоставленных иностранных делегаций. Аргентинский гость сразу отбыл на восточный фронт, чтобы засвидетельствовать уважение франкистской «Голубой дивизии», сражавшейся там против советских войск. Его сопровождал агент СД Готфрид Зандштеде, которого в августе 1941 года выслали из Аргентины за шпионаж в столичном порту (Зандштеде работал под «крышей» пресс-атташе германского посольства в Буэнос-Айресе). Зандштеде и Гойенече дружили еще с «аргентинских времен».

По возвращении в Берлин аргентинцу организовали беседу с начальником латиноамериканского отдела МИД Германии Отто Райнебеком. Гойенече потребовал от него встреч с Гитлером и Риббентропом. Мол, в Испании и Италии его уже приняли Франко и Муссолини. Однако к Гитлеру аргентинец так и не попал, видимо потому, что «фюрер» находился в своей полевой ставке в Виннице (ее местоположение было секретным и иностранцев туда не возили).

Беседа же с Риббентропом (переводил Зандште-де) 30 ноября 1942 года Гойенече сильно огорчила. Аргентинец напрямую попросил у мининдел Германии поддержки в организации националистического переворота (возможно с подачи группы Перона?), однако у Риббентропа было строгое указание Гитлера избегать любого вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран. Это могло дать союзникам предлог для военной интервенции против нейтральной Аргентины.

Напыщенный как обычно Риббентроп (уже потерявший серьезное влияние на Гитлера) распространялся об исторической борьбе Германии против «жидо-большевизма» и западной «плутократии»: «Мы знаем, что с одной стороны мировое еврейство пользуется маской капиталистов, а с другой — маской большевизма». ^[144] Конкретно Риббентроп обещал массовые закупки аргентинской продукции после победы Германии, если

Аргентина сохранит в войне нейтралитет. Было обещано и признание прав Аргентины на Фолклендские острова (ведь Англия была врагом Германии). Правда, немцы не исключали, что у ослабевшего в войне с «рейхом» британского льва острова перехватят американцы. Все эти обещания Риббентропу естественно ничего не стоили. Важным было другое: он настоятельно рекомендовал Аргентине использовать «дружественную» франкистскую Испанию как «мост» в Европу.

На Гойенече Риббентроп произвел впечатление недалекого педанта, коим тот, собственно говоря, и являлся.

Зато очень обрадовала аргентинского эмиссара встреча с Шелленбергом, которую организовал Зандштеде. Уже в то время Шелленберг искал любых контактов с Западом с целью заключения сепаратного мира с англосаксами. В этой связи его очень интересовали связи аргентинцев с Ватиканом. Имевший очень подробную информацию о внутренней политике Аргентине (сеть Беккера), шеф разведки СД произвел на Гойенече очень хорошее впечатление.

По личному указанию Риббентропа Гойенече разрешили воспользоваться германским дипломатическим шифром, чтобы передать информацию о своих переговорах в Буэнос-Айрес. Дело в том, что немцы не доверяли временному поверенному в делах Аргентины в Германии Луису Лути, считая его англофилом.^[145]

Интересно, что радиogramмы Гойенече были адресованы некоему «Хуану» — полковнику Хуану Перону, как после войны подозревало ФБР. В Буэнос-Айресе телеграммы забрал из германского посольства друг Гойенече дипломат Марио Амадео, передавший их Гуньясу. Копии через аргентинских военных получил и Перон.

Конечно, ни Гойенече, ни его немецкие друзья не знали, что германский дипломатический код уже взломан союзниками.

Якобы Гойенече имел еще одну встречу с Риббентропом и тот передал аргентинцу письменное послание Гитлера, в котором подтверждались данные ранее Гойенече гарантии насчет послевоенной торговли и Фолклендов.

В январе 1943 года Шелленберг организовал встречу Гойенече с Гиммлером, которая продолжалась несколько часов. Якобы Гойенече просил Гиммлера прекратить преследования католиков в Европе, ибо только католицизм является барьером против распространения большевизма. Осторожный Гиммлер больше слушал, чем говорил, поэтому произвел своей «скромностью» выгодное впечатление на аргентинского гостя. Гойенече даже счел рейхсфюрера СС «очаровательным», особенно на

фоне напыщенного Риббентропа. Гиммлер всячески пытался убедить аргентинца, что главным врагом и национал-социализма, и католицизма является большевизм. Обсуждались и возможные контакты с Западом через Ватикан. Гойенече обещал Гиммлеру, что сообщит Пию XII о том, что Гиммлер — хороший человек, особенно в религиозных вопросах.

В марте 1943 года Гойенече в Риме встретился с папой и Ватикан до сих пор хранит молчание о содержании этой беседы. По данным Гойенече Пий XII всячески поддержал мирные усилия аргентинцев и призвал их сохранить в войне нейтралитет. Было условлено поддерживать дальнейшие контакты через Монтини, папского нунция в Буэнос-Айресе.

Встретившись с Муссолини, Гойенече попросил «дуче» поддержать готовившийся националистический переворот в Аргентине, хотя бы силой своего авторитета. Муссолини сразу согласился, ибо этого его ни к чему не обязывало. «Дуче» без проблем признал суверенитет Аргентины над Фолклендами и обещал организовать такую же поддержку со стороны Японии.

Депеша о позиции Муссолини поступила в МИД Аргентины 4 июня 1943 года, в то самый день, когда в стране произошел военный переворот.

По результатам поездки Гойенече было заключено тайное соглашение о сотрудничестве СД с аргентинской полицией (май 1943 года). Аргентинцы обязались не арестовывать агентов СД, те получали возможность использовать удостоверения личности аргентинской полиции и дипломатическую почту нейтральной Аргентины для передачи информации в Европу. В ответ немцы обещали делиться информацией, полученной из Чили и Бразилии, с которыми у Аргентины были очень напряженные отношения.^[146]

После войны Шелленберг говорил американцам, что главный агент СД в Аргентине Беккер контактировал с Пероном через друга последнего полковника Энрике Гонсалеса, который ранее проходил стажировку в германских танковых войсках. Группа Перона через СД просила Германию поставить Аргентине оружие на случай возможной войны против США и Бразилии.

Уже через день после переворота Гонсалес принял дома двух нацистских агентов Ханса Харниша и Осмара Хельмута. Гонсалес от имени греческого бизнесмена Аристотеля Онассиса просил Германию разрешить отправить греку построенный в Швеции танкер «Буэнос-Айрес».

^[147] Немцы предложили только что пришедшей к власти хунте оружие.

28 июня 1943 года Харниш был принят формальным главой военного

правительства генералом Рамиресом. Генерал рассказал агенту СД, что «его кровь кипит от возмущения»: только что он говорил с послом США и тот ультимативно требовал от Аргентины разорвать все отношения с «рейхом». Все же Рамирес попросил передать в Берлин, что хунте под давлением Вашингтона, возможно, придется принять некие демонстративные меры против Германии, но в «рейхе» должны воспринять их с пониманием. Новые аргентинские власти готовы немедленно закупить у Германии зенитки, самолеты (вместе с пилотами), боеприпасы и лицензии на производство других типов оружия. Тогда Аргентина сможет разговаривать с янки с позиции силы. Хунта готова даже принять германские и японские подлодки для охраны своего побережья в случае вторжения американцев или их бразильских союзников. Рамирес обещал также нанести удар по разведсети союзников в Аргентине.

Между тем резидент СД Беккер смог повторно попасть в аргентинскую столицу лишь в феврале 1943 года (на испанском корабле). Ланге, Хармут и Франчок пока наладили работу передатчика (который они смогли переслать авиапочтой из Бразилии) в парагвайской столице Асунсьон. Затем по приказу Беккера главный передатчик в мае 1943 года переправили в Буэнос-Айрес. Ланге переехал в Чили. Таким образом, на Берлин работали подпольные радиостанции в трех странах: Аргентине, Парагвае и Чили. Беккер сумел довести радиообмен до 15 отосланных радиোগрамм в день. Для передачи больших объемов информации была налажена сеть курьеров, для чего использовались члены экипажей испанских судов, ходивших в Буэнос-Айрес.

После прихода военной хунты к власти Беккер работал практически открыто. Он сообщал данные о контактах с новым правительством Шелленбергу по радиосвязи (минуя германского посла). В Берлине также обходили тамошнего аргентинского посла. После 4 июня 1943 года Шелленберг передавал ответы через военно-морского атташе Аргентины в «рейхе» капитана Эдуардо Себальеса.

В сентябре 1943 года Харниша и Хельмута опять пригласили в президентский дворец «Каса Росада» («Розовый дом»)^[148]. Полковники из ГОУ предложили отправить в Берлин специального эмиссара, который должен был на месте договориться о поставках в Аргентину немецкого оружия на испанских судах. Беккер целую ночь сочинял телеграмму в Берлин и на следующий день Хельмут представил проект депеши Перону. К его удивлению Перон предложил Хельмуту ехать в Берлин самому и обязательно переговорить там лично с Гитлером. Хельмут был светским плейбоем, которого больше всего на свете интересовали яхты. Никакого

опыта в разведке или политике у него не было. Выбор такого эмиссара потряс немецкое посольство в Буэнос-Айресе, которое узнало о миссии Хельмута через лидера немецкого бизнеса в Аргентине и близкого друга Перона Людвиг Фройде.^[149]

Временный поверенный в делах Германии в Аргентине Майнен предложил Перону направить в «рейх» более солидного представителя. К тому же немцы подозревали, что Хельмут завербован англичанами, тем более, что он был сотрудником британской страховой компании и активно учил английский. Однако Хельмут был другом нового аргентинского президента Рамиреса, и с этим приходилось считаться. Именно Хельмут свел резидента абвера Харниша с аргентинской хунтой.

Перон принял соломоново решение. Помимо Хельмута он на том же корабле отправил в Германию полковника Карлоса Велеса.^[150] Хельмуту дали половину карточки с печатью ГОУ и подписью Перона. Вторую половину плюс список оружия, которое Перон хотел закупить в Германии, вручили Велесу. В Берлине Хельмуту следовало предъявить свою половину карточки Велесу, получить от того список оружия и начать переговоры. В Мадриде аргентинцев^[151] должен был забрать самолет, присланный Шелленбергом по указанию Гиммлера.

Программа-минимум Хельмута состояла в заверении Гитлеру, что Аргентина не вступит в войну против Германии. Как максимум Хельмут должен был вернуться на шведском (или испанском) корабле с грузом немецкого оружия. С помощью этого оружия предполагалось отразить возможное нападение на Аргентину со стороны США. Заодно Беккер приказал Хельмуту добиться от Шелленберга отзыва из Буэнос-Айрес надоевшего ему своей осторожностью Майнена.

Однако не дремали и американцы, запеленговавшие и расшифровавшие радиосеть СД. 28 октября 1943 года военное ведомство США получило донесение разведки о миссии Хельмута. Было решено, что англичане арестуют его во время стоянки корабля на острове Тринидад (в то время колония Великобритании). На судне «Кабо де Орнос» Велес и Хельмут избегали друг друга. Однако последний вел себя настолько подозрительно (например, постоянно торчал на палубе с биноклем), что даже дочери Велеса решили, что он, наверное, шпион.

Во время запланированной стоянки на британском острове Тринидад английские власти вышвырнули яростно протестовавшего «дипломата» Хельмута из каюты и провели там тщательный обыск (вскрыли даже стенные панели). Аргентина заявила Англии официальный протест, но

улики были слишком тяжелыми. Поэтому по дипломатическим каналам Буэнос-Айрес уведомил Лондон, что назначение Хельмута консулом в Барселону аннулировано, и британские власти могут поступить с ним, как им заблагорассудится. Англичане переправили Хельмута на Бермуды, оттуда — в Портсмут, и 12 ноября 1943 года Хельмут уже начал давать показания. Интересно, что когда англичане показали ему вырезку из журнала «Тайм» в которой утверждалось, что реальным хозяином Аргентины является не Рамирес, а Перон,^[152] и попросили его прокомментировать это утверждение, Хельмут ответил, что не знает.^[153] Английская разведка усилила наблюдение за Пероном после того, как он открыто заявил группе британских дипломатов в 1944 году что намерен пригласить немецких ученых и технических специалистов, чтобы осуществить ускоренную индустриализацию Аргентины. Британская разведка MI 5 пришла к выводу, что Аргентина при военной хунте стала единственной страной мира, где нацистская агентура работает абсолютно спокойно.

Между тем Беккер решил, что Хельмута «сдал» Фройде, возможно не без германского посольства в Буэнос-Айресе. Шелленберг, уже отчаянно искавший любых путей помириться с Западом, почему-то надеялся, что англичане отпустят «консула» Хельмута в Испанию и его миссию можно продолжить.

Скандал с Хельмутом дал Вашингтону желанную возможность надавить на Аргентину. К тому же американцы были очень встревожены военным переворотом в Боливии 20 декабря 1943 года, организованным по данным ФБР нацистскими агентами совместно с аргентинской хунтой. Американцы потребовали от Аргентины разорвать отношения с Германией и для подкрепления своего ультиматума прекратили продажу нефти и нефтепродуктов Буэнос-Айресу.

Перону пришлось для видимости дать задний ход. В январе 1944 года под давлением США в Аргентине прошла волна арестов немецких шпионов. Американцы угрожали опубликовать документы об участии Аргентины в фашистском перевороте в Боливии и заявили об отправке военных кораблей в Уругвай.^[154] 26 января 1944 года правительство Рамиреса объявило о разрыве дипломатических отношений с Германией.

Однако симпатии Перона к Германии и ненависть к США ничуть не изменились. Полковник использовал «шпионский кризис», чтобы отправить в отставку президента Рамиреса (февраль 1944 года). Президентом стал генерал Фаррель — марионетка ГОУ а Перон «вырос»

до военного министра, то есть уже официально стал вторым человеком в Аргентине. Через Беккера Перон передал в Берлин, что разрыв дипломатических отношений не скажется на его симпатиях в Германии.

В начале 1944 года американцы смогли расшифровать радиограммы агента «SARGO» (Йоханнес Зигфрид Беккер). Однако Беккеру и Франчоку удалось избежать ареста и перейти на нелегальное положение. Связь с Берлином была прервана всего на месяц, после чего Беккер попросил центр прислать новые передатчики, деньги и симпатические чернила.

В ответ абвер приступил к «операции Йолле», целью которой было не только снабжение группы Беккера, но и организация сети радиопередатчиков в США, Мексике и Центральной Америке. Вся сеть должна была передавать сведения Беккеру, а тот — в Берлин. Агенты Хансен («Кохибя») и Шрелль («Вальенте») должны были на корабле привезти оборудование Беккеру, а затем отправиться в Мексику, откуда наладить радиосвязь с Аргентиной. Потом Шрелль должен был попытаться осесть на юго-западе США, устроиться там на военный завод и поставлять информацию Хансену в Мексику. Сам Хансен в то время должен был найти агентов в Центральной Америке.

Однако американцы к лету 1944 года уже расшифровали германские коды и прибытие «Кохибя» и «Шрелля» в Аргентину не было для них неожиданностью. Когда Хансен и Шрелль оказались в Аргентине в августе 1944 года, никакой сети там уже не было. Хотя отдельные немецкие агенты оставались на свободе, они уже не могли наладить регулярную связь не то что с Берлином, а даже между собой.

Так окончились операции СД и абвера в Аргентине, не принеся немецкой разведке осязаемых результатов.

Американцы тем временем продолжали давить на Аргентину, требуя объявления войны странам Оси. К тому же в Вашингтоне были недовольны тем, что военные не пускали американские компании в аргентинский нефтяной бизнес. В июне 1944 года США отозвали своего посла из Буэнос-Айреса, заставив англичан и почти все латиноамериканские страны сделать то же самое. США также заморозили золотой запас Аргентины, размещенный в американских банках. Американская разведка запустила в оборот слух, что в Уругвае скоро будет сформировано правительство Аргентины в изгнании и США будут готовы признать его.

В феврале 1945 года Перон, согласно своим же воспоминаниям, пригласил к себе нескольких «немецких друзей» и сообщил им, что Аргентине придется все же для вида объявить Германии войну, но это — «чистая формальность».^[155] 27 марта 1945 года Аргентина действительно

объявила войну «рейху»,^[156] экспроприировала принадлежащие немцам компании, для вида произвела аресты некоторых немецких агентов. Правда «под сурдинку» Перон национализировал и некоторые американские фирмы (например, электрическую компанию в провинции Энтре-Риос). Позднее, в 1946 году, правительство Аргентины выкупило у американцев всю телефонную сеть страны.

Американцы окончательно решили свергнуть Перона и стали требовать от Аргентины скорейшего проведения свободных выборов.

Под влиянием разгрома нацизма в Аргентине прокатилась мощная волна демонстраций, участники которой (от либералов до коммунистов) требовали отмены введенного сразу же после переворота 1943 года осадного положения. 6 августа 1945 года военным пришлось на это пойти. Помощник госсекретаря США по Латинской Америке Нельсон Рокфеллер с удовлетворением констатировал, что «мощный голос улиц» был услышан.

Американцы установили плотный контакт с аргентинскими генералами и те обещали при первой же возможности убрать Перона. Посол США в Буэнос-Айресе Брэден публично заявил, что после разгрома «больших тиранов» (Гитлера и Муссолини) настала очередь «маленьких». Американская разведка, однако, сообщала, что Перон готовит контрудар и его главным советником является лидер немецкого предпринимательского сообщества в Аргентине Людвиг Фройде. 6 сентября 1945 года министр иностранных дел Аргентины пообещал послу США, что Фройде будет скоро депортирован из Аргентины. В ответ Перон лично приказал шефу тайной полиции Оскару Конталю взять Фройде под охрану в его собственном доме. Но хунта под американским нажимом 11 сентября все же приняла решение о выдворении Фройде. Ответным ходом Перон заставил одного из судей принять задним числом решение о присвоении своему немецкому другу аргентинского гражданства.

19 сентября 1945 года на улицы Буэнос-Айреса вышли более 250 тысяч человек, скандировавших «Смерть деспотизму!» и «Смерть Перону!». Перон боролся фактически за свою жизнь, и 26 сентября в Аргентине было вновь введено осадное положение. 9 октября казалось, что американцы победили — хунта отправила Перона в отставку со всех постов. Опасаясь расправы, Перон принял предложение Фройде спрятаться на его ранчо, находившимся на речном острове. Переход на нелегальное положение организовал сын Фройде Родольфо (Перон звал его на немецкий манер «Руди»), о котором потом поговаривали, что он был любовником Евы («Эвиты») Перон. На острове за Пероном и его женой присматривал немец

Отто, практически не говоривший по-испански.^[157]

Между тем на улицы Буэнос-Айреса вышли десятки тысяч сторонников Перона из профсоюзов («без-рубашечники» как их презрительно именовала креативная интеллигенция) — сказалась активная работа полковника с рабочим движением. Генералам, исходя из инстинкта самосохранения, пришлось просить Перона вернуться к власти, и 17 октября 1945 года полковник приветствовал восторженных сторонников с балкона президентского дворца.

Перон выставил свою кандидатуру на президентских выборах 26 февраля 1946 года, причем вел компанию под подчеркнuto антиамериканским лозунгом «Перон или Брэден!». Госдепартамент, в свою очередь, опубликовал 12 февраля 1946 году «Голубую книгу» о связях Аргентины с нацистами с четким выводом: «Аргентинское правительство в годы войны содействовало экономическим интересам врага с намерением защитить промышленные и коммерческие интересы держав Оси в Аргентине».^[158] Тем не менее, Перон набрал 52,84 % голосов, а Брэдену пришлось покинуть Аргентину как «персоне нон грата». Есть данные, что главным спонсором президентской компании Перона был Людвиг Фройте, выделивший своему другу гигантскую сумму в 82 миллиона песо.^[159]

Отныне Перон был единоличным хозяином в стране и мог приступить к реализации масштабной программы немецкой иммиграции в страну.

Позднее Перон объяснял свое намерение приютить в стране бежавших из «рейха» немцев двумя причинами. Во-первых, его как военного якобы очень возмутили решения Нюрнбергского трибунала, где немцев победители осудили всего лишь за выполнение приказов в годы войны. А ведь любой офицер давал присягу и обязан ее соблюдать. Во-вторых, Перон хотел с помощью «немецких мозгов» сделать Аргентину мировой промышленной и военной державой. Мол, еще во время пребывания в Европе, его, Перона, потрясли немецкие заводы и особенно автобаны.

Координировал приезд бывших нацистов Людвиг Фройте через своего сына Родольфо, который с марта 1946 года стал доверенным лицом президента и начальником его личной информационной службы (разведки). Кабинет «Руди» находился рядом с президентским. Шурин Родольфо Вернер Кеннеке был в годы войны (как минимум с 1943 года) главным казначеем немецкой разведсети (группа Беккера) в Аргентине. В январе 1944 года во время облавы на немецких шпионов он был арестован и занимался тем, что по просьбе аргентинских властей «подчищал» протоколы допросов, чтобы в них не было ничего лишнего. По просьбе

Фройте Перон освободил Кеннеке.

31 октября 1947 года политический советник США в Германии Мэрфи^[160] сообщил в госдепартамент некоторые результаты допросов депортированных в Германию из Аргентины в мае 1947 года Харниша и Франчока. Харниш на следствии показал, что Беккер и Кеннеке были главными источниками всей информации, передаваемой в годы войны из Аргентины в Берлин.^[161] Там же говорилось о преобладающем влиянии Людвиг Фройте на Перона.

Аргентинцы наметили несколько «путей отхода» нацистов и их пособников из других стран:

- через франкистскую Испанию
- через Швейцарию (либо напрямую оттуда самолетом, либо далее в Италию и пароходами из Генуи)
- через Ватикан и Италию
- «северный маршрут»: из Дании, Норвегии и Швеции (либо напрямую, либо через Швейцарию).

В принципиальном плане следует подчеркнуть, что правительства всех выше перечисленных государств активно помогали или «благожелательно не препятствовали» такой политике Перона.

В самом «рейхе» планов организованной эмиграции не было, так как нацисты до последней минуты верили то в «оружие возмездия», то в неминуемую ссору между западными союзниками и Москвой. Тем не менее, Шелленберг с ведома Гимmlера все же предпринял некоторые «превентивные меры».

Переправку кадров СС и СД из Испании в Аргентину должен был координировать из Мадрида гаупт-штурмфюрер СС Хорст (Карлос) Фульднер, прибывший в Мадрид с большой суммой денег и ценными полотнами живописи 10 марта 1945 года.

Фульднер родился в Буэнос-Айресе в 1910 году в семье иммигрантов из Германии. В 1922 году Фульднеры возвратились на родину, где Карлос (ставший в Германии Хорстом) пытался учиться на юриста, но учебу бросил. Помимо немецкого Хорст сохранил и аргентинское гражданство. Будучи националистом по убеждениям, вступил сначала в молодежную организацию «Стального шлема», а в 1932 году — в НСДАП и СС (членский билет номер 31170). В 1934 году он был уже гауптштурмфюрером и вел с территории Восточной Пруссии подрывную работу против Польши. Однако Фульднер был нечист на руку, проводил сомнительные финансовые операции, даже был задержан за безбилетный

проезд. К тому же он бросил беременную жену. В СС начали против него следствие, и Фульднер решил бежать в Аргентину. Он получил у аргентинского консула в Гамбурге новый паспорт и 17 октября 1935 отбыл из Лиссабона. Однако у бразильских берегов судно было перехвачено кораблем «Кап Норте», следовавшим обратно в Гамбург. Фульднеру пришлось вернуться в Германию, где его в январе 1936 года с позором исключили из СС. В качестве знака особого унижения личный перстень СС Фульднера был уничтожен (переплавлен).

Однако все обвинения с него были сняты, и, судя по всему, его (знатока нескольких языков) «подобрало» СД. В годы войны он одно время воевал в составе «Голубой дивизии» Франко на советско-германском фронте в качестве переводчика. По крайней мере, начиная с 1944 года Фульднер неоднократно бывал в Испании, причем тамошнее немецкое посольство было не в курсе его миссии. Военному атташе «рейха» в Мадриде Фульднер сказал, что работает в интересах германо-немецкой фирмы «Софиндус», поставлявший из Испании в Германию вольфрам для нужд вермахта. Заметим, что именно с 1944 года «Софиндус» занималась тайными поставками материалов для немецких военно-морских баз подводного флота, окруженных союзниками во Франции.

После окончания войны, несмотря на жесткое давление союзников, Франко не прекращал деятельности «Софиндус» до 1948 года.

В 1945 году Фульднер установил в Мадриде контакты со своими боевыми товарищами по «Голубой дивизии», которые по данным американской разведки надежно прикрывали его от выдачи союзникам. С постепенно прибывавшими в Испанию бывшими нацистами и коллаборационистами Фульднер открыто встречался в фешенебельном мадридском немецком ресторане «Хорхер» (заметим, что в то время Испания жила по карточкам и сильно голодала). В деньгах Фульднер явно не нуждался — только за одну новую машину он отдал наличными 45 тысяч песет.

Биография Фульднера идеально подходила для организации «крысиной тропы» из Европы в Южную Америку. Будучи исключенным с позором из СС,^[162] аргентинский гражданин Фульднер мог сойти даже за антифашиста.

Летом 1946 года давление союзников на Франко (явного пособника держав Оси) достигло апогея, и американская разведка пыталась захватить Фульднера, но тот «залег на дно» где-то в районе Барселоны.

В Испании Фульднер регулярно встречался с одним из лидеров

бельгийкой фашисткой партии («рексисты») Пьером Дайе^[163] и французским коллаборационистом, уроженцем Буэнос-Айреса Шарлем Леска^[164]. Леска прибыл из Берлина с большой суммой денег и его задачей было удержать Франко на прогерманских позициях после поражения «рейха».

Леска по данным американской разведки был неформальным лидером всех французских коллаборационистов, бежавших в Испанию.

Леска в начале 1946 года утверждал, что лично знает Перона еще с 1930-х годов и они друзья. Именно он хвалился, что первым организовал еще в январе 1946 года регулярный тайный маршрут по переправе в Аргентину бывших нацистов.

Помимо денег группа Фульднера-Леска располагала ценнейшими полотнами великих художников, которые нацисты смогли переправить в Испанию из Франции.

Испанские власти, часто небескорыстно, выдавали бывшим нацистам липовые документы (например, священников или членов экипажей испанских торговых судов) и те спокойно отправлялись из Кадиса к берегам Аргентины. В сентябре 1946 года из Испании отплыл сам Леска, и хотя в Бразилии его арестовали по запросу Франции, тут же выпустили, обнаружив аргентинский паспорт.

На той стороне Атлантики нацистов и их пособников уже ждали.

В 1945–1947 гг. главой Управления иммиграции Аргентины был друг Перона и ярый антисемит Сантьяго Перальта. Убежденный социал-дарвинист Перальта еще в 1922 году предложил отбирать призывников в аргентинскую армию по размеру черепа, а в 1932 году он изучал «прикладную антропологию» в Германии. В 1943 году Перальта опубликовал свой «труд» «Деятельность еврейского народа в Аргентине» ("La accion del pueblo judio en Argentina"), в котором утверждалось, что евреи приносят стране одни беды. Став главой иммиграционных властей Перальта немедленно запретил въезд в Аргентину евреям. Зато тем, кто еще недавно истреблял евреев в концлагерях, он был рад.

Схема въезда для нацистов и бывших коллаборационистов функционировала следующим образом.

По просьбе Перона, Фройде (отца и сына) или аргентинских эмиссаров в Европе (типа Фульднера) ведомство Перальты выдавало разрешения на въезд нацистам под настоящими или вымышленными именами, а иногда и просто пустые бланки, куда любое имя можно было вписать позднее. Получать эти разрешения могли любые «доверенные

лица» потенциальных иммигрантов. Затем разрешения пересылались в соответствующее аргентинское консульство в Европе, где передавались нацистам или их представителям. Те потом, на основании этого аргентинского документа, без проблем получали паспорт Красного Креста. ^[165] Чиновники этой организации, особенно в Италии и Швейцарии, относились к нацистам и коллаборационистам (особенно из Восточной Европы и СССР) в целом сочувственно как к жертвам преследований со стороны коммунистов. К тому же в офисах Красного Креста, по крайней мере, в Италии, процветала коррупция. Там за деньги можно было получить любой паспорт. Вообще-то паспорта Красного Креста изначально предназначались для беженцев, потерявших в военной суматохе свои документы. Получив документ, «беженец» возвращался в аргентинское консульство за въездной визой. ^[166] Там же ему выдавали временное удостоверение личности, которое по приезду в Аргентину следовало поменять на постоянное (Cedula de Identidad).

Для помощи «беженцам» в оформлении документов Перон учредил в Европе специальную организацию — «Делегацию по аргентинской иммиграции в Европе» ^[167] с главным офисом в Риме (открыт в декабре 1946 года; местопребывание определила особая роль Ватикана в помощи нацистам) и отделением в Генуе. Именно из Генуи в то время отправлялось больше всего кораблей в Аргентину. Там врачи «делегации» проводили медосмотр, который был сущей формальностью. За взятку можно было обойтись и без него. Этот момент был особенно важным для эсэсовцев, каждый из которых обладал подмышкой татуировкой с его группой крови. СС же была признана в Нюрнберге преступной организацией, всего лишь членство в которой уже являлось составом преступления.

На пике работы «крысиной тропы» Европа — Аргентина люди Перальты в мае 1948 года выдавали до 500 разрешений на въезд в день.

Как США и СССР, Перон охотился за «мозгами» Германии, особенно специалистами в военной промышленности и атомной энергетике.

По просьбе Перона группе Фульднера удалось вывезти из Испании в Аргентину лучшего французского авиаконструктора Эмиля Девуатина, который в 1936 году создал первый французский цельнометаллический истребитель-моноплан «Девуатин 500». Его модификация «Девуатин 520» была признана лучшим французским истребителем времен войны. После капитуляции Франции по заданию вишистского правительства Девуатин разрабатывал тренировочный самолет для люфтваффе. После разгрома немцев обвиненный в коллаборационизме Девуатин бежал в Испанию, где

пытался конструировать современные самолеты для Франко.^[168]

В мае 1946 года Деуатин был уже в Аргентине, где под его руководством был создан первый аргентинский реактивный самолет-перехватчик I.Ae 27 «Пульки» («Стрела»). Так Аргентина стала одной из пяти стран мира, создавших собственный реактивный военный самолет.

Немецкий авиаконструктор Курт Танк был «отцом» лучшего германского одноместного истребителя времен войны FW-190 фирмы «Фокке-Вульф».^[169] Танку, как члену НСДАП с 1932 года, было запрещено после 1945 года работать по специальности. В 1947 году, получив от аргентинцев липовые документы на имя «доктора Педро Маттиса», Танк через Швецию и Данию выехал в Аргентину. В Кордобе группа Танка, используя чертежи самолета FW Ta 183, также работала над первым аргентинским реактивным истребителем. Затем Танк занимался созданием ракет на твердом топливе.^[170]

Полным провалом оказалась попытка Перона создать с помощью беглых немцев атомную бомбу. «Сосватанный» Перону Куртом Танком «австрийский» физик Рональд Рихтер^[171] убедил аргентинского президента профинансировать секретный центр атомных исследований на острове Уэмюль. Сначала Рихтер попросил у Перона для создания бомбы «всего» 6 миллиардов долларов. Президент изумленно молчал и тогда Рихтер объявил, что у него есть новый, дешевый метод деления атомного ядра. Перон дал ему добро.

Сами немцы во время Второй мировой войны шли к созданию атомной бомбы абсолютно ложным путем, и американцы после войны сделали вывод, что никаких шансов на успех у них не было. Тем не менее, 24 марта 1951 года Перон заявил на специально созванной пресс-конференции, что в Аргентине 16 февраля 1951 года была осуществлена контролируемая реакция деления атомного ядра неким новым «термическим» методом, гораздо более дешевым, чем в США или СССР. После этого журналистам был представлен «отец аргентинской атомной бомбы» Рихтер. Никто в мире всерьез это не воспринял, а аргентинский парламент осенью 1951 года потребовал отчета о работах Рихтера. Выяснилось, что Рихтер просто шарлатан и Перону пришлось тихо свернуть его работу хотя ему на какое-то время оставили лабораторию в городке Барилоче.^[172]

В целом американцы не слишком серьезно относились к информации о бегстве в Аргентину высокопоставленных нацистов, хотя и проверяла подобного рода сведения. Было понятно, что лидеры «рейха» либо мертвы (и их трупы обнаружены), либо находятся в плену. Вопросы вызывала лишь

судьба Гитлера, секретаря «фюрера» Мартина Бормана и шефа гестапо Генриха Мюллера.

Американская разведка не до конца поверила в самоубийство Гитлера в Берлине. Отделение ФБР в Лос-Анджелесе сообщило 21 сентября 1945 года в штаб-квартиру со ссылкой на до сих пор нерассекреченный источник (похоже близкий к Голливуду аргентинец или аргентинский немец), что Гитлер прибыл в Аргентину на подлодке 17 августа 1945 года. [\[173\]](#) Источник якобы был одним из четырех людей, кто встречал «фюрера» на берегу. При этом нет никаких данных, что руководство ФБР каким-либо образом проверило эту информацию. Видимо ее расценили как сомнительную. Тем более, что «источник» утверждал, что Гитлер вылетел из Берлина 27 апреля не только с Евой Браун, но и с двумя их совместными дочерьми(!) Американцы знали, что детей у Гитлера не было. Информатор, тем не менее, был готов даже нарисовать дорогу к ранчо, где при помощи Перона якобы укрывался Гитлер (он приехал туда на лошади, как и все его спутники). Но его об этом не попросили. [\[174\]](#)

Всего с Гитлером якобы прибыли 50 человек, в том числе две женщины.

Информацию о возможном прибытии Гитлера в Аргентину на подводной лодке сообщил в 1945 году и военно-морской атташе США в Буэнос-Айресе. Главком союзными войсками в Европе и будущий президент США Эйзенхауэр заявил в интервью американской армейской газете «Старз энд Страйпс» в том же 1945 году, что не исключает местонахождения Гитлера в Аргентине.

Американцы распространением подобных «непроверенных фактов» убивали двух зайцев: Перона (против которого они плели заговор) как пособника нацистов, и Сталина, «проворонившего» Гитлера в Берлине.

Все эти «слухи в виде версий» подогревались прибытием на берега Ла-Платы германской подлодки U 530, экипаж которой сдался аргентинским властям 10 июля 1945 года. Правда, субмарина вышла из Киля еще 19 февраля 1945 года, когда Гитлер точно был в Берлине. Экипаж аргентинцы интернировали, а лодку передали США.

Из высокопоставленных нацистов в Аргентине якобы «видели» и Мартина Бормана. В мае 1948 года бывший сотрудник посольства США в Буэнос-Айресе Джон Гриффитс сообщил, что по его сведениям (полученным от некоего аргентинца Хуана Серрино) ранчо недалеко от города Ла-Колета (южная Аргентина) владеет некий подозрительный немец Мюллер и там живут несколько немцев, главный из которых, по словам

Мюллера, — Мартин Борман. Эти сведения относились еще к 1946 году. Сам Серрино якобы несколько раз видел Бормана, прибывшего на подлодке в 1945 году. Весной 1946 года Борман, якобы тоже на подлодке, вернулся в Европу через Испанию, а потом опять объявился в Аргентине с огромными чемоданами документов, которые он-де прятал в Баварии.^[175]

Информацию довели до сведения президента Трумэна, и он поручил ФБР проверить ее (в отличие от Гитлера труп Бормана на тот момент обнаружен не был). Директор ФБР Гувер в мае 1948 года пытался свалить все это на только что основанное ЦРУ, хотя ранее добился того, чтобы именно ФБР отвечало за Латинскую Америку. Все же сотрудники ФБР поговорили с Гриффитсом и сделали вывод, что его история — «фантастика». Ведь самого Гриффитса Перон выслал из Аргентины за связь с местным левым движением и видимо американец (он обосновался в Уругвае) просто мстил аргентинскому президенту. Тем более, что Гуверу ранее приходило уже несколько сообщений, что Бормана видели в Аргентине, Мексике и даже в Неваде. Все они оказались полностью выдуманными.

Гувер вообще говорил, что занимался Борманом только потому, что русские все время обвиняли американцев в потворстве бывшим нацистам, и московское радио сообщало, что Борман при помощи Запада мог скрыться от правосудия в Аргентине.^[176]

Местонахождения шефа гестапо Мюллера и правда было неизвестно. Его (как впрочем, и Бормана) почти никто не знал в «рейхе» в лицо. Фотографий его имелось очень мало, и все они были сделаны до войны. К тому же внешность Мюллера была заурядной, «среднестатистической». Как ни странно, очень мешала поискам и сама очень распространенная фамилия «Мюллер» — таких в Германии были сотни тысяч.^[177] Последний раз Мюллера видели 1 или 2 мая 1945 года в бункере рейхсканцелярии. Шелленберг на допросах у американцев первым запустил в оборот версию, что шеф гестапо перешел к русским. Американцев это пропагандистски вполне устраивало, хотя никаких доказательств бывший шеф СД не предъявил.^[178] ЦРУ позднее признало, что версия Шелленберга абсолютно ничем не подтверждается, а все допрошенные иные свидетели (например, непосредственный начальник Мюллера, шеф РСХА Кальтенбруннер) этот вариант решительно отвергали.^[179]

Зато были свидетельства, что Мюллер погиб при штурме Берлина и его останки захоронены в братской могиле на старом еврейском кладбище Берлина. В августе 1945 года американская разведка в ориентировке по

поиску Мюллера отмечала «Последний раз замечен в апреле 1945 года в Берлине». В 1947 году британцы и американцы дважды обыскали квартиру любовницы Мюллера Анны Шмид, но не обнаружили никаких данных, которые свидетельствовали бы, что шеф гестапо жив. ^[180]

ЦРУ никогда серьезно не рассматривало версию о пребывании Мюллера в Аргентине, хотя слухи на сей счет до американской разведки доходили. Говорили, например, что в 1960-е годы по образцу «дела Эйхмана» Мюллер был похищен чехословацкой разведкой в Аргентине, а потом казнен в Чехословакии.

Самым известным нацистом, действительно находившимся в Аргентине, был Адольф Эйхман. Хотя речь следует вести скорее не о его должности, а о том, чем он на этой должности занимался. Можно даже сказать, что Эйхман стал жертвой собственного «пиара» и желания заработать.

Эйхман (родился в 1906 году) с 1914 года жил с семьей в Австрии, учился на механика и электротехника, вступил в НСДАП в 1932 году. В 1933 году, после запрета нацистской партии в Австрии, переехал в Баварию. В 1934 году вступил добровольцем в СД, где сначала занимался составлением картотеки на масонов. ^[181] В 1935 году перешел в отдел II12 (Juden; Евреи), где возглавил отделение по работе против сионистов. В то время СД пыталось организовать массовую эмиграцию евреев из Германии в Палестину. После «аншлюса» Австрии Эйхман в Вене занимался тем же самым — «выдавливал» местных евреев в эмиграцию. Его опыт был высоко оценен ^[182] и после оккупации Чехии в марте 1939 года его перевели в Прагу с таким же заданием. В начале 1940 года Эйхман занялся эмиграцией евреев уже в масштабах «рейха», возглавив Имперский центр еврейской эмиграции (Reichszentrale für jüdische Auswanderung), которым ранее руководил Гейдрих. Аналогичный отдел Эйхман возглавил и в РСХА (IV D 4; входил в состав гестапо).

Сразу же после нападения нацистов на СССР «айзатцгруппы» СС и СД начали на территории Советского Союза истребление коммунистов и евреев. Осенью 1941 года была запрещена эмиграция евреев из «рейха». Отделение Эйхмана было переименовано в V B 4 (Juden- und Raumungsangelegenheiten; Евреи и вопросы выселения). Подразумевалось, что всех евреев Европы следует выселить на оккупированные восточные территории — в Польшу и СССР. Эйхман занимался экспроприацией имущества выселяемых, составлением эшелонов, учетом депортированных и проявил себя «хорошим организатором».

Считается, что на конференции некоторых чинов СС и СД в берлинском районе Ванзее 20 января 1942 года под руководством Гейдриха было решено полностью истребить еврейское население Европы («окончательное решение еврейского вопроса»), хотя на самом деле уже к концу 1941 года были полностью истреблены евреи на территории Литвы и Латвии. Эйхман в Ванзее всего лишь вел протокол конференции. Не он, а Гиммлер (рейхсфюрер СС) и его заместитель Гейдрих приняли такое решение, явно не без ведома Гитлера. Кстати, сам Эйхман как «мелкая сошка» никогда с Гитлером не встречался.

Эйхман лично руководил депортацией евреев из Венгрии в лагеря смерти в 1944 году, но был всего лишь одним из многих, кто этим занимался в «рейхе». Одновременно по поручению Гиммлера Эйхман вел в Будапеште переговоры с международными еврейскими организациями об освобождении некоторых узников концлагерей в обмен на поставки в Германию дефицитного военного сырья. Войну Эйхман закончил в звании оберштурмбанфюрера (подполковника) СС.

Именно Эйхман назвал цифру в 6 миллионов убитых нацистами и их пособниками евреев (в том числе, 4 миллиона — в концлагерях).

Весной 1945 года под именем ефрейтора ВВС Адольфа Барта Эйхман сдался в Австрии в плен американцам. Однако его выдала эсэсовская татуировка и тогда он «признался», что является унтерштурмфюрером СС (младшим лейтенантом) Отто Экманом. В феврале 1946 года Эйхман бежал из лагеря для военнопленных и под именем Отто Хеннингера устроился работать на лесоповал недалеко от Бремена. На тот момент Эйхмана искали уже все союзники. Когда в 1948 году фирма обанкротилась, Эйхман пытался заняться разведением кур и зарабатывал на жизнь продажей яиц и курятины.

В 1950 году с помощью католического священника Йоганна Коррадини он перешел австрийскую границу и обосновался в южном Тироле в монастыре францисканцев. В южном Тироле (вошедшем в состав Италии в 1919 году) жили немцы, настроенные в основном пангермански. [\[183\]](#) Местные органы власти там выдавали практически всем «беженцам» из «рейха» удостоверения личности на любую фамилию. Тем более, если за человека просила католическая церковь.

Главным пособником нацистов в Ватикане был кардинал Алоис Худал, причем об этом было достаточно хорошо известно во всех лагерях для немецких пленных. Худал сам потом не без гордости признавал, что с помощью выданных им документов Ватикана на фиктивные фамилии он «спас от коммунистов» много бывших нацистов. Давал Худал «беженцам»

и деньги из фондов Ватикана. Все это он делал с ведома папы.

Австриец Алоис Худал (родился в 1885 году) был представителем папского престола по всем немец-коговорящим католикам Италии. ^[184] Худал считал, что главным врагом католицизма является «безбожный большевизм», а потому все враги коммунистов — союзники церкви. В 1936 году Худал, слывший в Ватикане философом-интеллектуалом, опубликовал трактат «Основы национал-социализма», в котором восхвалял идеи Гитлера. «Фюрер», презиравший католицизм, был в то же время высокого мнения о своем земляке Худале. По некоторым данным Худал получил даже золотой значок НСДАП. В годы войны Худал поддерживал в Италии тесное знакомство со штандартенфюрером СС Вальтером Рауфом, изобретателем машин-душегубок. ^[185] С помощью этого «изобретения» нацисты убили более 100 тысяч человек, в основном советских граждан.

Помощь бывшим нацистам Худал именовал «актом любви к ближнему своему». В марте 1948 года кардинал сочинил даже «Инструкцию для выезжающих», содержащую советы как быстрее собрать все необходимые документы для выезда из Европы. Худал писал также ободряющие статьи для пронацистского журнала в Буэнос-Айресе с характерным названием «Дер Вег» («Путь»). ^[186] Главными пособниками Худала в этой «любви к ближнему» были епископ Генуи Джузеппе Сири и францисканец-хорват Крунослав Драганович.

Между тем Эйхман получил в 1950 году от «одного францисканского монаха» в Генуе паспорт Красного Креста (выданный в Женеве) на имя Рикардо Клемента, в котором уже была аргентинская виза. Причем разрешение на въезд «Клемент» получил сам того не зная еще в мае 1948 года (такие разрешения действовали два года, видимо поэтому Эйхману и посоветовали поторопиться с отъездом). За Эйхмана постарался католический священник Эдоардо Деметер, непосредственный подчиненный Худала. В 1948 году именно он «организовал» в южном Тироле местное удостоверение личности на имя «Рикардо Клемента».

14 июля 1950 года «техник» Рикардо Клемент сошел на аргентинский берег в Буэнос-Айресе. Вместе с ним прибыл еще один «беженец» — бывший офицер дивизии СС «Гитлерюгенд» оберштурмбанфюрер СС Герберт Кульман. Именно он предоставил Эйхману первое жилье в аргентинской столице.

В Аргентине Эйхман перебивался разными заработками. Специально для «немецких беженцев» бывшие нацисты организовали в Аргентине компанию КАПРИ (Compania Alemana Para Recien Inmigrados, CAPRI;

«Немецкая компания для недавно иммигрировавших»). Одним из директоров компании был упоминавшийся выше Карлос Фульднер, которого иронически называли «рыбаком с Капри». Фирма имела много липовых государственных заказов (например, изучение рек с целью возможного строительства ГЭС) и на пике деятельности в ней работало более 300 немцев.

Помимо Эйхмана в КАПРИ трудился, например, бывший бригаденфюрер СС Ханс Фишбек. После «аншлюса» Австрии Фишбек занимался там «аризацией» имущества евреев. Его «опыт» затем, начиная с ноября 1938 года, был применен уже в масштабах «рейха». С 1940 года Фишбек проводил «аризацию» в Нидерландах. В январе 1942 года был назначен имперским комиссаром по вопросам ценообразования. После войны Фишбек скрывался в Мюнхене, получил паспорт Красного Креста на имя «Якоба Шрамма» от Драгановича. В феврале 1951 года он прибыл из Генуи в Буэнос-Айрес. Позднее под своим настоящим именем вернулся в ФРГ как аргентинский гражданин. В Австрии его сначала разыскивали по обвинению в измене родине, но в 1957 году Фишбек попал под амнистию. Ни разу не представ перед судом, Фишбек скончался в Аргентине в 1967 году.

Эйхман был случайно обнаружен в Буэнос-Айресе бывшим узником Дахау слепым евреем Лотаром Херрманом, чья дочь встречалась с сыном Эйхмана Клаусом. Только после неоднократных обращений Хермана^[187] израильские власти занялись Эйхманом, и группа МОССАД в мае 1960 года тайно вывезла его в Израиль, где Эйхмана приговорили к смертной казни.

Другими наиболее известными (хотя и не очень высокопоставленными в иерархии «Третьего рейха») военными преступниками, нашедшими после войны убежище в Аргентине, были:

— гауптштурмфюрер СС Йозеф Менгеле («доктор Смерть»), проводивший бесчеловечные опыты над узниками концлагерей. Особенно интересовали его близнецы, чьи глаза после смертельных опытов были наколоты у него на стене кабинета в Освенциме как бабочки. До 1948 года Менгеле жил в Баварии, в июне 1949 года прибыл из Италии в Аргентину по паспорту Красного Креста. Перон лично встречался с ним в Аргентине, где «доктор Грегор» пытался заинтересовать его проектами генной инженерии. Например, Менгеле брался устроить так, чтобы коровы в скотоводческой Аргентине всегда приносили за один отел два теленка. Ордер на арест Менгеле власти ФРГ выдали только в 1959 году. После этого «доктор Смерть» через Парагвай перебрался в Бразилию. Там в

феврале 1979 года во время купания в океане погиб от инсульта и был похоронен под именем «Вольфганга Герхардта».

— гауптштурмфюрер СС Эрих Прибке, в годы войны заместитель командующего частями СД и полиции в оккупированной Италии. В 1942 году как «истый католик» был удостоен личной аудиенции у папы Пия XII. В марте 1944 года лично руководил расстрелом 335 итальянских заложников в Ардеатинских пещерах в Риме. Признавал, что при этом сам убил из пистолета несколько человек. После войны 20 месяцев без проблем отсидел в британском лагере в Римини, откуда бежал. С помощью Худала прятался во францисканском монастыре вместе с семьей. Затем Худал организовал ему паспорт Красного Креста на имя немца из Латвии «Отто Папе» и Прибке перебрался в Аргентину. Там он жил под своим настоящим именем в Барилоче, где возглавил фонд спонсоров местной немецкой школы. В 1952 году получил в Аргентине и паспорт ФРГ. Только усилиями независимых журналистов стала широко известна преступная деятельность Прибке в Италии в годы войн и в 1994 году (!) итальянская прокуратура открыла против него уголовное дело. В 1995 году Прибке был выдан итальянским властям. Сначала он был оправдан военным судом, но после массовых протестов 1996 году приговорен к 15 годам лишения свободы, а в 1998 — к пожизненному заключению. «По состоянию здоровья» ни в чем не раскаявшийся Прибке отбывал заключение в форме домашнего ареста. С 2007 года ему разрешили свободно передвигаться по Риму. Умер Прибке 11 октября 2013 года в возрасте 100 лет.

— гауптштурмфюрер СС Герхард Боне. Один из главных организаторов так называемой «акции Т4» — массового убийства пациентов психиатрических клиник и «носителей врожденных болезней». [188] Как и Эйхман в отношении евреев, Боне занимался «технически» аспектами «программы эвтаназии» — учетом тех, кто подлежал ликвидации, организацией перевозок, выдачей свидетельств о смерти с фальшивыми диагнозами. В 1942 году в письме Гейдриху Боне обвинил персонал «акции Т4» в валютных спекуляциях, пьянстве и «сексуальных извращениях». Его данные после проверки были признаны фальшивыми, и в 1943 году Боне исключили из НСДАП и СС. После этого Боне призвали в вермахт, где он попал в Италии в плен к американцам. В 1946 году его отпустили и Боне как ни в чем не бывало работал помощником адвоката в Дюссельдорфе. В январе 1949 года он с помощью Фульднера и хорватских усташей переехал в Аргентину (в каюте первого класса), где подвизался «по юридической части». Примечательно, что из Западной Германии в Австрию Боне за взятку проехал в джипе с американскими солдатами,

поэтому его никто не проверял. Паспорт Красного Креста, по которому Боне отплыл из Генуи, был выписан на его настоящее имя. Ходатайство на выдачу паспорта было подписано представителем Ватикана «отцом» Драгановичем. В Аргентине Боне стал активным автором журнала «Дер Вег». После свержения Перона в 1955 году вернулся в ФРГ, где работал адвокатом в Кельне и Дюссельдорфе. Был арестован в 1959 году по обвинению в убийстве «как минимум 15 тысяч человек». В 1963 году был «по состоянию здоровья» помещен под домашний арест и сразу сбежал через Данию и Швейцарию в Аргентину. Там его арестовали в 1964 году и в 1966 году выдали ФРГ. Однако западногерманские эксперты признали его негодным по состоянию здоровья («опасность инфаркта вследствие стресса») для судебного процесса. В 1969 году судебное разбирательство против Боне было окончательно закрыто. «Слабое здоровье» не помешало этому массовому убийце дожить до 1981 года (умер в 79 лет).

— кавалер Рыцарского Креста полковник ВВС Ганс-Ульрих Рудель, который не без помощи активного самопиара стал известен в мире как «лучший штурмовик, истребитель советских танков».^[189] Американцы выпустили Руделя из тюрьмы уже в апреле 1946 года. Дальше все было как обычно. Через Швейцарию Рудель перебрался в Италию, где через Ватикан получил паспорт Красного Креста на имя «Эмилио Майера». В июне 1948 года на пассажирском самолете Рудель прибыл из Рима в Буэнос-Айрес.^[190] Там он организовал общество взаимопомощи для бывших нацистов (Kameradenwerk). Группа Руделя, например, посылала в тюрьму Рудольфу Гессу и Карлу Деницу посылки с продуктами.^[191] В этом деле ему активно помогал Худал. Как военный Перон очень высоко ценил Руделя. Последний пописывал статьи в журнал «Дер Вег» и издал несколько книг о своих «подвигах». Занимался он также поставкой оружия для диктаторских режимов Чили и Парагвая, был официальным представителем концерна «Сименс». Умер в 1982 году и был похоронен в ФРГ. Во время похорон нацистского аса четыре самолета бундесвера пролетели над могилой, отдавая дань уважения «боевому товарищу».^[192]

Главным нацистским военным преступником, нашедшим после войны убежище в Аргентине, был однако не немец, а хорват — глава клерикальнофашистского режима усташей в 1941–1945 гг. «поглавник» («вождь») Анте Павелич.

В 1941–1945 гг. Павелич возглавлял так называемую «хорватскую независимую державу». Режим проводил вызывавшее недовольство даже немцев массовое истребление евреев, цыган и главным образом сербского

православного населения.^[193] Только в комплексе концлагерей Ясеновац было убито около 90 тысяч человек (больше, чем в результате смертных приговоров в Освенциме). Всего усташа «ликвидировали» более 700 тысяч человек. В Берлине даже потребовали, чтобы наиболее скомпрометировавшие себя зверствами палачи были отстранены от занимаемых должностей.

Особенностью режима Павелича в Хорватии, так же как и режима Тисо в Словакии, был клерикальнофашистский характер. Истребление мирного населения проводилось не только по этническим, но и по религиозным мотивам (сербов убивали за то, что они православные) при полной поддержке католической церкви и Ватикана.

В 1945 году Павелич был задержан англичанами в Австрии, но не был выдан югославским властям. Американская разведка уже в то время подозревала, что Павелич и его окружение подкупили англичан золотом и бриллиантами, награбленными во время массовых «экзекуций». Британцы формально ссылались на то, что в «коммунистической» Югославии Павеличу не будет гарантирован справедливый суд (!). Сам Павелич подчеркивал свою полезность Западу тем, что его сторонники в горах Югославии продолжали борьбу против общего врага — коммунистов Тито.

Драганович и Худал спрятали Павелича и его свиту в хорватском монастыре Сан-Джироламо в Италии. Монастырь охраняли вооруженные усташа. Правда Павелич не очень-то и скрывался. Американская разведка фиксировала, что он разъезжает по Италии в автомашине с ватиканскими номерами (такие номера гарантировали неприкосновенность). Павелич неоднократно встречался с кардиналом Монтини, который в 1963 году стал папой Павлом VI.

Первая группа усташей при посредничестве Драгановича прибыла в Аргентину в январе 1947 года, а всего Перон принял примерно 5 тысяч хорватов (по другим данным — более 10 тысяч). В Аргентине хорваты работали, в том числе, при возведении «города Эвиты», который Перон хотел построить в память своей умершей от рака жены. Сам Павелич в 1947 году получил от Франко испанский паспорт на имя католического священника «отца Гомеса». Американские спецслужбы разработали детальный план ареста «поглавника» (включая схему его резиденции и расположения охраны), но команды на сей счет так и не последовало. В Вашингтоне сочли, что арест Павелича станет «подарком мировому коммунизму».

В начале 1948 года американская разведка «потеряла Павелича из виду», а 11 октября 1948 года при помощи сети Фульднера тот уже отплыл

из Генуи в каюте первого класса в Аргентину. В Буэнос-Айрес прибыл беженец-венгр с паспортом Красного Креста на имя Пала Араньоса, спасавшийся от произвола коммунистов. ЦРУ уже в то время пришло к выводу, что отъезд Павелича организовал Драганович при полной поддержке ватиканских властей. Причем по данным ЦРУ Павелич прибыл в Аргентину «не пустым», прихватив с собой несколько ящиков с награбленным усташами золотом. Перон назначил Павелича советником по вопросам безопасности.

Югославия начиная с 1951 года напрасно требовала от Перона выдачи Павелича.^[194] В 1956 году Павелич основал в Буэнос-Айресе «Хорватское освободительное движение» с целью восстановления независимой Хорватии в границах 1941 года. 10 апреля 1957 года югославская разведка организовала покушение на Павелича (приговоренного в Югославии к смертной казни еще в 1948 году).^[195] «Поглавник» был тяжело ранен, но выжил, перебрался к Франко в Испанию,^[196] где и скончался в 1958 году в немецкой больнице. Перед смертью он получил специальное благословение папы Иоанна XXIII.

В Аргентине привечали и других «славянских» коллаборационистов.

Еще в 1924 году украинские эмигранты в Аргентине организовали местное отделение культурнопросветительского общества «Просвита», перешедшего после 1929 года под идейный контроль ОУН. В 1933 году возник фактически филиал ОУН — боевая организация «Украинское стрелецкое общество». С 1934 года это общество издавала газету «Наш клич», названную так в честь запрещенной польскими властями в Львове газеты ОУН с аналогичным названием. Один из террористов ОУН Григорий Мацейко, участвовавший вместе с Бандерой в 1934 году в покушении на польского министра внутренних дел Перацкого, бежал в Аргентину. Украинцы не раз устраивали в Буэнос-Айресе демонстрации протеста перед польским посольством.

В 1946–1950 гг. из американских лагерей для перемещенных лиц (там содержались граждане СССР и других социалистических стран, отказавшиеся вернуться на родину) в Аргентину приехало примерно 6 тысяч украинцев^[197], в том числе военнослужащих СС из дивизии «Галичина». Так как многие украинские коллаборационисты были униатами, то их также активно поддерживал Ватикан. В Аргентине бывших украинских эсэсовцев и полицаев опекала местная греко-католическая церковь.^[198] В 1947 году в Аргентине была основана единая организация всех антисоветски настроенных украинцев — Украинское центральное

представительство. Она также оказывала помощь бывшим коллаборационистам. Все эти «беженцы»-нацисты вели активную пропаганду против охватившей украинское население Аргентины волны репатриации в СССР.

В Аргентине нашел убежище и министр иностранных дел словацкого клерикально-фашистского режима Фердинанд Дюрчанский. Именно Дюрчанский пользовался среди всех лидеров марионеточной Словакии особым доверием Гитлера. С 1938 года был платным агентом СД. Но в 1940 году нацисты сочли его слишком радикальным, и Дюрчанскому пришлось уйти из правительства. После войны бежал через Австрию и Швейцарию в Рим, где его прикрывал Ватикан. 18 сентября 1946 года был внесен союзниками в список наиболее важных разыскиваемых нацистских военных преступников. Он обвинялся в массовых убийствах, попытках гражданского населения, преступлениях против еврейского населения Словакии. В 1947 году был приговорен в Чехословакии к смерти. С паспортом Красного Креста Дюрчанский прибыл в августе 1947 года в Буэнос-Айрес. Там Дюрчанский сотрудничал с охранкой Родольфо Фройде, шпионя за чехословацким посольством в Аргентине. Например, он «обвинил» посла Чехословакии в том, что тот — крещеный еврей(!).

Как и Павелич, Дюрчанский вел активную политическую деятельность (возглавил так называемый Словацкий комитет действия), выступая за восстановление независимого словацкого государства. Чехословакия безуспешно требовала выдачи Дюрчанского. МИД Великобритании отклонил в июле 1948 года просьбу Праги посодействовать в этом вопросе. С 1949 года Дюрчанский жил в Аргентине под своим именем, в 1952 году получил аргентинское гражданство. Позднее перебрался в Канаду, затем в ФРГ, где и умер в Мюнхене в 1974 году.

Надо отметить, что после избрания президентом в феврале 1946 года Перон подвергался интенсивному давлению американцев, требовавших высылки из Аргентины немцев и латиноамериканцев, подозревавшихся в симпатиях к нацистам. Перон противился как мог: до июня 1946 года из Аргентины были выдворены всего 38 человек.^[199] 21 декабря 1946 года Перон после прямого демарша американского посла Мессерсмита объявил о выдворении еще 13 человек — все «мелкая сошка» по оценкам ФБР. В мае 1947 года в Германию депортировали и так давно «засвеченных» бывших нацистских агентов Харниша и Франчока.

После этого президент США Трумэн заявил о нормализации отношений с Аргентиной. Американцы как раз объявили холодную войну мировому коммунизму («доктрина Трумэна», март 1947 года) и былой

«германофил» Перон, никогда не скрывавший своего антикоммунизма, мгновенно превратился для них в желанного союзника.

По наиболее распространенным оценкам в Аргентину после Второй мировой войны прибыло более 30 тысяч немцев (не обязательно нацистов). Однако точную цифру привести затруднительно, так как многие дела из архива Управления иммиграции Аргентины послевоенного времени были специально уничтожены. Запад закрывал глаза на все это, считая, что борьба против мирового коммунизма гораздо важнее, чем поиск тех нацистов и их пособников, кто уже «имел заслуги» на этом направлении.

Долгий путь к Австрийскому государственному договору 1945–1955 гг

В марте 1938 г. Австрия стала первой суверенной страной, оккупированной гитлеровской Германией. 17 марта 1938 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов от имени советского правительства в специальном заявлении осудил «аншлюс», охарактеризовав его как «насильственное лишение австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости»^[200]. Причем Москва была готова к немедленному обсуждению в рамках Лиги наций практических мер по борьбе с агрессией. Однако западные державы никакой решимости в этой связи не проявили.

Следует отметить, что население Австрии в целом не противодействовало «аншлюсу». Организованного сопротивления нацизму не существовало вплоть до апреля 1945 г. Образованные австрийскими коммунистами в рамках югославских партизанских частей отдельные формирования состояли в основном из австрийских граждан хорватской и словенской национальностей. «Аншлюс» увеличил территорию Германии на 17 %, население — на 10 %, посевную площадь — на 10 %. Офицерский корпус австрийской армии практически полностью перешел в вермахт. Характерно, что гауляйтеры НСДАП в Австрии были не немцами, а в основном австрийцами, что свидетельствовало о полном доверии нацистов к лояльности новой «провинции Остмарк». Австриец Эрнст Кальтенбруннер в 1943–1945 гг. являлся фактическим руководителем всего репрессивного аппарата нацистской Германии, возглавляя Главное имперское управление безопасности (РСХА).

Потенциал Австрии (как людской, так и промышленный) в полной мере использовался Гитлером в годы Второй мировой войны. После 1938 года добыча нефти в Австрии выросла в 36 раз, производство алюминия — в 4 раза. В последние годы войны австрийская промышленность производила до 9 тыс. самолетов, более 10 тысяч танков и бронемашин, свыше 12 тысяч орудий.^[201] В нападении Германии на СССР приняло участие 17 дивизий, сформированных из австрийцев. В годы Великой Отечественной войны не отмечалось какой-либо существенной разницы в поведении «немецких» и «австрийских» частей вермахта на фронте или на оккупированной территории СССР. Всего в составе гитлеровской армии

было убито 280 тысяч австрийцев, 100 тысяч пропали без вести, 600 тысяч было взято в плен. В результате англо-американских бомбардировок Вены погибло около 15 тысяч жителей австрийской столицы.

Именно эта двойственность положения Австрия — жертвы и пособника германской агрессии в одном лице — легла в основу главного документа антигитлеровской коалиции по Австрии — Декларации об Австрии Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). В документе Австрия была охарактеризована как «первая свободная страна, павшая жертвой гитлеровской агрессии». В то же время обращалось «внимание Австрии на то, что она несет ответственность... за участие в войне на стороне гитлеровской Германии и что при окончательном урегулировании неизбежно будет принят во внимание ее собственный вклад в дело ее освобождения»^[202].

Летом 1944 года Европейская консультативная комиссия (ЕКК) приняла решение о совместной оккупации Австрии в границах на 31 декабря 1937 г. войсками СССР, Англии и США.

СССР внес основной вклад в освобождение Австрии, потеряв в ожесточенных боях за Вену (освобождена 13 апреля 1945 г.) и восточную часть страны около 86 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными. Войска США и Великобритании заняли западную Австрию в конце апреля — начале мая 1945 года практически без потерь (несколько десятков убитых). Советский Союз сразу же после окончания боевых действий оказал населению Австрии большую помощь: при содействии Красной Армии в советской зоне оккупации было восстановлено 1719 км железнодорожной колеи, отремонтировано 27 депо и 45 железнодорожных мостов. В течение 1945 года советские власти распределили среди голодающего населения Вены 72 тыс. тонн зерна и муки, 20 тыс. тонн крупы, 8 тыс. тонн мяса и 6 тыс. тонн сахара. Всего СССР, находившийся в тяжелейших условиях, весной-осенью 1945 г. направил в Австрию 130 тыс. тонн продовольствия (Великобритания — 40,5 тыс. тонн, США — 58,6 тыс. тонн, Франция — 40,3 тыс. тонн).

27 апреля 1945 г. при поддержке советского командования было образовано Временное правительство Австрии в составе социалистов, членов Народной партии и коммунистов. Его глава, видный деятель Социалистической партии Австрии Карл Реннер в послании Сталину от 16 мая 1945 г. писал: «Я вполне удовлетворен темпом, которым идет восстановление совершенно разрушенной нацистами австрийской государственности, и со всей определенностью подчеркиваю, что в этом

мне оказала помощь ценная поддержка Красной Армии, не ограничивавшей, однако, свободы наших действий»^[203]. Следует подчеркнуть, что западные державы первоначально не признали правительства Реннера и его власть фактически ограничивалась советской зоной оккупации.

4 июля 1945 г. ЕКК было подписано «Соглашение о контрольном механизме в Австрии», а 9 июля — «Соглашение о зонах оккупации в Австрии и об управлении городом Вена». Контрольный механизм четырех держав (СССР, США, Великобритании и Франции) в Австрии, который получил наименование Союзнической комиссии, главным органом которой был Союзнический совет, состоял из четырех верховных комиссаров (каждый из них одновременно являлся главнокомандующим в своей оккупационной зоне).

На Потсдамской конференции союзников (17 июля — 2 августа 1945 г.) была решена основная проблема, касавшаяся Австрии, которая, тем не менее, стала главным камнем преткновения в послевоенном урегулировании австрийского вопроса. Было признано право СССР на бывшие германские активы (т. е. промышленные предприятия и ресурсы) в Восточной Австрии. В свою очередь СССР отказался в пользу западных держав от всех германских заграничных активов (за исключением таковых в Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии).

В Потсдаме СССР предложил США и Великобритании распространить компетенцию правительства Реннера на всю Австрию, но англичане и американцы согласились лишь изучить этот вопрос после вступления их войск в Вену (в австрийской столице, точнее в ее центральной части, управление осуществляли совместно четыре державы). 25 августа 1945 г. войска западных держав вступили в Вену, а 20 октября 1945 г. власть временного австрийского правительства была распространена на всю Австрию. 25 ноября 1945 г. состоялись выборы в Национальный совет (парламент) Австрии. Вопреки до сих пор встречающимся утверждениям, СССР не пытался повлиять на итоги голосования. Об этом свидетельствуют и итоги выборов, на которых победила прозападная Народная партия (85 мандатов). Социалисты получили 76 мест, а коммунисты — 4. Новое правительство включало лишь одного министра-коммуниста, никак не определявшего курс кабинета.

В 1946 году явно обозначился курс западных держав на отказ от Потсдамских договоренностей, особенно в жизненно важной для СССР экономической сфере. США и Великобритания стали срывать репарационные поставки из своих оккупационных зон в Германии

(фактически Советский Союз получил оттуда лишь 3,5 % причитающихся ему товаров и оборудования). В Австрии в то время правительством готовился закон о национализации промышленности, призванный вывести из-под контроля СССР бывшие германские предприятия. В этих условиях главнокомандующий Центральной группой войск (части Советской Армии в Австрии) генерал-полковник Курасов издал 27 июня 1946 г. приказ о переходе бывшего немецкого имущества в Восточной Австрии в собственность СССР во исполнение решений Потсдамской конференции. Правительство Австрии при содействии США и Великобритании развернуло активную пропагандистскую кампанию против СССР, обвиняя его в «ограблении» страны. Министр иностранных дел Австрии К. Грубер (Народная партия) заявил, что Австрия не пойдет на уступки Советскому Союзу, даже если это послужит поводом для мирового кризиса.^[204]

В конечном итоге закон о национализации не был распространен на бывшие немецкие активы, на базе которых было создано несколько отраслевых компаний как с чисто советским, так и со смешанным советско-австрийским капиталом, объединенных в Управление советского имущества в Австрии (УСИА). Свыше 200 крупных и средних предприятий, принадлежавших до 1945 года немцам, было демонтировано, и в СССР было вывезено 58 тысяч единиц промышленного оборудования.^[205] Конечно, в условиях послевоенного времени такая политика СССР невыгодно отличалась в глазах австрийского населения от линии США, Великобритании и Франции, «великодушно» отказавшихся от всех активов в Австрии. Но в отличие от западных держав Советский Союз лишился в войне почти половины своего национального богатства. К тому же западные державы, фактически получили гораздо больше германских активов (около 3–4 млрд. долл. в ценах того времени, в т. ч. весь золотой запас), чем СССР. Наконец, США активно использовали реквизированное для «нужд оккупационных войск» имущество в Западной Австрии, например, отели и дома отдыха. Так, по данным австрийского правительства, на конец 1946 года американцы реквизировали около 6000 предметов обстановки, в т. ч. 500 ковров. Англичане только в 1946 году бесплатно вывезли из Южной Штирии 600 тысяч литров вина. Крестьяне в Тироле были вынуждены сдавать для нужд французских оккупационных войск 10 % всего производимого мяса, 20 % масла и 25 % сыра.^[206]

Союзники проводили отличие между Австрией и странами-сателлитами гитлеровской Германии, поэтому будущий договор, призванный завершить оккупацию страны, было решено назвать не

мирным (как, например, с Венгрией, Болгарией, Италией и т. д.), а государственным. Работа над договором велась в рамках Совета министров иностранных дел (СМИД) СССР, США, Великобритании и Франции, в компетенцию которого входил весь комплекс вопросов послевоенного урегулирования в Европе. Для СССР основными моментами австрийской проблемы были недопущение повторения «аншлюса» в любой форме, а также обеспечение права использования бывших германских активов в Восточной Австрии для нужд восстановления советского народного хозяйства. Кроме того, Москва требовала выдворения из западной Австрии т. н. «перемещенных лиц» (среди них было много бывших нацистов и их пособников из стран Восточной Европы), которым в упрощенном и массовом порядке предоставлялось австрийское гражданство. Характерно, что последнее требование СССР находило позитивный отклик у населения Австрии, страдавшего от весьма «вольного» поведения «перемещенных лиц».

На первом заседании второй сессии СМИД, проходившей в Париже с 25 апреля по 12 июля 1946 г., делегация США предложила приступить к подготовке мирного (а не государственного) договора с Австрией, не представив, однако, соответствующий проект. В американском меморандуме общего характера ничего не говорилось ни о гарантиях против «аншлюса», ни о германских активах в Австрии. СССР, не выступая в принципе против разработки австрийского договора, предложил сначала выполнить основную повестку дня СМИД — формулирование мирных договоров с Германией и ее союзниками. При этом советская делегация выступала против тесной увязки австрийского и германского вопросов. «Неправильно, конечно, откладывать принятие договора с Австрией до того момента, когда будет подписан договор с Германией»^[207], — подчеркнул на СМИД В.М. Молотов.

После согласования основных положений мирных договоров с сателлитами Германии, СССР на той же сессии СМИД предложил начать детальное обсуждение австрийского вопроса. Однако США и Великобритания неожиданно высказались за то, чтобы им занялись заместители глав внешнеполитических ведомств. Вопрос о «перемещенных лицах» (по данным госсекретаря США Дж. Бирнса только в американской зоне их было 200 тысяч, из которых уже 16 тысяч немцев получили австрийское гражданство) западные делегации хотели передать на рассмотрение ООН.

После Парижской сессии СМИД западные державы начали широкую пропагандистскую кампанию, пытаясь представить СССР как «тормоз» на

пути урегулирования австрийской проблемы. С этими утверждениями не очень вязалось согласие СССР на принятие 28 июня 1946 г. нового Контрольного соглашения по Австрии, существенно расширившего полномочия австрийского правительства.

На очередной сессии СМВД в Нью-Йорке (ноябрь-декабрь 1946 г.) по инициативе СССР было принято решение предметно приступить в выработке государственного договора с Австрией и создать для этих целей комиссию из заместителей министров иностранных дел четырех государств. Уже на первом заседании комиссии 14 января 1947 г. американцы неожиданно сняли «для доработки» собственный проект договора, а англичане в свою очередь заявили, что их вариант еще не готов. США и Великобритания были особо заинтересованы в признании Австрией всех довоенных долгов. При этом западные державы все еще говорили о «мирном» договоре, что встретило возражение СССР. Советская делегация предложила название «Договор о восстановлении независимой и демократической Австрии»^[208]. Учитывая отсутствие у западных делегаций проектов, СССР предложил схему договора (преамбула, политический, военный, экономический разделы и заключение), которая была принята за основу. Западные страны предлагали, чтобы договор был подписан не только четырьмя державами и Австрией, но и другими «заинтересованными» государствами. СССР справедливо указывал, что это может затянуть выработку договора, но не возражал против механизма присоединения к документу иных стран после подписания.

При обсуждении политической части договора западные державы противились определению Австрии как «демократического» государства (хотя это полностью соответствовало Московской декларации 1943 года), ссылаясь на разное понимание термина «демократия». Делегации США и Великобритании выступали и против четких гарантий от повторения «аншлюса». В частности, для американцев якобы не был понятным термин «пангерманская пропаганда» (запрета подобной пропаганды в Австрии требовал СССР), хотя оккупационные власти США ранее запретили в своей зоне несколько газет именно за эту самую пропаганду. На том этапе советская делегация поддерживала территориальные претензии Югославии к Австрии и право Белграда на репарации в размере 150 млн. долл. Югославы, освободившие часть Австрии в 1945 году, настаивали на присоединении к Югославии территории Австрии (около 2 %) со славянским населением. В 1945 году англичане и американцы давали понять Тито, что с пониманием смотрят на «исправление» австрийско-югославской границы, но после отвода югославских войск из Австрии

переменили свою позицию.

Несмотря на активную дипломатическую борьбу вокруг австрийского договора, согласование его текста шло весьма быстро, и на Московской сессии СМВД (март-апрель 1947 г.) была достигнута договоренность по 34 статьям договора из 53. Международное положение к тому времени резко обострилось из-за принятия 12 марта 1947 г. т. н. доктрины Трумэна, фактически обвинившего СССР в агрессивных устремлениях против Турции и Греции. Американские СМИ прямо сравнивали Австрию с этими странами. Одновременно США заявили о начале масштабной помощи Австрии, чтобы оттенить свою «щедрость» на фоне «алчности» советской стороны, не желавшей отказываться от германских активов в Восточной Австрии.

Тем не менее, и на Московской сессии СМВД был достигнут прогресс. Западные делегации согласились с советским предложением о подписании договора четырьмя державами и Австрией. Представитель Франции «разъяснил» своему американскому коллеге термин «пангерманизм», после чего положение о запрете пангерманской пропаганды было включено в текст договора. Но делегации США теперь был неясен термин «фашизм», хотя накануне сессии СМВД в западных оккупационных зонах Австрии было арестовано 57 человек по обвинению в членстве в подпольной фашистской организации. Не удалось договориться по «перемещенным лицам» и австрийско-югославской границе. Что касается военного раздела договора, то западные делегации не соглашались с советскими предложениями о запрете на службу бывших офицеров вермахта в австрийской армии и выступали за свободный импорт Австрией вооружений (СССР был против).

Что касается германских активов в Восточной Австрии, то западные страны утверждали, что СССР якобы присвоил себе имущество евреев и иностранных граждан, экспроприированное нацистами после «аншлюса». 18 апреля 1947 г., выступая на Московской сессии СМВД, министр иностранных дел СССР В.М. Молотов специально подчеркнул: «Нельзя считать германскими активами то, что было взято в результате прямых насильственных действий у австрийцев или у кого бы то ни было в Австрии..., нельзя считать германскими активами то, что было взято в порядке «аризации». Такая собственность должна быть возвращена прежним владельцам, владевшим ею до аншлюса»^[209]. Тем не менее, американцы пытались доказать, явно передергивая факты, что СССР пытается захватить всю стекольную промышленность Австрии (на самом деле речь шла об одном заводе), все мощности по производству

гидротурбин (также всего один завод) и т. д. При этом как-то не принималось в расчет то обстоятельство, что Германия и ее союзники разрушили в СССР 31850 промышленных предприятий, вывезли или уничтожили 179 тысяч металлорежущих станков. Только прямой ущерб, нанесенный Советскому Союзу военными действиями, оценивался в 128 млрд. долл, в ценах того времени.

Упорное желание западных держав, прежде всего США, ревизовать Потсдамские соглашения объяснялось, в том числе, и тем, что на австрийскую нефть претендовали американские компании. Некоторые из них действительно владели до 1938 года частью акций австрийских нефтепромыслов. Однако когда эти акции перешли немецким фирмам, бывшие владельцы не оспорили это решение и не предъявили никаких претензий. Теперь же при поддержке австрийского правительства они ставили вопрос о возврате собственности. США упрекали СССР также и в том, что предприятия УСИА якобы пользуются полной экстерриториальностью, хотя Советский Союз вел на них дела в полном соответствии с австрийским законодательством. На Московской сессии СМВД делегация СССР ясно заявила, что после подписания государственного договора Москва готова провести с Австрией переговоры о дальнейшей судьбе предприятий, включая их национализацию.

С другой стороны, СССР возражал против фиксации в договоре требования западных держав о полной выплате иностранцам австрийского внешнего долга (оценивался в 2068,2 млн. золотых шиллингов), указывая на бедственное положение австрийских финансов. Советские представители доказывали, что даже с государств-сателлитов Германии союзники требовали примерно одну десятую часть от стоимости ущерба, понесенного от них иностранными гражданами.

В результате сложной дипломатической борьбы, включавшей взаимные компромиссы, на Московской сессии СМВД открылась реальная перспектива полного согласования договора. Однако США фактически прервали работу над ним из-за несогласия с советской трактовкой германских активов. «Нью-Йорк Таймс» писала в то время: «...поскольку нефтепромыслы в Австрии остаются за Россией, то и сама перспектива заключения австрийского договора становится проблематичной»^[210].

Тогда СССР предложил создать четырехстороннюю комиссию экспертов, чтобы согласовать статью 35 договора (в ней речь шла о германских активах) уже к следующей сессии СМВД. Таким образом, в Москве по вине западных держав был упущен шанс подготовить австрийский договор. Позднее тогдашний австрийский вице-канцлер А.

Шерф писал в мемуарах: «Доктор Грубер (министр иностранных дел Австрии) был за принятие русских предложений. Но американский министр иностранных дел Маршалл считал, что необходимо отклонить русское понятие немецкой собственности»^[211]. 15 мая 1947 г. канцлер Австрийской Республики Л. Фигль заявил: «Если бы Австрия согласилась пойти на уступки во время Московских переговоров, то возможно удалось бы еще в Москве окончательно согласовать австрийский Государственный договор». Грубер в докладе австрийскому парламенту 7 мая 1947 г. говорил о «ценной поддержке», оказываемой Австрией СССР в борьбе за ее интересы (так, например, Советский Союз отказался включить в договор пункт об учреждении Комиссии военного контроля, ограничивавшей суверенитет Австрии). Глава внешнеполитического ведомства Австрии особенно отметил сопротивление СССР всяким попыткам получить с Австрии компенсацию за причиненный после 1938 года ущерб иностранным гражданам. Грубер подчеркнул также, что «советская позиция в вопросе о перемещенных лицах в значительной степени соответствует интересам Австрии»^[212].

Комиссия экспертов, созданная по решению Московской сессии СМВД, провела 85 заседаний, прошедших впустую из-за сохранявшихся разногласий по германским активам. На Лондонской сессии СМВД (25 ноября — 15 декабря 1947 г.) французская делегация внесла компромиссные предложения. Согласно им Советскому Союзу планировалось передать 50 % австрийской добычи нефти, 1/3 разведанных нефтеносных площадей и нефтеперегонные заводы мощностью 250–300 тыс. тонн. За остальные германские активы Австрия должна была выплатить СССР 100 млн. долл. в течение 10 лет. СССР не возражал в принципе против такой постановки вопроса, хотя считал французские предложения заниженными (советская делегация говорила о 2/3 добычи нефти и нефтеносных площадях и нефтеперегонных заводах мощностью в 450 тыс. т). Назревал «коммерческий» компромисс. Однако госсекретарь США Дж. Маршалл предложил прервать сессию СМВД из-за разногласий сторон. СССР настоял на том, чтобы заместители глав внешнеполитических ведомств оперативно согласовали оставшиеся статьи договора.

В 1948 году резко обострилось международное положение, главным образом из-за окончательно оформившегося курса западных держав на раскол Германии. 2 июля 1948 г. в разгар Берлинского кризиса было подписано австрийско-американское соглашение об экономическом

сотрудничестве, окончательно оформившее включение Австрии в «план Маршалла», что вызвало протест СССР.

Конечно, взаимное недоверие бывших союзников по антигитлеровской коалиции росло, однако заместители министров все же пытались согласовать экономические статьи договора в увязке французских и советских предложений. Причем западные делегаты уже открыто говорили о претензиях своих компаний на отдельные объекты австрийской нефтяной промышленности (так, американцы хотели получить нефтеперегонный завод в Лобау). Когда советский представитель заявил, что это «пахнет игрой, а не серьезным обсуждением вопроса», его американский коллега ответил: «Здесь пахнет нефтью»^[213]. В марте 1948 г. СССР два раза шел на уступки, снижая общий объем выплат австрийской стороны за передаваемые ей германские активы с 200 млн. долл, сначала до 175, а затем до 150 млн. В апреле 1948 г. СССР снизил свои требования и по «нефтяному сектору». Казалось, что компромисс близок как никогда. Однако западные державы неожиданно предложили отложить рассмотрение ст. 35 и вернуться к политическим и военным положениям договора, в т. ч. к репарациям для Югославии и австрийско-югославской границе (вопреки мнению СССР югославская делегация не была заслушана на Лондонской сессии СМВД). СССР продолжал идти на уступки, сняв в частности свою оговорку против импорта Австрией иностранного оружия. Однако синхронно с обострением обстановки в Германии тон западных делегаций становился все ультимативнее и в конце апреля 1948 г. по инициативе США совещания заместителей министров были прерваны на неопределенное время. Фактически весь 1948 год был потерян для австрийского урегулирования.

Новое совещание заместителей министров иностранных дел было созвано по инициативе СССР только 9 февраля 1949 г. США предложили вообще прекратить работу над договором, что грозило полным крахом в вопросе австрийского урегулирования. Однако прекращение противостояния вокруг Берлина в мае 1949 г. открыло новые перспективы. На Парижской сессии СМВД (23 мая — 20 июня 1949 г.), которая была созвана по инициативе СССР, западные державы проявили стремление к компромиссу по Австрии. Это было вызвано тем, что после создания НАТО и фактического образования ФРГ они ощущали свое преимущество перед СССР в дипломатической игре. К тому же австрийское правительство требовало от США пойти на уступки, угрожая в противном случае возможным ростом влияния коммунистов в Австрии.

Именно поэтому в течение всего лишь трех закрытых заседаний

министры в принципе согласовали все основные спорные статьи договора. Причем за основу были приняты советские предложения (60 % нефтяных площадей и добычи, выплата Австрией за прочие активы 150 млн. долл, в течение 6 лет и т. д.). Югославское правительство сняло свои территориальные требования к Австрии, но СССР все же добился закрепления в договоре прав славянских национальных меньшинств на австрийской территории. Министры поручили своим заместителям до 1 сентября 1949 г. представить окончательный вариант государственного договора, включая подробный перечень бывших германских активов.

Однако на совещаниях в июле-августе 1949 г. заместители министров так и не смогли согласовать 9 статей. Причем западные делегации фактически опять отказались от уже сформулированного в Париже компромисса по германским активам. 1 сентября 1949 г. представитель США предложил прервать совещание, так как он «не имеет полномочий продолжать работу»^[214]. Здесь опять «пахло нефтью»: в нарушение согласованных в Париже директив министров западные державы соглашались на передачу СССР нефтеперегонных заводов мощностью лишь в 250 тыс. тонн (в Париже договорились о цифре 420 тыс. тонн). Причем США опять хотели получить нефтеперегонный завод в Лобау. Вновь западные страны требовали от Австрии «своевременной, адекватной и эффективной компенсации» за имущество своих граждан. Причем американцы и англичане даже утверждали, что фирмы их стран в годы войны вкладывали средства на территории Австрии (!).

В начале 1950 г. австрийское правительство по согласованию с западными державами поставило вопрос о немедленном облегчении оккупационного режима в связи «продолжающимися задержками» в выработке государственного договора. В частности, к СССР, Великобритании и Франции выдвигалось требование, чтобы они приняли на себя все оккупационные расходы (США сделали это раньше). Характерно, что Франция и Великобритания, находившиеся в отличие от США в сложном финансовом положении, отказались взять на себя все оккупационные расходы. Советский Союз в начале 1952 года предложил ограничить их 4,45 % австрийского бюджета. Одновременно западные страны затягивали возобновление работы совещания заместителей министров иностранных дел. Таким образом, давление на Москву теперь решили осуществлять руками австрийцев. Такая линия привела только к ужесточению советской позиции. СССР потребовал внести в проект договора дополнение о запрете в Австрии фашистских организаций, против чего немедленно выступили западные страны. Одновременно СССР увязал

решение австрийской проблемы с вопросом Триеста. Этот итальянский город был освобожден югославскими войсками, которые были выведены после англо-американского ультиматума. В мирном договоре с Италией (его подписали все страны-участницы переговоров по Австрии) содержалось положение о создании «Свободной территории Триест» и выводе из города англо-американских войск.

Западные державы утверждали, что вопрос о Триесте «притянут за уши» и не имеет никакой связи с Австрией. Но это было не так. Триест являлся основным портом снабжения английских и американских войск в Австрии. Его гарнизон (10 тысяч военнослужащих) имел задачу по нейтрализации возможного «коммунистического восстания в Италии»^[215]. К тому же для Сталина проблема Триеста был вопросом личного престижа. Ведь именно по настоятельной просьбе советского лидера Тито согласился вывести из Триеста в мае 1945 года югославские войска, получив взамен обещание учесть югославские интересы при окончательном определении югославоитальянской границы. После разрыва со Сталиным в июле 1948 года глава Югославии не упускал случая, чтобы обвинить Москву в предательстве союзника. Главным аргументом советской стороны был следующий: если США, Великобритания и Франция не выполняют положения мирного договора с Италией, то где гарантии, что они будут соблюдать Государственный договор с Австрией?

Фактически весь 1951 год СССР и западные державы лишь обменивались своими известными позициями. Причем после начала войны в Корее и в условиях неприкрытой ремилитаризации Западной Германии взаимная подозрительность сторон росла.

В январе 1952 г. сорвалась попытка вновь созвать совещание заместителей министров иностранных дел, так как СССР настаивал на включении в повестку дня вопросов о Триесте и проверке выполнения четырехсторонних решений по денацификации Австрии. 13 марта 1952 г. западные державы выступили с проектом т. н. сокращенного государственного договора. Фактически это был протокол о выводе всех оккупационных войск без всяких условий. В ситуации, когда госдоговор был фактически согласован, такой шаг Запада означал срыв переговоров. Для СССР положение осложнялось еще и тем, что западные державы отвергли ноту советской стороны от 10 марта 1952 г. о немедленном заключении мирного договора с Германией.

Москва не приняла предложение о «сокращенном договоре», что и требовалось США для обвинения Советского Союза в саботировании восстановления независимости Австрии. Характерно, что Великобритания

и Австрия предлагали продолжать обсуждение уже почти согласованного текста госдоговора и «пойти русским на уступки». Австрийский посол в Лондоне Виммер на беседе в Форин офис 11 января 1952 г. просил западные державы принять советскую позицию, подчеркнув, что это не наносит ущерба ни западным, ни австрийским интересам. Однако во время визита британского премьер-министра У Черчилля в США 5-18 января 1952 г. госсекретарь Дж. Ф. Даллес подчеркнул: «не должно быть предпринято ничего, что может быть истолковано Советами как готовность идти на уступки»^[216].

По заранее согласованным планам правительство Австрии, поддержавшее «сокращенный договор», вынесло австрийский вопрос в ООН (формально это сделала Бразилия). В условиях, когда США и их союзникам принадлежало большинство голосов, Генеральная Ассамблея приняла 20 декабря 1952 г. резолюцию с обращением к заинтересованным правительствам «проявить новые и чрезвычайные усилия к достижению соглашения относительно условий австрийского договора с целью скорейшего прекращения оккупации Австрии и предоставления ей возможности полного осуществления своих неотъемлемых суверенных прав»^[217].

Таким образом, австрийский вопрос в начале 1953 года фактически зашел в тупик и обыгрывался Западом в основном в пропагандистских целях.

Ситуация резко изменилась после смерти И.В. Сталина, когда СССР в одностороннем порядке пошел на ряд существенных уступок в австрийских делах. 7 июня 1953 года были разделены функции Верховного комиссара и главнокомандующего советскими войсками в Австрии, причем Верховным комиссаром было назначено гражданское лицо — посол И.И. Ильичев. С июня 1953 года был отменен постоянный контроль на демаркационной линии советской и западных зон. Была достигнута договоренность о преобразовании политических представительств СССР и Австрии в Вене и Москве в посольства. С 1 августа 1953 года Советский Союз взял на себя все расходы по содержанию своих войск в Австрии. С 12 августа 1953 г. была отменена цензура прессы в советской зоне.

В сентябре 1953 г. австрийское правительство, а в ноябре того же года западные державы выразили готовность снять с повестки дня «сокращенный договор» и вернуться к прежнему, практически согласованному в 1949 году тексту. Таким образом, был расчищен путь к возобновлению предметной работы над Государственным договором.

На Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции (25 января — 18 февраля 1954 года) советская делегация предложила закончить выработку договора в трехмесячный срок. При этом, учитывая предстоящее вступление ФРГ в НАТО, СССР настаивал на включении в договор обязательства Австрии не вступать в военные союзы, направленные против освободивших ее держав и не допускать на своей территории размещения иностранных военных баз. Войска союзников, лишив их оккупационных функций, предполагалось оставить на территории Австрии вплоть до заключения мирного договора с Германией. Западные и австрийская делегации отказались принять эти предложения, отмечая, что увязка австрийского и германского вопросов продлит оккупацию Австрии на неопределенный срок^[218].

Озабоченность СССР была понятной, если учесть, что западные державы в нарушение Потсдамских соглашений возрождали военный потенциал Западной Германии, и Москва стремилась не допустить подобного сценария развития событий в Австрии. Австрийская делегация на Берлинском совещании колебалась и в принципе была готова к обсуждению нейтрального статуса своей страны. Однако в беседе с канцлером Фиглем госсекретарь США Дж. Ф. Даллес выступил против: США опасались усиления нейтралистских тенденций в общественном мнении Германии, что ставило под угрозу вовлечение ФРГ в НАТО.

12 августа 1954 г. правительство СССР предложило провести в Вене совещание послов четырех держав с участием представителя Австрии для окончательного согласования текста Государственного договора. Австрийская сторона поддержала эту инициативу, но три западные державы высказались против.

В советском руководстве в конце 1954 г. — начале 1955 г. шла внутренняя борьба по австрийскому вопросу. Министр иностранных дел В.М. Молотов выступал против дальнейших односторонних уступок Западу в то время как первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев полагал, что уступки впоследствии принесут ощутимые дивиденды советскому народному хозяйству в случае нормализации торгово-экономических связей СССР с Западом. Победила линия Хрущева, и 8 февраля 1955 г. в докладе Молотова на сессии Верховного Совета СССР был провозглашен компромисс: Москва отказывалась от увязки австрийского и германского вопросов в обмен на неучастие Австрии в блоках. Советский Союз опять предлагал «безотлагательно» созвать совещание четырех держав по австрийскому и германскому вопросам.

14 марта 1955 г. австрийский посол в Москве Н. Бишофф передал

правительству СССР «Заявление из трех пунктов», в котором фактически выражалось согласие с советской инициативой, при условии, что на совещании четырех держав австрийский вопрос будет рассмотрен «обособленно» от германского ^[219]. Советский Союз согласился с последним замечанием и пригласил австрийскую делегацию в Москву. 11 апреля 1955 г. канцлер Австрии Ю. Рааб (подвергавшийся, кстати, сильным нападкам австрийской прессы за «капитулянтство») в сопровождении вице-канцлера А. Шерфа, министра иностранных дел Л. Фигля и статс-секретаря МИД Б. Крайского вылетел в Москву. Настроение у делегации было далеким от оптимистического, а советская столица встретила гостей холодным дождем вперемешку со снегом. Тем удивительнее для Рааба был конструктивный и энергичный настрой советской стороны. 12 апреля на прием в австрийское посольство неожиданно для посла прибыло практически все высшее руководство СССР.

13 апреля 1955 г. в ходе переговоров в особняке МИД СССР был решен основной вопрос — о нейтралитете Австрии. Советская делегация тщательно подготовилась к заседанию, и Молотов процитировал высказывание президента Австрии Т. Кернера, сделанное еще в 1952 году: «Что касается окончательного освобождения Австрии, то Швейцария является образцом политической мудрости». Австрийцы сначала все-таки хотели избежать употребления самого понятия «нейтралитет», и в качестве компромисса было решено зафиксировать нейтральный статус Австрии не в самом Государственном договоре, а в отдельном внутриавстрийском документе.

По итогам переговоров в Москве был принят австрийско-советский меморандум, в котором СССР соглашался «безотлагательно подписать австрийский Государственный договор» и давал обязательство вывести все оккупационные войска не позднее 31 декабря 1955 г.

За передаваемые Австрии германские активы Советский Союз получал 150 млн. долл, австрийскими товарами и отказывался от всех нефтепромыслов в обмен на поставку 10 млн. тонн нефти в течение 10 лет. Австрийская сторона обязывалась не допускать перехода передаваемых ей бывших немецких активов иностранцам. Ключевой пункт меморандума звучал следующим образом: «Австрийское федеральное правительство сделает декларацию в форме, накладывающей на Австрию международное обязательство о том, что Австрия будет постоянно придерживаться нейтралитета такого рода, которого придерживается Швейцария».

По итогам советско-австрийских переговоров СССР 19 апреля 1955 г. официально предложил западным державам созвать в Вене конференцию

министров иностранных дел США, Великобритании, СССР и Франции для подписания с участием Австрии Государственного договора. Но западные страны настояли на предварительной встрече послов четырех держав. СССР дал согласие, хотя и выразил опасение, что работа над договором опять будет затянута. И действительно, на совещании послов западные представители неожиданно предложили заново начать постатейное обсуждение договора, хотя почти все его статьи были согласованы еще в 1949 году^[220]. По настоянию СССР, поддержанному австрийцами, все же было решено обсуждать лишь спорные моменты. При этом из договора были исключены некоторые статьи, ущемлявшие австрийский суверенитет, в частности, о количественном ограничении вооруженных сил Австрии (ранее предполагалось, что они не должны превышать 53 тысячи человек). Характерно, что на сей раз западные державы вовсе не возражали против советского предложения 1950 года о роспуске и запрете фашистских организаций в Австрии.

15 мая 1955 г. в 11 часов 30 минут по средневропейскому времени многолетний дипломатический марафон был завершен. В тот день в Вене министрами иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и Австрии был подписан Государственный договор. Понадобилось 33 заседания СМВД, 260 встреч заместителей глав внешнеполитических ведомств, десятки совещаний послов. 20 сентября 1955 г. (т. е. значительно раньше срока) СССР закончил вывод войск из Австрии, а 26 октября того же года парламент Австрии принял конституционный закон о постоянном нейтралитете страны.

15 мая 1955 г., как и месяцем раньше в Москве, в Вене шел дождь. Но он не помешал ликования жителей австрийской столицы. На митингах и факельных шествиях люди праздновали восстановление независимости своей страны. Но возможно лишь немногие тогда осознавали еще более весомый повод для торжества: нейтральный статус на десятилетия избавил Австрию от тяжелого бремени холодной войны и блокавого противостояния, сделал Австрийскую Республику признанным центром мировой дипломатии. Именно нейтральный статус позволил Папе Римскому назвать Австрию «островом блаженных», что, пожалуй, весьма точно передает мироощущение подавляющего большинства австрийцев вплоть до наших дней.

Установление социализма в Чехословакии (май 1945 — февраль 1948 года)

События февраля 1948 года в Чехословакии до сих пор считаются на Западе отправной точкой холодной войны и характеризуются как государственный переворот, осуществленный компартией страны при помощи СССР. Данная трактовка представляет собой попытку переложить ответственность за начало холодной войны на СССР, хотя на самом деле отправной точкой противостояния Восток — Запад стала доктрина Трумэна (март 1947 года), четко ставившая цель борьбы против недавнего союзника по Антигитлеровской коалиции — Советского Союза.

После Мюнхенского сговора Англии, Франции, Италии и Германии 28–30 сентября 1938 года Чехословакия лишилась в пользу Германии, Польши и Венгрии 30 % своей территории, 33 % населения и 60 % промышленных мощностей. Причем Польша с благословения Гитлера аннексировала 906 кв. км Чехии с населением 250 тысяч человек, из которых только 36 % были поляками и 226 кв. км в Словакии с населением 4280 человек (0,3 % поляки). 1160 тысяч чехов и словаков остались за пределами своей страны. Из великих держав мюнхенский сговор осудил только Советский Союз.

Против Мюнхенского сговора активно выступала компартия Чехословакии (КПЧ). Ее лидер Готвальд потребовал в сентябре 1938 года у президента Бенеша принятия следующих мер:

- занятие армией всех пограничных укреплений на германско-чехословацкой границе;
- обращение в Лигу наций;
- обращение за поддержкой к населению и народам других стран;
- реорганизация правительства и введение в него тех партий, которые готовы сопротивляться Гитлеру.^[221]

Справочно. 16 мая 1935 года СССР и Чехословакия (ЧСР) подписали договор о взаимной помощи. Однако в нем содержалось условие, что СССР может оказать ЧСР военную помощь только в том случае, если свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии выполнит также и Франция (франко-чехословацкий договор о взаимной помощи был заключен в 1924 году). Во время обострения судетского кризиса в сентябре 1938 года Сталин два раза четко ответил на формальный запрос

президента ЧСР Бенеша, что Москва готова оказать военную помощь Чехословакии против Германии.

5 октября 1938 года президент Чехословакии Эдуард Бенеш подал в отставку и 22 октября уехал в эмиграцию в Англию.

Справочно. Эдуард Бенеш родился 28 мая 1884 года в крестьянской семье. Учился на философском факультете Пражского университета, после чего уехал во Францию, где в 1908 году получил степень доктора права. Затем преподавал в Пражском университете. Во время Первой мировой войны организовал тайную антиавстрийскую организацию «Мафия». В 1915 году эмигрировал во Францию. В 1918–1935 гг. был министром иностранных дел Чехословакии, в 1935–1938 гг. — президентом страны. Член национально-социалистической партии и ярый националист. Бенеш не считал словаков отдельным народом, а придерживался концепции единой чехословацкой нации. Установил доверительные отношения со Сталиным и передал тому в 1937 году сфабрикованные немецкими спецслужбами материалы о заговоре в РККА во главе с М.Н. Тухачевским. В 1938–1939 гг. преподавал в Чикаго, затем вернулся в Лондон.

14 марта 1939 года территория Чехии и Моравии была оккупирована немцами и превращена в «Имперский протекторат Богемии и Моравии». Президентом протектора стал бывший председатель Верховного суда ЧСР Эмиль Гаха. В перспективе немцы предполагали германизировать примерно 50 % населения протектората, остальных — использовать как рабов или отправить в Сибирь. Население протектората составляло в 1940 году 7,4 млн. человек, в т. ч. 225 тысяч немцев.

Справочно. В руки вермахта из арсенала чехословацкой армии попало 762 тысячи винтовок, 1,5 млн. ручных гранат, 30,5 тысяч легких пулеметов, 8 тысяч тяжелых пулеметов, 780 противотанковых пушек, 490 зенитных орудий, 347 танков и 70 танкеток 1100 минометов, более 2000 орудий, 326 истребителей, 320 разведывательных самолетов и 155 бомбардировщиков.^[222] Этим вооружением (которое было современным и высокого качества) можно было оснастить 20 дивизий. Все это вооружение было активно использовано Германией в войне против СССР. Например, в составе 6-й танковой дивизии вермахта (группа армий «Север») на 22.06.1941 года было 160 танков чехословацкого производства.

На территории Словакии (после уступки ее значительной части Венгрии) в марте 1939 года возникло марионеточное Словацкое государство, находившееся под «защитой» «Третьего рейха» (территория

38 тыс. кв. км, население — 2,65 млн. человек, в т. ч. 128 тысяч немцев и 87 тысяч евреев). 24 ноября 1940 года Словакия формально присоединилась к военному блоку Германии и Италии («Ось»). Словакия 22 июня 1941 года объявила войну СССР (в декабре 1941 года — Англии и США) и словацкая армия участвовала вместе с вермахтом в боях на советско-германском фронте. На апрель 1942 года словацкая «Быстрая дивизия» в СССР насчитывала 8082 человек (к ноябрю из нее дезертировало более 300 военнослужащих, часть которых присоединилась к советским партизанам).

[223] На 3 июля 1944 года словацкая армия насчитывал 92 132 бойца. 6000 словацких немцев служили в войсках СС.

Во время Второй мировой войны в Словакии по политическим мотивам было арестовано примерно 3 тысячи человек, половина из которых была коммунистами. С декабря 1941 года жившие в Словацком государстве евреи (примерно 65 тысяч) были депортированы в Германию (где были уничтожены) и за каждого еврея Словацкое государство получило от Германии 500 марок. Имущество депортированных было конфисковано.

За счет военных заказов Германии словацкая промышленность увеличила свое производство к 1943 году на 50 % (в 1935 году Словакия давала лишь 13,7 % ВВП ЧСР, хотя там жило 24,4 % населения страны).

Территория «протектората Чехии и Моравии» была одной из главных военно-промышленных баз гитлеровской Германии, и продукция чешских заводов активно использовалась немцами в войне, в т. ч. и против СССР.

Справочно. Военные заводы «Шкода» (Пльзень) давали вермахту в 1944 году ежемесячно 96 орудий и 120 зенитных пушек, военные заводы Брно — 30 тысяч винтовок 300 пулеметов и все необходимые к ним боеприпасы. 300 тысяч чехов работали в Германии, в основном в военной промышленности, на почте и на железных дорогах. В протекторате производились также синтетический бензин, орудия для подводных лодок, авиационные моторы и части ракет Фау-1 и Фау-2. Промышленное производство в протекторате в 1943 г. превысило уровень 1937 года на 60 % (прежде всего в машиностроении и химической промышленности).

В протекторате существовала и собственная армия численностью 5960 человек (туда принимали добровольцев ростом не ниже 165 см). Глава протектората Гаха два раза предлагал Гитлеру послать на советско-германский фронт «чешский добровольческий легион». Но Гитлер отверг эти просьбы, также как и аналогичное предложение верховного командования вермахта, сделанное в 1942 году. На основе опыта Первой мировой войны Гитлер опасался, что чехи перейдут на сторону русских. В

мае 1944 года 11 батальонов войска протектората (более 5 тысяч солдат и офицеров) было переброшено в северную Италию, где чехи несли вспомогательную тыловую службу. В боях с итальянскими партизанами погибло 10 и было ранено 15 чехов. 800 человек дезертировали к партизанам. 600 человек из них было переброшено во Францию, где они приняли участие в осаде удерживаемого немцами Дюнкерка. 4 октября 1944 года войско протектората было разоружено и преобразовано в отдельные строительные батальоны (оружие было оставлено только офицерам).

После капитуляции немцев в Италии армия протектората была переименована в 1-ю чешскую пехотную бригаду, которая потребовала от союзников признать ее воинской частью Антигитлеровской коалиции. Но в связи с окончанием войны этого признания не произошло. Оставшийся в Праге охранный батальон войска (охранял главу правительства протектората Гаху) принял участие в Пражском восстании. Глава армии протектората Ярослав Эмингер после войны был обвинен в коллаборационизме, но в апреле 1947 года был оправдан (во время войны Эмингер поддерживал тайную связь с Бенешем).

В 1940 году Бенеш образовал в Лондоне правительство ЧСР в эмиграции во главе с премьер-министром Яном Шрамком. 18 июля 1941 года эмигрантское правительство Бенеша признали СССР и Великобритания. В 1942 году западные страны аннулировали мюнхенское соглашение 1938 года.

Во время немецкой оккупации Чехии и Моравии, а также существования марионеточного Словацкого государства было убито 340–360 тыс. чехословацких граждан, в том числе 270 тысяч евреев и все цыгане. Чехов по политическим мотивам было уничтожено 30–35 тысяч, в основном коммунистов. Гестапо арестовало 4 состава подпольного ЦК КПЧ.

12 декабря 1943 года президент Чехословацкой Республики (ЧСР) и в эмиграции Бенеш подписал в Москве советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве Дружеские и доверительные (чехословацкая разведка активно снабжала СССР оперативной информацией) отношения чехословацкого эмигрантского правительства с Москвой особенно выделялись на фоне полного разрыва отношений между СССР и эмигрантским польским правительством в 1943 году. В статье 5 советско-чехословацкого договора указывалось, что стороны не будут вступать в коалиции, направленные против одной из договаривающихся сторон.

Госдепартамент США, начиная с 1944 года, считал, что все страны Европы восточнее линии Берлин-Триест должны после войны во внешней политике ориентироваться на СССР. В январе 1945 года послом в ЧСР был назначен человек из ближнего окружения Рузвельта Стейнхардт (до этого посол США в Стокгольме, Москве и Анкаре).^[224] Стейнхардт прибыл в Прагу уже в июне 1945 года.

Партизанское движение в Чехии и Моравии в отличие от Словакии было ограниченным. Большие партизанские отряды появились на территории протектората в начале 1945 года и практически все они были организованы коммунистами при поддержке советского командования. Летом 1941 года из СССР были сброшены несколько чешских вооруженных групп, но все они были ликвидированы гестапо. Во второй половине 1942 года появилось несколько небольших партизанских отрядов в Моравии (восточная часть протектората). 27 мая 1942 года, чтобы доказать союзникам существование чешского сопротивления, по приказу лондонского эмигрантского правительства группой прибывших из Англии диверсантов был убит заместитель имперского протектора и глава службы безопасности (СД) Гейдрих (операция «Антропоид»). В качестве ответных карательных мер нацисты ликвидировали примерно 15 тысяч чехов, в том числе сожгли две деревни Лидице и Лежаки.

Если в 1943 году в чешских землях было примерно 800 партизан, то в начале 1945 года примерно 8 тысяч партизан действовали в составе 95 отрядов и групп, а также связанных с партизанами подпольных ячеек.^[225]

В освобождении Чехословакии от гитлеровцев участвовали 1,7 миллиона советских и 50 тысяч американских военнослужащих. В боях за свободу Чехословакии погибло 140 тысяч советских солдат и офицеров, в том числе примерно 1000 при освобождении Праги в мае 1945 года.

Только на территории Словакии похоронено 60 659 воинов Советской Армии.^[226]

Американские войска без особых потерь в апреле-мае 1945 года освободили 3485 квадратных миль западной Чехословакии (7 % территории ЧСР). Во время налета американской авиации на Пльзень 17 апреля 1945 года было убито 624 и ранено 453 человека. 25 апреля 500 американских бомбардировщиков уничтожили 70 % пльзеньских заводов «Шкода». Сам Пльзень освободили местные антифашисты, передавшие его 5 мая американской армии.

В ноябре 1945 года СССР и США договорились о выводе своих войск с территории Чехословакии до 1 декабря 1945 года, что и было реализовано

обеими сторонами. При освобождении ЧСР на территории страны находилось примерно 165 тысяч советских военнослужащих, к началу вывода войск 15 ноября 1945 года их осталось примерно 65 тысяч. Американские войска начали уходить из ЧСР только через 5 дней после начала вывода частей Красной Армии.

Главнокомандующий союзными войсками в Европе Эйзенхауэр хотел выводить американские части из ЧСР в одностороннем порядке, так как требовались подкрепления для войны против Японии. Однако госдепартамент настоял, чтобы Трумэн отправил Сталину письмо с предложением об одновременном выводе советских и американских войск из Чехословакии. К удивлению госдепартаamenta Сталин немедленно согласился. [\[227\]](#)

Американский посол в Праге Стейнхард писал в Вашингтон, что после вывод Красной Армии чехословацкие коммунисты могут получить на свободных выборах не более 20 % голосов. [\[228\]](#)

В принципиальном плане следует отметить, что Сталин был против немедленного установления социализма в освобожденных Красной Армией странах Европы и, во всяком случае, против применения там советской модели социализма. Пассаж на сей счет прямо содержался, например, в первом воззвании компартии Германии к населению от 11 июня 1945 года и был лично продиктован советским лидером («Мы считаем неправильным путь навязывания Германии советской системы, так как этот путь не отвечает нынешним условиям развития Германии»). Лидер компартии Чехословакии (КПЧ) Клемент Готвальд также постоянно говорил об особом чехословацком пути к социализму. В мае 1945 года КПЧ насчитывала 28 тысяч членов.

Справочно. Клемент Готвальд родился 23 ноября 1896 года вне брака как сын бедной крестьянки. Перед Первой мировой войной работал столяром. С 1912 года участвовал в молодежном социал-демократическом движении. В 1915 году был призван в австро-венгерскую армию, откуда дезертировал в 1918 году. В 1918–1920 гг. служил в чехословацкой армии. В 1920–1921 гг. работал столяром. С 1921 года член компартии (с момента основания). В 1921–1926 гг. редактор коммунистической печати в Словакии, с 1925 г. член ЦК КПЧ. С 1929 года генеральный секретарь, с 1945 г. — председатель КПЧ. С 1929 года депутат парламента ЧСР. Осенью 1938 года активно выступал против Мюнхенского сговора за вооруженное сопротивление гитлеровской агрессии. С ноября 1938 года после запрета КПЧ находился в эмиграции в СССР.

Сталин считал, что формой общественно-политического устройства в освобожденных Красной армией странах Восточной Европы должна стать народная демократия (а не социализм), которая в отличие от советской модели предусматривала многопартийность и существование мелких и средних частных предприятий. В чем-то эта модель была похожа на опыт республиканской Испании 1936–1939 года.

Такая позиция Сталина была обусловлена объективной оценкой социально-классовой ситуации в европейских странах, где за коммунистами не шло большинство населения. К тому же исторические условия в Восточной Европе сильно отличались от российских традиций. Наконец Сталин был всерьез настроен на сохранение стратегических союзнических отношений с США и Великобританией в послевоенное время и этой цели подчинялись все стратегические установки мирового коммунистического движения. Именно «в угоду» США и Англии Сталин распорядился распустить Коминтерн в 1943 году, а годом позже была распущена компартия США, причем ее членам было рекомендовано поддерживать Демократическую партию Рузвельта, которого Сталин очень уважал.

Рост авторитета СССР и коммунистического движения после 1945 года объяснялся решающей ролью Советского Союза и компартий европейских стран в разгроме фашизма. Именно коммунисты были организаторами вооруженных восстаний в Словакии (август-октябрь 1944 года) и в Праге (май 1945 года). В словацком национальном восстании приняли участие примерно 80 тысяч человек (включая военнослужащих словацкой армии и советских партизан). Погибло 1720 повстанцев, было ранено 3600, 10 тысяч попали в плен. Немцы и их союзники из людацкой клерикально-фашистской партии потеряли убитыми 4200 человек, ранеными — 5000. Немцы и глинковцы убили более 5 тысяч человек мирного населения.

Один из лидеров словацкого восстания Густав Гусак отмечал, что лондонское правительство Бенеша не сделало ничего, чтобы реально подготовить восстание и помочь ему через западных союзников.^[229]

В боях в Праге 5–9 мая 1945 года участвовало примерно 30 тысяч повстанцев, построивших 1500 баррикад. Пражанам помогли пробивавшиеся на Запад части власовской армии РОА.^[230] Погибло 2300 повстанцев и 300 власовцев. Было убито примерно 4000 мирных жителей. Немцев было убито около 1 тысячи человек.

В Чехословакии только компартии во время войны смогла сохранить подпольное руководство, нелегальную печать и сеть местных организаций,

несмотря на жесткие репрессии гестапо. Следует отметить, что компартия Чехословакии была изначально массовой и влиятельной силой в стране. Именно коммунисты были организаторами чехословацкого корпуса, который вместе с Красной Армией принял участие в освобождении Чехословакии от нацизма. Авторитет КПЧ был сильным еще и потому, что только коммунисты безоговорочно выступили в 1938 году против мюнхенского сговора, согласно которому Англия и Франция отдали Чехословакию Гитлеру. Лишь компартия в Словакии выступила против образования в марте 1939 года сепаратного словацкого государства, сохранив верность чехословацкой идее. Все остальные партии в Словакии фактически поддержали Гитлера в его усилиях по разгрому единого чехословацкого государства.

Справочно. Правящей и единственной легальной партией в Словацком государстве была Глинковская словацкая народная партия (глинковцы, «людаци», от словацкого «люд» — народ). Впервые участвовала в выборах в Австро-Венгрии в 1913 году. Бессменным лидером партии до своей смерти в 1938 году был католический священник Андрей Глинка (в честь которого и была названа партия). В 1927–1929 гг. входила в правительство ЧСР. В сентябре 1936 года открыто перешла на фашистские позиции и в сотрудничестве с судетскими немцами и НСДАП требовала ликвидации Чехословакии и образования независимого словацкого государства, связанного с Германией. На выборах в словацкий сейм 18 января 1939 года глинковцы получили 98 % голосов. Именно провозглашение партией 14 марта 1939 года по наущению Гитлера независимости Словакии послужило Германии предлогом для оккупации Чехии и Моравии. Партия опиралась на католический клир.

Имела по образцу СА собственную военную организацию Глинковскую гвардию, активно участвовавшую в депортации словацких евреев в Освенцим. В 1944 году гвардия была подчинена СС и участвовала в подавлении Словацкого национального восстания. Людацкая партия была запрещена еще во время Словацкого национального восстания на территории, контролируемой повстанцами. Окончательно запрещена на основании Кошицкой правительственной программы.

В марте 1945 года на встрече основных политических партий Чехословакии в Москве была достигнута договоренность об образовании блока всех антифашистских партий — Национального фронта чехов и словаков. Характерно, что фронт назывался именно «национальным», а не «народным», как Коминтерн рекомендовал после 1935 года. Название «национальный» подчеркивало тот факт, что новый блок не ставил перед

собой задачи коренного изменения социального строя в ЧСР. Лидер КПЧ Готвальд так объяснял термин «национальный фронт»: «...власть перешла от нации-угнетателя, от нации оккупантов, от нации германской в руки наций, ранее угнетенных, наций чешской и словацкой, — в этом смысле наша революция — национальная. Но одновременно... мы ведем борьбу против наших внутренних врагов — пособников оккупантов, то есть против чешской и словацкой реакции и изменников, которые предали нацию, которые поддержали оккупацию чешских земель и порабощение собственной нации».

Именно этот блок — Национальный фронт — образовал 4 апреля 1945 года в словацком городе Кошице новое чехословацкое правительство, которое возглавил лидер социал-демократов Фирлингер (во время войны был послом ЧСР в Москве). Его заместителем стал лидер КПЧ Клемент Готвальд. Коммунисты получили также портфели министров внутренних дел, сельского хозяйства и информации. Министром обороны стал близко стоявший к коммунистам генерал Свобода — командующий первым Чехословацким армейским корпусом в составе Красной Армии.

Правительство Национального фронта работало на основании Кошицкой программы, принятой 5 апреля 1945 года. Ее основными пунктами были запрет всех коллаборационистских организаций, выселение немцев из Чехословакии, аграрная реформа и конфискация собственности всех лиц, сотрудничавших с оккупантами. Внешнеполитической программой правительства Национального фронта стал лозунг «С Советским Союзом на вечные времена!». Этот лозунг был очень популярен в народе, так как только СССР выступил в 1938 году против мюнхенского диктата и был готов придти на помощь Чехословакии (с этой целью в СССР была даже объявлена частичная мобилизация). Даже те чехи и словаки, которые не были сторонниками социализма, считали Москву после национальной катастрофы 1938 года единственной надежной гарантией самостоятельности Чехословакии перед лицом многовековой германской угрозы. Ведь Франция и Англия, на которые ориентировалась Чехословакия в 1918–1938 гг., фактически предали ее и это навсегда осталось в национальной памяти чехов и словаков.

По данным опроса общественного мнения в мае 1946 года Кошицкую программу поддерживало полностью 62,9 % населения, с оговорками — 28,8 %.

Готвальд так описывал задачи КПЧ в 1945 году: «На повестке дня не социалистическая революция, а национально-освободительная демократическая революция. Блок рабочего класса, крестьянства,

городских средних слоев и интеллигенции. Непосредственная форма — демократическая республика».^[231]

Соотношение политических сил в Чехословакии в конце 1945 — начале 1946 года было таковым. Президента ЧСР Эдуарда Бенеша (довольно популярного в народе и личного друга Сталина еще с довоенных времен) поддерживала мелкобуржуазная Чехословацкая национально-социалистическая партия (ЧНСП). Партия была основана в 1897 году, а в 1918 году приняла наименование Чехословацкая социалистическая партия. Название ЧНСП обрела в 1926 году, после поражения на съезде правого фашистского крыла во главе с Штрибрным (фашистских деятелей на этом съезде исключили из партии). Участвовала в правительстве в 1918–1926 и 1929–1938 гг. Характерно «социалистическое» название основной буржуазной партии страны — ЧНСП формально выступала в соответствии со своей программой от 8 декабря 1945 года за «демократию, национализм, социализм на основе политической философии Томаша Масарика» (первый президент ЧСР). В начале 1946 года в ЧНСП входило 580 тысяч человек, причем примерно треть членов приходилась на рабочих и крестьян. Фактически основным козырем ЧНСП был личный авторитет Бенеша. Один из лидеров ЧНСП Прокоп Дртина (в 1946–1948 гг. министр юстиции) во время войны был личным секретарем Бенеша и диктором чешского эмигрантского радио (под псевдонимом «Павел Святой»). Много членов ЧНСП работало в госаппарате, прежде всего, в центральных министерствах. ЧНСП декларировала приверженность союзу с компартией и СССР и фактически в 1945–1946 гг. занимала левоцентристские позиции. Ежедневная газета партии «Свободне слово» имела тираж 300 тысяч экземпляров.

На крайне правом фланге Национального фронта располагалась Чехословацкая народная партия (ЧНП), которую можно охарактеризовать как христианско-демократическую. В ЧНП входило до 400 тысяч членов и она пользовалась поддержкой на селе, (прежде всего в католических районах; крестьянами были 40 % членов партии) и среди крупной и средней буржуазии. В конце 1945 года в партии состояло 344 тысячи членов, из которых 189 тысяч жили в Моравии. Местные организации ЧНП существовали в 55 % населенных пунктов Чехии и Моравии.

В сентябре 1938 года министры-члены ЧНП единогласно голосовали против Мюнхенского диктата. Представитель партии Шрабек был премьером эмигрантского правительства Бенеша в Лондоне.

ЧНП открыто высказывалась против социализма в любом его виде, что нашло отражение в программе партии: «Наша задача ясна: мы —

единственные защитники тех граждан, которые в этом государстве не согласны с социализмом и коллективизацией всего имущества...».

[232] Партия была сильна в основном в Моравии, население которой было гораздо более религиозным, чем в Чехии. Влияние партии снижалось по мере того, как начиная с 1918 года падала религиозность чешского населения. Согласно опросу католического журнал «Католик» в 1946 году только 20 % чехов регулярно посещали церковь, 42,8 % — изредка, а 13,6 % отмечали только самые главные церковные праздники.

И ЧНП и ЧСНП были по своему составу фактически чешскими партиями (первая скорее даже моравской).

В Словакии все антисоциалистические силы объединились в рядах Демократической партии, которая сначала опиралась на не католических протестантских интеллектуалов (так как католики активно поддерживали людацкую партию Глинки в 1939–1945 гг.), а с весны 1946 года — вновь на католическую церковь и стала прибежищем всех элементов, мечтавших о возрождении словацкого сепаратного государства 1939–1945 гг. Демократы вошли в Национальный фронт скорее для того, чтобы вообще не остаться в стороне от процесса принятия решений в воссозданной Чехословакии.

Чехословацкая социал-демократическая партия (примерно 200 тысяч членов) была самой слабой политической партией Национального фронта и всегда уступала по своему влиянию на рабочий класс КПЧ. ЧСДП в 1945 — начале 1946 года ориентировалась на сотрудничество с коммунистами. Работала только в чешских землях.

Самой массовой (и единственной по-настоящему «чехословацкой») партией Национального фронта были коммунисты — в начале 1946 года в КПЧ входил один миллион человек. Характерно, что чехословацкая компартия всегда была массовой партией. Уже во время своего основания в мае 1921 года в нее входило 350 тысяч членов, и КПЧ в 1920-е — 1930-е годы являлась самой крупной компартией за пределами Советской России. До сих пор КПЧ остается самой крупной по численности партией в истории Чехословакии.

КПЧ в 1946 году имела местные организации в 96 % населенных пунктов страны, в то время как ее соперники — максимум в 60–70 %. В Праге было 190 тысяч коммунистов или четверть всех избирателей столицы. 58 % членов КПЧ в марте 1946 года были рабочими, 13 % — крестьянами, 9 % — интеллигентами, 4,1 % — ремесленниками.

Компартия Словакии (КПС) организационно была самостоятельной (с мая 1939 года после распада единого чехословацкого государства; в 1939–1941 гг. выступала за присоединение Словакии к СССР, затем — за

восстановление Чехословакии по принципу отношений с чехами «равный с равным»), но в политическом и идеологическом отношении фактически была составной частью КПЧ. Интересно, что КПС в отличие от КПЧ не была секцией Коминтерна.^[233] 17 сентября 1944 года во время Словацкого национального восстания словацкие социал-демократы объединились с КПС. 69 % членов КПС были рабочими, 12,4 % — крестьянами, 6,7 % принадлежало к интеллигенции.

В 1945 году председатель демократической партии Словакии (и Словацкого национального совета — автономного парламента Словакии) Леттрих (до войны был членом аграрной партии) характеризовал сотрудничество между демократами и коммунистами в Словакии как «искреннее, сердечное, честное и открытое».

В июне 1945 года КПЧ, ЧСДП и ЧСНП как социалистические партии подписали соглашение о единстве действий. В частности все три партии имели единую молодежную организацию — Союз чешской молодежи, в которую входило 30 % всех юношей и девушек в возрасте от 15 до 25 лет.

Самая крупная чешская партия довоенной Чехословакии — аграрная — была запрещена за сотрудничество с оккупантами (на последних свободных парламентских выборах до войны в 1935 году аграрии набрали 1176 тысяч голосов, 14,29 %). В 1938 году аграрии (занимавшие пост премьера) поддержали Мюнхенский сговор. Согласно Кошицкой программе партия была запрещена и ее члены в Словакии практически поголовно перешли в Демократическую партию, в чешских землях — в ЧСНП и ЧНП. Эмигрантские организации партии в основном работали в США. Лидер аграриев Рудольф Беран (премьер в декабре 1938 — апреле 1939 г.) в 1945 году был арестован, а в апреле 1947 года приговорен судом за коллаборационизм к 20 годам тюрьмы. Умер в заключении в 1954 году.

ЧСНП и ЧНП имели между собой весьма натянутые отношения, так как первая была решительно антиклерикальной, а вторая наоборот ориентировалась на Ватикан. К тому же обе партии боролись за одних и тех же избирателей — лиц свободных профессий, предпринимателей и чиновников. ЧСДП после выборов 1946 года вообще практически раскололась на правое и левое крыло: первое тянулось к ЧСНП, второе — к коммунистам. Большую роль в правом крыле ЧСДП играл брат президента Бенеша Войта.

Помимо политических партий в Национальный фронт входили и общественные организации, такие как Единый союз чешских землевладельцев, Единый союз словацких крестьян, Союз друзей Советского Союза, Союз чешской молодежи, Союз словацкой молодежи.

Но самой массовой силой в Национальном фронте было Революционное профсоюзное движение (РПД) — единый профцентр страны, который возглавлял коммунист Антонин Запотоцкий. В конце 1945 года в РПД было 1,5 млн. членов в чешских землях и 200 тысяч — в Словакии (в Словакии фактически отсутствовала современная крупная промышленность, чем и объяснялась слабость рабочего движения). РПД в своей программе требовало установления в стране социалистического строя. Фактически профсоюзы шли за коммунистами, хотя формально в руководстве РПД были представлены все партии Национального фронта.

Образованные профсоюзами в 1945 году на всех крупных и средних предприятиях заводские советы стали играть большую роль в управлении, особенно на конфискованных и национализированных заводах и фабриках.

Лидер КПЧ Готвальд так описывал соотношение классовых сил в конце 1945 года: «Мы одни править не можем, и они (т. е. буржуазия. — *Авт.*) одни также не могут править. Они не могут править без нас, а мы — без них, при этом они в большей степени не могут без нас, чем мы — без них».

Коммунисты опирались на новые органы местной власти — национальные комитеты — созданные явочным путем (но по согласованию с правительством) в ходе освобождения Чехословакии от гитлеровцев. До конца войны было образовано 4850 комитетов. В национальных комитетах до мая 1946 года на паритетных началах были представлены все партии Национального фронта. Национальные комитеты провели массовую чистку всего госаппарата от коллаборационистов. При этом «пострадали» главным образом ЧНП и демпартия, в рядах которых было много тех, кто сотрудничал с оккупантами.

В 1945 году в соответствии с Кошицкой программой были распущены полиция и жандармерия, активно служившие нацистам. Вместо них 30 июня 1945 года был создан Корпус национальной безопасности, в рядах которого преобладали бывшие партизаны и борцы сопротивления (их было принято около 12 тысяч) — в массе своей коммунисты и сочувствующие. Корпус объединял функции обычной полиции, разведки и контрразведки. В корпус принимали и бывших полицейских, прошедших чистку, которую осуществляли национальные комитеты. В ходе чистки отсеивались те сотрудники бывшей полиции, которые были запятнаны активным сотрудничеством с оккупантами. После чистки на работу были возвращены 25 тысяч бывших полицейских, 6 тысяч из которых были коммунистами и сочувствующими. К февралю 1948 года из 17 руководителей областных управлений Корпуса в чешских землях 12 были коммунистами. Но в Праге

и Словакии Корпусом руководили представители некоммунистических партий.

Новая армия формировалась на основе Первого Чехословацкого армейского корпуса генерала Свободы, однако среди высшего офицерства преобладали сторонники Бенеша и ЧНСП. Это объяснялось традиционным авторитетом президента как верховного главнокомандующего. К тому же среди офицеров было много кадров из довоенной армии, настороженно относившихся к СССР и коммунистам. В целом армия в отличие от Корпуса безопасности была в 1945–1948 годах скорее политически нейтральной силой.

Справочно. Чехословацкие части в СССР стали формироваться в Бузулуке в 1942 году из граждан ЧСР, советских граждан чешской национальности (например, волынских чехов) и словацких военнопленных. Большинство из первых 900 добровольцев было евреями. 28 августа 1942 года командир 1-го отдельного чехословацкого батальона подполковник Свобода обратился с письмом к Сталину с просьбой разрешить использование батальона на фронте. За эту инициативу Свобода подвергся критике со стороны лондонского эмигрантского правительства Бенеша. Сталин согласился и приказал вооружить батальон, который тогда насчитывал 979 мужчин и 38 женщин. Батальон получил 553 винтовки СВТ-40, 192 винтовки Мосина, 47 автоматов, 47 пистолетов и револьверов, 52 пулемета (в т. ч. 12 системы «максим»), 18 противотанковых пушек и 18 минометов. Батальон был одет в униформу британского образца, что должно было подчеркнуть его подчиненность лондонскому правительству Бенеша.

8 марта 1943 года батальон принял боевое крещение в районе Харькова, противостоя атакам немецкого полка, усиленного танковым батальоном на выделенном ему участке фронта в 15 км. Батальону были приданы «катюши» и советские батареи противотанковой артиллерии. Батальон в сражении у деревни Соколове отстоял свои позиции и уничтожил 19 немецких танков, 5 САУ и 300–400 солдат и офицеров. В дальнейшем батальон был вынужден отступить вместе с советскими частями, потеряв в боях 304 человека (причем только трое попали в плен).

Летом 1943 года выведенный из боев батальон был преобразован в 1-ю отдельную чехословацкую бригаду; насчитывавшую 3517 бойцов. Бригаде было придано 10 танков Т-34 и 10 легких танков Т-70\ 10 броневых автомобилей, 212 грузовых машин и 62 мотоцикла. Бригада отличилась в боях за Киев в октябре-ноябре 1943 года. Три командира бригады стали Героями Советского Союза, а сама часть была

награждена Орденом Суворова 2-й степени. Бригада приняла участие в разгроме немецкой группировки под Корсунь-Шевченковским и после освобождения Волыни (где до войны жило примерно 30 тысяч чехов) была в начале 1944 года отведена в тыл на переформирование.

В марте 1944 года бригада была размещена в Ровно и был объявлен набор чехов-добровольцев, на который откликнулось 12 тысяч человек, в том числе 600 женщин. Бригада была преобразована в 1-й Чехословацкий армейский корпус (состоял из двух пехотных, одной танковой и одной десантной бригад, а также пяти артиллерийских полков). Командиром корпуса лондонское правительство Бенеша назначило генерала Кратохвила, Свобода остался командиром ядра соединения -1-й пехотной бригады.

Во время Словацкого национального восстания (август-сентябрь 1944 года) в Словакию была переброшена десантная бригада корпуса и 1-й чехословацкий истребительный авиаполк. 6 октября 1944 года после тяжелейших боев во время Карпатско-Дуклинской операции Красной Армии чехословацкие части вступили на территорию Чехословакии. Во время боев на Дуклинском перевале корпус потерял убитыми и ранеными 6300 солдат и офицеров (из примерно 16 тысяч).

В начале 1945 года корпус принял участие в освобождении Словакии и Моравии. [\[234\]](#)

Во Франции в 1939–1940 гг. была образована 1-я чехословацкая дивизия, которая однако не смогла принять активное участие в боях с немцами вследствие быстрого поражения Франции в мае-июне 1940 года и была эвакуирована в Англию. Несколько сотен чехословацких летчиков участвовали в 1940–1941 гг. в т. н. «битве за Британию», сбив 56 немецких самолетов. В составе британской армии с осени 1940 года воевал в Северной Африке 11-й восточный чешский пехотный батальон (около 340 солдат и офицеров), который был в мае 1942 года преобразован в 200-й легкий чешский зенитный полк. Летом 1943 года эта часть была расформирована. В 1944 году в Англии была создана 1-я чехословацкая бронетанковая бригада. 30 августа 1944 года она была переброшена во Францию, но в боях не участвовала, неся тыловую службу. Затем бригада участвовала в осаде занятого немцами порта Дюнкерк, но взять его не смогла (немцы капитулировали там только 8 мая 1945 года). [\[235\]](#)

Еще в годы войны один из ближайших сторонников Бенеша, член руководства ЧСНП Рипка заявил: «...наша армия будет управляться по принципам военной доктрины победоносной Красной Армии и по ее

образцу создаст свою организацию, вооружение и оснащение, а также обучение». ^[236] После 1945 года чехословацкая армия должна была состоять из 16 дивизий, отдельного танкового корпуса и артиллерийской дивизии, однако формирование армии сдерживалось недостатком финансовых средств. Части армии принимали участие в выселении немцев, а также (вместе с Корпусом безопасности) в боях против банд украинских националистов в Словакии.

Справочно. Части Украинской повстанческой армии (УПА) проникли на территорию Чехословакии в апреле 1946 года. Бандеровцы пытались массированной агитацией организовать в Словакии антикоммунистическое партизанское движение с участием бывших членов фашистской партии Глинки. Чехословацкая армия оказалась неподготовленной к боям с опытными партизанскими отрядами ОУН и банды УПА заняли 33 населенных пункта. Только к осени 1946 года части чехословацкой армии смогли переломить ситуацию в Словакии в свою пользу.

Однако в начале 1947 года после провозглашения антисоветской «доктрины Трумэна» (фактическое начало «холодной войны») УПА была уверена в скором и неминуемом начале вооруженного конфликта между США и СССР. В этом конфликте украинские националисты видели своей главной задачей удар по польской армии, в том числе и с территории Чехословакии. В июне 1947 года в Словакию вторглись три крупных бандеровских отряда. Предполагалось, что отошедшие из Польши части УПА (разгромленные там польской армией в ходе «операции Висла») вместе с действовавшими в Словакии националистами должны пробиться через ЧСР в Австрию и Западную Германию. Активного сопротивления со стороны чехословацкой армии части УПА не ожидали.

Однако из частей Корпуса национальной безопасности был сформирован особый пограничный полк «Словакия» (в нем было много коммунистов), который в ходе ожесточенных боев смог разбить крупные бандеровские отряды. 3 сентября 1947 года части госбезопасности взяли в плен главаря бандеровцев Бурлака и его любовницу Офелию. В боях с бандеровцами погибло 49 бойцов чехословацкой армии и сил безопасности. В американскую зону оккупации Германии летом 1947 года пробилось отдельными мелкими группами примерно 120 украинских националистов.

В 1947 году армия была реорганизована и ее численность сократилась. Планировалось, что в мирное время вооруженные силы ЧСР должны насчитывать 187 тысяч человек (в военное — 655 тысяч), в составе 16 пехотных дивизий, танкового корпуса и 8 авиадивизий. Реально к февралю

1948 года армия не достигла намеченной численности. На 1.10.1947 года в чехословацкой армии было 150 тысяч солдат и офицеров (на 1.3.1938 года — 231 тысяча).

Центральная разведывательная группа (ЦРГ, предшественница ЦРУ) США оценивала количественный состав чехословацкой армии в 1946 году в 140 тысяч человек. СССР был готов оснастить 9 дивизий и обучить в Советском Союзе чехословацких офицеров. Но в целом ЦРГ оценивала «тенденцию в сторону коммунистического доминирования в армии» как «медленную».^[237]

В мае 1947 года заведующий международным отделом ЦК ВКП(б) Суслов в докладной записке критиковал руководство КПЧ (Готвальда, Сланского, а также Свободу) за то, что коммунисты не пытаются продвинуть на руководящие офицерские должности в армии членов партии. Готвальд как председатель Совета обороны (высший орган военного руководства, возглавлявшийся по должности премьер-министром) по мнению Суслова не использовал свои властные полномочия для роста влияния КПЧ в армии. Министр обороны Свобода в речи перед офицерами-воспитателями (аналог политических руководителей в Советской Армии) 29 апреля 1947 года ясно высказался против превращения воспитательной работы в армии в придаток коммунистической пропаганды. Суслов считал, что Свобода пытается усидеть на двух стульях: в правительстве он поддерживал предложения коммунистов, а в армии проводил линию Бенеша и национальных социалистов. Например, Суслов считал, что Свобода хочет заменить офицеров-политработников членов КПЧ на национальных социалистов.

Напротив, ЦРУ (в феврале 1948 года, анализируя успех «коммунистического путча» в Чехословакии) оценивала Свободу как «послушный инструмент в руках коммунистов, который смог нейтрализовать армию».

На предприятиях существовала «рабочая стража» — стихийно возникшие в 1945 году вооруженные отряды профсоюзов для охраны конфискованной и национализированной собственности. Рабочая милиция была плохо обучена и вооружена легким стрелковым оружием устаревших образцов (сначала трофейными винтовками, а затем только пистолетами) и представляла собой в военном отношении скорее психологическую силу. В 1946 году насчитывалось 760 подразделений «заводской стражи», а летом того же года стража появилась и на предприятиях Словакии, где к началу 1948 года на 190 предприятиях числилось 2000 бойцов милиции. Инструктаж и вооружение стражи осуществляло министерство внутренних

дел.

Под влиянием буржуазных партий, особенно ЧСНП, находилась военизированная спортивная организация «Сокол» (более 1 млн. человек, половина из которых были моложе 18 лет). Военно-спортивная молодежная организация ЧИП «Орел» насчитывала более 100 тысяч человек. Буржуазные партии традиционно лидировали в студенческих организациях, так как среди студентов были выходцы в основном из зажиточных семей.

ЧСНП плотно контролировала аппарат юстиции и, прежде всего, суды, которые тормозили проведение процессов над пособниками оккупантов.

В 1945 году ЧСР находилась в довольно плачевном экономическом положении. Производство и производительность труда в промышленности упали на 50 % по сравнению с довоенным уровнем. Было уничтожено или угнано в Германию 53 % паровозов и 75 % грузовых вагонов. Урожай зерновых в 1945 году был ниже 1937 года на 43 %, картофеля — на 31 %, сахарной свеклы — на 42 %. В Словакии урожай достиг лишь 40 % довоенного уровня. Продовольствие в стране распределялось по карточкам. Страну захлестнула инфляция — количество бумажных денег в обращении превысило довоенный уровень в 15 раз.

КПЧ, ЧСДП и большая часть ЧСНП видели решение острых экономических проблем в создании мощного госсектора и установлении государственного контроля над финансовой системой.

19 мая 1945 года декретом президента Бенеша были конфискованы предприятия, принадлежавшие немцам, венграм и местным коллаборационистам. Их окончательная судьба решена не была, но под давлением профсоюзов на большинстве этих предприятий были назначены т. н. «национальные управляющие», т. е. фактически конфискованные объекты стали частью госсектора. Декрет от 19 мая проводили в жизнь национальные комитеты, и к июню 1945 года национальное управление действовало на 47 % предприятий в чешских землях и на сельхозпредприятиях общей площадью 800 тысяч га. В августе 1945 года с целью контроля над инфляцией национальное управление было введено во всех банках и страховых обществах.

В октябре 1945 года по инициативе КПЧ и РПД президент Бенеш издал декреты о национализации банков, страховых компаний, металлургических заводов, объектов энергетики и пищевой промышленности, а также всех промышленных предприятий с числом работающих более 500 человек. При этом социал-демократы шли гораздо дальше коммунистов и предлагали перевести в государственную

собственность все коммунальные мелкие предприятия.

Национализация формально выходила за рамки первоначальных задач Национального фронта, так как затрагивала не только коллаборационистов. Но и «социалистической» национализация не была. Коммунисты считали (и в этом их искренне поддерживали социал-демократы и большая часть ЧСНП), что национализация финансов и крупной промышленности позволит создать мощный госсектор, который станет локомотивом экономического развития страны. Бывшие владельцы имели право на компенсацию, профсоюзные комитеты участвовали в органах управления национализированных предприятий. Национализация такого же рода проходила в 1945–1946 гг. во Франции и Великобритании. В любом случае национализацию поддержали все партии Национального фронта.

В поддержку национализации 25 октября 1945 года по всей Чехословакии прошли массовые митинги. В Праге на Вацлавской площади собралось более 250 тысяч человек. [\[238\]](#)

К концу 1946 года в собственность государства перешло 2867 крупных предприятий, на которых работало 65 % всех занятых в промышленности. В госсектор вошла вся металлургическая и энергетическая промышленность, 74 % химической промышленности, 72 % металлообработки, 69 % производства сахара (по числу рабочих). Государству принадлежали также железные дороги, кино и радио.

Частный сектор сохранил сильные позиции в пищевой промышленности (47 %), деревообрабатывающей — 42 %, ликероводочной — 46 %, пивоваренной — 26 %, бумажной — 63 %, строительной — 76 %. Частники господствовали в оптовой и розничной торговле — на них приходилось 83 % товарооборота, в то время как на госсектор — только 5 %, а на кооперативы — 12 %. Доля частного сектора в национальном доходе составляла примерно 20 %. [\[239\]](#)

Предложение некоторых деятелей ЧНСП передать национализированные предприятия иностранным собственникам не прошло, так как не получило поддержки даже в рядах самой ЧНСП.

США требовали от Чехословакии компенсации за национализированную собственность и таким путем в частности пытались помешать налаживанию экономических связей между ЧСР и СССР. В депеше в Вашингтон от 26 января 1946 года посол США в Праге Стейнгард писал: «В последние месяцы комбинация видимых и невидимых факторов позволила мне придти к выводу, что те члены правительства (ЧСР), которые поддерживают установление еще более тесных политических и

экономических связей с Советским Союзом, чем те, которые существуют сейчас, одновременно пытаются избежать уплаты соразмерного справедливой компенсации за национализированный иностранный капитал».^[240] К «просоветским радикалам» в кабинете министров Стейнгард относил Фирлингера (премьер, ЧСДП), Лаушмана (министр промышленности, ЧСДП), Готвальда, Носека (министр внутренних дел, КПЧ), Копецкого (министр информации, КПЧ). Умеренных членов кабинета Стейнгард упрекал в трусости, которая с точки зрения американского посла была вызвана то ли семью годами террора гестапо, то ли вновь возникшим страхом перед мощью СССР. Сам Стейнгард склонялся ко второму объяснению. В то же время Бенеш заверил американского посла, что Советский Союз никоим образом не пытается ограничить связи ЧСР с Западом. Однако Стейнгард рекомендовал госдепартаменту не предоставлять Чехословакии никаких кредитов до тех пор, пока «чехи» не раскроют весь объем своих торгово-экономических связей с Москвой.

20 апреля 1946 года Стейнгард сообщил в Вашингтон о своей беседе с министром внешней торговли ЧСР Рипкой (которого сам посол относил к умеренному крылу кабинета с «прозападными настроениями»). Рипка (ЧНСП) заверил посла, что в ходе его переговоров в Москве СССР ни разу не пытался оказывать давление на Чехословакию.^[241] Причем к удивлению самого Рипки русские не настаивали на длительных обязательствах ЧСР по поставкам продукции, а напротив, были готовы к единичным контрактам на основе клиринга, причем на базе чехословацких крон. Это было очень выгодно для ЧСР, испытывавшей острый недостаток валюты. Примечательно, что США отказывались заключить с ЧСР торговое соглашение до тех пор пока не получат компенсацию за национализированную американскую собственность.

На селе компартия уже в июне 1945 года добилась принятия декрета о конфискации земель коллаборационистов. Под этот декрет попали земли всего немецкого населения ЧСР, активно поддерживавшего в 1938–1939 гг. нацистов — всего 2,9 млн. га, в т. ч. 1,6 млн. га сельскохозяйственных земель. Крестьяне получали участки 12–13 га, которые были должны обрабатывать сами. Новые собственники должны были выплатить государству в течение длительного срока небольшую плату за землю, не превышавшую стоимости двух урожаев. Декрет был очень популярен в стране, так как за счет выселенных из ЧСР немцев была фактически ликвидирована проблема малоземельности среди чешских и словацких

крестьян.

С целью обуздания инфляции 18 октября 1945 года был издан декрет президента о денежной реформе. Каждый гражданин по курсу 1:1 мог обменять 500 старых чешских или словацких крон на новые чехословацкие кроны. Новые деньги были еще во время войны напечатаны в Англии. Предприниматели обменивали новые деньги в соответствии с текущими потребностями своих фирм, например, в размере подлежащей выплате среднемесячной зарплаты. Вклады в банках были заморожены и могли быть обналичены только с разрешения государства. Объем замороженных вкладов превысил в начале 1946 года 258 млрд. крон. Однако предложение коммунистов о полном аннулировании крупных вкладов не прошло.

Курс чехословацкой кроны к доллару США составил 50 крон за 1 доллар (перед войной курс был 28,6:1). Золотое содержание кроны было установлено в размере 0,0177734 г. ЧСР с самого начала вошла в МВФ (в отличие от СССР) и внесла в фонд 125 млн. долларов (12-е место среди 45 стран-учредителей МВФ).

Одновременно с денежной реформой была повышена заработная плата рабочих и служащих, а с 1 декабря 1945 года была введена надбавка к зарплате за воспитание детей.

Большую экономическую помощь Чехословакии в 1945 году оказал СССР. В августе 1945 года из Советского Союза было получено 14 тысяч тонн железной руды, что предотвратило коллапс чехословацкой металлургии и машиностроения. До конца 1945 года из СССР прибыло 50 тысяч вагонов угля, 85 тысяч тонн железной и марганцевой руды, значительные количества нефти, хлопка, шерсти, льна.

С другой стороны еще 23 ноября 1945 года было подписано соглашение между СССР и ЧСР о поставках в Советский Союз урановой руды из Яхимова (ЧСР), что сыграло большую роль в создании советского ядерного оружия.

Возглавляемое коммунистами МВД проводило в жизнь и крайне популярный в ЧСР декрет президента Бенеша о выселении из страны всех немцев, поддержавших оккупантов (таковых было более 90 % немецкого населения довоенной Чехословакии). 1,75 млн. немцев было переселено в Баварию, 750 тысяч — в советскую зону оккупации Германии. Выселяли всех, кто по переписи 1930 года объявил себя немцами (3 149 820 человек), а также всех немцев прибывших на территорию Чехословакии после Мюнхенского соглашения 1938 года. После 1938 года 17,3 % всех судетских немцев вступили в НСДАП (в Германии членами нацистской партии было 7,85 % населения).

Немецкие антифашисты могли остаться в Чехословакии и им предоставлялось гражданство страны. При этом следует подчеркнуть, что выселение всех немцев проводилось по инициативе Бенеша и ЧСНП. Еще в октябре 1943 года в Лондоне Бенеш заявил: «Немцам безжалостно отплатят за все, что они натворили у нас начиная с 1938 года». В 1945 году 2,9 млн. немцев были лишены чехословацкого гражданства и поставлены в такие же условия, как и евреи при гитлеровской оккупации (они должны были носить белые повязки, им запрещалось посещать кинотеатры и общественные парки и т. д.)

Коммунисты считали, что выселять надо только явных коллаборационистов, однако Бенешу еще в годы войны удалось убедить Сталина в необходимости выселения всего немецкого населения и компартии пришлось с этим согласиться. США также поддержали решимость Бенеша «ликвидировать немецкую проблему». КПЧ удалось лишь настоять на своем требовании о предоставлении права остаться в ЧСР немецким антифашистам. В Чехословакии осталось примерно 220 тысяч немцев.

Первый эшелон с выселенными немцами покинул ЧСР 25 января 1946 года. С 1 апреля 1946 года из страны ежедневно уходили 4 поезда с выселенными (по 1000–1200 человек в каждом).

По данным ФРГ в ходе выселения немцев погибло от голода, покончило жизнь самоубийством или было убито до 250 тысяч немцев. Чешские архивы подтверждают гибель 18 816 человек, из которых 5596 пали жертвами расправы со стороны чешского населения, 3411 покончили жизнь самоубийством, 6615 погибли от голода и болезней в лагерях, 1481 человек — во время транспортировки.

Характерно, что по сей день, несмотря на жесткое давление ФРГ, все политические силы Чешской Республики единогласно поддерживают т. н. «декреты Бенеша» о выселении немцев из ЧСР (всего было издано 143 таких декрета, причем первые из них еще во время лондонской эмиграции Бенеша в годы войны), которые к тому же были осуществлены при поддержке ведущих стран Антигитлеровской коалиции и санкционированы решением Потсдамской конференции СССР, США, Англии и Франции. До Потсдамской конференции из ЧСР было выселено 450 тысяч немцев, которых декретом Бенеша от 2 августа 1945 года лишили чехословацкого гражданства.^[242]

Имущество всех выселенных поступило в распоряжение государства (декрет Бенеша № 108 от 25 октября 1945 года).

Примечательно, что сначала по декретам Бенеша выселению

подлежали и евреи, которые по переписи 1930 года записали себя немцами (таких было тогда 40 тысяч, а к концу войны в результате нацистских репрессий это количество сократилось до 3–5 тысяч). Однако приказом МВД ЧСР (которое возглавляли коммунисты) от 13 сентября 1946 года было установлено, что все евреи, которых таковыми объявили нацистские расовые законы, считаются пострадавшими от нацизма и выселению не подлежат.

В марте 1946 года Черчилль вступил со своей известной речью в Фултоне, которая считается первым выстрелом «холодной войны». В ней он в частности обвинял Москву в попытке насадить коммунистическую систему в Восточной Европе. В интервью «Правде» 14 марта 1946 года Сталин прокомментировал это утверждение следующим образом: «Господин Черчилль бродит около правды, когда он говорит о росте влияния коммунистических партий в Восточной Европе. Следует, однако, заметить, что он не совсем точен. Влияние коммунистических партий выросло не только в Восточной Европе, но почти во всех странах Европы, где раньше господствовал фашизм (Италия, Германия, Венгрия, Болгария, Финляндия) или где имела место немецкая, итальянская или венгерская оккупация (Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Советский Союз и т. п.). Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов».^[243]

Пробой сил в Чехословакии стали первые послевоенные свободные парламентские выборы в Конституционное Национальное собрание 26 мая 1946 года. Примечательно, что инициатива проведения выборов принадлежала КПЧ, так как коммунисты стремились узаконить рост своего авторитета в массах. Ведь если КПЧ была бесспорно самой массовой партией в стране, то в национальных комитетах она была вынуждена соглашаться на паритетное представительство с другими партиями Национального фронта.

Участвовать в выборах могли только партии Национального фронта. Те, кто не был согласен с линией Национального фронта, могли опустить в урны специальные «белые бюллетени» (пустые). Коммунисты добились расширения избирательного ценза — теперь в выборах могли участвовать все граждане, достигшие 18-летнего возраста (ранее — с 21 года).

В выборах приняли участие 7 099 411 избирателей и сильнейшей

партией впервые в истории Чехословакии стали коммунисты («белые бюллетени» опустили в урны 0,45 % избирателей). За КПЧ в чешских землях проголосовало 43,25 % избирателей, причем больше всего в тех районах, откуда были выселены немцы (там коммунисты получили больше половины голосов, а в некоторых округах — до 70 %). В Моравии и Силезии коммунисты заручились поддержкой 34,46 % избирателей. В Словакии за коммунистов голосовало 30,37 %. В целом по стране коммунисты получили 38 % голосов.

Партия победила в 138 из 154 чешских районах.

Успех коммунистов был неслучайным, так как партия и до войны показывала на выборах хорошие результаты. Например, на парламентских выборах 1925 года КПЧ заняла второе место, получив более 934 тысяч голосов (13,2 %), в 1929 г. — 10,5 %. В 1935 году КПЧ под руководством Готвальда набрала дополнительно 100 тысяч голосов (всего 849 тысяч голосов — 10,3 %; ЧСНП — 755 тысяч голосов, 9,18 %; ЧИП — 616 тысяч, 7,5 %).

На второе место вышла ЧСНП — 25,2 % голосов в чешских землях и 20,20 % в Моравии (в Словакии ЧСНП не баллотировалась). ЧНП получила в чешских землях 16,27 %, выступив гораздо лучше в Моравии (где население было сильнее подвержено влиянию церкви) — 27,56 %. Социал-демократы получили в Чехии 14,96 %, в Моравии — 16,7 % (в целом по стране с учетом Словакии — 12 %).

Единая буржуазная партия Словакии — демократы — смогла набрать 62 % голосов, ей удалось привлечь на свою сторону сторонников запрещенной после 1945 фашистской клерикальной партии Глинки. Успех демпартии объяснялся заключением в апреле 1946 года соглашения о сотрудничестве между демпартией (которой тогда руководило светско-протестантское крыло) и католической церковью, которая в 1939–1945 году поддерживала независимое марионеточное словацкое государство и ее правящую людацкую партию. Фактически голоса демпартии отдали члены запрещенной людацкой партии.

Таким образом, после мая 1946 года в Словакии сложилась фактически двухпартийная система. В автономном словацком правительстве (Корпус уполномоченных) после выборов 1946 года было 9 демократов и 5 коммунистов. Коммунист Густав Гусак стал председателем Корпуса уполномоченных.

Из 300 мандатов в Конституционном собрании КПЧ получила 114, ЧСНП — 55, ЧНП — 46, ЧСДП — 37, Демократическая партия Словакии — 43 (пять мест получили две небольшие словацкие партии — Партия

труда и Партия свободы). Таким образом, две рабочие партии, — КПЧ и ЧСДП — декларировавшие курс на построение социализма, имели более половины мандатов.

Успех КПЧ на выборах стал шоком для их партнеров по Национальному фронту особенно для ЧСНП, которая сама рассчитывала на победу опираясь на авторитет президента Бенеша. Выборы стали отражением не только роста авторитета КПЧ, но и проявлением общемировой тенденции роста популярности левых сил в результате решающей роли СССР в разгроме нацизма. Например, один из лидеров ЧСНП так оценил итоги голосования: «...мир идет влево и коммунистическая партия побеждает как самая левая из всех самых левых движений и направлений». Позднее в эмиграции один из самых ярких противников КПЧ министр юстиции Дртина (ЧСНП) писал: «Считаю необходимым подчеркнуть, что в 1946 году в Чехословакии еще были свободные выборы...».

Американское посольство в Праге оценивало выборы следующим образом: «Вчерашние выборы по всей стране прошли без инцидентов или беспорядков любого рода... Все наблюдатели сходятся во мнении, что голосование было отражением воли народа демократическим образом». Влияние коммунистов в Чехии и Моравии стало сюрпризом и для американцев. Однако Стейнгард был вынужден признать, что такие результаты не имели своей причиной какого-либо давления или запугивания избирателей со стороны компартии или МВД [\[244\]](#)

2 июля 1946 года президент Бенеш в соответствии с результатами выборов привел к присяге правительство Национального фронта во главе с лидером КПЧ Готвальдом. Из 26 членов кабинета КПЧ помимо поста премьера получила портфели заместителя премьера, министров труда и социального обеспечения, сельского хозяйства, внутренних дел, информации, финансов, внутренней торговли и пост госсекретаря в министерстве иностранных дел (всего 9 членов, включая премьера). ЧНП имела посты заместителя премьера, а также министров почты, здравоохранения, техники и министра без портфеля (5 членов). ЧСНП (ее членом был президент Бенеш) заняла должности заместителя премьера, министров внешней торговли, образования и юстиции (4 члена кабинета). Также 4 поста получили словацкие демократы — заместителя премьера, министра транспорта, министра унификации законов и госсекретаря в министерстве внешней торговли. ЧСДП имела посты заместителя премьера, министра промышленности и министра снабжения.

Президент Бенеш согласно политической традиции единолично

назначил беспартийных министров обороны и иностранных дел — соответственно генерала Людвика Свободу и Яна Масарика (сына первого президента ЧСР). Именно президент отвечал за оборону и внешнюю политику страны.

Большинство в словацком автономном правительстве — Корпусе уполномоченных — после выборов 1946 года составляли представители Демократической партии. В парламенте Словакии — Словацком национальном совете — у демпартии было 63 места, у КПС — 31. [245] Председателем совета был лидер демпартии Йозеф Леттрих.

После выборов в соответствии с их результатами были перераспределены места в национальных комитетах. В 37,5 % национальных комитетах КПЧ имела абсолютное большинство. В Чехии, Моравии и Силезии председателями 55,1 % местных национальных комитетов были избраны коммунисты.

Коммунисты после выборов поставили перед собой задачу завоевания на свою сторону абсолютного большинства народа, что было вполне логичной целью любой парламентской партии. Готвальд представил на утверждение парламента Созидательную программу на основе двухлетнего плана социально-экономического развития страны. Основными задачами двухлетки были следующие:

- превзойти уровень производства 1937 года на **10%**;
- завершить аграрные преобразования на селе по принципу «земля тем, кто ее обрабатывает»;
- начать индустриализацию Словакии (в т. ч. и за счет перевода промышленных предприятий из Чехии), чтобы ликвидировать в перспективе ее отсталость по сравнению с чешскими землями;
- обеспечить повышение жизненного уровня населения;
- завершить заселение чехами и словаками оставленных немцами пограничных районов.

В области внешней политики предполагалось продолжить курс на укрепление союзнических отношений с СССР: «Внешняя безопасность — даже больше того — само существование нашей республики, — покоится на длительной дружбе и всестороннем сотрудничестве с нашим могущественным союзником, Советским Союзом».

Программа кабинета Готвальда была единогласно поддержана в парламенте, который в октябре 1946 года принял закон о двухлетнем плане, который предусматривал ассигнования в размере 70 млрд, крон (25 млрд. — в промышленность, 15 млрд. — в транспорт, 14 млрд. — в жилищное строительство, 5,2 млрд. — в сельское хозяйство). 22 миллиарда

крон предназначались для Словакии.

Осенью 1946 года коммунисты предложили несколько законопроектов по ревизии аграрной реформы 1919 года. Согласно этим инициативам крестьянам предусматривалась предоставление государственной помощи, а также ликвидация чересполосицы за счет помещичьих земель. Аграрные законопроекты вызвали фактический раскол в Национальном фронте — правые партии (демократы и ЧИП) высказались против их обсуждения в парламенте.

Во многом оппозиция аграрным декретам была вызвана конъюнктурными соображениями — все партнеры КПЧ по Национальному фронту стремились не допустить дальнейшего роста популярности КПЧ, особенно в деревне (среди рабочих влияние коммунистов и так уже было подавляющим).

Однако КПЧ обратилась напрямую к крестьянским массам и 4 апреля 1947 года министр сельского хозяйства коммунист Дюриш (словак) на массовом митинге в городе Градец Кралове обнародовал новую аграрную программу (получившую название «Градецкая программа»), предусматривавшую раздел всех угодий свыше 50 га между безземельными и малоземельными крестьянами (государство должно было выкупить излишки у их нынешних владельцев). В Градецкой программе крестьянам были обещаны льготные кредиты и помощь со стороны государственных машинно-тракторных станций. На крестьян должна была быть распространена и система социального страхования.

Под давлением массового крестьянского движения 11 июля 1947 года парламент утвердил закон об аграрной реформе, согласно которой у владельцев принудительно выкупалась вся земля площадью свыше 150 га пахотной и 250 га всей земли. Всего отчуждению подлежало 1 027 529 га земли, из которой 127 тысяч гектар получило 100 тысяч крестьян, 60 тысяч га было оставлено прежним владельцам, а 839 тысяч га перешло в госсобственность (в основном леса).

Реализация Градецкой программы существенно укрепила авторитет коммунистов среди крестьян.

1 апреля 1947 года были снижены цены на товары первой необходимости (на 5-20 %), что принесло населению материальную выгоду в размере 6 млрд. крон. Одновременно были снижены налоги на заработную плату и увеличена денежная помощь на воспитание детей.

Противники КПЧ (демпартия, ЧИП, часть ЧСНП и ЧСДП) использовали для борьбы с растущим авторитетом коммунистов катастрофическую засуху, которая постигла ЧСР летом 1947 года. Погибло

40 % урожая зерновых и 50 % картофеля. Общий ущерб оценивался в 15 млрд. крон. Правительству пришлось снизить нормы снабжения населения по карточкам, что вызвало естественное недовольство в стране. 43 % жителей ЧСР были вынуждены закупать продукты питания на черном рынке, где цены в 1947 году выросли на 200 %.^[246] Потребление калорий средним жителем страны было по оценкам правительства на 42 % ниже оптимального уровня.

Министерство внешней торговли (находившееся под контролем ЧСНП) стало проводить политику закупок в кредит продовольствия и товаров широкого потребления на Западе. В 1947 году долг Чехословакии США превысил 1 млрд. крон, Великобритании — 0,5 млрд. Доля СССР и стран Восточной Европы в чехословацкой внешней торговле упала с 21,3 % в 1946 году до 14 % в 1947 году. Если в 1946 году СССР был вторым по величине торговым партнером ЧСР, то в 1947 году — только шестым.

Пользуясь таким положением, США предложили Чехословакии принять участие в «плане Маршалла», обусловив выделение стране кредитов выводом компартии из правительства (как это уже произошло во Франции и Бельгии).

Справочно. В июне 1947 года госсекретарь Маршалл предложил выделить кредиты США на «восстановление Европы». Во время действия «плана Маршалла» в 1947–1952 гг. европейские страны получили в общей сложности 13 млрд, долларов (менее 3 % от национального дохода 16 стран-участниц программы помощи), которые они должны были потратить на закупку в США товаров по завышенным ценам. На Великобританию пришлось 3,4 млрд, долларов, на Францию — 2,8, на ФРГ-1,4. С помощью «плана Маршалла» США смогли сбыть скопившиеся у них на случай длительной войны с Японией неликвидные товары. В качестве условия предоставления помощи США потребовали удаления коммунистов из правительств всех стран-участниц программы.

Буржуазные партии Национального фронта в своих СМИ активно пропагандировали «великодушие» США. Американцы в 1945–1949 годах оказали Чехословакии помощь по линии ЮНРРА на сумму в 264 миллиона долларов. По ленд-лизу ЧСР был предоставлен военный материал на сумму 2,7 млн. долларов. При этом США отказывались выдать Праге захваченный американскими войсками в западной Чехословакии золотой запас Национального банка довоенной Чехословацкой Республики, похищенный нацистами.

Справочно. После оккупации Чехии в марте 1939 года немцы вывели со счетов Национального банка ЧСР и валютных счетов нескольких чешских

фирм примерно 45,5 тонн золота в Имперский банк в Берлине. Причем большая часть этого золота была без проблем переведена со счетов Банка Англии, где хранилась. Кроме того, у евреев на территории протектората было изъято 617 кг золота. В 1945 году большая часть довоенного золотого запаса ЧСР была захвачена американскими войсками. Только в 1982 году ЧССР получила через Швейцарию 18,5 тонн своего бывшего золотого запаса.

Весной 1946 года ЧСР получила от США целевой кредит в размере 20 млн. долларов на закупку американского хлопка.

ЧСНП и Бенеш в 1947 году стали агитировать за ревизию внешнеполитического курса Чехословакии. Бенеш стал говорить о ЧСР как о мосте между Востоком и Западом, западном форпосте славянства и восточном форпосте западной цивилизации. Характерно, что еще в июне 1946 года Бенеш в интервью британской газете «Дейли Телеграф» заявил, что Чехословакия лежит не между Востоком и Западом, а между Россией и Германией, поэтому нет сомнений, на чью сторону она встанет в случае какого-нибудь конфликта. Министр иностранных дел Ян Масарик в марте 1946 года отметил в Национальном собрании, что союз с СССР имеет неизменное значение и никогда не должен становиться предметом партийных дискуссий.

Бенеш намеревался посетить Париж и заключить с Францией договор о взаимной помощи. Тем самым предлагалось вернуться к внешней политике 1930-х годов, когда ЧСР имела договоры о взаимной помощи с СССР и Францией. Однако, как известно, Советский Союз в то время мог придти на помощь Чехословакии только в том случае, если такую помощь предоставляла Франция (такие положения содержались в договорах и были включены в них по инициативе ЧСР). Отказ Франции от своих обязательств привел в 1938 году к позорному Мюнхенскому сговору и расчленению ЧСР.

Однако правительство Франции под давлением американцев само отказалось подписать договор о взаимной помощи с Чехословакией (ЧСР передала в Париж проект союзного договора в июне 1946 года и Франция не давал ответа 11 месяцев).

Примечательно, что КПЧ после консультацией с Москвой^[247] согласилась 7 июля 1947 года направить представителей чехословацкого правительства на организованную американцами конференцию в Париж, где должны были обсуждаться условия участия стран Европы в «плане Маршалла» (конференция должна была начать работу 12 июля). Министр иностранных дел Масарик специально встречался с временным поверенным в делах СССР в ЧСР Бодровым и тот

сказал, что у него нет никаких указаний или рекомендаций относительно участия ЧСР в конференции в Париже.

Однако в июле 1947 года СССР отказался участвовать в конференции (после того как США и Великобритания фактически отказались обсуждать советские предложения в связи с «планом Маршалла»), после чего такую же позицию заняла и ЧСР.

Изменению чехословацкой позиции предшествовали переговоры делегации правительства ЧСР (в нее входили Готвальд, Масарик и министр юстиции Дртина) в Москве со Сталиным 9 июля 1947 года. На переговорах Сталин расценил «план Маршалла» как попытку США изолировать СССР (перед ним на столе лежали соответствующие вырезки из западных газет). Однако как отмечают современные западные авторы, никакого диктата Сталина в этом вопросе не было. Напротив, сама чехословацкая сторона опасалась потери части национального суверенитета в случае принятия плана Маршалла.^[248] Масарик сказал Сталину, что ЧСР откажется от участия в парижской конференции, так как ставит дружбу с СССР превыше всего. То же самое подчеркнул и Дртина. Чтобы скомпенсировать возможные экономические потери Чехословакии Сталин немедленно предложил активизировать закупки продукции чехословацкой промышленности и поставить ЧСР 200 тысяч тонн зерна. После этого 10 июля кабинет министр ЧСР принял решение отказаться от участия в Парижской конференции.

Примечательно, что оба решения (и о принятии участия в Парижской конференции и об отказе от участия в ней) были приняты в кабинете министров ЧСР единогласно.

ЦРГ сообщала со ссылкой на американского посла в Праге Стейнгардта, что чехословацкая делегация в Москве столкнулась с жесткими упреками со стороны Сталина.^[249] Чехословацкий источник Стейнгардта сообщил также, что состояние здоровья Сталина «прекрасное» и он выглядит более уверенным в своих силах, чем в 1946 году.

Министр иностранных дел ЧСР Масарик так оценивал в то время советско-чехословацкие отношения: «Советский Союз далек от того, чтобы превращать нас в сателлита. Советский Союз дальновиден и поэтому знает, что наши постоянные и искренние симпатии к нему, которые разделяет весь наш народ, гораздо ценнее, долговечнее и сильнее, чем конъюнктурная и временная привязанность. Чехи и словаки любят Россию издавна, теперь даже больше прежнего».^[250]

Американцы в 1947 году начали оказывать экономическое давление и

на СССР. Было денонсировано советско-американское соглашение 1945 года о предоставлении кредитов на закупку американских товаров.

Однако Сталин даже после провозглашения открыто антисоветской «доктрины Трумэна» в марте 1947 года не оставлял надежды на нормализацию отношений с США. В интервью Стассену 9 апреля 1947 года он подчеркнул, что разные экономические системы в СССР и США не должны препятствовать развитию двустороннего сотрудничества. [251] «Экономические системы в Германии и США одинаковые, но, тем не менее, между ними возникла война. Экономические системы США и СССР различны, но они не воевали друг с другом, а сотрудничали во время войны. Если две разные системы могли сотрудничать во время войны, то почему они не могут сотрудничать в мирное время?». Советский лидер призвал американцев «не увлекаться критикой друг друга».

Коммунисты решили скомпенсировать экономическое и политическое давление Запада обращением за помощью к СССР. В июле 1947 года Готвальд посетил Москву и Сталин (несмотря на тяжелейшую засуху в самом СССР) согласился выделить Чехословакии 200 тысяч тонн пшеницы, 200 тысяч тонн кормов и 60 тысяч тонн удобрений. Поставки предполагалось на условиях бартера оплатить изделиями чехословацкой металлургической и машиностроительной продукции.

В сентябре 1947 года 25 тысяч вагонов кукурузы согласилась предоставить Румыния, 30 тысяч тонн кукурузы была готова продать Венгрия.

В декабре 1947 года было заключено советско-чехословацкое торговое соглашение. На срок до 1952 года. По оценке министра внешней торговли Рипки (ЧСНП) за счет низких цен на советское сырье ЧСР сэкономила 350 млн. крон. США в 1947 году отказались оказать ЧСР экстренную помощь в связи с засухой.

Для стимулирования поступления отечественной сельхозпродукции на рынок компартия предложила в сентябре 1947 года повысить государственные закупочные цены на продукты питания и оказать крестьянам помощь в виде снижения цен на корма.

Для финансирования этих мер КПЧ предложила ввести единовременный чрезвычайный налог на всех, чье состояние превышало один миллион крон («налог на миллионеров»). В ЧСР было примерно 35 тысяч миллионеров (из них 16 тысяч помещиков и 14 тысяч предпринимателей сферы промышленности), имущество которых оценивалось в 50 млрд. крон.

Однако партнеры КПЧ по Национальному фронту отвергли «налог на

миллионеров» и предложили профинансировать помощь деревне из госбюджета, который и так был дефицитным вследствие засухи. В 1946 году дефицит бюджета ЧР превысил 26 млрд, крон, что составляло 70 % всех доходных статей. 2 сентября 1947 года правительство голосами 12 министров от ЧСНП, демпартии и ЧИП отвергло «налог на миллионеров». ЧСДП поддержала налог.

Однако лозунг КПЧ «Пусть платят богатые!» пользовался широкой популярностью в стране и был поддержан в ходе массовых митингов, организованных профсоюзами и самой компартией. РПД от имени своих 2 млн. членов официально поддержала «налог на миллионеров». Буржуазные партии были вынуждены отступить перед лицом «марксистского блока» (как они именовали союз ЧСДП и КПЧ) и массового движения в стране. 21 октября 1947 года правительство приняло компромиссный вариант закона о «налоге на миллионеров». Закон позволил взыскать на нужды села около 6 млрд. крон.

Однако кризис вокруг «налога на миллионеров» ознаменовал собой фактический распад Национального фронта. ЧСНП, ЧИП и демократы фактически заключили между собой коалиционное соглашение против КПЧ. Социал-демократы оказались в состоянии фактического раскола — левое крыло партии выступало за прочный союз с коммунистами, правое — за союз с буржуазными партиями фронта.

Уже в марте 1947 года ЦРГ США в своем секретном анализе отмечала рост антикоммунистических тенденций в ЧСР. К ним американская разведка в частности относила растущую экономическую зависимость Чехословакии от Запада, а также «сокращение коммунистического контроля над секретной полицией».^[252] ЦРГ с удовлетворением отмечала ухудшение отношений между КПЧ и ЧСДП по вопросу о дальнейшей национализации. СССР, по оценке американской разведки, будет избегать вмешательства во внутренние дела Чехословакии до тех пор, пока в этой стране сохраняется дружественное Москве правительство.

Осенью 1947 года резко обострилась политическая ситуация в Словакии, где нормальное снабжение населения продуктами было нарушено еще в 1946 году. Компартия добилась отставки члена Корпуса уполномоченных от демпартии, отвечавшего за снабжение. Еще в апреле 1947 года Демократическая партия Словакии пыталась отменить смертный приговор бывшему главе словацкого марионеточного прогерманского правительства Тисо, однако под давлением коммунистов смертный приговор был приведен в исполнение.

Внутриполитическая ситуация в ЧСР перешла в стадию острого

кризиса. В июле 1947 года Суслов в докладной записке советскому руководству «О положении в ЧСР» констатировал «активизацию реакционных сил, поддерживаемых англосаксами». КПЧ ставилось в вину недостаточное влияние в госаппарате, в том числе и в министерствах, руководимых министрами-коммунистами. Положение компартии Словакии (организационная слабость, недостаточная идейная подготовка функционеров) внушало Суслову особое беспокойство. Суслов предсказывал в самом ближайшем будущем наступление реакционных сил в ЧСР, к которому компартия была, по его мнению, не готова.

В свою очередь американская военная разведка в своем анализе обстановки в ЧСР в конце 1947 года констатировала, что «постоянное давление со стороны коммунистов против умеренных партий в Чехословакии за последние месяцы свидетельствует о том, что Советы уже не уверены в добровольном сотрудничестве этой нации».

КПЧ стремилась заручиться поддержкой большинства населения для победы на следующих парламентских выборах, намеченных на май 1948 года. К этому были все предпосылки, если учесть, что к началу 1948 года численность партии превысила 1,48 миллиона человек (в т. ч. 200 тысяч в Словакии) и была больше, чем численность всех других партий Национального фронта вместе взятых. Только в октябре 1947 года в ходе кампании вокруг «налога на миллионеров» в КПЧ вступило 35 тысяч новых членов (больше, чем было во всей партии в мае 1945 года). Готвальд поставил задачу довести численность членов партии к парламентским выборам до 1,5 млн. человек.

При этом в ЧСНП в 1946 — начале 1948 года вступило только 9 тысяч человек. Только 60 % членов ЧСНП платили взносы, еще меньше участвовали в партийной жизни. В 6688 населенных пунктах у партии не было местных организаций.

В конце 1947 года в своем анализе обстановки в ЧСР ЦРУ отмечало, что политическое наступление коммунистов следует ожидать в январе 1948 года, причем КПЧ будет действовать в рамках конституции.

Все остальные партии Национального фронта стремились ограничить влияние коммунистов, чтобы в перспективе составить некоммунистическое правительство и опереться на финансовую помощь Запада.

12 ноября 1947 года резидент чехословацкой военной разведки в США направил Бенешу аналитическую информацию, в которой считал дальнейшее сотрудничество СССР и США невозможным.

Против КПЧ была организована хитроумная провокация. Министры от ЧСНП Зенкл, Дртина и Масарик (формально беспартийный, но

примыкавший к партии) получили 10 сентября 1947 года по почте деревянные коробочки с взрывчаткой. Расследование было поручено не полиции (где преобладали коммунисты), а органам юстиции, находившимся под контролем национальных социалистов. В январе 1948 года были оглашены результаты следствия, согласно которым коробочки изготовил некий столяр Ян Копка якобы по просьбе местного секретаря КПЧ в Оломоуце Заплетала. В помещении районной организации КПЧ были найдены пулемет, гранаты и боеприпасы, что было расценено ЧСНП как подготовка «коммунистического заговора». Заплетал утверждал, что коробочки предполагалось наполнить мукой низкого качества и в знак протеста послать министрам, чтобы они знали, чем вынуждены питаться люди. В любом случае было абсолютно неясно, зачем коммунистам устраивать нелегальные склады оружия (причем, мелкие), когда фактически под контролем партии находились силы госбезопасности и рабочая милиция.

Между тем ситуация в стране обострялась. Органы госбезопасности разоблачили в городе Мост тайную группу «Север», в которую входили бывшие офицеры армии, готовившую контрреволюционный переворот. Некоторые члены группы были связаны с ЧСНП.

11 июня 1947 года представители КПЧ представили на рассмотрение Национального фронта подготовленный органами госбезопасности доклад о положении в Словакии. Из этого документа следовало, что генеральные секретари Демократической партии Кемпны и Бугар вступили в сговор с бывшими функционерами фашистской словацкой партии Глинки для подготовки отделения Словакии от ЧСР. Несмотря на протесты демократов была образована комиссия фронта по расследованию ситуации в Словакии, которая в своем заключении потребовала от демпартии очистить свои ряды от сепаратистов.

Функционеры демпартии находились в контакте с лидерами словацкой фашистской эмиграции Дюрчанским и Сидором. Дюрчанский так описывал цели словацких сепаратистов: «Нашей целью является ликвидация как чешского, так и советского империализма. От чешского империализма мы должны избавиться сами, а освободиться от советского империализма нам поможет весь мир. Кроме того, античешские акции не столь рискованны, как деятельность, направленная против Советов. Поэтому необходимо предпочесть античешскую и антибенешевскую деятельность непосредственной борьбе с Советами».

Справочно. Фердинанд Дюрчанский в 1939 году (в возрасте 33 лет) стал министром иностранных и внутренних дела созданного Гитлером

словацкого марионеточного государства. До этого изучал и преподавал право, стал профессором Университета Коменского в Братиславе. Активный деятель т. н. «людацкой партии» Глинки, стремившейся к созданию самостоятельного словацкого клерикально-фашистского государства. В марте 1945 года бежал через Австрию и Швейцарию в Рим. В 1947 году заочно осужден в ЧСР к смертной казни как военный преступник. В 1947 году бежал в Аргентину, откуда в 1952 году перебрался в ФРГ. Умер в марте 1974 года в Мюнхене.

16 и 24 сентября 1947 года органы госбезопасности задержали в Словакии две вооруженные подпольные группы, одна из которых находилась в контакте с руководством демпартии. На основании показаний задержанных были арестованы Кемпны и Бугар, а также пресс-атташе лидера демпартии Яна Урсини. Всего по обвинению в организации вооруженного восстания было арестовано около 500 человек. По предложению Бенеша Урсини 30 октября 1947 года подал в отставку в обмен на прекращение против него уголовного преследования.

После раскрытия сепаратистского заговора в Словакии был реорганизован Корпус уполномоченных (словацкое автономное правительство). В сформированный 18 ноября 1947 года новый Корпус уполномоченных вошли 6 представителей демпартии (ранее 9), 5 коммунистов, по одному представителю от мелких партий труда и свободы, а также один беспартийный профессионал. Председателем корпуса стал коммунист Густав Гусак. В заявлении нового автономного правительства Словакии подчеркивалась решимость активно бороться против любых проявлений сепаратизма.

К концу 1947 года улучшилась экономическая ситуация в стране. В ноябре-декабре 1947 года СССР предоставил Чехословакии дополнительно 300 тысяч тонн пищевого и фуражного зерна. Промышленность ЧСР выполнила план 1947 года на 100,9 % и достигла 98 % от уровня производства 1937 года. В Словакии промышленность в 1947 году произвела продукции на 67,8 % больше, чем до войны.

Коммунисты настаивали на разработке новой конституции страны и уверенно рассчитывали победить на новых парламентских выборах в мае 1948 года. Проведенный местными организациями КПЧ в январе 1948 года опрос избирателей (такой же коммунисты проводили и перед выборами 1946 года) показал, что за партию готовы проголосовать 55 % электората.

Временный поверенный в делах США в ЧСР сообщал в Вашингтон 28 января 1948 года: «Коммунисты начали компанию с тем, чтобы получить на предстоящих выборах большинство в 51 % голосов. Уверен, что 80 %

чешского народа предпочитает западную демократию коммунизму, но их трусость не позволяет им открыто выразить эту точку зрения. Мы должны немедленно 1. Заключить (с Чехословакией) торговый договор. 2. Заключить соглашение о сотрудничестве в сфере культуры. 3. Опубликовать американские документы о том, как на самом деле была освобождена Прага». (США считали, что могли бы занять Прагу первыми, но по политическим соображениям приостановили свое наступление в Западной Чехии, чтобы отдать пальму первенства Красной Армии).^[253]

В условиях роста авторитета КПЧ в народе правые партии Национального фронта решились при поддержке президента Бенеша на открытый разрыв с КПЧ с целью удалить коммунистов из правительства и не допустить их победы на грядущих выборах.

В ноябре 1947 года на съезде ЧСДП представители левого крыла потерпели поражение и руководящие посты в партии заняли настроенные антикоммунистически политики. Однако в низовых организациях социал-демократов по-прежнему было сильно стремление к единству действий с коммунистами.

В своей борьбе против коммунистов правые партии и ЧСДП решили использовать популизм и опереться, прежде всего, на чиновничий аппарат, состоявший в большинстве из принятых на работу еще до войны служащих. В пику коммунистам, добившимся увеличения финансовой помощи крестьянству, ЧСНП, ЧСДП, демпартия и ЧИП предложили в конце 1947 года резко увеличить зарплату госслужащим — на 30 % и не менее чем на 500 крон в месяц, причем задним числом с 1 января 1947 года. Эта мера потребовала бы выделение из госбюджета ежегодно 5.5 млрд. крон.

КПЧ и РПД сочли данное требование безответственным, но предложили создать специальную комиссию для реформы системы оплаты труда служащих как в госаппарате, так и на производстве. В январе 1948 года профсоюзы совместно с министерством финансов представили свой проект, также предусматривавший повышение зарплаты служащим (хотя и не такое значительное — в размере примерно 3 млрд. крон). Однако большинством голосов правительство отклонило предложение РПД и поддержало 21 января 1948 года проект министра социал-демократа Майера, который декларировал значительно более радикальное повышение зарплат чиновникам — на 4.5 млрд. крон.

Спорным вопросом в Национальном фронте была и дата парламентских выборов. ЧСНП, ЧИП и демократы предлагали провести их в апреле 1948 года, коммунисты — во второй половине мая, социал-

демократы — в конце мая 1948 года.

Главным полем борьбы буржуазных партий Национального фронта против КПЧ были попытки добиться ослабления влияния коммунистов в органах госбезопасности. После прихода к власти в ЧСДП в ноябре 1947 года правых центристов во главе с Лаушма-ном, социал-демократы и национальные социалисты подписали соглашение о совместной борьбе против влияния коммунистов в органах госбезопасности.

В конце 1947 года национальные социалисты стали требовать расследования деятельности департамента F управления Корпуса национальной безопасности в Праге, которую национальные социалисты сочли незаконной. Департамент занимался допросами бывших сотрудников гестапо с целью выявления осведомителей и агентов гестапо в рядах Сопротивления в годы войны. Предметом допросов была, например, и деятельность генерального секретаря ЧСНП Крайины.

27 января 1948 года министр юстиции Дртина (ЧСНП) на заседании правительства подверг резкой критике действия органов госбезопасности при аресте группы «Север» в районе Мост, обвинив их в предвзятых методах ведения допросов с целью скомпрометировать членов ЧСНП (Агенты госбезопасности «Тони» и «Эд» от имени британской разведки вышли в Мосте на бывшего офицера Рейхла и предложили ему от имени ЧСНП организовать вооруженный мятеж. Рейхл согласился и организовал вооруженную группу, которая и была впоследствии арестована). Национальные социалисты потребовали создания правительственной комиссии для расследования ситуации в органах госбезопасности. В противном случае органы юстиции, мол, продолжат самостоятельное расследование деятельности сотрудников госбезопасности. Министры-коммунисты обвинили Дртину в том, что он стал жертвой психоза и мании преследования. Министр внутренних дел коммунист Носек не возражал, чтобы органы юстиции провели самостоятельное расследование «дела Моста».

12 февраля 1948 года правые партии отказались обсуждать в правительстве проект министра сельского хозяйства-коммуниста об аграрной реформе.

13 февраля 1938 года национальные социалисты поставили на заседании правительства вопрос о недопущении перевода из Праги 8 офицеров госбезопасности (руководителей райотделов госбезопасности и членов ЧСНП). Офицеры пожаловались депутату от ЧСНП Горе, что в случае их перевода ключи от арсеналов оружия и боеприпасов достанутся коммунистам. Один из лидеров ЧСНП Зенкл поставил на голосование

проект решения правительства, требовавший от министра внутренних дел (он не участвовал в заседании по болезни) отменить приказ о переводе 8 офицеров в Праге. Правительство должно было также к 24 февраля представить доклад о положении в органах госбезопасности и до этого там прекращались все кадровые перемещения. Последний пункт решения (о кадровом моратории) был принят единогласно, первые два против коммунистов большинством членов кабинета.

Стремясь сохранить инициативу, 17 февраля 1948 года правые партии опять подняли на заседании правительства вопрос о засилье коммунистов в органах госбезопасности и потребовали от премьера отчета о выполнении решения от 13 февраля. Готвальд предложил перенести обсуждение данного вопроса, так как министр внутренних дел (коммунист Носек) на заседании правительства опять не присутствовал. Министры от ЧСНП, ЧИП и демпартии отказались обсуждать все иные вопросы и пригрозили коллективной отставкой.

Отставку кабинета и отдельных министров принимал президент Бенеш. Он мог либо распустить парламент и назначить новые выборы и сформировать временное непартийное технократическое правительство, либо поручить премьеру сформировать новое правительство, пользующееся доверием парламента. Мог президент и отвергнуть прошение министров об отставке. Однако Бенеш не мог заставить премьера и все правительство уйти в отставку, если в кабинете сохранялось более половины его членов. Отправить правительство в отставку целиком мог только парламент выражением вотума недоверия.

В 11.55 17 февраля Готвальд прервал заседание правительства и посетил Бенеша, проинформировав его о правительственном кризисе. Премьер сказал (беседа продолжалась 55 минут), что некоммунистические партии фактически блокировали деятельность кабинета и хотят заменить его технократическим правительством специалистов. Бенеш эту идею отверг и подчеркнул, что в правительстве должны быть, по его мнению, представлены все парламентские партии (т. е. в том числе и коммунисты).

Пока Готвальд был у президента министры от ЧСНП, ЧИП и демпартии договорились предъявить коммунистам ультиматум: либо они соглашаются на назначение заместителя министра внутренних дел-некоммуниста, либо министры-некоммунисты уходят в отставку. С этим предложением согласился и министр снабжения социал-демократ Майер, хотя руководство ЧСДП и другие министры социал-демократы об этом ничего не знали.

В 15.50 заседание правительства возобновилось и сразу переросло в

бурный спор, сопровождавшийся взаимными нападками. В 16.20 заседание было прервано и отложено на 20 февраля, когда должен был поправиться министр внутренних дел Носек.

После заседания собрались министры ЧСНП, ЧИП и демпартии, договорившиеся подать в отставку в случае невыполнения решения от 13 февраля. Национальные социалисты обещали проинформировать о такой тактике Бенеша и договориться с социал-демократами.

Но первым к Бенешу вечером 17 февраля попал министр снабжения социал-демократ Майер, который вместо заранее запланированной темы встречи (повышение зарплаты госслужащим) обвинил коммунистов не только в засилье в органах госбезопасности, но и в том, что КПЧ якобы незаконно передает на заводы оружие. Бенеш якобы поддержал Майера в том, что нельзя больше уступить коммунистам.

ЦК КПЧ призвал своих сторонников к повышенной бдительности. В воззвании говорилось: «В настоящий момент необходимо, чтобы все трудящиеся, рабочие, крестьяне, ремесленники, интеллигенты, все демократические и прогрессивные люди без различия партийной принадлежности, все чехи и словаки были готовы всеми силами в самом зародыше уничтожить все подрывные замыслы реакции и защитить интересы государства и нации». Органы госбезопасности в Праге были переведены в режим повышенной готовности.

18 февраля 1948 года на заседании руководства Национального фронта представители ЧСНП, ЧИП и демпартии пригрозили бойкотировать заседания правительства до решения вопроса о положении в МВД. ЧСДП высказалась за сохранение кабинета и поиск компромисса.

Бенеш в этот же день встретился с министрами-членами ЧСНП (заместителем премьера Зенклом и министром внешней торговли Рипкой) и якобы поддержал их угрозу прибегнуть к отставке. Президент якобы сказал: «Я тоже не уступлю. Можете на меня рассчитывать». Позднее, однако, Бенеш отрицал это.

Президент на встрече заявил также, что никогда не согласится с правительством, в котором бы отсутствовали две или три партии Национального фронта. Рипка сказал, что напряженность между США и СССР растет и это благоприятный момент для правительственного кризиса. Рипка считал также, что отставку министров-некоммунистов необходимо осуществить до 22 февраля, когда на съезде заводских профсоюзных комитетов наверняка будет принята программа углубления национализации и правительству придется с ней считаться. Причем национализацию поддержат и социал-демократы, что приведет к распаду единого

антикоммунистического блока в кабинете министров. Поэтому действовать надо немедленно. Бенеш по воспоминаниям Рипки ответил: «Думаю, Вы правы... То, что вы мне сказали о съезде (завкомов) очень важно. Мы должны за этим следить. Но главное — будьте тверды. Увидите, что коммунисты уступят только перед лицом угрозы правительственного кризиса. Идите на это, но только не поскользнитесь».^[254]

При прощании Рипка заверил президента, что кризис произойдет в течение 14 дней, но прошение об отставке министров ЧСНП, ЧИП и демпартии президент получит в течение 48 часов. С точки зрения Рипки не было никаких сомнений, что к отставке присоединятся и министры-социал-демократы.

27 февраля 1948 года посол США в Праге Стейнгард сообщил в Вашингтон со ссылкой на близкого соратника Бенеша министра иностранных дел Масарика, что президент ничего не знал о готовящейся отставке министров и был ей сильно удивлен.

Тем не менее, в тот же день 17 февраля Зенкл и Рипка информировали руководство ЧСНП о твердой позиции Бенеша и было принято окончательное решение об отставке министров-некоммунистов.

В четверг 19 февраля на заседаниях руководящих органов ЧСНП, ЧИП и демпартии было принято решение уйти из правительства, если Готвальд не согласится расследовать положение дел в МВД. Готвальду об этих планах сообщили, и коммунисты тщетно пытались уговорить колеблющихся социал-демократов образовать двухпартийное левое правительство (имевшее формально большинство в парламенте, правда, всего в один голос).

Лидеры ЧСДП Лаушман (председатель партии), Тимеш (заместитель премьера) и генеральный секретарь партии Вилим посетили Бенеша и рассказали ему о предложении КПЧ образовать левое правительство, в котором социал-демократы получили бы 6 мест. ЧСДП в качестве условия потребовала вернуть на прежние должности 60 офицеров МВД, сторонников ЧСДП.

После социал-демократов Готвальд опять посетил Бенеша и тот еще раз заверил, что он против технократического правительства, а в случае правительственного кризиса вновь поручит Готвальду сформировать кабинет министров как лидеру сильнейшей парламентской партии. В этот же день свой отпуск прервал американский посол в ЧСР Стейнгард, срочно вернувшийся в Прагу (причем посол сдал билет на пароход и прилетел из США самолетом).

Прямо на аэродроме Стейнгард в беседе с журналистами выразил

уверенность, что Чехословакия присоединится к «плану Маршалла». В этот же день на приеме в американском посольстве (где присутствовали и подавшие позднее в отставку министры) Стейнгард заявил, что правительственный кризис в ЧСР «очень кстати» и выразил сожаление, что он не произошел годом раньше. Стейнгард обещал американский кредит в размере 25 миллионов долларов, если коммунисты будут вытеснены из правительства.

В Вашингтон Стейнгард сообщал, что «коммунисты агрессивны, смелы и достаточно организованы, чтобы извлечь выгоду из ситуации».

В этот же день 19 февраля в Прагу прибыл заместитель министра иностранных дел СССР В.А. Зорин с целью обсуждения вопросов поставок советского зерна. Он предложил Готвальду попросить СССР о помощи, но лидер коммунистов сказал, что рассчитывает справиться с кризисом своими силами и в рамках законности.

20 февраля на заседание правительства, на котором должен был отчитаться министр внутренних дел, явились только министры от КПЧ и ЧСДП. Остальные письменно проинформировали Готвальда об отставке, даже не захотев выслушать Носека. Министр юстиции Дртина заверил своих коллег от ЧИП и демпартии, что президент их поддержит, так как в противном случае он предаст сам себя. Зенкл в районе полудня позвонил Бенешу, сообщил об отставке и начале правительственного кризиса и тот якобы ответил: «Наконец-то! А теперь осторожно. Никаких ошибочных шагов». Однако сотрудники канцелярии Бенеша, присутствовавшие при разговоре, утверждали, что ничего подобного президент не говорил. Положив трубку, он в сердцах произнес: «Идиоты! О таких важных вещах они сообщают по телефону!».

Лидеры ЧСНП, ЧНП и демпартии решили воздерживаться от любых демонстраций, чтобы правительственный кризис «решался не на улице».

Примечательно, что согласовав отставку, ЧСНП, ЧНП и демпартия не проинформировали о своем намерении министров от ЧСДП и беспартийных министров, которых известие об отставке застало врасплох. Постфактум лидеры ЧСНП пытались убедить социал-демократов последовать их примеру, но безуспешно. Министр иностранных дел Масарик прямо отказался уйти в отставку и выразил свое возмущение.

Таким образом, получалось, что кабинет покинули только 12 министров из 26, т. е. меньшинство. Это давало Готвальду право просить президента принять отставку министров и поручить ему сформировать новый кабинет. Премьер немедленно (в 15.40 20 февраля) посетил президента вместе с министрами обороны и внутренних дел, предложил

ему принять отставку 12 министров и поручить ему пополнить состав правительства новыми членами. На встречу позднее прибыли два офицера госбезопасности, которые подробно рассказали Бенешу о «деле Мост».

Пока Готвальд был у Бенеша, в резиденцию президента (Пражский Град) прибыл генеральный секретарь ЧСНП Крайна с письмом министров ЧСНП об отставке. Так как глава государства был занят, прошение отдали начальнику канцелярии президента. Затем прошения об отставке доставили и представители демпартии и ЧИП. Бенеш, по словам Рипки, твердо поддержал министров-некоммунистов: «Конечно же я не приму вашу отставку. Коммунисты должны капитулировать. На этот раз они просчитались. Сейчас важно ускорить выборы. Потери коммунистов на них будут более серьезными, чем предполагается. Можете на меня полностью положиться, я не уступлю».

КПЧ в своем воззвании требовала от президента принять отставку 12 министров. Причем коммунисты в отличие от своих противников как раз решили активно привлечь на свою сторону общественность. Компартия и РПД организовали в поддержку этого требования многочисленные массовые митинги на заводах. Рабочие крупнейшей военной фабрики ЧСР «Збройовки» в Брно приняли резолюцию, в которой говорилось: «Изменники и покровители шпионов не смеют вернуться в правительство!». Рабочая милиция на заводах была приведена в повышенную готовность. Причем предполагалось использовать ее бойцов и вне своих предприятий в случае необходимости. По всей стране Национальные комитеты по инициативе компартии стали формировать комитеты действия на случай обострения ситуации.

21 февраля в 10.00 КПЧ и РПД собрали на Староместской площади в Праге многотысячный митинг (100 тысяч участников). На нем требование принять отставку 12 министров поддержали и некоторые выступившие перед манифестантами члены ЧСНП и ЧСДП. Бенеш принял 5 делегатов митинга на 15 минут и подтвердил, что он против технократического кабинета и правительства без коммунистов. Правда, в ответ на мнение главы делегации, что президент должен считаться с волей народа, Бенеш высокомерно ответил: «Ну, так далеко мы еще не дошли, чтобы улица решала, принимать мне или не принимать отставку членов правительства».

Компартия продолжала переговоры с левым крылом ЧСДП и заручилось поддержкой двух депутатов ЧИП, изъявивших готовность войти в новый кабинет. Пока на Староместской площади шел митинг, Бенеш принял делегацию руководства ЧСДП (Лауш-ман, Тимиш и Билим), которые охарактеризовали решение об отставке 12 министров как большую

политическую ошибку. После социал-демократов к президенту приехал Готвальд, передавший резолюцию митинга в Праге. Бенеш решил после этого вообще уехать из столицы, сославшись на «усталость». Президент передал через своего сотрудника Дртыне, что некоммунистическим партиям следовало бы тоже организовать массовые митинги в свою поддержку.

Дртына был удивлен и просил передать президенту что кризис надо решать не на улице.

В этот же день 21 февраля части заводской стражи были преобразованы в отряды Рабочей милиции (позднее Народной милиции). Части милиции формировались по производственному принципу и больше всего их образовали на столичных предприятиях (примерно 6–7 тысяч бойцов).

22 февраля в Праге открылся запланированный заранее съезд заводских советов, на котором присутствовало 7914 делегатов со всей страны. Готвальд под овации закончил свое выступление словами: «Вперед, ни шагу назад!». Съезд не только поддержал позицию КПЧ, но и потребовал скорейшего принятия новой конституции и национализации всех предприятий с количеством занятых более 50 человек. На съезде было решено провести 24 февраля 1948 года одночасовую предупредительную всеобщую забастовку. В 14.00 часов съезд закончил работу пением «Интернационала» и послал приветственную телеграмму Бенешу.

В этот же день прошел съезд Общества советско-чехословацкой дружбы, на котором с «кислыми лицами» (как писал один из очевидцев) присутствовали и подавшие в отставку министры. Министр транспорта Питор (член демпартии) демонстративно и громко аплодировал при всяком упоминании Советского Союза и Сталина.

В канцелярию Бенеша начиная с 21 февраля пришло 5327 телеграмм (в том числе 1037 21 февраля), из которых только 150 выражали поддержку некоммунистическим партиям. Вернувшийся в Прагу Бенеш принял лидера ЧСДП Лаушмана и лишней раз убедился, что социал-демократы не примкнут к отставке. Президент Бенеш поручил после встречи с Лаушманом сообщить лидерам ЧСНП, что готов принять отставку 12 министров. Бенеша интересовало, как к его такому решению отнесется ЧСНП, не поддержит ли партия такую позицию президента. Собравшиеся на встречу лидеры национальных социалистов были потрясены. Рипка кричал, что Бенеш, конечно, волен принять отставку, но не может требовать от них полной капитуляции. Бенешу написали письмо, в котором признавалось право президента принять отставку, но подчеркивалось, что

ЧСНП с таким решением не согласна. ЧСНП обещала в письме организовать после всеобщей забастовки 24 февраля собственные массовые уличные акции. Лидеры ЧСНП также просили президента немедленно принять их.

Между тем по приказу министра внутренних дел в Праге были взяты под охрану мосты, радио, телеграф и некоторые правительственные здания.

22 февраля 1948 года был создан Главный штаб Рабочей милиции, а на следующий день при поддержке органов госбезопасности с военных заводов Брно в Прагу для вооружения милиционеров было доставлено 10 тысяч винтовок и 2 тысячи автоматов. Однако оружие (около 6 тысяч винтовок и по 10 патронов на винтовку) было выдано милиционерам в Праге лишь 25 февраля. Уже после окончания политического кризиса части милиции 26 февраля стали формироваться централизованно по всей стране. Например, в Словакии в конце февраля было 6700 рабочих милиционеров, только треть из которых была вооружена. Примечательно, что политическим комиссаром Рабочей милиции стал один из самых активных деятелей «Пражской весны» 1968 года член ЦК КПЧ Смирковский.

Милиция, начиная с 23 февраля, помогала сотрудникам полиции нести патрульную службу, главным образом в столице.

Между тем социал-демократы все еще колебались, но в понедельник 23 февраля заявили о своей поддержке планов дальнейшей национализации и отказались примкнуть к отставке 12 министров. Одновременно из рядов ЧСДП были исключены члены партии, выступившие на митинге в Праге 21 февраля. Вечером 23 февраля национальными социалистами была организована 10-тысячная демонстрация студентов и школьников, которая прошла к резиденции президента на Пражский град. Президент принял пять делегатов демонстрации, но отказался, как они того требовали, публично поддержать некоммунистические партии и высказаться против коммунистов. Студенты были шокированы безволием Бенеша и один из них позднее сказал, что демократия умерла в кабинете Града на их глазах.

На очередной встрече с Готвальдом Бенеш маневрировал. Он предложил, чтобы новое правительство Готвальда получило вотум доверия парламента перед своим формированием указом президента. Готвальд логично отвечал, что вотум может голосоваться только в отношении уже приведенного президентом к присяге кабинета. Бенеш был вынужден согласиться с этим доводом. Готвальд назвал президенту имена членов ЧСНП и ЧИП, которые уже выразили готовность войти в новое правительство.

После Готвальда Бенеш принял представителей ЧСНП (всех подавших

в отставку членов кабинета) и сообщил, что коммунисты не готовы идти на уступки. Бенеш сравнил ситуацию в стране с Мюнхеном 1938 года. Как вспоминал Рипка, президент опять обещал, что не примет отставку министров, а в крайнем случае подаст в отставку сам. То же самое слышали от Бенеша и представители ЧИП, которых президент принял сразу же после национальных социалистов.

В полдень 24 февраля в стране началась всеобщая забастовка, в которой участвовали более 2,5 миллионов человек. Из 24 тысяч предприятий ЧСР к стачке не присоединились только 32. Бенеш был потрясен, что в забастовке приняли участие все сотрудники его канцелярии, а забастовочный комитет МИД возглавил сам министр Масарик.

По решению профсоюза печатников был прекращен выпуск газеты ЧСНП. Были арестованы некоторые функционеры партии (которых быстро отпустили). Рабочая милиция вместе с левыми социал-демократами заняла штаб-квартиру ЧСДП. Левое крыло партии во главе с бывшим премьером Фирлингером грозило расколом и предлагало войти в кабинет Готвальда. В конце концов социал-демократы заявили, что готовы участвовать в обновленном правительстве Готвальда.

24 февраля 1948 года ЦРУ в своем анализе «очень быстро развивавшейся обстановки» в ЧСР отмечало, что чехословацкие коммунисты останутся на почве законности, и будут избегать насильственных действий. Согласие на компромисс с буржуазными партиями означало бы для них «политическое самоубийство».^[255]

Госдепартамент сообщал в порядке инструкции послу США в Париже 24 февраля, что «захват власти коммунистами» в Чехословакии принципиально не меняет международную обстановку сложившуюся после 1945 года.^[256] «Чехословакия верно поддерживала советскую политику в ООН и где бы то ни было и установление коммунистического режима лишь кристаллизует и утверждает на будущее прежнюю чешскую политику». Американцы опасались, что «чешский пример» окажется заразительным для стран Западной Европы, прежде всего, Италии.

Американцы попытались сподвигнуть Францию и Англию на демарши в Праге, но те отказались, так как не видели для этого никаких правовых оснований.

Министр обороны Свобода издал 24 февраля приказ по армии, требовавший от военнослужащих невмешательства во внутривластные процессы. Министр иностранных дел Масарик приехал к Бенешу, чтобы

узнать, как президент отнесется к его решению войти в новый кабинет Готвальда. Бенеш отставил вопрос на усмотрение самого Масарика.

25 февраля 1948 года Бенеш отказался принять представителей ЧСНП и получил от Готвальда список нового правительства, обещав принять по нему быстрое решение. В это время комитеты действия из левых членов ЧСНП и ЧНП заняли штаб-квартиры этих партий.

Уже утром Бенеш дал указание своему личному секретарю подготовить документ о принятии отставки 12 министров. После этого, в 11.00 Бенеш принял Готвальда, который передал ему новый состав правительства, попросив не откладывать решение в долгий ящик. Примечательно, что Бенеш заявил, что ни в коем случае не грозит своей отставкой. Готвальд закончил беседу фразой: «Результаты нашего предложения могут быть только хорошими».

КПЧ готовила мощную демонстрацию на главной площади Праги — Вацлавской. В случае отказа Бенеша утвердить новый состав правительства демонстранты были готовы идти к Пражскому граду. В 16.30 Бенеш принял Готвальда и сообщил, что согласен с отставкой 12 министров и одобряет предложенный премьером список нового кабинета. Готвальд сообщил о победе ликующим манифестантам на Вацлавской площади. Против КПЧ правые партии смогли лишь организовать 5-тысячную демонстрацию студентов, учителей и журналистов. Демонстранты пришли к Граду, но Бенеш отказался их принять.

Армия сохранила нейтралитет в ходе февральских событий. 23 февраля Готвальд прямо спросил министра обороны Свободу, с кем он. Генерал ответил, что он с народом.

После победы КПЧ в течение двух недель из армии было уволено 27 генералов и 344 офицера, позднее в апреле 1948 года — еще 469 офицеров. В основном речь шла о тех военнослужащих, которые в годы войны боролись в составе чехословацких частей на западном фронте. Всего до мая 1949 года из рядов армии было уволено 10 % офицерского состава.

США, Великобритания и Франция 26 февраля 1948 года осудили события в Чехословакии как государственный переворот и установление «замаскированной однопартийной диктатуры». Трумэн потребовал от конгресса немедленного одобрения «плана Маршалла», для «помощи Европе против коммунизма». Посол США Стейнгард в шифровке госсекретарю Маршаллу потребовал прекратить любую моральную и материальную помощь ЧСР, которая была бы «диаметрально противоположна нашим интересам». Посол даже предложил, чтобы американские оккупационные войска в Германии и Австрии задержали все

грузы, предназначенные для Чехословакии, но госдепартамент отверг эту инициативу как «неуместную».

Американцы ожидали громадного потока чешских эмигрантов после февральских событий, но в этом месяце границу американской оккупационной зоны в Германии перешло всего 153 гражданина ЧСР. В марте было обнаружен уже 1151 перебежчик, в апреле 1948 года — примерно 1800. Половину перебежчиков составляли судетские немцы, и их переход границы с Германией был никак не связан с событиями в Праге. С мая 1948 года поток эмигрантов-чехов практически прекратился.

В сентябре 1948 года под влиянием кризиса в Чехословакии американская армия провела крупнейшие военные маневры в Европе со времени окончания войны. В учениях «Операция Нормальность» приняли участие 70 тысяч американских и 1 тысяча британских военнослужащих.

В новом правительстве Готвальда по-прежнему были представлены все партии Национального фронта (13 коммунистов, 3 социал-демократа, по 2 представителя ЧСНП и ЧНП, 1 демократ и трое беспартийных).

В Словакии 26 февраля 1948 года ушел в отставку председатель Словацкого национального совета Леттрих (затем он эмигрировал). Председателем СНС стал коммунист Шмидке. В новом составе Корпуса уполномоченных КПС получила 11 мест из 15. [\[257\]](#)

9 мая 1948 года, в годовщину освобождения страны от нацизма, парламент одобрил новую конституцию, провозглашавшую ЧСР страной народной демократии. На парламентских выборах 30 мая 1948 года партии Национального фронта выступили с единым списком, за который проголосовали 89,2 % избирателей. Абсолютное большинство мест в парламенте получили коммунисты и социал-демократы. 2 июня 1948 года Бенеш подал в отставку и его пост занял Готвальд.

Таким образом, коммунисты одержали победу с опорой на народные массы (прежде всего, рабочих) и при полном соблюдении тогдашнего чехословацкого законодательства. После февральских событий 1948 года Чехословакия стала на путь построения социализма.

О событиях 1956 года в Венгрии: правда и мифы

После свержения диктатуры Хорти и освобождения Венгрии в 1945 году Красной Армией (в боях на территории страны погибло более 140 тысяч советских солдат и офицеров) республика добилась больших успехов в социально-экономическом развитии. Аграрная реформа 1945 года дала 642 тысячам крестьянских семей 1881 тыс. га земли^[258]. Среднегодовые темпы прироста промышленного производства составляли в 1951–1955 гг. 13,2 %, в то время как до войны они никогда не превышали 2 %. Из аграрной страны Венгрия превращалась в индустриальноаграрную. До начала 50-х годов рос жизненный уровень населения. В 1947–1949 гг. потребление мяса на душу населения увеличилось на 78 %, сахара — на 171 %, обуви — на 200 %^[259]. Были впервые в истории страны введены длительные отпуска для рабочих и служащих, а также курортное обслуживание населения. После секуляризации системы народного образования удалось добиться реализации на практике принципа обязательного школьного обучения для всех детей республики независимо от социального положения. В конце 1948 г. в Венгрии была отменена карточная система, а в 1949 году сняты все ограничения на торговлю промышленными и производственными товарами. В результате нескольких волн национализации к 1950 году госсектор занял преобладающие позиции в экономике.

В политической сфере после парламентских выборов 15 мая 1949 г., проводившихся по единым спискам Венгерского национального фронта независимости (получили 95,6 % голосов), фактическая власть оказалась в руках Венгерской партии трудящихся (ВПТ), образованной в 1948 году путем слияния коммунистической и социал-демократической партий. Остальные партии, хотя и не были формально распущены, свернули свою деятельность. В ВПТ насчитывалось около 1 млн. членов, или 10 % населения страны. В 1949 году под нажимом из Москвы первый секретарь ЦК ВПТ М. Ракоши (настоящая фамилия Рот; член правительства Венгерской советской республики в 1919 году, провел 16 лет в хортистских тюрьмах, после 1940 года находился в эмиграции в СССР) организовал показательный процесс против венгерских «троцкистов» и «югославских шпионов», жертвой которого стал популярный в стране министр

иностранных дел Л. Райк, казненный 1 октября 1949 г. Следует отметить, что до этого Ракоши противостоял давлению советских советников, утверждая, что в ВПТ нет троцкистов.

В начале 1950-х годов в Венгрии прошла волна репрессий против представителей частного бизнеса, бывших хортистских офицеров и чиновников, зажиточных крестьян и некоторой части интеллигенции. Только в ходе принятого ВПТ курса на массовую коллективизацию на селе перед судом предстало около 800 тысяч крестьян, правда, более половины из них отделались штрафами^[260].

Справедливости ради следует отметить, что венгерская реакция при поддержке Запада (прежде всего США и Ватикана) активно сопротивлялась социально-экономическим преобразованиям в стране. В ноябре-декабре 1948 г. была разоблачена группа саботажников на американско-венгерской нефтедобывающей фирме «МАОРТ» — дочерней компании «Стандард Ойл». Различные клерикальные организации пытались оказывать давление на родителей и учеников, чтобы побудить их к бойкоту государственных школ. В конце октября 1949 г. радиостанция «Голос Америки» распространила слухи о предстоящей девальвации венгерской валюты — форинта, что привело к массовой ажиотажной скупке населением промышленных товаров. Одновременно распространялись ложные сообщения, что ВПТ запретила выпечку белого хлеба (т. к. есть белый хлеб якобы «недостойно для настоящих пролетариев»). В некоторых городах люди покупали «про запас» 10–15 кг белого хлеба, что подорвало систему снабжения этим товаром в целом по стране. В 1949 году правительство США наложило эмбарго на вывоз в Венгрию и другие социалистические страны важнейших товаров.

В декабре 1949 г. Государственное собрание (парламент) Венгерской Народной Республики (ВНР) утвердило первый пятилетний план экономического развития на 1950–1954 гг., по которому предусматривался рост промышленного производства на 86,4 %.

Показатели плана были очень напряженными, если учесть устаревшее в целом оборудование венгерской индустрии и отсутствие в стране сырья для черной металлургии, и, следовательно, для машиностроения. Тем не менее, путем крайнего напряжения всего народного хозяйства, в 1950 году удалось добиться внушительных результатов: промышленное производство выросло на 35,1 %, национальный доход — на 20 %.

Копируя опыт СССР по преимущественному развитию тяжелой промышленности, руководство ВПТ в феврале 1951 г. приняло решение о пересмотре показателей пятилетнего плана в сторону их резкого

повышения. Так промышленное производство предлагалось увеличить уже на 210 % (в частности, машиностроение — на 290 %). ВНР на порядок увеличила закупки по импорту угля и черных металлов и, чтобы обеспечить импорт этих товарных групп, существенно нарастила вывоз продовольствия, оголив внутренний рынок. В результате жизненный уровень населения в 1951–1953 гг. сократился примерно на 20 %, а в начале 1951 г. были снова введены карточки на сахар, жиры, муку и т. д. Война в Корею, вызвавшая нарастание международной напряженности, заставила ВНР в несколько раз повысить военные расходы. Все это сопровождалось жестким административным давлением на частных предпринимателей и курсом на форсированное кооперирование в сельском хозяйстве.

В 1952 году в стране сократилось производство основных видов сельхозпродукции (крестьяне, задавленные обязательными госпоставками по низким закупочным ценам, не видели стимула к расширению посевной площади) и примерно в два раза выросли розничные цены на продовольствие. Весной 1953 года более 10 % пахотных площадей Венгрии осталось незасеянными.

После смерти Сталина советское руководство приняло срочные меры по корректировке социально-экономической политики социалистических стран. 13–16 июня 1953 г. в Москву была приглашена делегация руководства ВПХ которая выслушала резкую критику в свой адрес. По инициативе Л.П. Берия М. Ракоши был освобожден от обязанностей главы правительства (он занял этот пост в августе 1952 г.). Высший партийный пост был за ним оставлен. Новым премьер-министром стал Имре Надь, выступавший в конце 1940-х годов против форсированной коллективизации и обвиненный в «правом оппортунизме». Берия считал Надя полностью подконтрольным, т. к. последний, будучи с 1929 года в эмиграции в Москве, был в 1930 году завербован НКВД (кличка «Володя») и поставлял информацию о венгерских сотрудниках Коминтерна.

Надь провозгласил в Венгрии «новый курс», состоявший в сокращении расходов на развитие тяжелой промышленности, прекращении давления на частнокапиталистические элементы и свертывании массовой коллективизации (точно такой же «новый курс» по требованию советского руководства стал тогда же осуществляться и в ГДР). В стране была объявлена амнистия, расширялось жилищное строительство, снова стала развиваться частная торговля.

Но из-за резкого сокращения капиталовложений в экономику национальный доход Венгрии в 1954 году по сравнению с 1953 годом впервые в послевоенное время несколько снизился. По распоряжению Надя

было законсервировано строительство нескольких важных промышленных объектов, что привело к структурным диспропорциям в народном хозяйстве. Производительность труда падала, а зарплата, не обеспеченная товарами, необоснованно повышалась. Популистские меры правительства Надя по сути привели венгерскую экономику в состояние дезорганизации. В специальном секретном докладе американской разведки «Современная ситуация и возможное развитие событий в Венгрии» от 29 марта 1955 г. констатировалось, что «введение нового курса в 1953 году не смогло решить проблемы в промышленности и сельском хозяйстве», и что «условия жизни населения в 1954 году не улучшились». Венгрия оценивалась как «наиболее проблемная» (для СССР) страна Восточной Европы^[261].

Группа М. Ракоши в центральном руководстве ВПТ использовала неудачи правительства для устранения Надя с поста его главы в апреле 1955 г. (до этого в январе 1955 г. Надя подвергли критике за «правый оппортунизм» в Москве). После XX съезда КПСС группа Надя, идейно возглавив широко распространенное в среде венгерской интеллигенции недовольство мелочной опекой партийных органов, начинает борьбу за возвращение к власти. Инструментами этой борьбы стали Союз писателей (шесть членов его президиума подали в отставку из-за несогласия с отстранением Надя) и кружок им. Петефи, созданный венгерским комсомолом в 1955 году для пропаганды политических знаний. Имре Надь в своих статьях 1955 — начала 1956 года (тогда они не были опубликованы) уже требовал выхода Венгрии из Варшавского Договора и придания ей статуса постоянного нейтралитета, по образцу австрийского.

Одновременно США, оценив Венгрию как наиболее слабое звено социалистического содружества, начиная с 1954 года резко активизировали подрывную деятельность против ВНР. Эта деятельность против Венгрии и других стран соцлагеря осуществлялась на основе директивы Совета национальной безопасности США (СНВ) № 174 (NSC 174).

Основным инструментом этой психологической войны стала финансируемая ЦРУ радиостанция «Свободная Европа» (штаб-квартира в Мюнхене), в которой работало 2 тыс. сотрудников. Из 29 передатчиков станции 6–7 были постоянно нацелены на Венгрию^[262]. 8 сентября 1954 г. руководство «Свободной Европы» утвердило «Директиву № 15, Венгрия, операция “Фокус”» в соответствии с которой была разработана программа «движения национального сопротивления» из 12 пунктов (свободные выборы, денонсация Варшавского Договора и т. д.). 1 октября 1954 г.

миллионы листовок с этой программой посредством сотен воздушных шаров были заброшены в ВНР. «Свободная Европа» с помощью специального цикла радиопередач разъясняла программу «национального сопротивления» различным категориям населения. Нота протеста ВНР правительству США от 12 октября 1954 г. была фактически отвергнута Вашингтоном.

Стратегия США в отношении Венгрии была двойной. С одной стороны в самих США и в ФРГ при поддержке американцев были созданы эмигрантские венгерские организации, ставившие целью реставрацию капитализма. Причем базировавшийся в ФРГ «Союз венгерских братьев по оружию», объединявший бывших хортистских офицеров, с весны 1955 года приступил к организации и обучению в военных лагерях «добровольцев» для засылки в Венгрию.

Американцы финансировали и тренировали венгерских эмигрантов в ФРГ в рамках созданного еще в 1953 году Добровольческого корпуса свободы (Volunteer Freedom Corps, учрежден по директиве СНБ США от 20.05.1953), куда входили в основном бежавшие вместе с немцами в годы войны эмигранты из социалистических стран. За корпус отвечали госдепартамент и министерство обороны США, которые предполагали довести его численность до 30 тысяч бойцов.^[263] Цель создания корпуса была определена СНБ как «создание кадрированных частей из антисоветских добровольцев, которые можно было бы быстро увеличить в случае чрезвычайных обстоятельств или широкомасштабной войны».^[264]

С другой стороны, сознавая привлекательность многих завоеваний социализма для широких слоев населения Венгрии, пропагандировалась концепция «национального коммунизма», т. е. социализма без советского влияния в духе югославской модели. На заседании Совета национальной безопасности (СНБ) США 12 июля 1956 г. было прямо подчеркнuto, что США поддерживают «национальный коммунизм» не как таковой, а как средство отрыва социалистических стран от Советского Союза. Характерно, что члены СНБ сами признали эту линию «лицемерной»: если бы хотя бы часть директивы СНБ просочилась в печать, то эффект для администрации США был бы «смертельным». На том же заседании СНБ вице-президент США Р. Никсон заявил, что было бы неплохо, если бы «железный кулак Советов снова бы опустился на советский блок».

Американцев очень тревожила новая линия советского руководства на налаживание по-настоящему равноправных отношений с социалистическими странами, которую Москва начала проводить особенно

активно с 1955 года. В своей телеграмме в Вашингтон от 13.12.1955 дипломатическая миссия США в Будапеште рекомендовала усилить антисоветскую радиопропаганду на Венгрию. Предлагался даже конкретный лозунг: «Неужели режимы-сателлиты должны отбирать хлеб изо рта своих граждан и отправлять его в Советский Союз?». «Опасностью для Запада» миссия считала возможное «примирение» большинства венгерских граждан с социализмом.^[265]

Американская миссия в Будапеште еще в своем сообщении от 12.04.1956 предлагала использовать «дело Райка» (который был публично реабилитирован) для «эскалации» борьбы против лидера Венгрии Ракоши как «сталиниста»: «Тщательно подготовленное дипломатическое наступление вместе со скоординированной пропагандисткой эксплуатацией (дела Райка) не только даст его (Ракоши) оппонентам ценные боеприпасы, но и возможно сделает его позиции неустойчивыми в глазах Москвы».^[266]

27 апреля 1956 года миссия США в Будапеште направила в Вашингтон развернутые рекомендации по действиям США с целью добиться скорейшей отставки Ракоши. Причем в этом документе признавалось, что Ракоши удалось добиться стабилизации и даже улучшения социально-экономического положения Венгрии по сравнению с периодом правления И. Надя. Теперь же, на волне борьбы со сталинизмом, отмечали американские дипломаты, «...костяшки домино в Восточной Европе стали падать. Ситуация в Венгрии ухудшается быстро, бесспорно быстрее, чем это предвидели в Москве». В этой связи срочно рекомендовалось «усилить внутривластную оппозицию Ракоши», то есть поддержать группу Надя и идущую за ним творческую интеллигенцию. Подчеркивалось, что «соответствующие» действия США могут прямо повлиять на будущее Венгрии.

В самой Венгрии тем временем шли публичные и массовые дискуссии интеллигенции и студенчества, на которых со ссылкой на решения XX съезда КПСС звучали требования отставки Ракоши, как ответственного за репрессии конца 40-х — начала 50-х годов. На дискуссиях доминировали представители группы Надя, требовавшие продолжения «нового курса». В Москве росла озабоченность положением в Венгрии. 13 июля 1956 г. по поручению Президиума ЦК КПСС в Будапешт был направлен член Президиума А.И. Микоян. При его поддержке на пленуме центрального руководства (ЦР) ВПТ 18–21 июля 1956 г. Ракоши был снят с поста генерального секретаря и заменен Эрне Гере, представителем «центристского крыла» ЦР ВПТ.^[267] Но это не устраивало ни группу Надя,

ни Запад. Первый рвался к власти, а США беспокоили признаки начавшейся стабилизации венгерской экономики. В 1955 году на 6,1 % по сравнению с 1954 годом выросла производительность труда, неплохо развивалось сельское хозяйство.

В этих условиях, используя открытие австрийско-венгерской границы, США и другие западные страны еще в 1955 году наращивали заброску в ВНР шпионов и диверсантов. Если в 1954 году Управление государственной безопасности (УГБ) Венгрии вело расследование 53 дел о шпионаже, то в 1955 году — уже 162. В первом квартале 1956 года пограничники ВНР зафиксировали 191 случай нелегального перехода границы из Австрии, а в августе того же года — 438 случаев^[268].

В стране возникли мелкие группы («Белая гвардия», «Меч и крест», «Кровавый договор»), намеревавшиеся вооруженным путем свергнуть существующую власть. Тактика всех этих объединений состояла в организации массовых беспорядков и провоцировании интервенции войск НАТО. Одна из групп — «Белые партизаны» — даже заготовила специальные удостоверения и нарукавные повязки на английском языке.

Американская военная разведка еще в январе 1956 г. подготовила документ «Венгрия: активность и потенциал сопротивления», который рассматривал ВНР с точки зрения действий «специальных сил США». В докладе констатировались особенности политических настроений в Венгрии, которые облегчали основную задачу: «перевод недовольства в фазу активного сопротивления». Эти особенности, по мнению военной разведки США, состояли в антиславянских и антисемитских (Ракоши был евреем) чувствах значительных групп населения, а также в симпатиях к гитлеровской Германии, которая обеспечила Венгрии существенные территориальные приращения в 1940–1941 гг. Основной опорой режима ВПТ доклад считал силы госбезопасности и часть армейского офицерства.

В самой Венгрии новое руководство ВПТ пыталось вернуть в высшие партийные органы Надя, но тот отказывался признать свои ошибки (хотя 4 мая 1955 г. делал это). «Оседлав» настроения творческой интеллигенции, группа Надя теперь стремилась добиться уже всей полноты власти в стране. «Свободная Европа» приступила 7 апреля 1956 г. к реализации второго этапа плана «Фокус». Предусматривалось сосредоточить пропаганду на борьбе против сталинизма и культа личности, которые оценивались как продукт самой системы, а не как ошибки и перегибы. В первой половине 1956 года над Венгрией было зафиксировано 293 воздушных шара с листовками антиправительственного содержания. 8 февраля 1956 года на заседании специально созданной

межведомственной рабочей группы при СНВ США по подрыву социалистических стран (Operations Coordinating Board)^[269] признавалось, что «акцию с воздушными шарами», возможно, придется несколько ограничить, так как она мешает гражданской авиации и может привести к жертвам. Напротив, было решено усилить радиовоину и в передачах «Свободной Европы» постоянно повторялась мысль, что только Имре Надь может быть достойным лидером Венгрии.

Новое руководство ВПТ полагало, что устранение Ракоши ликвидировало нестабильность в обществе, и фактически не участвовало в организуемых кружком Петефи в различных вузах страны дискуссиях на социально-политические темы. Прошедшая в сентябре 1956 г. конференция писателей Венгрии потребовала безусловной реабилитации Надя. 4 октября 1956 г. он был восстановлен в правах члена ВПТ. 6 октября в Будапеште состоялось торжественное перезахоронение останков Л. Райка, вылившееся в массовую демонстрацию.

30 августа 1956 года дипмиссия США в Будапеште в своем отчете о «первых 6 неделях без Ракоши» отмечала, что культа личности вокруг нового лидера ВПТ Гере нет, и что заметно растет влияние нового члена руководства партии Яноша Кадара.^[270] Американцы передавали мнение посла СССР в ВНР Ю.В. Андропова, который якобы сказал, что ему «очень нравится Кадар, с ударением на слове «очень». Следует подчеркнуть, что США считали Кадара самым антисталински настроенным членом высшего руководства ВПТ.

Отмечали в Вашингтоне и готовность нового венгерского руководства к существенному улучшению отношений с США (органы госбезопасности освободили двоих арестованных ранее технических сотрудников миссии).

Также в отчете миссии констатировалось, что новое партийное руководство хочет привлечь к сотрудничеству группу Надя, ввиду чего оно серьезно смягчило отношение к поддерживающим его интеллектуалам.

Члены кружка Петефи, представители будапештских вузов и Союза писателей посещали крупнейшие предприятия страны, пропагандируя возвращение Надя к власти. Одновременно радиостанция «Свободная Европа» в первой половине октября 1956 г. резко наращивает антисоветскую агитацию, выдвигая лозунг немедленного вывода советских войск из Венгрии. Распространялись откровенно ложные данные о том, что СССР «грабит» Венгрию за счет низких цен на поставляемую в Советский Союз венгерскую продукцию. На самом деле СССР наоборот закупал венгерские товары по более высоким ценам, что позволило Венгрии в

1951–1955 гг. получить на 723 млн. валютных форинтов больше, чем в случае, если бы эти товары поставлялись на Запад. Кроме того, Советский Союз предоставил Венгрии кредиты на 100 млн. рублей (в т. ч. 40 млн. — в свободно конвертируемой валюте) на льготных условиях (2 % годовых).

На съезде Республиканской партии США в сентябре 1956 года в предвыборную платформу партии (ожидалось, что ее кандидат, действующий президент Эйзенхауэр, легко выиграет президентские выборы в ноябре 1956 года) было включено требование об «освобождении стран социализма от советской гегемонии».

Катализатором массовых беспорядков в Венгрии стали события в Польше, где 19 октября 1956 г. лидером правящей Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) вопреки мнению Москвы был избран В. Гомулка, только что освобожденный из заключения. Советскому руководству пришлось смириться с этим, и было решено не задействовать для разрешения внутривнутриполитического кризиса в Польше расквартированные там советские войска.

Группировавшаяся вокруг Надя часть венгерской интеллигенции пришла к выводу, что в Будапеште можно повторить польский вариант. На встрече югославского посланника в Венгрии Солдатича с временным поверенным в делах США в ВНР Барнсом 12 октября 1956 года, югослав говорил, что посоветовал бы ВПТ назначить Надя премьером.

Дипмиссия США сообщала, что на митинге в Дьере 16 октября 1956 года (присутствовало около 1000 человек) впервые публично прозвучало требование о выводе советских войск из Венгрии.

22 октября 1956 г. на собрании студентов будапештского Политехнического института (на нем присутствовали два американских дипломата) было принято решение провести 23 октября демонстрацию солидарности с Польшей. Программой манифестантов стали «10 пунктов», почти совпадавшие с тиражируемой радиостанцией «Свободная Европа» программой «национального сопротивления». На собрании студентов ближайший соратник Надя Й. Силади прямо сформулировал как цель возвращение бывшего премьера к власти. Американские дипломаты сообщали, что настроения студентов были «яростными» и они требовали, чтобы «Советы» «убирались домой». Миссия США рекомендовала, чтобы требования студентов о выводе советских войск были «немедленно» растиражированы через радиостанции (чтобы «извлечь выгоду из постоянно растущих требований венгров»).

Руководство ВПТ между тем 14 октября 1956 г. направилось с визитом в Югославию, а введенные в венгерской армии под влиянием польских

событий меры повышенной боевой готовности были приостановлены вечером 21 октября.

23 октября в 13.00 было объявлено о запрете студенческой манифестации, но уже через полтора часа она была разрешена. Сначала митинг студентов проходил вполне мирно и под лозунгами улучшения социализма. Но ближе к вечеру к демонстрантам присоединились рабочие и служащие (в основном из бывших чиновников хортистского режима или недавно прибывшие в город из села) и стали звучать лозунги: «Долой коммунистов!», «Вон евреев!». С общественных зданий срывались красные звезды и герб ВНР. Американские дипломаты отмечали, что колонны манифестантов специально прошли около миссии США и скандировали требование о выводе советских войск.

К 19 часам в различных частях Будапешта появились мобильные группы на автомашинах, распространявшие слухи, что «госбезопасность стреляет в народ».^[272] Мятежники заняли оружейный завод, международный телефонный центр и попытались захватить здание государственного радио. Его охрана сделала несколько холостых выстрелов в воздух. После этого мятежники разоружили прибывшее к зданию радио подразделение полиции и начали настоящий штурм. Ни полиция, ни охрана радио несмотря на неоднократные просьбы не получила разрешения применять оружие.

Вечером 23 октября на заседании руководства ВПТ было принято решение назначить Надя премьер-министром (характерно, что тот долго отказывался выйти и поговорить с демонстрантами) и просить руководство СССР оказать военную помощь для борьбы с беспорядками. Надя поддержал последнее решение, хотя потом от этого отрекся. В 23.00 23 октября по приказу министра обороны СССР были подняты по боевой тревоге 5 дивизий Советской Армии в Венгрии, Румынии и Прикарпатском военном округе^[273]. Такая мера объяснялась тем, что в самой Венгрии было дислоцировано только две механизированные дивизии (одна из них прикрывала границу с Австрией), сведенные в Особый корпус, и расположенные вдали от столицы. Между тем вечером 23 октября нападения на государственные учреждения произошли не только в Будапеште, но и в Дебрецене и ряде других городов. В венгерской столице находилось около 6 тысяч военнослужащих и 1300 сотрудников УГБ, которые лишь ночью 24 октября получили разрешение применять оружие исключительно в целях самообороны.

24 октября дипмиссия США в Будапеште предложила

госдепартаменту, чтобы правительство США сделало срочное заявление по Венгрии. Причем в проекте заявления говорилось о поддержке США борьбы венгров за свободу против советских войск (хотя днем ранее сама миссия писала, что «русских войск не видно»). Далее предлагалось заявить в Москве протест против пребывания в Венгрии советских войск, причем, не основываясь на международноправовых аргументах (сама миссия считала их «слабыми» — ведь советские войска находились в стране с согласия законного правительства Венгрии). Свое более чем странное предложение миссия аргументировала тем, что «практически каждый венгр» требует теперь от США: «Дайте нам оружие!». [\[274\]](#)

24 октября Надь выступил по радио и потребовал от мятежников до 14.00 сложить оружие, обещая амнистию. Затем этот срок продлевался несколько раз, однако вооруженная борьба в Будапеште не прекращалась. В тот же день в столицу Венгрии прибыли А.И. Микоян и М.А. Суслов, которые в частности в первом же сообщении в Москву расценили как «одну из серьезных ошибок венгерских товарищей» запрет стрелять по бесчинствовавшим участникам беспорядков [\[275\]](#).

С самого начала советские войска (в основном танки ввиду нехватки пехоты) только охраняли основные правительственные здания и применяли оружие лишь для самообороны. 24–25 октября обстановка начала стабилизироваться. В Будапеште осталось только два очага мятежа: казарма Килиана и район кинотеатра «Корвин». Надь противился попыткам их ликвидации под предлогом избежания ненужного кровопролития. Отказался он и вооружить коммунистов и бывших партизан, которые требовали оружия для самообороны. Небольшие группы повстанцев (причем западные корреспонденты отмечали их высокую боевую выучку) из засад стреляли по советским танкистам в основном из жилых домов (в том числе и с крыши дома, где жили американские дипломаты), стремясь вызвать их на применение тяжелого оружия. К советским танкам подсылали детей, которые забрасывали бронетехнику бутылками с горючей смесью.

25 октября «Свободная Европа» передала директиву мятежникам: «Надо отменить чрезвычайное положение (его объявило правительство Надя) и приказать советским частям вернуться в свои казармы». В тот же день произошла провокация перед парламентом, получившая позднее название «кровавый четверг». В стоявших перед зданием Госсобрания демонстрантов и охранявших парламент советских танкистов неожиданно начали стрелять с крыш прилегающих зданий. В результате завязавшейся

перестрелки было убито несколько десятков человек. Группы мятежников, среди которых уже с 24 октября практически не было студентов, опять стали распускать слухи, что госбезопасность и советские войска расстреливают ни в чем не повинных людей.

25 октября, выступая в 15.30 по радио, Надь осудил вооруженное выступление «горстки контрреволюционеров» и предостерег «трудовой народ от тех, кто безответственно распространяет слухи, вызывающие панику»^[276]. Одновременно Надь просил Москву срочно увеличить количество войск в Будапеште за счет пехоты. Используя провокацию у парламента, группе Надя удалось добиться 25 октября отстранения Гере с поста генерального секретаря ВПТ и его место занял репрессированный при Ракоши Янош Кадар (кстати, сам Надь ранее сыграл в раскручивании «деле Кадара» одну из ведущих ролей). На пленуме ЦР ВПТ 26 октября Надь и его сторонники попытались добиться переоценки событий 23–25 октября как народного восстания, но успеха не добились.

Между тем в Вашингтоне 25 октября на экстренное заседание собралась межведомственная группа по Венгрии (участвовали высокопоставленные сотрудники госдепартамента, ЦРУ министерства обороны). Было принято решение поддержать Надя при условии, что он немедленно потребует вывода советских войск: «Линия должна быть таковой — судьба Надя полностью зависит от его способности избавиться от советских войск в Венгрии».^[277]

26 октября на заседании СНВ США с участием президента Эйзенхауэра была подчеркнута важность событий в Венгрии, которые в отличие от польских, направлены прямо против социализма, даже в его «национальной» форме. Интересно, что директор ЦРУ Даллес предположил: события в Венгрии могут стать началом охлаждения отношений между КНР и СССР. В тот же день на межведомственной группе было решено, что радиостанции США должны координировать действия повстанцев в различных частях Венгрии.^[278] Дискутировалась и была одобрена в принципе поставка оружия по линии ЦРУ (желательно не американского, а немецкого, чтобы скрыть прямое участие США в беспорядках).

Между тем, оправившись от первоначальной растерянности, венгерская армия и силы безопасности начали 26 октября ликвидацию очагов мятежа в стране. Общественный порядок был восстановлен в Пече, в Эстероме мятежников выбили из здания горсовета. 27 октября на улицах основных городов появились военные патрули. Вопреки последующим

утверждениям западной историографии ни одна из частей венгерской армии в полном составе не перешла на сторону восставших. Радиостанция «Свободная Европа» и листовки мятежников утверждали, что на стороне правительства сражаются лишь переодетые в военную форму сотрудники госбезопасности. В ночь на 28 октября положение мятежников стало критическим: они были выбиты из зданий нескольких райкомов ВПТ в Будапеште. Началось вооружение рабочих и членов партии. На рассвете 28 октября был блокирован последний опорный пункт мятежников в венгерской столице — казарма Килиана.

27 октября замгоссекретаря США Мерфи принял заместителя главы венгерской миссии в Вашингтоне Задара, который подтвердил, что в Венгрии воцаряется порядок. На прямой вопрос о роли СССР венгерский дипломат подчеркнул, что советские войска первыми не открывали огонь и стреляли только в целях самообороны и с согласия венгерского правительства.

28 октября миссия США в Австрии сообщила в Вашингтон, что многие прибывающие в Австрию венгерские беженцы прямо обвиняют США и радиостанцию «Свободная Европа» (а также «акцию» с воздушными шарами) в подстрекательстве к беспорядкам в Венгрии.^[279]

25-го и 26 октября в американскую миссию в Будапеште пришли представители повстанцев и напрямую попросили о совете как им относиться к правительству Надя, «который хочет сохранить систему» (интересно, что миссия даже не была уверена в полномочиях этих представителей, считая, что «это неважно»). Миссия рекомендовала (невзирая на риск) немедленно помочь повстанцам, иначе им придется сложить оружие, так как непонятно, против чего они собственно борются, если «реформатор» Надь пришел к власти. Миссия рекомендовала требовать прекращения огня (причем немедленного, иначе повстанцы потерпят полное поражение), вывода советских войск и легализации антикоммунистических партий.

Именно с этой программой неожиданно для многих и выступил 28 октября по радио Имре Надь, объявив о прекращении огня и охарактеризовав мятеж как «национально-демократическое движение». Премьер фактически признал созданные мятежниками по всей стране «советы», «ревкомы» и т. д. законными органами власти. Распускались силы госбезопасности. Суслов и Микоян, как и большинство ЦР ВПТ поддержали это решение, так как Надь убеждал, что это кратчайший путь к ликвидации мятежа. В Президиуме ЦК КПСС позиция Суслова и Микояна подвергалась критике некоторых членов (особенно Ворошилова). В уже

упоминавшемся выступлении по радио 28 октября Надь объявил об отводе из Будапешта советских войск и о начале переговоров с целью полного вывода Советской Армии из Венгрии (последний тезис не был заранее согласован с другими членами руководства ВПТ).

29-30 октября многие сотрудники госбезопасности вместе с семьями, опасаясь расправ, стали покидать Венгрию или искать убежища в гарнизонах советских войск. Легализованные Надем различного рода «ревкомы» начали в массовом порядке раздавать населению оружие. 28 октября руководство «Свободной Европы» получило из своей штаб-квартиры в США подробную инструкцию из 8 пунктов, в которой, наряду с уже реализованными Надем требованиями (ропуск сил госбезопасности, амнистия повстанцам, вывод советских войск и т. д.), выдвигалась установка на создание в Венгрии многопартийного правительства и денонсацию Варшавского Договора. 29 октября все эти требования были переданы «Свободной Европой».

Между тем США, инспирируя подстрекательскую деятельность «Свободной Европы», первое время воздерживались от официальных заявлений по венгерскому вопросу. 24 октября госсекретарь США Дж. Ф. Даллес предложил президенту Д. Эйзенхауэру осудить «советскую интервенцию» и вынести эту тему на заседание Совета безопасности ООН. Однако президент медлил, в т. ч. и потому, что признавал: никакой реальной «интервенции» не происходит. К тому же, как бывший генерал, Эйзенхауэр понимал, что оказание США военной помощи мятежникам (те, как уже упоминалось, установили контакт с миссией США в Будапеште уже 25 октября и просили прислать противотанковое оружие) приведет к Третьей мировой войне. После заседания СНВ США 26 октября было решено дать знать советскому руководству по дипломатическим каналам, что Вашингтон не будет вовлекать будущую нейтральную Венгрию в НАТО.

Американцы медлили с передачей «венгерского вопроса» в Совет Безопасности ООН еще и потому, что уже получили данные разведки о готовящемся нападении Израиля, Франции и Великобритании на Египет. Эйзенхауэру казалось «лицемерным» осуждать СССР за «интервенцию», предпринятую с согласия правительства Венгрии на фоне предстоящей неприкрытой агрессии своих союзников по НАТО против Каира.

29 октября Израиль напал на Египет, после чего Англия и Франция стали подталкивать Вашингтон к немедленному «раскручиванию» венгерского вопроса в ООН, чтобы отвлечь внимание от собственной агрессии. Причем с самого начала на секретных англо-франко-американских консультациях в Нью-Йорке шла речь именно о

пропагандистском использовании ООН против СССР.

31 октября английские и французские войска присоединились к израильской агрессии против Египта, стремясь в т. ч. использовать и «венгерский фактор» (т. е. полагая, что из-за венгерских событий Москве будет не до Каира). Франция и Великобритания стремились срочно передать венгерский вопрос на заседание Генеральной Ассамблеи ООН, а США теперь противодействовали этому, стараясь сохранить свой авторитет в арабском мире^[280].

В самой Венгрии после вывода к 30 октября советских войск из крупных городов начался массовый террор легализованных Надем «ревкомов» против коммунистов, сотрудников госбезопасности, военнослужащих и полицейских. 30 октября после обстрела из танков штурмом был взят Будапештский горком ВПТ, после чего было зверски замучено 25 его защитников. На глазах западных корреспондентов мятежники вешали на деревьях убитых коммунистов, вырезали им сердца, забивали насмерть сдавшихся сотрудников охраны горкома. Чтобы оправдать ставшие известными всему миру «эксцессы», был пущен слух об огромной тюрьме под горкомом. Для того чтобы ее обнаружить даже проводились буровые работы на площади перед зданием^[281].

По всей Венгрии начались неконтролируемые расстрелы и суды Линча. Убивали на улицах тех, кто был одет в защитные брюки или желтые ботинки (говорили, что их носят сотрудники УГБ). Убитых коммунистов и советских военнослужащих выставляли в витринах магазинов с надписью «Мода сезона». Всего с 30 октября по 4 ноября 1956 г. в Венгрии было арестовано более 3 тысяч сторонников социализма.

Массовые расправы над коммунистами в Венгрии изменили настроения в Москве. Еще 30 октября Президиум ЦК КПСС утвердил текст Декларации Правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами, в которой подчеркивалось стремление СССР строить отношения с партнерами по СЭВ и Варшавскому Договору на основах равноправия.

1 ноября 1956 года на заседании СНВ США директор ЦРУ назвал победу повстанцев «чудом», так как советские войска могли бы легко подавить беспорядки, но вместо этого ушли из Будапешта. Декларацию СССР о новых отношениях с соцстранами Даллес расценил как один из самых важных документов прошедшего десятилетия.

Но уже 31 октября под влиянием сообщений из Венгрии об

уничтожении коммунистов советское руководство приняло решение о применении войск для сохранения социализма в Венгрии. 1 ноября Хрущев согласовал это решение с лидерами соцстран, в т. ч. КНР и Югославии. Характерно, что польское руководство, первоначально относившееся к событиям в Венгрии с симпатией, после 30 октября полностью поддержало курс на немедленное наведение в ВНР конституционного порядка. США рассматривали возможность переброски повстанцам оружия по воздуху, но отказались от этой возможности, как сложно реализуемой ввиду возможного противодействия советской авиации.^[282] Была лишь усилена радиопропаганда на русском языке, призывавшая советских солдат не стрелять в венгров.

1 ноября 1956 г. под влиянием сведений о начавшейся переброске советских войск в Венгрию, правительство Надя заявило о денонсации Варшавского Договора и потребовало вмешательства ООН для гарантии провозглашенного нейтралитета Венгрии. При этом Надь говорил советскому послу Ю.В. Андропову, что с трудом удерживает венгерскую армию от нападения на советские части^[283].

Следует подчеркнуть, что решение Надя о выходе из ОВД противоречило конституции ВНР, так как денонсировать международные договоры мог только парламент. Само правительство Надя 30 октября — 3 ноября переживало постоянные реорганизации и, в конце концов, в нем остался только сам Надь (премьер и министр иностранных дел), а остальные министерские посты были зарезервированы для возникавших некоммунистических партий. В то же время была распущена ВПТ и вместо нее создавалась Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП) во главе с Я. Кадаром.

Однако сам Кадар 1 ноября приехал в советское посольство, а затем был переправлен в Москву, где дал согласие возглавить новое правительство Венгрии (кандидатуру Кадара предложил Хрущеву Тито). В начале ноября «Свободная Европа» уже настраивала мятежников на отстранение «коммуниста» Надя и передачу власти лидеру клерикальной оппозиции кардиналу Миндсенти, освобожденному 30 октября из-под домашнего ареста. На совещании в Белом доме 1 ноября 1956 г. констатировалось, что «Имре Надь потерпел крах, повстанцы требуют его ухода». Кардинал Миндсенти рассматривался в этой связи как новый «харизматический лидер революции».

1 ноября «ревком» венгерских ВВС потребовал немедленного вывода из страны советских войск, угрожая в противном случае нанести по ним

бомбовые удары. Между Веной и Будапештом был организован воздушный мост, по которому наряду с продовольствием и медикаментами в страну переправлялось оружие и перебрасывались хортистские офицеры.

3 ноября миссия США в Венгрии согласовала по телетайпу с Вашингтоном заявление кардинала Миндсенти, в котором он в качестве нового лидера Венгрии требовал военной помощи США. [\[284\]](#)

На рассвете 4 ноября на основании приказа главкома ОВС ОВД маршала И.С. Конева Советская Армия приступила к проведению операции «Вихрь» (участие своих вооруженных сил предлагала Румыния). В операции участвовали 11 дивизий, отдельные части и силы авиационной поддержки. Уже в тот же день советские войска овладели всеми крупными городами Венгрии, хотя отдельные стычки продолжались до 8 ноября. Западные корреспонденты наблюдали как уставшие от анархии венгры «стекались» в советские комендатуры, чтобы указать на места, где скрываются вооруженные группы мятежников [\[285\]](#). 4 ноября к венгерскому народу обратилось Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с Кадаром с призывом бороться против «террористов и бандитов». Части венгерской армии не оказывали сопротивления и в основном разоружались. Отдельные группы солдат и офицеров помогали советским войскам.

Имре Надь и группа его сторонников нашли убежище в посольстве Югославии, а кардинал Миндсенти — в миссии США. Всего советские войска потеряли в ходе беспорядков в Венгрии в октябре — ноябре 1956 г. 640 убитыми и 1251 ранеными [\[286\]](#). Венгров погибло около 3000 человек, причем 48 % погибших были моложе 29 лет. Как показали опросы среди венгерских эмигрантов в Австрии (после мятежа из Венгрии бежали около 200 тысяч человек) более 70 % участников беспорядков регулярно слушали «Свободную Европу». Американские психологи признавали, что среди опрошенных венгерских эмигрантов было очень много лиц, склонных к насилию или воспринимавших вооруженную борьбу как «спорт» и «приключения». Среди руководителей отрядов мятежников встречалось немало бывших преступников, в т. ч. и уголовных (всего в ходе мятежа из тюрем было выпущено около 10 тысяч уголовных и 3324 «политических» преступника).

Мятеж нанес Венгрии ущерб в 22 млрд, форинтов, что равнялось четверти национального дохода страны в 1955 году. В ноябре 1956 г. промышленное производство в республике составляло лишь 18 % сентябрьского. Из-за бесконтрольных «экспроприаций» «ревкомов» были

дезорганизованы финансы. Было полностью разрушено 3 тысячи квартир, а 17 тысяч — серьезно повреждено.

К середине ноября 1956 г. по линии советских органов госбезопасности (аналогичные венгерские структуры были по сути ликвидированы Надем) было задержано 4700 граждан ВНР, из которых арестовано 1400 человек. Вопреки распространившимся на Западе слухам, никаких массовых депортаций венгров на территорию СССР не проводилось. В тюрьму Ужгорода в первые дни подавления мятежа было временно вывезено 846 арестованных, которые вскоре были переданы венгерским властям. Кстати, созданный по инициативе западных стран Специальный комитет ООН по венгерскому вопросу признал, что обращение с арестованными венграми в советских тюрьмах было лучше, чем в венгерских. В 1957 году после консолидации правительства Кадара венгерскими силами правопорядка было осуждено за участие в мятеже около 16 тысяч человек. К смертной казни было приговорено 400 человек, из которых казнено 229. Имре Надь под обещание неприкосновенности со стороны правительства Кадара 22 ноября 1956 г. покинул территорию югославского посольства, но был арестован советскими органами госбезопасности и переправлен в Румынию. Позднее, в 1958 году он был приговорен в Венгрии к смертной казни. В Москве не ожидали столь сурового приговора, но вмешиваться не стали. Миндсенти вплоть до 1972 года находился в посольстве США в Будапеште, после чего ему разрешили покинуть страну.

В целом события октября — ноября 1956 г. в Венгрии можно трактовать как использование внутренними антиправительственными силами обоснованного экономического недовольства некоторых слоев населения для насильственного свержения существующего строя при массивной пропагандистской поддержке Запада. Именно подстрекательская пропаганда со стороны США (о чем наглядно свидетельствуют документы американского внешнеполитического ведомства) превратила мирное движение за реформы в стране в кровавую вакханалию, стоившую жизни сотням венгров и русских, но отнюдь не американцев.

Воздушная война над Кубой в апреле 1961 года

США начали активную борьбу против кубинской революции уже в 1959 году.

11 декабря 1959 года глава управления ЦРУ по подрывным операциям Ричард Биссел направил директору ЦРУ Аллену Даллесу меморандум, в котором предлагалось «тщательно рассмотреть возможность ликвидации (elimination) Фиделя Кастро». Даллес согласился, заменив в меморандуме карандашом слово «ликвидация» на «удаление с Кубы» (removal from Cuba).^[287] 8 января 1960 года Даллес поручил Бисселу сформировать специальную группу ЦРУ по работе против Кубы. 17 марта 1960 года президент США Эйзенхауэр на совещании членов Совета национальной безопасности (СНБ) одобрил документ «комитета 5412»^[288], ставший директивой СНБ по Кубе. Целью политики США в этой директиве провозглашалась «замена режима Кастро режимом, более преданным истинным интересам кубинского народа и более приемлемым для США таким образом, чтобы избежать даже видимости (прямой) американской интервенции».^[289]

В соответствии с этой директивой ЦРУ начало военную подготовку в Гватемале и зоне Панамского канала групп кубинских эмигрантов. Первоначально предполагалось обучить примерно 60 человек, летом 1960 года — уже более 400. Операция получила кодовое наименование «Плутон».

ЦРУ намеревалось забросить группу вооруженных контрреволюционеров на Кубу где они должны были развязать партизанскую войну против Кастро. Однако тайно проведенный американской разведкой на острове опрос показал, что лидер Кубы пользуется поддержкой подавляющего большинства населения. Такую же информацию передала ЦРУ и британская разведка. Однако Даллес скрыл эти сведения от Эйзенхауэра и его преемника на посту президента — сенатора-демократа Джона Кеннеди. 18 октября 1960 года (в разгар предвыборной президентской компании) Даллес и Биссел ознакомили Кеннеди с «планом Плутон» и сенатор был «поражен его масштабом и дерзостью».^[290]

Отсутствие перспектив на поддержку внутри Кубы вынудило ЦРУ

осенью 1960 года изменить первоначальный план. Заново разработанный «план Плутон» предполагал уже не партизанские действия, а высадку на острове крупного воздушного и морского десанта. Эмигранты должны были закрепиться на побережье и захватить там военный аэродром для организации бесперебойного снабжения по воздуху и бомбежек экономической и военной инфраструктуры Кубы. После этого созданное ЦРУ эмигрантское кубинское правительство (т. н. «Кубинский революционный совет» во главе с бывшим кубинским премьером Миро Кардоной) должно было перебраться на плацдарм и попросить США о прямой военной помощи.

Вторжение должна была осуществить так называемая «бригада 2506»^[291] в составе 7 батальонов общей численностью 1400 человек во главе с бывшим капитаном армии Батисты Хосе («Пеле») Сан Романом. Среди бойцов бригады преобладали солдаты и офицеры армии свергнутого революцией диктатора Батисты, плантаторы и предприниматели, потерявшие собственность в ходе национализации и аграрной реформы.

В марте 1961 года ЦРУ после консультаций с Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ) США изменило место предполагаемой высадки. Ранее десант должен был быть осуществлен на южном побережье Кубы рядом с городом Тринидад (270 километров к юго-востоку от Гаваны). Население Тринидада и окрестностей находилось под сильным влиянием католической церкви и ЦРУ предполагало, что оно в массовом порядке перейдет на сторону эмигрантов. Неподалеку от Тринидада находились горы Эскамбрай, где еще действовали, правда, сильно потрепанные осенью 1960 года остатки контрреволюционных банд. На случай неудачи десанта бригада 2506 должна была отступить в горы и продолжить партизанскую борьбу.

Однако в ОКНШ считали, что окрестности Тринидада слишком насыщены кубинской армией и народной милицией (именно ввиду действия в том районе контрреволюционеров), а развитая дорожная сеть в этом районе позволит Кастро быстро перебросить туда войска из Гаваны. Поэтому было решено высаживаться западнее, в бухте Кочинос (в переводе с испанского — бухта, или залив Свиней) в районе прибрежного поселка Хирон (150 км к юго-востоку от Гаваны). Район высадки был окружен мангровыми зарослями и непроходимыми болотами (Сьенага-де-Сапата, которые называли «великими топями Карибов»), через которые вглубь острова вела только одна дорога.

Бригада 2506 должна была высадиться с моря в трех местах бухты и немедленно оборудовать взлетно-посадочную полосу для снабжения и

приема боевых самолетов. Одновременно воздушный десант (один батальон бригады 2506, 177 бойцов) должен был оседлать дорогу в болотах и задержать прибытие подкреплений революционной армии. В течение первого же дня морской десант должен был соединиться с парашютистами и обеспечить прочную оборону плацдарма.

Позднее, после провала вторжения, ЦРУ пыталось взвалить вину за его неудачу на ОКНШ, изменившего район высадки. Но на самом деле именно труднодоступность района Плайя-Хирон позволила продержаться эмигрантам хотя бы 72 часа. Фидель Кастро так оценивал позднее район высадки: «Место — трудное для атаки (против десанта. — *Авт.*), ибо начинать атаку нужно было по этой дороге, проходящей по Съенаге, а она имеет всего три или четыре въезда. И эти три или четыре пункта можно отлично защищать при помощи танков, противотанковых пушек и тяжелых минометов... Один или два подбитых танка на дороге превращаются в непреодолимое препятствие... Передвигаться пришлось бы под огнем вражеских самолетов... Имея плацдарм и аэродром, снабжаясь морем и по воздуху, они смогли бы создать там территорию, откуда рассчитывали вести опустошительную войну против нашей страны. Таким образом, они стремились осуществить хорошо подготовленный план, тщательно учитывая все детали».^[292]

В ЦРУ и ОКНШ главное внимание уделяли предварительному авиаудару по кубинским ВВС, который должен был уничтожить все самолеты революционной армии на аэродромах и обеспечить мятежникам полное господство в воздухе. Без этого и разведка, и Пентагон считали шансы на успех «операции Плутон» минимальными.

Согласно воспоминаниям Биссела план авиаудара по Кубе перед вторжением представлял собой «...стратегическую бомбардировку с целью ликвидации всей телефонной связи..., некоторых линий коммуникации — железных дорог, мостов — и атаку на большие военные базы к югу от Гаваны, где находилась бронетехника Кастро».^[293] Но сначала было необходимо «выключить» кубинские ВВС.

В начале 1961 года в регулярной армии Кубы насчитывалось примерно 20–25 тысяч военнослужащих. В рядах народной милиции (организованной по предложению Че Гевары в 1960 году) было до 200 тысяч бойцов (мужчин и женщин), оснащенных легким стрелковым оружием, пулеметами, средствами радиосвязи и автомобилями. Патрули милиции в свободное от основной работы время охраняли побережье и стратегические объекты Кубы.

В течение 1960 года СССР поставил Кубе танки Т-34 и ИС-2, самоходные установки СУ-100, 122-мм гаубицы. Это вооружение существенно повысило боеспособность Революционных вооруженных сил Кубы, однако именно в районе болот Залива Свиней применение бронетехники было крайне проблематичным.

Кубинские ВВС состояли из британских турбовинтовых истребителей «хоукер си фьюри» (Hawker Sea Fury), американских тренировочных самолетов (легких штурмовиков) Т-33 и американских бомбардировщиков Б-26 «инвейдер». Практически все пилоты кубинских ВВС до победы революции обучались в США.

Осенью 1960 года правительство Кубы попыталось обменять турбовинтовые «си фьюри» на 15 британских реактивных истребителей, но США сорвали сделку, и к моменту вторжения бригады 2506 никаких реактивных боевых современных самолетов у Кубы не было.

Истребители «си фьюри» были разработаны в начале 1945 года и появились в британских ВВС уже после окончания Второй мировой войны. В 1945–1955 годах было построено 980 самолетов этого типа, поставленных в различные страны мира (в т. ч. в ФРГ, Канаду, Австралию, Бирму, Египет, Нидерланды, Марокко, Ирак и Пакистан).

Диктаторский режим Батисты на Кубе получил 17 таких самолетов в 1958 году и они принимали активное участие в борьбе против Повстанческой армии Фиделя Кастро.

Одноместный истребитель обладал прекрасной скоростью (до 740 км в час, крейсерская скорость 625 км/ч — это был самый быстрый из серийных турбовинтовых боевых самолетов мира) и мощным вооружением — четыре 20-мм пушки, двенадцать 76-мм ракет. Истребитель без дополнительных подвесных баков действовал в радиусе 1127 км и мог нести до 907 кг бомбовой нагрузки. В руках опытного пилота эта машины была грозным оружием и в 1961 году, несмотря на то, что в ВВС большинства развитых стран мира уже доминировали реактивные самолеты. «Си фьюри» воевали в Корее в 1950–1953 гг., причем британские летчики сбивали на них даже советские реактивные машины МиГ-15 (подтвержден один такой случай).

Реактивный учебный боевой самолет Т-33 “Shooting Star” компании «Локхид» (модификация истребителя Ф-80) производился в США в 1948–1959 гг. (построено 6557 штук). Поставлялся в 30 стран мира, в том числе и в большинство латиноамериканских государств. Он используется в качестве учебно-тренировочного самолета по сей день. Двухместная машина развивала скорость до 970 км/ч, действовала в радиусе 2075 км, была вооружена двумя 12,7-мм пулеметами и могла нести до 907 кг бомб.

На самолете могли устанавливаться и две пусковые установки неуправляемых ракет.

США поставляли самолет в качестве штурмовика в основном тем странам, которые активно боролись с партизанским движением, в том числе и Кубе при диктаторском режиме Батисты.

Двухмоторный легкий бомбардировщик Б-26 (экипаж 3 человека) производился в США в 1948–1965 гг. (построено 2452 штуки) и до 1980 года состоял на вооружении ВВС Колумбии. Американцы утверждали, что во время войны в Корее Б-26 уничтожили 38 500 автомашин, 405 паровозов, 3700 железнодорожных вагонов и 7 самолетов на земле. В составе французской колониальной армии Б-26 воевали против вьетнамских патриотов до 1954 года, а также во время американской агрессии против Вьетнама в 1960-е годы. Бомбардировщик развивал скорость до 570 км/час, мог поднимать до 2,7 тонн бомбовой нагрузки и был со всех сторон защищен как минимум восемью 12,7-мм пулеметами. Бомбардировщик мог нести и 14 неуправляемых ракет.

К апрелю 1961 года в составе Революционных ВВС Республики Куба насчитывалось 15 бомбардировщиков Б-26, три штурмовика Т-33 и шесть истребителей «си фьюри». ЦРУ считало вполне возможным уничтожить все эти самолеты в ходе одного внезапного налета. Однако ОКНШ на всякий случай рекомендовал сделать два авиаудара.

Для этих целей ЦРУ передало бригаде 2506 из состава Национальной гвардии Алабамы 6 бомбардировщиков Б-26, которые были размещены на построенном с помощью США тайном аэродроме в Гватемале. Формально самолеты были поставлены Гватемале, но их фактическая передача была задержана на 6 месяцев. Обучение кубинских пилотов-наемников проводили американские инструкторы.

Позднее из состава резерва ВВС США было получено еще 26 законсервированных Б-26, 20 из которых были переделаны в боевой вариант (самолеты были оснащены дополнительными баками и пусковыми ракетными установками). Вооружение, продовольствие и боеприпасы для бригады 2056 в Гватемалу перебрасывалось из США американскими военно-транспортными самолетами С-46 и С-54.

С 9 апреля 1961 года бригада 2056 стала стягиваться из Гватемалы в никарагуанский порт Пуэрто-Кабесас — отправную точку для вторжения на Кубу. На следующий день президент США Кеннеди заверил мировую общественность, что США не планируют никаких военных действий против Кубы.

В ночь с 14 на 15 апреля 1961 года 164 кубинских наемника на

вышедшем из Флориды американском судне под костариканским флагом должны были осуществить отвлекающую высадку на востоке Кубы в районе Баракоа, провинция Орьенте. Все эсминцы ВМС США вышли в море с расположенной на территории Кубы базы Гуантанамо, тоже имитируя флотилию вторжения. Американцы даже послали к кубинскому берегу разведывательные катера, но они были отогнаны огнем патрулей народной милиции. Один из кубинских самолетов Т-33 начал нести патрульную службу в районе Баракоа, но потерпел крушение и упал в море.

В воскресенье 15 апреля 1961 года в 6 утра 8 бомбардировщиков Б-26, вылетевших из Пуэрто-Кабесас тремя группами одновременно атаковали международный аэропорт в Сантьяго-де-Куба (восток страны) и два аэродрома под Гаваной.

Все самолеты несли опознавательные знаки военно-воздушных сил Кубы — ЦРУ собиралось прикрыть бандитский налет версией о том, что его якобы совершили «восставшие против Кастро» летчики ВВС Кубы. С этой целью двигатель девятого Б-26 был снят и обстрелян в ангаре на земле. После этого самолет вылетел из Никарагуа через Кубу прямо к побережью Флориды. Пилот-«перебежчик» по радио попросил власти США разрешить ему вынужденную посадку в Международном аэропорту Майами. Там «дезертир» «Хуан Гарсия» (на самом деле бывший летчик ВВС времен диктатуры Батисты Марио Суньига) заявил репортерам, что нанес удар по аэродромам Кубы и что вместе с ним дезертировали еще три пилота ВВС Кубы. Но американские журналисты быстро заметили, что на бомблюке Б-26 лежит слой пыли, электропроводка к системе управления пулеметами почти проржавела, а пулеметы зачехлены. Никакого нагара от выстрелов в стволах пушек и пулеметов журналисты также не обнаружили. [\[294\]](#)

Тем не менее, США предоставили «борцу против тоталитаризма» «Хуану Гарсии» политическое убежище и на следующий день он тайно вернулся в Пуэрто-Кабесас.

По оценке ЦРУ в результате налета 15 апреля («операция Пума») на земле было уничтожено пять кубинских самолетов и около десяти получили серьезные повреждения. [\[295\]](#) В Сантьяго-де-Куба были уничтожены транспортный самолет С-47, самолет-амфибия типа «Каталина», два Б-26 и несколько гражданских самолетов. На двух аэродромах под Гаваной были выведены из строя три Б-26, один «сифьюри» и один Т-33. Погибли семь кубинцев, 53 были ранены. Американская разведка была довольна.

Однако кубинцы заблаговременно рассредоточили свои Б-26, Т-33 и

«си фьюри» по многим аэродромам, сконцентрировав на базах неисправные самолеты, по которым в основном и пришелся удар американских наемников. Например, погибли «подставленные» кубинцами два старых американских самолета П-47 «тандерболт». Фидель Кастро вспоминал: «Не должно было находиться рядом даже двух самолетов. Абсолютно все самолеты были рассредоточены на большой территории. А самолеты, вышедшие из строя, были расположены более или менее близко друг от друга. Иными словами, мы применили систему, рассчитанную на обман противника на авиационных базах: самолеты, вышедшие из строя, стояли по два, три вместе, исправные — далеко друг от друга».^[296]

Огнем ПВО Кубы были повреждены два бомбардировщика Б-26, один из которых упал в море в 50 км к северу от Кубы (оба пилота погибли), а другой совершил вынужденную посадку на базе ВВС США Ки-Уэст во Флориде. Оба пилота получили в США политическое убежище и сразу же были переброшены ЦРУ обратно в Пуэрто-Кабесас.

Представитель Кубы в ООН Рауль Роа 15 апреля обвинил в подготовке и проведении воздушного нападения на Кубу США. Его американский коллега и бывший кандидат в президенты от Демократической партии Эдлай Стивенсон активно и искренне возражал — в тот же день Биссел заверил его, что версия о дезертирах из кубинских ВВС абсолютно верна. Кеннеди также публично озвучил версию о «кубинских патриотах», дезертировавших от «диктатора Кастро».

Позднее, узнав правду, Стивенсон был взбешен тем, как нагло он был обманут высшим чиновником ЦРУ. 16 апреля Стивенсон направил госсекретарю США Раску срочную шифровку, в которой предостерегал от повторения «катастрофы в стиле У-2».^[297]

Демарш разгневанного Стивенсона возмутил Раска, который был недоволен «самоуправством» ЦРУ и тем негативным резонансом в мире, который вызвала «операция Пума». Раск пожаловался советнику Кеннеди по национальной безопасности Банди и тот в 21.30 16 апреля позвонил заместителю Даллеса генералу Кейбеллу, потребовав прекратить авианалеты. Банди был готов разрешить продолжение воздушной войны только с «освобожденной» территории Кубы. Раск в беседе с Бисселом и Кейбеллом в тот же день разрешил самолетам ЦРУ только поддерживать десант в Заливе Свиной, но прекратить все нападения с воздуха на цели в других районах Кубы.^[298] Раск ссылаясь на Кеннеди, который якобы отменил второй воздушный налет на базы кубинских ВВС. Госсекретарь даже предложил Бисселу и Кейбеллу позвонить от него президенту чтобы

убедиться самим, однако они отказались.

Сам Кейбелл был вынужден дать «отбой» в Пуэрто-Кабесас как раз в то момент, когда пилоты ЦРУ уже разогревали двигатели для второго налета на Кубу. В ЦРУ все же попытались уговорить президента отменить свое решение и разрешить авиаудар, но Кеннеди в телефонном разговоре с Кейбеллом утром 17 апреля (который все же организовал Раск) был непреклонен. Кейбелл сообщил президенту, что авиация Кастро не выведена из строя, но и это не поколебало Кеннеди, который всячески стремился избежать нового взрыва антиамериканских настроений в мире.

ЦРУ так настаивало на повторном авиаударе потому, что снимки самолета-шпиона У-2 16 апреля ясно показали, что большинство самолетов ВВС Кубы остались боеготовыми. Тем не менее, «операцию Плутон» решили не отменять (десант вечером 16 апреля находился примерно в 65 километрах от побережья Кубы). Даллес рассчитывал на то, что после начала боев Кеннеди все же придется дать разрешение на полномасштабное использование авиации.

Между тем в полночь 16 апреля с четырех транспортных судов ЦРУ под либерийским флагом «Хьюстон», «Рио Эскондидо», «Карибе» и «Атлантико» началась высадка бригады 2506 в трех точках Залива Свиной. Интервенты везли с собой 30 тысяч галлонов авиационного топлива для бомбардировщиков, которые должны были перебазироваться на захваченный аэродром в районе высадки. По настоянию ОКНШ бригаде 2056 был придан батальон танков.

За пределами кубинских территориальных вод десант страховали боевые корабли ВМС США, включая авианосец «Эссекс», вертолетоносец «Боксер», 11 эсминцев и 2 подводные лодки. В случае необходимости командующий этой боевой группой ВМС США адмирал Кларк мог рассчитывать и на находившийся в Карибском море авианосец «Шангри-Ла».

Десант был сразу обнаружен моторизованным патрулем народной милиции в составе пяти бойцов (4 автомата). От предложения сдаться милиционеры отказались и открыли огонь. Прежде чем погибнуть в неравной схватке они успели сообщить по радиации о начавшейся высадке. Радиосообщение бойцов милиции приняла радиостанция сахарного завода «Аустраль» недалеко от поселка Хирон: «Их много. Мы деремся, но не сможем выдержать долго. Быстро высылайте подмогу. Родина или...»^[299]. Слово «смерть» милиционеры уже не успели произнести — она сама их настигла.

Благодаря героизму милиционеров уже в 6.30 17 апреля над районом

высадки появились самолеты кубинских ВВС — три «си фьюри», один Б-26 и два Т-33.

Один из «си фьюри» пилотировал ас Революционных ВВС капитан Энрике Контрерас, обучавшийся ранее в США. Он зашел на «Хьюстон» (водоизмещение 8 тысяч тонн) и точно выпустил в корму транспорта четыре ракеты. Контрерас не знал, что в этот момент с корабля по нему вел огонь из 12,7-мм пулемета сотрудник ЦРУ Линч. «Хьюстон» (на котором размещался 5-й батальон бригады 2506) задымил и через 2 часа капитан был вынужден выбросить судно на берег. Два других «си фьюри» также поразили корабли.

Контрерас зашел на «Рио Эскондидо», на котором находилось авиационное горючее интервентов. Пилот различил на палубе цистерны с топливом и точно ударил по ним ракетами. Взлетели на воздух три тысячи галлонов топлива и 145 тонн боеприпасов. «Рио Эскондидо» взорвался и над гибнущим кораблем взметнулся большой «гриб». Наблюдавший с десантного корабля в 16 милях от берега за высадкой сотрудник ЦРУ Робертсон подумал, что Кастро сбросил атомную бомбу.^[300]

Между тем Контрерас не вышел из боя, а сбил еще один Б-26 наемников. Его коллега капитан Хакес Лагес Марреро потопил две небольшие десантные баржи. Таким образом, в первые же часы боя ВВС Кубы уничтожили четыре корабля интервентов. 180 спасшихся с «Хьюстона» наемников уже не могли идти в бой, так как утратили все вооружение и боеприпасы. Невредимые транспорты были вынуждены примерно в 11.00 срочно отойти за пределы территориальных вод Кубы, и между ними и берегом образовалось пространство в 35–40 км. Самолеты ВВС Кубы плотно преследовали отходившие суда.

Из 16 самолетов бригады 2506 кубинцы в первый же день «операции Плутон» сбили 6, сами потеряв две машины. Один «си фьюри» упал в море после того как был поврежден огнем ПВО интервентов. Примерно в 12.00 был сбит с земли один бомбардировщик ВВС Кубы Б-26 — три его пилота погибли.

В 7.30 утра 17 апреля пять транспортных самолетов ЦРУ С-46 и С-54 сбросили воздушный десант из 177 человек на дорогу ведущую через болота к району высадки. «Операцию Сокол» прикрывали 4 Б-26. Часть оружия попало в болото и десант оказался частично небоеспособен, но в течение почти двух дней после подхода подкреплений с побережья сдерживал натиск кубинских войск.

В полдень 17 апреля прибывшие на место высадки первыми курсанты военного училища из Матансаса начали наступать на побережье, но

понесли тяжелые потери от самолетов Б-26 мятежников. На прикрытие наступавших курсантов вылетели Т-33, сбившие три бомбардировщика интервентов. В 16.00 на сахарный завод «Аустраль» прибыл для руководства операцией Фидель Кастро.

ЦРУ в обход ясного указания Кеннеди попыталось вечером 17 апреля все же нанести удар по авиабазе кубинских ВВС в Сан-Антонио-де-лос-Баньос. Но пять Б-26 не смогли осуществить налет якобы из-за плохих метеоусловий. На самом деле пилоты, напуганные блестящими боевыми качествами ВВС Кубы, просто отказались вылетать без сопровождения истребителей.

Утром 18 апреля интервенты были выбиты из двух пунктов высадки и стекались на юг, к району Плайя-Хирон. Но примерно в 17.00 6 бомбардировщиков интервентов довольно успешно напалмом атаковали колонну правительственных войск, перевозившую на грузовиках и автобусах танки и живую силу к месту боев. Кубинские войска понесли ощутимые потери, однако колонна быстро перегруппировалась и продолжила наступление.

Вечером 18 апреля командир бригады 2506 Сан Роман взывал по радиации к офицеру ЦРУ Линчу: «Вы что там не понимаете, в какой отчаянной ситуации мы здесь находимся?... Пожалуйста, не бросайте нас. У меня нет противотанковых боеприпасов. На рассвете танки сомнут меня...». [\[301\]](#)

В тот же день вечером Кеннеди давал торжественный прием для конгрессменов. Прямо из Белого дома президента в полночь «выдернул» Биссел и два часа умолял Кеннеди дать добро на участие американских истребителей с авианосной группы в прикрытии бомбардировщиков бригады 2506. Кеннеди созвал экстренное совещание с участием ЦРУ, госдепартамента и ОКНШ. Раск был против, военные и ЦРУ — «за». Кеннеди как всегда решился на компромисс, который мало кого устроил — он разрешил палубным самолетам в течение одного часа 19 апреля прикрыть десантные суда и саму бригаду 2506, чтобы дать ей возможность перегруппироваться и перейти в контрнаступление.

В ночь с 18 на 19 апреля транспортный самолет С-46 доставил бригаде 2506 боеприпасы, однако этот груз не мог восполнить утраченное при высадке снаряжение.

19 апреля в 6.30 бомбардировщики интервентов вылетели на свое последнее боевое задание — операцию под кодовым названием «Полет бешеной собаки» (Mad dog flight). В налете на наступавшие кубинские войска участвовали пять Б-26, четыре из которых пилотировали завербованные ЦРУ американцы из национальной гвардии Алабамы. Три

кубинских истребителя (один «си фьюри» и два Т-33) сбили два Б-26, в результате чего погибло четверо американцев. Остальные два Б-26 спешно повернули обратно, сбросив бомбы в море. ЦРУ позднее сообщило вдовам, что их супруги «утонули во время купания». Годы жены так ничего и не знали о судьбе своих мужей.

На 19 апреля 1961 года ЦРУ потеряло 5 кубинских пилотов, шесть вторых пилотов-кубинцев и четырех американских летчиков. Для поднятия духа прижатых к морю остатков бригады 2506 американцы организовали патрульные полеты легких палубных штурмовиков А-4^[302] с авианосца «Эссекс». «Эссекс» (введенный в строй в 1941 году) мог нести от 90 до 100 палубных самолетов. С 12 штурмовиков были стерты опознавательные знаки ВВС США и они в соответствии с указаниями Кеннеди должны были прикрыть бомбардировщики Б-26 в операции «Полет бешеной собаки». С экипажа «Эссекса» была взята подписка о неразглашении.

Однако пока кубинские истребители спокойно уничтожали вылетевшие из Никарагуа Б-26, летчики палубной авиации только готовились к вылету. В ОКНШ не учли разницы в один час между кубинским и никарагуанским временем, и эта ошибка стала для Б-26 интервентов фатальной.

Сан Роман услышал по радио от офицера связи ЦРУ: «...Мы не в состоянии оказывать вам дальнейшую поддержку. Рассчитывайте на собственные силы». В ответ командир бригады произнес: «Вы сукин сын, сэр!». ^[303] Два американских эсминца все же попытались подойти к берегу чтобы эвакуировать контрреволюционеров, но были отогнаны огнем кубинских танков и артиллерии.

Вечером 19 апреля ЦРУ приняло последнюю радиопередачу от командира бригады 2506 Сан Романа, который по его собственным словам уже стоял по колени в море: «Мне нечем сражаться. Я направляюсь в болото». После этого Сан Роман грязно выругался.

«Операция Плутон» бесславно провалилась. 114 бойцов бригады 2506 было убито, 1202 попали в плен. Кубинская армия потеряла 176 человек. В декабре 1962 года пленные контрреволюционеры были обменены на продовольствие и медикаменты стоимостью 53 миллионов долларов и выехали в США. Переговоры вел американский адвокат Донован, при посредничестве которого легендарный советский разведчик Абель был обменен на пилота сбитого под Свердловском У-2 Пауэрса.

Таким образом, эффективная и самоотверженная боевая работа кубинских ВВС сыграла решающую роль в провале планов США по

вторжению на Кубу в апреле 1961 года. Фидель Кастро прямо заявил, что причиной фиаско интервентов было отсутствие надежного прикрытия с воздуха.

Чехословацкая народная армия во Франции: военные планы 1964 года

Созданию Варшавского договора в 1955 году в качестве противовеса НАТО (учрежденного, как известно, в апреле 1949 года) предшествовали активные попытки советского руководства не допустить разделения Европы на противостоящие друг другу военные блоки.

Начиная с января 1955 года Москва и ее союзники в Европе^[304] в одностороннем порядке проводили масштабные сокращения вооруженных сил. Например, численность Чехословацкой народной армии (ЧНА) была снижена с 255 до 195 тысяч военнослужащих.^[305]

Однако ответом НАТО стало принятие в состав блока Западной Германии, причем это было провокационно сделано 9 мая 1955 года, чтобы еще больше унизить Советский Союз. В ответ, как известно, 14 мая 1955 года в Варшаве был создан военный союз социалистических стран — Организация Варшавского договора (ОВД), однако его конкретная деятельность (многостороннее планирование, совместные учения и т. д.) до начала 1960-х годов в основном оставалась на бумаге. Причем это был осмысленный подход тогдашнего советского руководства. Н.С. Хрущев не оставлял настойчивых попыток добиться одновременного роспуска обоих военных блоков и эта цель казалась в Москве вполне достижимой, причем в краткосрочной перспективе. В этих условиях тратить большие средства на формирование многосторонней военной инфраструктуры ОВД казалось нецелесообразным. Напротив, в 1959 году Н.С. Хрущев принял решение о выводе из ГДР советских ядерных ракет среднего радиуса действия.

Ситуация коренным образом изменилась в 1961–1962 гг. Берлинский и Карибский кризисы показали готовность НАТО к полномасштабной ядерной войне даже по незначительным региональным вопросам. Причем Карибский кризис выявил серьезное отставание СССР от США не только по ядерному потенциалу, но и по готовности обычных вооруженных сил к военной конфронтации в Европе. При этом именно в Европе, а точнее в центральной Европе, советские и американские войска непосредственно противостояли друг другу.

С учетом Берлинского кризиса в октябре 1961 года прошли первые многосторонние командно-штабные учения армий ОВД «Буря»^[306] под руководством главкома Объединенных вооруженных сил (ОВС) ОВД

маршала Советского Союза А.А. Гречко.^[307] Учения затронули территории Польши, ГДР и Чехословакии, рассматривалось применение ядерного оружия, в том числе сил недавно созданных РВСН.

Именно тогда сложилась стратегическая концепция ведения войны в Европе, которая оставалась неизменной в рамках ОВД вплоть до роспуска этой организации в 1990 году.

Предполагалось, что после нападения стран НАТО на СССР и/или его союзников в Европе или в других регионах мира, войска ОВД должны были как можно быстрее перейти в контрнаступление на Центральноевропейском театре военных действий (от Дании до Австрии; ЦЕ ТВД) и перенести боевые действия на территорию противника. Такой подход диктовал опыт 1941 года. Основным направлением стратегического контрнаступления была ось Берлин-Париж,^[308] так как в Северной и Центральной Германии не наблюдалось естественных препятствий (прежде всего, гор) для действий моторизованных и танковых соединений.

Главный удар с территории ГДР при поддержке Национальной народной армии (ННА) этой страны наносила Группа советских войск в Германии (ГСВГ) — наиболее мощная группировка советских вооруженных сил, оснащенная самым современным оружием. Применение ядерного оружия войсками ОВД рассматривалось в зависимости от действий противника. Сомнений в том, что НАТО применит первым ядерное оружие (хотя бы в рамках ЦЕ ТВД), в Объединенном командовании вооруженными силами (ОКВС) ОВД не было (об этом свидетельствовал и опыт Карибского кризиса). В этой связи планировался ответный ядерный удар с целью облегчения продвижения главной ударной группировки (подавление долговременных оборонительных сооружений, крупных скоплений войск и ядерных сил НАТО).

Главной задачей ОВД было обеспечение максимальной скоротечности военного конфликта в Европе, что минимизировало потери как среди войск, так и среди гражданского населения. В этой связи войска ОВД должны были занять Францию (точнее ее основные порты на Атлантическом океане) не позднее чем через 10 суток после начала войны, чтобы не допустить там высадки свежих американских войск из США. Операции против Великобритании и Испании (куда также могли бы прибыть американские подкрепления) в начале 1960-х годов детально не разрабатывались, хотя и не исключались. Географическое положение как Испании (отделена от Франции труднопроходимыми Пиренейскими горами), так и Великобритании (островное положение) делало нахождение

там крупных американских сухопутных сил довольно бессмысленным и не влияло на исход конфликта в Европе.

Чехословацкой народной армии в рамках этой стратегической концепции ОВД отводилась очень важная роль. Она должна была активными действиями страховать главную ударную группировку от флангового удара с юга, из Баварии, где были сосредоточены мощные американско-западногерманские силы. В случае успеха такого контрудара НАТО вся стратегическая концепция боевых действий ОВД в Европе оказывалась нарушенной, и война приобретала затяжной, непредсказуемый характер. Заметим, что до 1968 года на территории ЧССР не было ни советских войск, ни ядерного оружия. Так что свою боевую задачу ЧНА предстояло решать (по крайней мере, на первом этапе войны) в основном с опорой на собственные силы.

Летом 1964 года в Объединенном командовании вооруженными силами ОВД в Москве был разработан «План использования ЧНА на военное время», утвержденный президентом ЧССР А. Новотным (президент в Чехословакии был одновременно и верховным главнокомандующим) 14 октября 1964 года, в день отставки Н.С. Хрущева.

[309] С целью обеспечения максимальной секретности написанный порусски от руки план (его изготовили офицеры, что исключало возможную утечку через машинисток или стенографисток) был доставлен в Прагу в одном экземпляре. Помимо президента с ним были на первых порах ознакомлены только министр обороны генерал армии Б. Ломский, начальник Генерального штаба (ГШ) ЧНА генерал-полковник О. Ритирж, начальник оперативного управления ГШ ЧНА генерал-майор В. Витановский. При этом сотрудники оперативного управления ГШ ЧНА участвовали в разработке плана в Москве.

В случае начала войны ЧНА преобразовывалась в самостоятельный Чехословацкий фронт, численность которого в случае успешного проведения мобилизации предполагалась в 655 тысяч человек. Конечно сама эта мобилизация была под вопросом, так как не исключалось, что уже в день Д1 (начало боевых действий) ВВС и ракетные силы НАТО нанесут массированные удары по тыловой и транспортной инфраструктуре ЧНА, возможно и ядерным оружием.

Чехословацкому фронту на начальном этапе войны противостояли до 12 соединений сил НАТО. В первом эшелоне:

— 2-й армейский корпус бундесвера (4-я и 10-я механизированные, 12-я танковая, 1-я воздушно-десантная и 1-я горнострелковая дивизии). Это были элитные части западногерманской армии. Практически все их

командиры высшего и среднего звена имели боевой опыт Второй мировой войны.

— 7-й армейский корпус США (24-я механизированная и 4-я бронетанковая дивизии).

Во втором эшелоне (эти войска могли быть очень быстро переброшены на передовую):

— 1-я французская армия на юго-западе ФРГ (3-я механизированная, 1-я и 7-я бронетанковые дивизии, 6 пусковых установок (ПУ) оперативно-тактических и 130 ПУ тактических ракет).

Действия этой группировки НАТО поддерживало как минимум 900 самолетов, 250 из которых были носителями ядерного оружия. На вооружении 7-го корпуса армии США было 4 ПУ новейших ядерных ракет «Першинг 1», поступивших в войска в 1964 году (дальность до 740 км, мощность заряда — до 1,5 мегатонн) и 4 ПУ более старых ракет «Редстоун» (находились в Европе с 1956 года, дальность до 320 км, мощность от 320 килотонн до 3,8 мегатонн). В каждой дивизии 7-го корпуса было как минимум 4 артиллерийских орудия, способных выстрелить ядерным снарядом мощностью до 1,5 килотонн на 17 км.

В генштабе ЧНА оценивали врага следующим образом: «Войска НАТО на территории ФРГ представляют собой со всех сторон сильного и готового к войне противника, которого нельзя недооценивать даже в малейшей степени».^[310]

Войска Чехословацкого фронта (до начала мобилизации), начиная с 1961 года, располагали 14 дивизиями, сведенными в 1-ю и 4-ю армии (каждая армия имела в своем составе две мотострелковые и две танковые дивизии, отдельные батальоны, полки и бригады). Четыре мотострелковые и две танковые дивизии, 22-я воздушно-десантная бригада, противотанковая бригада и дивизия ПВО составляли резерв фронта.

Если Австрия сохраняла нейтралитет, то Чехословацкому фронту передавалась одна дивизия с территории Венгрии.

Сопровождение наступающих наземных войск осуществляла 10-я воздушная армия в составе одной истребительной, двух истребительно-бомбардировочных дивизий, дивизии транспортной авиации, отдельных авиаполков. Объединенное командование вооруженными силами ОВД начиная с 1962 года дополнительно планировало действия в пользу Чехословацкого фронта смешанного авиакорпуса (позднее развернутого в армию).

Оборону воздушного пространства ЧССР обеспечивала 7-я армия ПВО (четыре полка истребительной авиации, ракетный полк ПВО, три

бригады ПВО и полк связи).

Под непосредственным командованием министра обороны ЧССР оставались еще бригада тяжелой артиллерии, полк ПВО, полк ВДВ, два полка связи, один полк радиотехнической борьбы, полк прокладки кабельной связи, полк дальней связи, инженерный полк, три дорожно-строительные бригады, одна дорожно-мостовая бригада, четыре автомобильные бригады и бригада доставки ГСМ.

До начала мобилизации соотношение сил между Чехословацким фронтом и противостоящей ему группировкой НАТО было довольно неблагоприятным для начала контрнаступления ЧНА. Считается, что на направлении главного удара наступающие силы должны превосходить обороняющихся в соотношении как минимум 3:1.

Соотношение сил между ЧНА и силами НАТО по оценкам чехословацкого министерства обороны было следующим:

— по дивизиям 1,1:1 (заметим, что, начиная с 1966 года, в ЧНА планировалось иметь уже не 14, а 12 дивизий);

— по танкам и САУ 1:1 (реально НАТО имело 2770 танков против 2050 чехословацких в первом эшелоне);

— по артиллерийским орудиям и минометам 1:1 (на самом деле 1400 натовских орудий и минометов против 792 чехословацких в первом эшелоне);

— по боевым самолетам 1,1:1 (фактически: 900 к 667 в пользу НАТО).
[\[311\]](#)

Войска НАТО на юге ФРГ сильно превосходили ЧНА по противотанковым средствам, особенно по только что поступившим в войска обеих коалиций ПТУР — 2054 против 612.

Правда, не исключалось, что это соотношение может измениться в пользу Чехословацкого фронта, если часть сил НАТО будет переброшена на главное стратегическое направление. Но именно этого фронт как раз и не должен был допустить.

Начальник ГШ ЧНА генерал-полковник О. Ритирж оценивал соотношение сил так: «Нынешнее соотношение сил не является для нас выгодным и если оно не будет исправлено сразу же после начала войны ядерным ударом, у нас нет гарантий быстрого успеха». [\[312\]](#)

Планы НАТО против Чехословацкого фронта на начальный период войны в генштабе ЧНА описывали следующим образом:

— неожиданными ядерными ударами по основным политическим и экономическим центрам государства дезорганизовать управление страной и сделать невозможным развертывание вооруженных сил;

— уничтожением войск, аэродромов, транспортных узлов и баз снабжения существенным образом изменить соотношение сил в свою пользу;

— одновременным ударом наземных сил уничтожить войска прикрытия ЧНА в пограничном сражении и развивать наступление, чтобы ликвидировать основную группировку наших войск в западных и центральных районах Чехии;

— ядерными ударами по объектам в глубине обороны и высадкой оперативных воздушных десантов в районах Крконоши, Йесеники и Моравска Брана (на границе Чехии и Словакии. — *Авт.*) воспрепятствовать выдвиганию стратегических резервов (т. е. советских войск из Прикарпатского округа. — *Авт.*) и создать предпосылки для успешного выполнения целей всей операции. [\[313\]](#)

Генштаб ЧНА исходил из того, что война начнется внезапным нападением НАТО, и боевые действия с самого начала будут носить крайне ожесточенный характер. Ведь на карту будет поставлено само существование одной из двух мировых систем — капитализма или социализма. Поэтому применение ядерного оружия, причем не только на ЦЕ ТВД, но стратегический обмен ядерными ударами между США и СССР, предполагалось уже на начальном этапе войны.

После получения приказа части ЧНА должны были в течение 3 часов занять места сосредоточения для перехода в контрнаступление. Ракетным ударом и действиями ВВС следовало подавить первую линию обороны 7-го корпуса армии США. Применение на этой стадии ядерных тактических и оперативнотактических ракет зависело от быстроты их переброски из состава вооруженных сил СССР. В целом фронт мог рассчитывать на 96 ПУ советских ядерных ракет и 35 ядерных бомб, доставляемых авиацией.

На первой стадии контрнаступления фронта по 7-му корпусу армии США предполагалось применить 41 ядерную ракету и бомбу. Первый ядерный удар в пользу Чехословацкого фронта наносила советская авиация дальнего действия. Позднее на территорию ЧССР перебрасывались две советские ракетные бригады, оснащенные ядерным оружием. [\[314\]](#) В ГШ ЧНА исходили из того, что первые советские ядерные боеголовки появятся на территории ЧССР не ранее 12–16 часов после начала войны. Заметим, что с целью ускорения применения ядерного оружия в начальный период войны в декабре 1965 года было подписано советско-чехословацкое соглашение о размещении на территории ЧССР складов советского ядерного оружия. Однако первый такой объект был построен только в

конце 1968 года.

Имея соседом справа 8-ю гвардейскую армию 1-го Западного фронта^[315], а слева — Венгерскую народную армию (ВНА; венгры должны были страховать главный удар войск ОВД от возможного наступления сил НАТО из Италии через нейтральную Австрию), главные силы Чехословацкого фронта наносили основной удар в направлении Нюрнберг — Штутгарт. Часть чехословацких войск защищала этот удар от возможного флангового контрнаступления противника из района Мюнхена. В случае благоприятного развития событий, столица Баварии также должна была быть занята войсками фронта.

Силы фронта наступали в одном эшелоне с выделением в резерв двух танковых и пяти мотострелковых дивизий. Предполагалось также, что не позднее Д5 в Чехословакии в качестве страхующих войск второго эшелона начнут прибывать советские соединения из состава Прикарпатского военного округа. Одна дивизия фронта должна была оставаться для страховки в отношении нейтральной, но все же западной Австрии, действуя при необходимости совместно с ВНА.

После выхода на оперативный простор, войска фронта, используя выброску в тыл деморализованного врага воздушных десантов, должны были с ходу захватить мосты через реки Некар и Рейн. Первый десант ВВС фронта должны были обеспечить уже к Д4, выбросив в тыл противника (севернее Штутгарта) 22-ю воздушно-десантную бригаду ЧНА. К Д7-Д8 фронт пересекал французскую границу, овладевая районом Дижон — Эпиналь — Безансон. Дальнейшие действия четко не планировались — все зависело от хода наступления главных сил ОВД на Париж. Но не исключалось продвижение в сторону Лиона и занятие этого города.

На всю операцию предполагалось истратить 45 тысяч тонн боеприпасов, 93 тысячи тонн ГСМ (в том числе 40 тысяч тонн — в пользу ВВС). Автомобильные части фронта должны были за 9 дней перевезти в общей сложности 70 тысяч тонн грузов.

Потери сил фронта однозначно не оценивались — все зависло от применения противником ядерного оружия по наступающим войскам. Если (как и планировалось) ядерные силы противника удавалось успешно подавить собственными ядерными и обычными силами, то фронт исходил из 10–12 тысяч раненых в Д1-Д2.

Начальник ГШ ЧНА генерал-полковник О. Ритирж в целом оценивал план боевого применения ЧНА как очень напряженный, но в принципе выполнимый. На совещании политического и военного руководства ЧССР в марте 1965 года в качестве фактора риска он привел постоянное

сокращение военных расходов (на 12 миллиардов крон в текущую пятилетку).^[316]

Если военный бюджет США на 1965 год составлял 55 миллиардов долларов, то военный бюджет СССР – 13 миллиардов долларов, ЧССР — 10 миллиардов чехословацких крон. Для сравнения: бюджет основного вероятного противника ЧССР — ФРГ — превышал в это же время 19 миллиардов немецких марок.

Следует отметить, что с конца 50-х годов ЧНА находилась в процессе радикального перевооружения, который к 1964 году был еще не полностью завершен. Основной боевой танк того времени — Т-34 — заменялся на Т-54 и Т-55,^[317] стрелковые дивизии за счет получения сотен боевых машин пехоты преобразовывались в мотострелковые. Именно эта моторизация давала ЧНА некоторые обоснованные надежды на повышение темпов контрнаступления. Если в конце 1950-х годов предполагалось за 5 дней контрудара войти в Баварию на глубину 100–120 км, то в 1964 году хотели достичь Безансона (примерно 500 км от чехословацкой границы) за 8 дней, что соответствовало среднему суточному темпу наступления в 60 км.

С другой стороны весной 1964 года по экономическим соображениям ЧССР отказалось от развертывания 2-й армии, которую ранее предполагалось вооружить самой современной боевой техникой, в том числе и ПУ ракет. Вопреки протестам военных сильно сократили артиллерию — вместо пяти артиллерийских дивизий к 1963 году осталось три артиллерийские бригады.^[318] Была сокращена и предполагаемая численность ЧНА военного времени — с 855 до 650 тысяч человек.

Интересно, что сокращение ЧНА проходило несмотря на протесты советского военного командования.

В целом на 1 октября 1963 года в составе ЧНА было 3860 танков, 4500 орудий и минометов, 720 боевых самолетов.

Чехословацкое военное руководство прекрасно сознавало, какое значение имело выполнение Чехословацким фронтом своей боевой задачи для общего хода войны. Начальник ГШ ЧНА генерал-полковник О. Ритирж так говорил об этом на упоминавшемся выше совещании в марте 1965 года: «Конечно наступление... главной группировки войск (ОВД) с самого начала операции будет находиться под постоянной угрозой сильных контрударов войск НАТО, дислоцированных в южной части ФРГ. Несложно представить, что означал бы удар этой группировки (НАТО) по левому флангу «группы войск» (Ритирж имел ввиду ГСВГ. — *Авт.*). Даже в

том случае, если это не привело бы к прекращению операции в направлении на Париж, что маловероятно, то была бы наверняка утрачена стратегическая инициатива. А она является решающей для начального периода войны. В этом случае пришлось бы учитывать возможность длительной войны и полем боя стала бы территория ЧССР».^[319]

В целом военное руководство ЧССР исходило из следующих основных факторов будущей войны:

— война начнется неожиданным ударом со стороны агрессора (т. е. НАТО. — *Авт.*);

— ядерное оружие будет применяться сразу же после начала войны;

— нам придется начать боевые действия возможно и без применения собственного ядерного оружия;

— нам придется вести боевые действия без привлечения войск второго эшелона Объединенного командования ОВД... 8-10 дней;

— успех нашей... операции будет иметь принципиальное значение для начального периода войны, в котором у противника такие же цели, и поэтому он применит максимум сил и средств, чтобы сорвать наш успех;

— наше государство со всеми своими ресурсами на всю глубину будет подвержено очень концентрированному наступлению и ударам ОМУ противника, что вынудит нас принять на всей территории (ЧССР) самые радикальные меры для сохранения самого существования наших народов (чехов и словаков. — *Авт.*)...»^[320]

Самым сложным и трудно просчитываемым моментом при разработке любого военного плана является прогнозирование собственных потерь. В плане боевого применения ЧНА 1964 года был и еще более непредсказуемый момент: никто ни в НАТО, ни в ОВД не мог даже приблизительно представить уровень потерь среди войск и мирного населения в случае применения ядерного оружия. Ведь в реальных боевых действиях ядерное оружие не применялось.^[321] Причем ядерное оружие оказывало на войска не только моментальное, но и длительное воздействие (облучение личного состава и радиоактивное заражение местности). К тому же не было ясности, начнут ли США и СССР сразу же после начала войны обмен стратегическими ядерными ударами, или же все ограничится применением тактического и оперативно-тактического ядерного оружия на ЦЕ ТВД.

Начальник ГШ ЧНА весьма реалистически исходил из того, что в ходе всей операции Чехословацкий фронт потеряет убитыми и ранеными до 50 % личного состава, а также половину вооружения и оснащения.^[322] Во

Францию при таком раскладе вошло бы 6–7 сильно потрепанных дивизий Чехословацкого фронта, причем число выведенных из строя солдат и офицеров только возрастало бы по мере обострения лучевой болезни.

Правда, министр обороны ЧССР генерал армии Б. Ломский заявил на совещании в марте 1965 года, что Берлин взяла сильно ослабленная советская дивизия численностью не более 3500 штыков. К тому же, и у противника в случае начала войны потери будут не меньшими, чем у Чехословацкого фронта. Даже если после первого обмена ядерными ударами в первом эшелоне фронта останется всего 3 дивизии, им надо продолжать наступление, чтобы ни в коем случае не дать противнику опомниться и создать прочную оборону. Министр был в целом прав: любое замедление темпов операции только продлевало войну, а значит, увеличивало потери, в том числе и среди гражданского населения. Тем более что Чехословацкий фронт, как уже упоминалось выше, мог рассчитывать на второй эшелон из состава Прикарпатского военного округа.

Б. Ломский считал, что США вряд ли пойдут на полномасштабную ядерную войну сразу же после начала боевых действий в Европе, или в других регионах, хотя и подчеркнул, что на 100 % исключить такую возможность конечно нельзя.^[323]

Интересно, что на совещании в марте 1965 году министру фактически возразил его заместитель генерал-полковник В. Янко^[324]: «Я опасаюсь, как бы мы не допустили ошибки, прежде всего, в следующем вопросе. Во всей мировой литературе главными средствами (ведения войны) считаются стратегические ядерные силы.... Мы видим, что противник постоянно повышает их качество... Эти средства находятся в состоянии минутной готовности. Если же таким образом стратегический ядерный удар является главным средством к достижению цели, то мы не можем анализировать наши операции без осознания этого факта и я боюсь, как бы мы не сделали ошибку, если не будем учитывать этот стратегический удар...»^[325]

Как оказалось, Янко был прав. В совершенно секретном документе Совета национальной безопасности (СНБ) США от 15 ноября 1963 года «Ведение и условия окончания войны с Советским Союзом»^[326] прямо предусматривалось нанесение по «советско-китайскому блоку» как тактических, так и стратегических ядерных ударов. Причем один из сценариев СНБ говорил об «обмене ядерными ударами, инициированном превентивным ограниченным ядерным ударом США». Таким образом, предположения ОВД о возможной ядерной агрессии НАТО были

полностью верными.

В то же время СНБ считал массированный стратегический «депопуляционный» ядерный удар со стороны СССР самым маловероятным сценарием начала войны.

Весь бред (хотя и крайне опасный) американской стратегии виден из того, как США представляли себе в 1963 году начало войны в Европе.

В документе СНБ описывается следующий сценарий. 1 мая компартия Италии провозглашает на севере страны (например, в Милане) «Итальянскую народную республику» и ее немедленно признают «Советы и их сателлиты». «Легитимное» правительство Италии обращается к США за военной помощью, и американские ВВС начинают бомбить северную Италию (!). Так как коммунистам на помощь приходят «неопознанные» самолеты из Венгрии, то Италия объявляет войну Венгрии. ВВС США наносят «удар возмездия» по венгерским аэродромам, вследствие чего погибает размещенный там советский военный персонал. В ответ СССР 15 июня начинает войну против НАТО в Германии обычными силами.

Войска НАТО «медленно» отступают, но задерживают «Советы» западнее Рейна. «Так как оказывается невозможным изменить ход войны одними лишь обычными средствами..., США при поддержке НАТО решают перейти к эскалации боевых действий путем применения тактического ядерного оружия на поле боя и против целей в странах-сателлитах»^[327] (то есть и в ЧССР. — *Авт.*). Президент США должен был отдать приказ о применении ядерного оружия не позднее 17 июня.

Причем США, начав войну, по сценарию СНБ ставили СССР ультиматум: не только прекратить боевые действия, но и вывести все советские войска в пределы Советского Союза. В социалистических странах (в том числе и в Чехословакии) Вашингтон требовал формирования «свободно избранных правительств». И это после ядерных ударов по целям в «освобождаемых» стран (!).

Таким образом, предположения ОВД (и ЧНА в частности) о возможном первом применении НАТО ядерного оружия на ЦЕ ТВД были правильными. Североатлантический блок был вполне готов к агрессии как обычными, так и ядерными силами и в этой связи план боевого применения ЧНА 1964 года был абсолютно реалистичным.

В целом Генштаб ЧНА так оценивал предпосылки успешного осуществления ответной операции:

«— ...выполнение задачи требует крайнего напряжения сил и средств, значительно исчерпает силы и возможности Чехословацкого фронта и серьезно снизит его боеспособность;

— ...вся подготовка армии в рамках наших экономических и людских возможностей должна быть подчинена исключительно тому, чтобы Чехословацкий фронт выполнил свою фронтовую операцию, ибо все, что с этой операцией не связано, только снижает готовность к ее выполнению;

— ...задача нашей армии поставлена объективно, и ее выполнение является нашим интернациональным долгом...»^[328]

Думается, что анализ военных планов ОВД (в разрезе Чехословакии) и НАТО в 1963–1964 гг. ясно показывает, какая сторона была готова к агрессивным действиям, причем под явно надуманным предлогом. Констатация этого факта имеет значение и для наших дней, когда НАТО, проводя в Европе масштабные военные приготовления вблизи российских границ, пытается, как и в 1964 году, опять все валить с больной головы на здоровую.

События 1968 года в Чехословакии и позиция США

Так называемая «Пражская весна» 1968 года до сих пор окружена политически выгодными Западу мифами, впрочем, как и остальные крупные кризисы времен «холодной войны». Сегодняшняя трактовка этих событий примерно такова: процесс экономических и политических реформ в Чехословакии, начавшийся с избрания Александра Дубчека на пост первого секретаря ЦК компартии Чехословакии (КПЧ) в январе 1968 года был остановлен вторжением войск пяти стран Организации Варшавского договора (ОВД) 20–21 августа 1968 года. При этом симпатии «свободного мира» и, прежде всего, США, конечно же были на стороне чехословацких реформаторов.

На самом деле все было иначе. Процесс реальных политических и экономических реформ в ЧССР был начат под влиянием развития событий в СССР в первой половине 60-х годов. Под руководством генерального секретаря ЦК КПЧ (с 1953 года) и президента Чехословакии Антонина Новотного в ЧССР начался процесс реабилитации жертв репрессий начала 1950-х годов, была существенно ослаблена цензура, по всей Европе получила признание «новая волна» чехословацкого кино (одним из молодых представителей которой стал всемирно известный ныне режиссер Милош Форман с фильмом «Черный Петр»). В качестве основного события того времени можно выделить принятие в Чехословакии под прямым влиянием «косыгинской реформы» в СССР в 1965 году новой концепции экономической политики. Эта концепция ставила задачей ослабление централизованного планирования и предоставление предприятиям большей хозяйственной самостоятельности в рамках хозрасчета.

То есть, именно СССР стал катализатором настоящих реформ в Чехословакии, причем приход к власти в Москве в октябре 1964 года нового руководства во главе с Л.И. Брежневым лишь активизировал преобразования как в Москве, так и в Праге.

Однако в конце 1967 года серьезно обострилась внутренняя борьба в чехословацком партийном руководстве. Новотный не был сторонником федерализации Чехословакии и подверг критике «национализм» словацких коммунистов во главе с Александром Дубчеком (который, кстати, в должности секретаря ЦК КПЧ в конце 1950-х годов курировал

промышленность страны). Борьбой Новотного против руководства словацкой компартии воспользовались оппозиционно настроенные члены Президиума ЦК КПЧ, решившие сместить его с высшего партийного поста (причем против Новотного были как «сталинист» Биляк, так и «реформатор» Смрковски). Новотный пригласил в Прагу в декабре 1967 года Брежнева, который, однако, отказался его поддержать. Одной из причин такой позиции было и то, что Брежнев считал Новотного сторонником своего основного соперника в советском руководстве — А.Н. Косыгина.

В результате жарких и продолжительных дебатов в ЦК КПЧ (начавшихся еще в октябре 1967 года) сам Новотный предложил в качестве компромиссного кандидата на пост первого секретаря ЦК КПЧ Александра Дубчека, с чем согласился и Брежнев. Дубчек с 1925-го по 1938 год жил в СССР и считался в Москве надежным другом и союзником (Брежнев называл его «Сашей» или «Александром Степановичем»). Однако собственного политического лица он не имел и считался слабой фигурой, поэтому Дубчека одобрили как «либералы», так и «консерваторы» в чехословацком партийном руководстве. 5 января 1968 года Дубчек был избран первым секретарем ЦК КПЧ большинством всего в один голос. Следует отметить, что противники Новотного распускали слухи о том, что бывший генсек готовит военный переворот (и ЦРУ и госдепартамент США расценили эти слухи как «дико преувеличенные»).

Посольство США в Праге еще 2 декабря 1967 года сообщило в Вашингтон о слухах насчет возможной отставки Новотного. В качестве возможных преемников назывались члены президиума ЦК КПЧ Кольдер («консерватор») и Черник («либерал»).^[329] Дубчек не упоминался. Причем в качестве одной из причин отставки Новотного американцы отметили то обстоятельство, что экономическая реформа пока не дала ожидавшихся результатов, хотя экономические показатели Чехословакии «благоприятные».^[330] «Неожиданный» визит Брежнева в Прагу 8 декабря 1967 года посольство США оценило в том смысле, что Кремль против своего желания вынужден вмешаться во внутривнутрипартийную борьбу в чехословацком руководстве, так как самостоятельной альтернативы Новотному так и не появилось.^[331]

Разведка госдепартамента США (Intelligence and Research Bureau) дала оценку Дубчеку, как «аппаратчику» «типа Новотного», в противовес «реформатору» Йозефу Ленарту.^[332] Ленарт возглавлял правительство Чехословакии и активно проводил в жизнь реформу «косыгинского типа».

Интересно, что «реформатор» Дубчек уже 8 апреля 1968 года снял Ленарта со своего поста и заменил его Олдржихом Черником. Последний был оппортунистом, поддержавшим как «Пражскую весну», так и ее подавление (характерно, что Черник был главой правительства до 1970 года). Когда Ленарт стал премьером Чехословакии в 1963 году, его приветствовала вся западная пресса как «антисталиниста». Ленарт поддержал ввод войск ОВД в августе 1968 года и вновь вошел в высшее руководство ЧССР. Таким образом, по оценке госдепартамента выходит, что Москва после августа 1968 года вернула на высшие посты в ЧССР «реформатора» Ленарта, снятого с работы «аппаратчиком» Дубчеком.

В феврале 1968 года госдепартамент США согласился с рекомендациями посольства США в Праге пока не проявлять «открытости» и доброжелательности по отношению к «режиму Дубчека»,^[333] так как сам этот режим представляет собой неустойчивую коалицию правых и левых сил. Между тем у США были все рычаги для поддержки «реформаторского руководства». Во время освобождения западной части Чехословакии в 1945 году армия США захватила золотой запас чехословацкого банка, который после оккупации Чехословакии Гитлером в 1939 году попал к немцам.^[334] Несмотря на неоднократные требования правительства ЧССР вернуть золото, американцы под разными предлогами уходили от предметного обсуждения вопроса. В 1961 году они все же согласились вернуть награбленное нацистами монетарное золото в обмен на погашение из него претензий американских граждан, якобы пострадавших от национализации в Чехословакии после 1948 года. Сумма претензий была согласована обеими сторонами в 10–11 млн. долл. Однако затем США неожиданно увеличили эту сумму в 4 раза без объяснения причин (якобы появились какие-то новые оценки ущерба от национализации). На самом деле в Вашингтоне были просто недовольны поставками оружия из Чехословакии боровшемуся против американской агрессии Вьетнаму, но официально американцы эту версию не озвучивали, так как сами же считали удержание награбленного нацистами чехословацкого золота «циничным» шагом.

Оттягивали США и предоставление ЧССР статуса наибольшего благоприятствования в торговле, увязывая этот вопрос с... вопросом возврата золота.

С началом «Пражской весны» позиция США не изменилась ни на йоту.

Госдепартамент США считал, что «Дубчек и компания» сначала должны укрепить свои позиции в госаппарате и сами попросить Запад об экономической помощи.^[335]

22 марта 1968 года Новотный ушел с поста президента ЧССР и его преемником стал бывший командующий чехословацкими частями на советско-германском фронте генерал Людвик Свобода. За день до этого 21 марта посол Чехословакии в Вашингтоне Карел Дуда в беседе с помощником заместителя госсекретаря США по европейским вопросам Стесселем выразил мнение, что новое руководство ЧССР пожелает улучшить отношения с США.^[336] Посол полностью исключил иностранное вмешательство во внутренние дела ЧССР (американцы поняли это как намек на Москву), но признал, что ситуация может кардинальным образом измениться, если внутренние раздоры в Чехословакии приведут к кровопролитию.

Между тем «Пражская весна» вызвала неожиданное обострение отношений ЧССР с США. 25 февраля 1968 года к американцам перебежал (с 22-летней любовницей) генерал-майор Ян Шейна, сторонник Новотного, возглавлявший партийную организацию министерства обороны. ЧССР требовала выдачи генерала (его обвиняли в коррупции и подготовке военного мятежа в поддержку Новотного). Посол ЧССР Дуда в уже упоминавшейся беседе со Стесселем отмечал «иронию» того, что США дали убежище «сталинисту». Двусмысленность ситуации признал и Стессель. Но Шейну американцы пражским «реформаторам» так и не выдали, так как генерал стал главным экспертным источником ЦРУ по Чехословакии. В 1970 году Шейна был заочно осужден в ЧССР на 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества, однако американцы предоставили этому «сталинисту» политическое убежище.

Отставку Новотного с поста президента ЧССР посольство США в Праге оценило отнюдь не однозначно. В телеграмме в Вашингтон от 25.03.1968 года посол США в Праге Бим писал о том, что процесс демократизации может выйти из-под контроля партийного руководства и привести к выдвиганию «опасных требований» вроде нейтралитета Чехословакии.^[337] Однако Бим считал, что «чехи — это не поляки или венгры» и «голова не потеряют», а основная масса населения отнесется к политической либерализации пассивно. Бим полагал, что Москва вмешается в события в Чехословакии только тогда, когда сама Чехословакия вынудит русских к этому. Посол надеялся, «что уроки 1956 года^[338] усвоены всеми сторонами и можно ожидать, что Прага сделает все возможное, чтобы избежать рискованных внешнеполитических шагов».^[339] Самых реформаторов (группу Дубчека-Черника) Бим оценивал невысоко: они хотели вызвать демократизацию в тактических целях только

для того, чтобы убрать Новотного, а теперь безуспешно пытаются загнать джинна обратно в бутылку. В целом же события в ЧССР развиваются в русле, отвечающем «интересам США».

Именно поэтому 26 апреля Бим представил меморандум заместителю госсекретаря США по европейским делам Болену с предложением смягчить позицию по золоту чтобы дать позитивный сигнал новому пражскому руководству.^[340] Это к тому же поможет «усилить наше влияние... в коммунистическом мире». Бим предлагал выдать чехам «нацистское золото» в обмен на первый платеж со стороны Праги в счет компенсации ущерба от национализации, с оговоркой, что должны последовать и дальнейшие платежи. Статус наибольшего благоприятствования в торговле предлагалось использовать в качестве «пряника» на будущее. Однако и это, весьма скромное предложение Бима не нашло поддержки в Вашингтоне. Там явно считали «режим Дубчека» непрочным и переходным и ждали дальнейшего развития событий. Госдепартамент лишь согласился с тем, что «надо неформально и осторожно дать понять чехам, что мы приветствуем их шаги по либерализации».^[341] Однако пока ЧССР является третьим по величине поставщиком оружия в Северный Вьетнам, прямое финансовое и экономическое содействие Праге невозможно.

Госсекретарь Раск лишь не возражал против того, чтобы ФРГ оказала финансовое содействие Чехословакии. Но Западная Германия ограничилась тем, что по линии разведки ФРГ БНД в Прагу уже весной 1968 года были направлены несколько агентов с заданием получить доступ к информации из высшего эшелона политического руководства (операция «Непомук»)^[342]

Все это время в Вашингтоне шла борьба между «ястребами» и «голубями» среди высшего политического руководства страны. Президент США Джонсон (уже решивший не баллотироваться на второй срок в октябре 1968 года) и госсекретарь Раск полагали, что начавшаяся разрядка в отношениях с СССР имеет первостепенное значение. В том числе и потому что с помощью Москвы можно без потери лица прекратить почти проигранную войну во Вьетнаме. Джонсон даже собирался первым из президентов США посетить Москву в октябре 1968 года. На этом фоне президент США считал, что излишняя либерализация в Чехословакии может поставить под удар начавшееся потепление в советско-американских отношениях.

Фракцию «ястребов» возглавлял заместитель госсекретаря по политическим вопросам Росту. Для него глобальное ослабление позиций

СССР в мире с помощью выхода ЧССР из Варшавского договора было первостепенной задачей. В том числе и потому, что могло бы отвлечь русских от Вьетнама и дать шанс США победоносно закончить войну.^[343]

10 мая 1968 года Росту направил Раску меморандум, озаглавленный «Советские угрозы Чехословакии».^[344] Этими угрозами Росту считал начавшиеся в Польше маневры войск ОВД: «Русские колеблются. Поэтому сейчас самое время дать им сигнал...». Росту предлагал, чтобы Джонсон немедленно вызвал посла СССР в США Добрынина и потребовал от него объяснений относительно маневров ОВД. Далее Росту предлагал создать специальную группу НАТО высокого уровня для мониторинга ситуации в Чехословакии. Эта группа должна была подготовить план реагирования Североатлантического блока на возможное обострение положения в ЧССР.

Однако ни Раск, ни Джонсон алармистских настроений Росту не поддержали.

Такого же осторожного мнения, хотя и по другой причине, придерживалось и посольство США в ФРГ. В своей телеграмме от 10.05.1968 оно отмечало, что в отличие от кризиса 1956 года в Венгрии, передвижение американских войск в ФРГ «ближе к чешской границе, или вообще пересечение чешской границы для помощи чехам в отражении советской атаки»^[345] возможно, учитывая общую границу ЧССР и ФРГ. Однако правительство ФРГ (в которое тогда входили социал-демократы) предупредило, что Бонн настроен против любой американской военной акции с территории ФРГ. Заместитель министра иностранных дел ФРГ Зам даже потребовал от посла США в ФРГ МакГи, чтобы американцы умерили тон пропаганды против ЧССР с радиостанций «Свободная Европа» в Мюнхене и РИАС в Западном Берлине. В этой связи МакГи считал любые совместные с ФРГ действия против ЧССР с территории Западной Германии «нереалистичными».

11 мая 1968 года Раск в телеграмме миссии США при НАТО инициировал постоянный обмен мнениями между странами блока по ситуации в Чехословакии, однако пока рекомендовал воздержаться от шагов, которые могли быть расценены в мире как «необычная озабоченность» НАТО положением дел в ЧССР.^[346]

Между тем США по-прежнему не желали решать реальные, наболевшие вопросы двусторонних американо-чехословацких отношений. Новый министр иностранных дел «реформатор» Иржи Гаек в беседе с американским послом 28 мая 1968 года констатировал, что с 1962 года двусторонние отношения не только не улучшились, но и в некотором

смысле даже откатились назад.^[347] Гаек вновь требовал возврата золотого запаса страны, отметив, что оккупация Чехословакии гитлеровской Германией произошла при попустительстве западных держав, в том числе и США. Бим опять не смог сказать в ответ ничего конкретного (как и по делу Шейны), но сообщил в госдепартамент, что, по его мнению, Прага использует вопрос золота для укрепления своего авторитета в «коммунистическом мире» и «предотвращения естественных проамериканских симпатий внутри страны».

Между тем, за развитием обстановки в Чехословакии внимательно наблюдало и ЦРУ 13 июня 1968 года американская разведка представила высшему руководству страны меморандум под характерным названием «Чехословакия: пауза Дубчека».^[348] ЦРУ считало, что и внутренний и внешний кризис в Чехословакии потерял остроту (отсюда термин «пауза»).

Москва успокоилась, так как Дубчек и Черник твердо обещали, что процесс реформ будет проводиться под руководством компартии. В обмен «чехи» получили от СССР относительную свободу рук во внутренней политике. Отмечалось, что сами «Советы» хотят избежать военной интервенции в Чехословакии. ЦРУ подчеркивало, что главной тревогой Кремля является возможный выход Чехословакии из ОВД, так как в расчете на душу населения чехословацкая армия является самой крупной в Варшавском договоре (230 тысяч человек).

ЦРУ отмечало, что, несмотря на протесты Москвы против антисоветской компании в чехословацких СМИ, эта компания в последние недели «достигла удивительных размеров». Причем СМИ ЧССР обвиняли Москву не только в репрессиях начала 1950-х годов, но и в том, что именно СССР виновен в нынешних экономических проблемах страны.^[349] И все же ЦРУ приходило к выводу, что в результате достигнутого между Прагой и Москвой компромисса «Москва решила не применять силу, по крайней мере, в настоящее время». Причем, по мнению ЦРУ, Дубчек лично выиграл из-за позиции Москвы, так как в глазах населения его собственная нерешительность в проведении реформ объяснялась давлением советской стороны.

Американская разведка (со ссылкой на чешские источники) сообщала о разногласиях в советском руководстве относительно Чехословакии. Брежнев вынужден давить на Дубчека, так как его (Брежнева) авторитет серьезно пострадал: ведь именно Брежнев «поставил» Дубчека у руля, а последний фактически ведет антисоветскую политику. На этом фоне чехословацкий кризис могут использовать противники Брежнева в

советском руководстве, в том числе Косыгин.

В целом американцы (совершенно правильно) полагали, что Дубчек лишь выигрывает время, формально соглашаясь с Брежневым и обещая, что КПЧ сохранит в стране социализм. На самом деле, на предстоящем съезде компартии в сентябре 1968 года реформистские взгляды получат статус официальной программы КРЧ и «Советы» поймут, что их ввели в заблуждение. ЦРУ также считало, что Дубчек не имеет ясных собственных взглядов и находится под влиянием Черника и З. Млынаржа, которые и станут играть определяющую роль после съезда. ЦРУ приходило к выводу: «Таким образом, есть большая вероятность того, что отношения между Прагой и Москвой снова станут очень напряженными. Советские лидеры, или по крайней мере, большинство из них, желают избежать резкой и дорогостоящей военной акции. Однако если контроль Дубчека будет под угрозой коллапса или если чешская политика станет с точки зрения Москвы «контрреволюционной», то Советы могут снова использовать свои войска для угрозы чешским границам».^[350]

11 июля 1968 года посольство США в Москве констатировало обострение полемики в СМИ Советского Союза против антисоветских публикаций в чехословацких СМИ, в частности против известного манифеста «2000 слов».^[351]

ЦРУ к тому времени явно подпало под влияние своего главного «эксперта» по Чехословакии «сталиниста» Шейны, который вел свою игру пытаясь дискредитировать Дубчека в глазах американцев. 24 июля 1968 года ЦРУ констатировало, что кризис в Чехословакии закончился, так как «по мнению источника» (т. е. Шейны) «чехословаки вероятно капитулируют перед Советами» и свернут реформы.^[352] Причем это не вызовет протестов среди населения, так как «ни рабочие, ни словаки активно в либерализации не участвуют». Это мнение Шейны было правильным: «Пражская весна» была делом интеллигенции и части партаппарата, но не принесла никакого улучшения материального положения населения. А антисоветизм чешской центральной прессы не вызвал симпатий в Словакии. В пометке на докладе ЦРУ содержится мнение, что «Шейна, похоже, недооценивает национальный фактор». Военные и полиция, по мнению Шейны, могут быстро подавить возможные демонстрации против свертывания реформ, так как офицеры настроены «консервативно и просоветски».

В меморандуме ЦРУ также отмечалось, что «Советы» находятся под сильным давлением «консервативных сил в Чехословакии», а также

лидеров Польши и ГДР, которые требуют, чтобы Москва лучше контролировала ситуацию в ЧССР. Представляется, что данный момент следует подчеркнуть: действительно отнюдь не все население Чехословакии приветствовало «Пражскую весну». Помимо известного манифеста «2000 слов» в СМИ появилось и открытое письмо народной милиции Чехословакии с прямо противоположными требованиями в защиту социализма. ЧССР явно скатывалась к гражданской войне.

Шейна (согласно меморандуму ЦРУ) считал, что «Советы» предпочитают политические рычаги влияния, однако если потребуются военное вмешательство, то оно произойдет в форме «молниеносного выдвижения советских войск в Чехословакию». ЦРУ правильно определило причины возможного вмешательства: в Москве стали понимать, что Дубчек и «либералы» «врут», когда обещают не выводить Чехословакию из советской сферы влияния (т. е. ОВД).

В госдепартаменте между тем уже в июле 1968 года обсуждался вопрос о вынесении чехословацкой проблемы на обсуждение ООН. Причиной мог бы быть протест против пребывания советских войск в Чехословакии, которые, по мнению американцев, слишком медленно покидали территорию страны после завершившихся 30 июня 1968 года маневров ОВД «Шумава». Однако сами американцы обращаться в ООН не хотели, надеясь, что сама ЧССР или Румыния и Югославия иницируют обсуждение.

20 июля 1968 года Росту вновь обратился к госсекретарю с меморандумом, требуя активного воздействия на СССР, чтобы удержать Москву от каких-либо действий против Чехословакии.^[353] Росту признавал, что «конечно, Чехословакия находится в советской сфере влияния» и если она выйдет из-под контроля Москвы, то будет нанесен сильнейший удар по позициям Советского Союза в мире, в т. ч. во Вьетнаме и на Ближнем Востоке. В меморандуме опять предлагалось создать специальную группу НАТО по выработке совместной линии блока относительно ЧССР на случай «непредвиденных обстоятельств». Это, по мнению Росту поможет «оживить» и сам блок.

Росту (который имел также должность специального помощника президента) через офицера связи между Советом национальной безопасности (СНБ) и Комитетом начальников штабов (КНШ) полковника Лемнитцера обратился к высшему военному руководству США с прямым запросом: какие силы НАТО можно будет использовать для вторжения в Чехословакию. 23 июля он получил ответ: «Силы для возможной интервенции в Чехословакию могут включать 1 бригаду США, 2

французские дивизии и две дивизии ФРГ».^[354] Одну бригаду КНШ хотел выделить лишь потому, что в случае более серьезного американского участия потребовалось бы провести мобилизацию дополнительных сил НАТО, на что ушло бы 6 месяцев.

Таким образом, в США всерьез рассматривали возможность вторжения НАТО в Чехословакию ровно за месяц до ввода войск ОВД на территорию ЧССР.

Между тем 22 июля 1968 в госдепартамент был вызван посол СССР в США Добрынин и госсекретарь Раск заявил ему фактический протест против публикаций в советских СМИ, в которых говорилось о подрывной деятельности НАТО, Пентагона и ЦРУ против Чехословакии.^[355] 24 июля Джонсон собрал все политическое и военное руководство США (госсекретаря, министра обороны, директора ЦРУ и т. д.). Причем на этом совещании сам Ростоу выразил мнение, что русские не предпримут военных действий против Чехословакии.^[356] Раск вообще заявил, что «чешский кризис» закончился.

И действительно на встрече высшего руководства СССР и ЧССР в словацком городе Чиерна-над-Тисоу (это был единственный случай в истории СССР, когда за границу выехало одновременно все руководство страны) 25 июля — 1 августа 1968 года, был, казалось, найден компромисс. Дубчек обещал в присутствии членов президиума ЦК КПЧ прекратить нападки на СССР в чехословацких СМИ, кадрово укрепить руководство МВД и снять с государственных постов ряд антисоветски настроенных лиц (например, руководителя чехословацкого телевидения И. Пеликана). Со своей стороны Брежнев обещал прекратить полемику против чехословацких СМИ в советских газетах.

Посольство США в Праге в своей депеше в госдепартамент от 4 августа^[357] приходило к выводу, что Дубчеку будет сложно выполнить взятые на себя обязательства, так как это нанесет удар по его популярности в стране. Посольство порекомендовало госдепартаменту публично выразить удовлетворение результатами встречи в Чиерне, так как они привели к разрешению политического кризиса вокруг Чехословакии.

Однако если СССР действительно прекратил любую полемику против Чехословакии, то в чехословацких газетах и после Чиерны продолжали публиковаться антисоветские статьи. Не выполнил Дубчек и других своих обещаний. 10 августа 1968 года на встрече с Джонсоном и кандидатом в президенты от Республиканской партии Никсоном директор ЦРУ Хелмс выразил мнение, что хотя острота кризиса в Чехословакии спала, но он еще

не закончился.^[358] «Чехи хотят уменьшить свое участие в Варшавском пакте».

13 августа 1968 года состоялся длительный телефонный разговор Брежнева с Дубчеком, который, скорее всего, и стал побудительным мотивом для ввода войск ОВД в ЧССР. Брежнев фактически умолял «Сашу» выполнить взятые в Чьерне обязательства или хотя бы назвать точный срок, когда это будет сделано. Однако Дубчек все время уходил от конкретных ответов, а потом прямо сказал, что на предстоящем в сентябре съезде КПЧ намерен уйти с высшего партийного поста. В Москве поняли, что есть высокая вероятность полной дезинтеграции партийного руководства Чехословакии в самое ближайшее время. В этих условиях ввод войск задумывался именно как попытка сохранить Дубчека и избавить его от давления «реформаторов». Если бы Москва хотела избавиться от Дубчека, то надо было всего лишь дождаться сентябрьского съезда КПЧ.

19 августа Росту за обедом сказал Добрынину, что США считают советские решения в Чьерне «мудрыми».^[359] Американцы сделают все, чтобы не осложнять для СССР положение в Чехословакии.

Таким образом, связанные по рукам и ногам во Вьетнаме США действительно не хотели в начале августа осложнений в Чехословакии и надеялись, что после Чьерны ситуация нормализовалась.

20 августа в 20.15 Добрынин прибыл к Джонсону.^[360] Президент был настроен благодушно, спрашивал о здоровье Косыгина и сказал, что с удовольствием посмотрел «цветной фильм» о своей встрече с советским премьером в Гласборо в 1967 году. Далее Джонсон посетовал на то, что уже пять дней не может подстричься, так как на его ранчо нет парикмахера. Поговорили и о здоровье бывшего президента Эйзенхауэра, у которого случился сердечный приступ. После этой непринужденной беседы Добрынин зачитал Джонсону послание советского руководства. В нем говорилось, что события в Чехословакии приобрели угрожающий миру в Европе характер, в связи с чем по просьбе руководства ЧССР страны ОВД приняли решение ввести туда войска. Как только ситуация в стране нормализуется, войска будут выведены. Советское руководство решило заранее проинформировать президента США, чтобы заверить: меры ОВД не направлены против американских интересов и СССР желает продолжения линии на разрядку в советско-американских отношениях.

Джонсон поблагодарил Добрынина и сказал, что завтра даст ответ после консультаций с Раском. Далее президент обсудил с Добрыниным готовящееся совместное заявление о предстоящем визите Джонсона в

СССР, рассказал советскому послу о своей семье и символе родного штата Техас — одинокой звезде. Беседа закончилась в 20.42 в самой дружеской атмосфере — ни единого слова осуждения ввода войск ОВД в Чехословакию с американской стороны не прозвучало. Посол Добрынин был удивлен, что Джонсон никак не прореагировал на послание советского руководства: «Президент Джонсон внимательно выслушал сделанное мною сообщение, однако, видимо, не сразу оценил важность случившегося, так как, к моему удивлению, никак не реагировал на такое известие».^[361]

В 22.15 в советские войска поступил приказ «Влтава 666» — началась операция «Дунай» по вводу войск в ЧССР. Примерно в 23.00 чехословацкие границы стали переходить войска стран ОВД — СССР, Польши, Венгрии, Болгарии.^[362] В 2 часа ночи 21 августа в пражском аэропорту «Рузине» высадились советские воздушно-десантные подразделения. Общий приказ советским частям на случай встречи с войсками НАТО гласил — останавливаться и не стрелять.

20 августа в 22.15 в Вашингтоне Джонсон собрал экстренное заседание СНВ.^[363] И Раск, и министр обороны Клиффорд выразил большое удивление вводом войск. Директор ЦРУ Хелмс правильно оценил мотивы советских действий — отказ Дубчека выполнять взятые на себя в Чирне обязательства: «Они (т. е. СССР. — *Авт.*) хотели, чтобы чехи утихомирили прессу. Чехи этого не сделали». Джонсон назвал ввод войск агрессией и спросил, что могли бы сделать США в этих условиях. Раск сказал, что «можно поддержать чехов в ООН», если они сами поставят там вопрос о советском вторжении.^[364] Председатель КНШ генерал Уилер подчеркнул, что США не могут предпринять силовых ответных действий: «У нас нет сил для этого». Итоги обсуждения подвел вице-президент Хэмфри: «Нам надо проявлять сдержанность... Все что мы можем делать, так это фыркать и говорить».

Таким образом, анализ рассекреченных документов ЦРУ и госдепартамента США по событиям в Чехословакии позволяет сделать следующие выводы.

1. Американцы осторожно относились к «режиму Дубчека», считая его разнородной коалицией разных политических сил и переходным явлением.
2. «Пражская весна» по оценке американцев не пользовалась ни поддержкой рабочих, ни словацкой части ЧССР.
3. США рассматривали возможность военной интервенции в ЧССР силами нескольких дивизий НАТО.
4. Политику СССР по отношению к Чехословакии в США оценивали

как осторожную, а достигнутый в Чиерне по советской инициативе компромисс — «мудрым решением».

5. Ввод войск ОВД 20–21 августа 1968 года был расценен, по крайней мере, по линии ЦРУ как реакция на отказ Дубчека выполнять достигнутые в Чиерне-над-Тисоу договоренности.

В заключение стоит отметить, что роль Чехословакии в ОВД в 1968 году и нынешнее положение Чешской республики в НАТО не выдерживают никакого сравнения. В 1968 году Чехословакии была одним из ключевых государств ОВД в военном и политическом значении. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что Политбюро ЦК КПСС в полном составе выехало в Чехословакию для проведения переговоров с руководством страны. Так не поступают с «сателлитами». Напротив, в 2000-е годы американцы решили разместить в Чехии элементы стратегической ПРО, несмотря на негативное отношение к этому подавляющего большинства населения страны. А уж представить себе кабинет министров США на чешской территории вообще не представляется возможным. Для Вашингтона Чехия — один из многочисленных оруженосцев, которым предоставлена высокая честь посылать пушечное мясо в Ирак и Афганистан. Заметим, что в 1980-е годы Советский Союз обошелся в Афганистане без чехов и словаков, воюя там с исламскими экстремистами, среди которых был и некий Усама Бен Ладен — сын саудовского миллионера, прошедший подготовку у американских инструкторов.

Несмотря на крайне напряженную обстановку в крупных чешских городах, удалось избежать многочисленных жертв. В ходе операции «Дунай» погибло по чехословацким данным 108 граждан ЧССР (в основном в Чехии, в Словакии, где отношение к советским войскам было гораздо более дружественным, погибло 29 человек) и 98 советских военнослужащих (большинство от травм и болезней).

Подрывная деятельность США против Чили (осень 1970 года)

В отличие от СССР, в США во время «холодной войны» существовали специальные государственные органы по тайной подрывной деятельности против негодных Вашингтону иностранных государств. В декабре 1947 года Совет национальной безопасности (СНБ) США принял специальную директиву NSC 4-A, согласно которой только что созданной внешней разведке — ЦРУ — поручалось вести «психологическую войну» против враждебных США стран. Смысл директивы был еще и в том, что все подрывные операции носили тайный характер и не подлежали согласованию с конгрессом.^[365]

18 июня 1948 года новая директива СНБ NSC 10/2 уже точнее определила, что понималось под тайными операциями (covert actions). Это операции, «которые осуществляются или поддерживаются нашим правительством против враждебных иностранных государств или групп или в поддержку дружественных иностранных государств или групп, но которые планируются и осуществляются так, что любая ответственность правительства США за них не очевидна непосвященным лицам, и если эти операции становятся достоянием гласности, правительство США смогло бы достоверно отречься от любой ответственности за них».^[366] Организовывать подрывные операции поручалось ЦРУ либо единолично, либо в контакте с госдепартаментом и министерством обороны. Перечень подрывных акций СНБ определял следующим образом: «Пропаганда; экономическая война; превентивные прямые акции, включая саботаж, контрсаботаж, разрушение (объектов) и эвакуация (людей); подрывная деятельность против враждебных государств, включая поддержку движений сопротивления, партизан и эмигрантских освободительных групп, а также поддержку местных антикоммунистических элементов в находящихся в опасности странах свободного мира».^[367]

Уже в том же 1948 году ЦРУ тайно профинансировало предвыборную кампанию христианских демократов в Италии, что позволило предотвратить победу на свободных выборах итальянской компартии.

В декабре 1955 года был создан постоянно действующий межведомственный орган по планированию подрывных операций против

иностранных государств (директива СНБ NSC 5412/2) — Специальная группа. В нее входили директор ЦРУ заместители министра обороны, госсекретаря и представитель президента (как правило, секретарь СНБ или его заместитель). С 1959 года группа собиралась на встречи еженедельно. Но ЦРУ по-прежнему имело право осуществлять мелкие подрывные операции (стоимостью не более 25 тысяч долларов) самостоятельно, без одобрения группы.

Именно Специальная группа планировала убийство Фиделя Кастро и экономический саботаж против Кубы (операция *Mongoose*). С 1964 года группа была известна как «Комитет 303». За время президентства Кеннеди и Джонсона (1961–1967 гг.) Комитет 303 одобрил 163 тайных операции против иностранных государств. При этом в 1970-е годы стало известно, что ЦРУ передало на рассмотрение Комитета лишь 14 % всех подрывных акций. [\[368\]](#)

17 февраля 1970 года президент Никсон подписал специальный меморандум, по которому Комитет 303 переименовывался в Комитет 40 (в том числе и потому, что информация о деятельности Комитета 303 просочилась в прессу и вызвала бурю негодования по всему миру). Никсон включил в члены Комитета дополнительно министра юстиции.

ЦРУ и Комитет 303 обратили пристальное внимание на Чили уже в 1958 году, когда кандидат левых сил социалист Сальвадор Альенде едва не одержал победу на президентских выборах. Победивший кандидат правых сил проамерикански настроенный олигарх Хорхе Алессандри набрал 389 909 голосов, Альенде — 356 493 голоса. [\[369\]](#) Согласно чилийской конституции если на президентских выборах ни один из кандидатов не набирал 50 % голосов, то президента большинством голосов утверждал парламент страны. По неписаной, но скрупулезно соблюдавшейся традиции чилийский конгресс обычно голосовал за того, кто набрал относительное большинство и Алессандри стал президентом.

Однако в ЦРУ понимали, что на следующих выборах 1964 года правым уже не победить своими силами. Ведь и в 1958 году Альенде проиграл только потому, что против него был выдвинут кандидат-популист, бывший священник Антонио Саморано, обещавший реформы в пользу «обездоленных». Он набрал 41 тысячу голосов и лишил Альенде президентского поста.

Поэтому на выборах 1964 года в Вашингтоне решили активно поддержать кандидата от основанной в 1957 году Христианско-демократической партии (ХДП) Эдуардо Фрея. Тот позиционировал себя

как активный реформатор и борец с олигархией. Предвыборным лозунгом ХДП стала «Революция в условиях свободы». Фрей обещал аграрную реформу и национализацию меднорудной промышленности, находившейся в собственности американских компаний. По сути, Фрей украл лозунги Альенде.

Согласно официальному отчету ЦРУ, в апреле 1962 года Специальная группа решила активно поддержать Фрея.^[370] В 1964 году ЦРУ тайно передало в предвыборный фонд Фрея 2,6 млн. долл. Это была очень большая по тем временам сумма, составившая более половины всех расходов ХДП на президентскую кампанию.^[371] В декабре 1963 года Группа решила профинансировать еще и коалицию трех правых партий, чтобы Фрей не победил уже в первом туре и не стал слишком самостоятельным.

Причем ЦРУ подошло к вопросу с «научной точки зрения». Комитет 303 одобрил так называемый «план Камелот», согласно которому в 1963 году был проведено детальное исследование политических настроений различных групп чилийского общества (включая, армию). На социологические опросы и их анализ было ассигновано более 8 млн. долл.^[372]

С помощью опроса были выявлены наиболее массовые консервативные группы чилийского населения (женщины, находившиеся под сильным влиянием католической церкви, высшие и средние офицеры, мелкие предприниматели). С помощью «плана Камелот» ЦРУ стало разрабатывать специальные адресные пропагандистские материалы против Альенде, которые передавались для распространения правым чилийским СМИ.

ЦРУ направило в чилийскую столицу Сантьяго несколько специалистов по психологической войне, которые сами фабриковали листовки, готовили радио- и телерепортажи против Альенде. Например, женщинам обещали, что в случае победы Альенде их детей насильно отправят на Кубу, где коммунисты «промоют им мозги». Причем работа с женским электоратом облегчалась тем, что согласно чилийскому избирательному законодательству мужчины и женщины голосовали на отдельных избирательных участках. Вся эта подрывная деятельность проходила под постоянным руководством Комитета 303.

Комитет 303 мог гордиться своей работой. Несмотря на то, что Альенде набрал на выборах 4 сентября 1964 года в три раза больше голосов, чем в 1958 году — 977 902, победа Фрея оказалась более чем

убедительной — за него проголосовали 1 409 012 избирателей.^[373] Причем в ЦРУ не без гордости отметили, что исход голосования во многом решили именно женщины.

В Вашингтоне на время успокоились, решив, что после такого разгрома Альенде уже никогда не будет баллотироваться в президенты. Тем не менее, в 1965 году ЦРУ передало 22 правым кандидатам на выборах в чилийский конгресс 175 тысяч долларов на нужды избирательной кампании.

Однако обстановка в Чили продолжала развиваться в пользу левых сил, тем более, что половинчатые реформы Фрея подорвали экономику страны, которую захлестнула инфляция (под давлением МВФ Чили была вынуждена 2 раза в месяц девальвировать свою валюту эскудо по отношению к доллару). В 1967 году ЦРУ создает постоянный механизм пропагандистской подрывной работы против левых сил Чили (propaganda workshop).^[374] Данная структура продолжала поставлять в СМИ Чили сфабрикованные материалы об «ужасах», которые ждут страну в случае победы на выборах «марксистов».

Однако работа ЦРУ привела к неожиданным результатам. Многие руководящие и рядовые члены ХДП всерьез восприняли обещания Фрея о «революции» и партия практически раскололась. Вышедшие из нее члены создали левохристианскую партию МАПУ которая фактически объединилась с левыми силами. К тому же по конституции Чили президенту было запрещено баллотироваться на повторный срок. А кандидат ХДП на выборах 1970 года Радомиро Томич заявил, что является приверженцем некапиталистического пути развития страны. Причем в отличие от Фрея, Томич действительно был левонастроенным политиком и верил в то, что обещал.^[375]

Поэтому в Вашингтоне дали отставку ХДП и опять решили сделать ставку на кандидата правой Национальной партии и бывшего президента Алессандри. Тем более что при помощи ЦРУ Национальная партия добилась неплохих результатов на выборах в конгресс в 1969 году. Лидер национальной партии Харпа заявил в марте 1969 года: «В случае нашего прихода к власти компартия будет запрещена».^[376]

Важность Чили для США определялась, прежде всего, экономическими интересами. Запасы меди в Чили были крупнейшими в капиталистическом мире, но они принадлежали американским компаниям, прежде всего «Анаконда» и «Кеннекотт». На них приходилось в 1969 году 28 % всех американских инвестиций в Чили (составлявших по данным

министерства торговли США 964 млн. долл.). Средняя прибыль американских компаний в Чили в 1968 году составила 17,4 %, причем медные компании получили еще больше — 26 %. Однако крупнейшим инвестором в чилийскую экономику (200 млн. долл.) была американская телекоммуникационная компания ИТТ, которой принадлежала вся телефонная сеть Чили.

Как Альенде (ставший единственным кандидатом блока левых сил — Народное единство), так и Томич обещали национализацию горнорудной промышленности.

В этих условиях в Вашингтоне окончательно решили поддержать Алессандри. Причем инициатива исходила именно от американских компаний в Чили, которые предлагали деньги, как резидентуре ЦРУ в Сантьяго, так и в штаб-квартире агентства в Лэнгли. Связующим звеном между бизнесом и ЦРУ (а значит и Комитетом 303) был член правления ИТТ Джон Маккоун, который сам в 1961–1965 гг. возглавлял ЦРУ. По его инициативе глава ИТТ Гарольд Дженнин предложил ЦРУ еще в феврале 1970 года 1 млн. долл. на борьбу против Альенде. Директор ЦРУ Хелмс от денег отказался, но порекомендовал Маккоуну агентов ЦРУ в Чили, через которых ИТТ передала в предвыборный фонд Алессандри 250 тысяч долларов.^[377] «Анаконда» также заплатила Алессандри несколько сот тысяч долларов. ИТТ отдельно передала 100 тысяч долларов Национальной партии.

25 марта 1970 года Комитет 40 по просьбе посольства США и резидентуры ЦРУ в Сантьяго решил выделить 135 тысяч долларов на дезинформацию («spoiling operations») против Альенде.^[378] Группа пропаганды ЦРУ немедленно взялась за фабрикацию фальшивок. Например, по чилийскому радио транслировались автоматные очереди и истошные женские крики. Затем диктор сообщал, что так коммунисты расстреливают невинных людей (причем «рабочих»!) на Кубе и если к власти придет Альенде, это повторится и в Чили. От имени Народного единства ЦРУ направляло по почте состоятельным гражданам письма, в которых предлагалось «поделиться» своими вещами и бытовой техникой с бедными. Причем после победы Народного единства делиться-де придется в любом случае. К женщинам была обращена следующая листовка: «Чилийская женщина! Освободись, наконец, и отдай детей государству. Голосуй за Альенде!». Для религиозно настроенного населения была выпущена листовка со святой девой Кармен: «Святая дева Кармен, царица и покровительница Чили, избавь нас от безбожного коммунизма!».

Главным рупором ЦРУ в Чили была медийная группа газеты «Меркурио». Помимо этой центральной газеты в нее входили три другие газеты в столице и семь — в регионах, радиостанция, рекламные агентства.

Однако популярность Альенде росла, и уже 18 июня 1970 года посол США в Чили Корри предложил увеличить финансирование дезинформации до 350 тысяч долларов. Одновременно Корри инициировал разработку «чрезвычайного плана» на тот случай, если президента будет избирать конгресс и одним из кандидатов будет Альенде.

Госдепартамент колебался — просьбу Корри об увеличении средств удовлетворили, но с разработкой плана все же решили подождать до выборов 4 сентября. 7 августа 1970 года Комитет 40 провел заседание по Чили, но так и не решил поддержать напрямую кого-нибудь из оппонентов Альенде. ЦРУ по-прежнему самостоятельно распространяло дезинформацию, дискредитировавшую левые силы. Причем в данном случае некоторая нерешительность Комитета 40 объяснялась снобизмом ЦРУ Американская разведка после выборов 1964 года была непоколебимо уверена в собственной компетентности. По заданию Комитета 40 ЦРУ провело в Чили опрос избирателей и пришло к выводу, что Алессандри и так победит Альенде.^[379] Отсюда следовал вывод, что особо суетиться в Чили не стоит.

Однако на сей раз ЦРУ ошиблось. 4 сентября 1970 года Сальвадор Альенде одержал победу на президентских выборах. За него проголосовало 1 075 616 избирателей, за Алессандри — 1036 278, за Томича — 824 849. Альенде обошел Алессандри на 39 338 голосов. Теперь чилийскому конгрессу предстояло 24 октября избрать президентом одного из двух кандидатов, набравших наибольшее количество голосов. Томич вышел из борьбы, но именно от его партии зависела судьба страны — вместе с голосами ХДП большинство в конгрессе было как у Народного единства, так и у Национальной партии.

Еще до оглашения результатов выборов разведсообщество США пришло к выводу, что правительство Альенде будет представлять собой психологическую угрозу для Вашингтона. Ведь в случае Чили сторонник социализма пришел бы к власти абсолютно демократическим путем (в отличие от Кубы), что ясно говорил о популярности идей марксизма среди населения Латинской Америки. Таким образом, пример Чили мог стать заразительным для других стран Западного полушария. В июле 1970 года все разведслужбы США представили правительству очередной аналитический доклад по Чили (т. н. National Intelligence Estimate, NIE, такие доклады готовились по Чили ежегодно с 1969 по 1973 год). В докладе

утверждалось, что победа Альенде на выборах приведет к постепенному установлению в Чили классического марксистско-ленинского режима. [380] Далее абсолютно верно предсказывалось, что политика Альенде по увеличению покупательной способности бедных слоев населения приведет к успеху Народного единства на выборах в конгресс в 1973 году. В качестве оппозиционных Альенде сил доклад определял армию, церковь и некоторые профсоюзы. В целом из доклада следовал вывод, что мирным путем отстранить Альенде от власти не удастся.

При этом ЦРУ признавало, что Чили не имеет для США никакого серьезного военно-стратегического значения с точки зрения мирового баланса сил между капитализмом и социализмом. [381] Американская разведка констатировала, что основная сила Народного единства — «промосковская» компартия Чили — твердо настроена на мирный путь перехода к социализму и будет избегать излишне радикальных шагов. Что же касается обещания Альенде развивать отношения с социалистическими странами, то ЦРУ отмечало, что сама обстановка в мире заставит сделать тоже самое любое чилийское правительство. [382]

8 сентября 1970 года Комитет 40 провел заседание по Чили. По его итогам послу в Сантьяго Корри было поручено подготовить «хладнокровный» анализ всех «за» и «против» относительно «военного переворота, организованного с помощью США».

12 сентября Корри ответил, что с его точки зрения и с точки зрения шефа резидентуры ЦРУ в Чили Хекшера никаких шансов на успешный военный переворот нет. США, отмечал Корри, придется действовать так, как если бы чилийская армия не существовала. Дело в том, что начиная с 1930-х годов чилийские военные не вмешивались в политику, и Чили была, пожалуй, единственной страной Латинской Америки с конституционно избранным гражданским правительством. Сразу же после победы Альенде главнокомандующий чилийской армией генерал Рене Шнейдер заявил, что вооруженные силы верны конституции. Такую же позицию занимал и второй в военной иерархии Чили человек — начальник генерального штаба генерал Карлос Пратс.

14 сентября Комитет 40 принял решение попытаться не допустить прихода Альенде к власти с помощью т. н. «гамбита Фрея». Согласно этой схеме, Фрей должен был заставить ХДП проголосовать в конгрессе 24 октября за Алессандри. Тот в свою очередь немедленно подавал в отставку и в стране объявлялись новые выборы. По конституции Фрей уже мог бы на них баллотироваться и Национальная партия в этом случае его бы

поддержала. Послу Корри было поручено незамедлительно обсудить гамбит с Фреем и Алессандри. Тем же самым занялась и ИТТ. Фрей сразу же согласился. Однако проблема была в том, что он уже не контролировал собственную фракцию в конгрессе. Там большинство было у Томича, а он уже публично поздравил Альенде с победой. Алессандри правда все же заявил, что в случае его избрания президентом он немедленно подаст в отставку. Перспективы гамбита с точки зрения ЦРУ были весьма туманные.

Однако настроение в Вашингтоне резко изменилось 15 сентября 1970 года. В столицу США приехал издатель «Меркурио» Августин Эдвардс, который ранее был представителем «Кока-Кола» в Чили. Эдвардс хорошо знал президента «Кока-Кола» Дональда Кендалла, а тот в свою очередь был давним другом и спонсором Никсона. Кендалл организовал встречу Эдвардса с директором ЦРУ Хелмсом и секретарем СНВ Киссинджером. Эдвардс живописал ужасы, которые ждут бизнес Чили после прихода к власти марксиста Альенде. Сам Кендалл по итогам бесед с Эдвардсом встретился с Никсоном и убедил последнего активно заняться Чили.

Уже в тот же день, 15 сентября, Никсон вызвал к себе Хелмса, заявил ему, что «правительство Альенде неприемлемо для США» и поручил ЦРУ не допустить прихода Альенде к власти. После встречи с президентом Хелмс набросал позднее ставшие достоянием гласности инструкции Никсона: «Возможно, есть один шанс из десяти, чтобы спасти Чили. Тратьте столько денег, сколько надо. Не беспокойтесь о возможном риске. Есть 10 млн. долларов, если надо, то и больше. Работайте круглосуточно и выделите лучших людей. Заставьте экономику (Чили. — *Авт.*) завопить от боли. У вас 48 часов для выработки плана действий».^[383]

Хелмс немедленно направил Хекшеру в Сантьяго указание прекратить слать в центр телеграммы с сомнениями относительно успеха переворота в Чили. Затем Хекшера вызвали в Вашингтон, и Хелмс прямо сказал ему, что президент поручил любыми путями не допустить прихода Альенде к власти.

Работу по Чили было решено проводить по двум «колеям». Первая (Track I) координировалась Комитетом 40. Цель состояла в том, чтобы с помощью Фрея обеспечить избрание конгрессом Алессандри. Далее сценарий развивался либо по «гамбиту», либо после отставки Алессандри Фрей организовывал военное правительство. В качестве другого варианта рассматривался военный переворот при молчаливом согласии Фрея. Координатором «колеи I» был посол США в Сантьяго Корри, его поддерживали резидент ЦРУ Хекшер и военный атташе Уимерт.

Однако Никсон поручил Хелмсу в полной тайне и от Комитета 40, и от

всех ведомств США разработать и другой план — вторую «колею» (Track II). Об этом плане кроме президента первоначально знало только 4 человека в штаб-квартире ЦРУ «Вторая колея» сразу нацеливалась на осуществление военного переворота (при необходимости и без согласия Фрея) до 24 октября, чтобы не допустить голосования в конгрессе.

Помимо этих двух планов Никсон создал для организации экономического хаоса в стране специальную группу по Чили с участием представителя министерства финансов, госдепартамента и СНВ. Посол Корри сформулировал цель экономической войны следующим образом: «Фрей должен знать, что ни одному болту и ни одной гайке не позволят попасть в Чили при Альенде. Как только Альенде придет к власти, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы ввергнуть Чили и чилийцев в самую ужасную нищету и лишения и это будет долгосрочной политикой, чтобы высветить жесткие стороны коммунистического общества в Чили».^[384]

Американские компании в Чили немедленно после получения директивы Корри стали проводить политику открытого саботажа, сокращая производство и прекращая поставки в Чили запасных частей. Организованная ЦРУ пропаганда о якобы предстоящем крахе банковской системы привела к массовому изъятию вкладов и переводу денег за границу. К 15 октября 1970 года утечка валюты за границу достигла 600 тысяч долларов в сутки.^[385] В стране наполовину сократились продажи бытовой электроаппаратуры (американские компания просто не поставляли ее в торговую сеть).

19 сентября влиятельная американская газета «Нью-Йорк Таймс» прямо заявила на своих страницах «Пусть лучше в Чили произойдет военный переворот, чем к власти придет Сальвадор Альенде». Точно также оценивала ситуацию и ИТТ. Подразделение компании в Сантьяго пришло к выводу, что конгресс все равно проголосует за Альенде. Поэтому «более реалистично надеяться... что быстрое ухудшение экономического положения (наплыв в банк требований об изъятии вкладов, банкротство заводов и т. д.) поднимет волну насилия, которая приведет к военному перевороту».^[386]

Между тем ЦРУ создало спецгруппу по Чили (Chile Task Force), которая направила в Сантьяго около десятка агентов, легендированных как представители других стран. Возглавлял группу шеф оперативного директората и заместитель директора ЦРУ Томас Карамессинес.^[387] Конкретную работу (включая «колею II») возглавлял опытный оперативник ЦРУ Дэвид Эттли Филипс.^[388] С целью соблюдения

секретности Филиппу выделили старый кабинет в отдаленной части штаб-квартиры ЦРУ. Уже на первой беседе Филиппа с начальником операций ЦРУ в Западном полушарии Джимом Флэннери оба собеседника пришли к выводу что самым реалистичным сценарием в Чили является военный переворот и что главным препятствием на пути его осуществления является генерал Шнейдер.^[389]

ЦРУ быстро наладило в Сантьяго контакты с двумя генералами чилийских вооруженных сил. Генерал Роберто Вио осенью 1969 года попытался поднять в артиллерийском полку «Такна» мятеж якобы в поддержку повышения зарплаты офицерам. Однако мятеж провалился, так как армия его не поддержала. Многие генералы решили, что Вио просто хочет таким образом добиться повышения по службе. Вио уволили из вооруженных сил, и суд приговорил его к ссылке за пределы Чили на год. Однако Верховный суд отменил приговор, и генерал остался в стране. Вио стал своего рода иконой правых сил и был популярен среди младших и средних офицеров как «сильная личность». Однако генералитет Вио явно недолюбливал как выскочку.

Офицеры ЦРУ в Сантьяго установили контакт с Вио, и тот немедленно согласился участвовать в перевороте. Эту идею поддержал и Фрей, но предупредил, что в случае неудачи будет вынужден предать Вио суду. Однако по оценке ЦРУ Вио был генералом без армии и шансы переворота на успех были минимальны. Поэтому ЦРУ установило контакт с командующим гарнизоном Сантьяго генералом Валенсуэлой. Тот в свою очередь заручился поддержкой главкома ВМС адмирала Тирадо.

До сих пор ЦРУ официально придерживается той точки зрения, что группы Валенсуэлы и Вио действовали отдельно. Но это не так: сами генералы впоследствии публично заявляли, что координировали свои действия между собой и с Фреем. Главным препятствием пути путча по-прежнему оставался Шнейдер.

Следует подчеркнуть, что ЦРУ помог наладить контакты с Валенсуэлой военный атташе США в Сантьяго Пол Уимерт, который практически каждое утро совершал с генералами чилийской армии конные прогулки. Уимерт получил указание Пентагона во всем поддерживать действия резидентуры ЦРУ в Сантьяго.

Одновременно посол США Корри говорил чилийским генералам, что в случае победы Альенде США прекратят военную помощь Чили. Напротив: «Если любые шаги, которые предпримут военные, вызовут гражданские беспорядки, то мы готовы сразу же оказать поддержку и немедленно

предоставить военные материалы».^[390]

19 сентября 1970 года резидентура ЦРУ получила советы из Лэнгли относительно формулировки предложения для военного переворота. Чилийским военным предлагалось сообщить следующее: «(А) Подтвержденные разведданные, что кубинцы планируют реорганизовать все чилийские разведслужбы по советско-кубинскому образцу, создав тем самым структуру полицейского государства... (В) Экономическая ситуация находится в стадии коллапса... (С) Быстро признавая Кубу и коммунистические страны, Альенде сознает, что США прекратят материальную помощь вооруженным силам Чили, ослабляя их как конституционный барьер». Причем резидентуре предлагалось подкрепить эти измышления цитатами из речей Альенде.^[391]

В официальном отчете ЦРУ о событиях в Чили признается, что американская разведка осенью 1970 года «сотрудничала с тремя группами заговорщиков. Все три группы четко заявили, что любой путч потребует похищения командующего армией Рене Шнейдера,^[392] который до глубины души сознавал, что конституция требует от армии позволить Альенде занять свой пост. ЦРУ согласилось с этой оценкой».^[393]

Между тем к началу октября окончательно забуксовала «колея I». 1 октября Альенде встретился с руководством вооруженных сил и заверил, что будет согласовывать все назначения в армии с военным руководством. Он подтвердил также, что военное сотрудничество с США будет продолжено. Это вполне устроило военную верхушку. Тем более, как отмечало ЦРУ, много рядовых и сержантов и так симпатизировали Народному единству. Фрей также отказался от «гамбита». И это несмотря на то, что ЦРУ побудило христианских демократов ФРГ (оказывавших ХДП Чили финансовую помощь) надавить на Фрея.

Спецгруппа ЦРУ в Чили по неполным собственным данным организовала осенью 1970 года 726 материалов в чилийских СМИ против Альенде. Причем эти материалы по каналам ЮСИА и «дружественных» ЦРУ иностранных журналистов были распространены в мире. Как отмечало ЦРУ в своем отчете о работе в Чили с 15 сентября по 3 ноября 1970 года, пропаганда предназначалась для Фрея, «чилийской политической элиты» и чилийской армии. Цель тоже определялась недвусмысленно: «спровоцировать армию на переворот».^[394] К 25 сентября ЦРУ направило в Чили 15 журналистов из 10 стран. Особо отмечалось, что конфиденциальные брифинги ЦРУ заставили изменить позицию влиятельный американский журнала «Тайм», который под влиянием своего

корреспондента в Сантьяго первоначально занял «примирительную» позицию по отношению к Альенде. Новая линия «Тайм» заставила самого Альенде 13 октября выступить с критикой журнала.

Однако все эти меры не дали результата. 3–4 октября руководство ХДП приняло решение поддержать кандидатуру Альенде на выборах в конгрессе 24 октября. С этого момента ЦРУ полностью сконцентрировалось на подготовке военного мятежа.

С 5 по 20 октября резидентура ЦРУ и военный атташе Уимерт провели 21 встречу с чилийскими военными и карабинерами (военная полиция). Уже 5 октября Вио потребовал от ЦРУ несколько сот гранат со слезоточивым газом, чтобы организовать переворот 9 октября. Начать переворот планировалось с похищения Шнейдера, ответственность за которое предполагалось возложить на левые силы. После этого командующий гарнизоном Сантьяго Валенсуэла должен был с ведома Фрея объявить чрезвычайное положение и образовать военное правительств, в котором Вио играл бы роль «сильного человека». К этому времени резидентура ЦРУ в Сантьяго имела согласие директора ЦРУ Хелмса на «устранение» Шнейдера.^[395] 13 октября резидентура Сантьяго сообщила в Лэнгли что «Вио планирует похитить генералов Шнейдера и Пратса в течение следующих 48 часов, чтобы спровоцировать путч». В этот же день резидентуре разрешили выделить группе Вио 20 тысяч долларов и обещать ему пожизненную страховку на 250 тысяч долларов (именно об этом и просил ранее «принципиальный борец с коммунизмом» Вио).^[396]

15 октября Карамессинос встретился с Киссинджером и его заместителем Хейгом, чтобы окончательно обсудить военный переворот в Чили. Участники встречи пришли к выводу, что путч Вио не имеет шансов на успех. В этой связи резидентуре поручили передать генералу, чтобы он берег себя на будущее и что поддержка США ему будет обеспечена и в дальнейшем. Тем не менее, 16 октября Карамессинес в телеграмме Хекшеру четко заявил: «Твердой и последовательной линией США является то, что Альенде должен быть свергнут в результате государственного переворота». Причем Карамессинес передавал таким образом мнение советника Никсона по национальной безопасности Киссинджера.

17 и 18 октября сотрудник ЦРУ сообщил группе Вио, что переворот только ее силами вряд ли имеет шансы на успех. Однако генерал ответил, что все равно организует похищение Шнейдера 19 октября. Одновременно 17 октября Уимерт встретился с некими двумя офицерами чилийской армии

и ВМС (которые представляли Валенсуэлу), которые попросили у него 8-10 гранат со слезоточивым газом, три пистолета-пулемета 45-го калибра и 500 патронов к ним. Уимерт передал просьбу ЦРУ.

Сначала в Лэнгли были удивлены: зачем офицеру ВМС оружие? Однако и в запросе резидентуры Сантьяго и в ответе штаб-квартиры было четко видно: речь идет о пистолетах-пулеметах, происхождение которых нельзя проследить (weapons not traceable to their source). Офицеры якобы ответили Уимерту, что оружие им нужно для самообороны (это более чем странно — у каждого офицера чилийской армии естественно было табельное оружие; от кого можно было обороняться автоматами, неясно. - *Авт.*) После этого в Лэнгли решили передать оружие «вне зависимости от объяснений». Уже 19 октября это оружие было переправлено из Вашингтона дипломатической почтой.^[397] В официальном отчете ЦРУ о событиях в Чили прямо признается, зачем было передано оружие: «В дополнение к Вио ЦРУ установило контакт с другими заговорщиками, включая генерала Камило Валенсуэлу. Группа Валенсуэлы была известна резидентуре, и считалось, что она способна осуществить успешный переворот. ЦРУ предоставило этой группе — которая также считала похищение Шнейдера непременным условием любого переворота — три пистолета-пулемета, боеприпасы, и 8-10 гранат со слезоточивым газом».^[398] При этом ЦРУ подчеркивает, что позднее «неиспользованное» оружие было возвращено в резидентуру.

19 октября группа Вио-Валенсуэлы пыталась похитить Шнейдера при его возвращении с официального ужина. Однако Шнейдер уехал на частной машине, а заговорщики следили за служебной машиной командующего и потеряли его из виду. Провал покушения привел к панической телеграмме из Лэнгли в резидентуру в Сантьяго: от Хекшера требовали срочной информации о дальнейших действиях, так как ЦРУ надлежало 20 октября дать отчет «на высоком уровне». В ответ на этот запрос группа Вио вечером 20 октября опять попыталась похитить Шнейдера и вновь безуспешно.

22 октября в 2 часа ночи Уимерт в отдаленном районе Сантьяго передал офицерам оружие со спиленными серийными номерами. В этот же день примерно в 8 часов утра машину Шнейдера по пути на работу в министерство обороны заблокировало несколько машин заговорщиков. Генерала попытались вытащить из салона служебного «мерседеса», однако он оказался человеком не робкого десятка и попытался достать из портфеля пистолет. Раздались выстрелы, и Шнейдер получил четыре огнестрельных

ранения.

Покушение возымело прямо противоположный результат, чем тот, на который рассчитывало ЦРУ. Преемником Шнейдера стал такой же убежденный конституционалист Пратс. В Сантьяго было объявлено чрезвычайное положение, и Валенсуэла действительно стал губернатором столичной провинции. Однако он не решился на переворот, не чувствуя поддержки армии. Позднее чилийский суд приговорил Вио к 20 годам за покушение на Шнейдера, а Валенсуэлу — к трем годам заграничной ссылки за подготовку военного переворота. В ЦРУ прекрасно знали, что за покушением стоит группа Вио-Валенсуэлы.

Сразу же после получения сведений о покушении резидентура ЦРУ решила, что в нем было задействовано именно то оружие, которое передал Уимерт.^[399] В отчете в Лэнгли резидентура сообщила, что разрешила Уимерту передать группе Валенсуэлы 50 тысяч долларов. В телеграмме резидентуры констатировалось: «Все, что мы можем сказать, так это то, что покушение на Шнейдера дает вооруженным силам последнюю возможность предотвратить избрание Альенде, если они захотят последовать сценарию Валенсуэлы».^[400]

В официальном отчете ЦРУ признается, что в ноябре 1970 года в резидентуру в Сантьяго обратился один из членов группы Вио, избежавший ареста. Из «гуманитарных соображений» (в ЦРУ видимо до сих пор считают убийство иностранных политиков «гуманитарным» актом. — *Авт.*) ему было передано для нужд группы 35 тысяч долларов.^[401]

В ЦРУ считают, что Уимерту было возвращено неиспользованное оружие. Но это теперь сложно проверить, ибо Уимерт сразу же после покушения направился в порт Вальпараисо и там утопил автоматы и патроны в океане.

24 октября 1970 года конгресс Чили, согласно волеизъявлению народа, избрал президентом страны Сальвадора Альенде. На следующий день в госпитале от ран скончался генерал Шнейдер, оставивший вдове с пятью детьми. Он стал первой жертвой США в разворачивавшейся чилийской трагедии, которая привела 11 сентября 1973 года к кровавому военному перевороту и убийству законного президента Чили.

Военное сотрудничество ГДР с развивающимися странами (Ближний Восток и Африка)

Германская Демократическая Республика была самым надежным союзником СССР в рамках оборонительного союза социалистических стран — Организации Варшавского договора (ОВД).

В Москве решили активно подключить ГДР к военно-техническому сотрудничеству с развивающимися странами социалистической ориентации с середины 1960-х годов, но особенно после 1971 года. Это было связано с тремя ключевыми факторами:

— приходом к власти в ГДР в 1971 году нового генерального секретаря правящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Эриха Хонеккера, который в отличие от своего предшественника Вальтера Ульбрихта считался более надежным другом СССР;

— международно-правовым признанием ГДР как суверенного государства, завершившимся принятием этой страны в ООН в 1972 году;

— неоспоримыми экономическими и социальными успехами ГДР в 1960-х — начале 1970-х годов, которые позволили Берлину выделять необходимые средства на помощь дружественным развивающимся странам.

При этом в принципиальном плане следует подчеркнуть, что СССР никогда даже не рассматривал участие армий своих союзников по ОВД в боевых действиях за пределами зоны ответственности Варшавского договора, т. е. вне Европы. Разительный контраст по отношению к США, использующим военнослужащих стран НАТО как «пушечное мясо» в различных военных конфликтах.

Помощь ГДР развивающимся странам и национально-освободительным движениям осуществлялась на абсолютно законной основе. В конституции ГДР 1974 года (статья 6, абзац 3) говорилось: «ГДР поддерживает государства и народы, которые борются против империализма и колониальных режимов, за национальную свободу и независимость, в их борьбе за общественный прогресс».

ГДР, как и СССР, твердо стояла на стороне арабских стран в их справедливом стремлении освободить оккупированные Израилем палестинские, сирийские, иорданские и египетские территории.

Уже через два дня после начала агрессии Израиля против Египта, Сирии и Иордании политбюро ЦК СЕПГ 7 июня 1967 года приняло решение оказать Египту экстренную военную помощь. 8 июня министерство обороны ГДР представило соответствующий перечень вооружений. Предполагалось «немедленно» поставить Каиру 35 танков Т-34/85 и 150 тысяч противопехотных мин ПМН. В течение 10 дней Египту планировалось передать 30 истребителей МИГ-17, и еще 20 истребителей — в третьем квартале 1967 года.^[402] В течение «нескольких недель» Минобороны ГДР было готово поставить несколько десятков орудий и минометов. Заметим, что ГДР сама не производила самолеты, танки и орудия.

Самолеты были переданы через Югославию (первая партия) и Дрезден. Однако ГДР отвергла просьбу президента Египта Насера направить на фронт пилотов ВВС ГДР.

Следует подчеркнуть, что на тот момент Египет даже не имел с ГДР полноценных дипломатических отношений, опасаясь негативной реакции ФРГ.

Во время так называемой войны «Судного дня» (октябрь 1973 года) по просьбе СССР ГДР 14 октября 1973 года приняла решение направить Федерации Арабских Республик (ФАР)^[403] 12 полностью оснащенных бортовым вооружением истребителей-перехватчиков МИГ-21М из состава 8-й истребительной эскадрильи Национальной народной армии (ННА) ГДР.^[404] Самолеты были разобраны и 22 октября переброшены советскими военно-транспортными самолетами АН-12 (которые были задекларированы как гражданские машины «Аэрофлота») в Венгрию. Лишь там 63 военнослужащим ГДР (включая 14 пилотов) объявили о конечной цели маршрута — Сирии (аэропорт города Алеппо). Всем было предложено сделать добровольный выбор, а «отказников» в тот же день обещали вернуть в ГДР без всяких последствий для их службы. Однако все пилоты и техники приняли решение следовать в Сирию, где они в короткие сроки смонтировали МИГ-21М, покрасили их в песочный цвет и нанесли опознавательные знаки ВВС Сирии. 28 и 29 октября 1973 года самолеты были переданы советским военным инструкторам, которые обучали на них сирийских пилотов. Все военнослужащие ГДР сразу же вернулись домой и никакого участия в боевых действиях не принимали.^[405]

Кроме поставок самолетов-перехватчиков (заметим, оружия чисто оборонительного) Хонеккер 13 октября принял решение поставить Сирии 62 танка Т-54, боеприпасы для трех батарей ЗРК. К тому же ГДР заявила о

готовности принять у себя на лечение раненых военнослужащих армий Сирии и Египта.^[406] 3 ноября 1973 года в письме президенту Сирии Хафезу Асаду Хонеккер предложил в целях поддержки «вашей справедливой борьбы» безвозмездно поставить помимо упоминавшихся выше танков 300 РПГ-7 (24 тысячи штук боеприпасов к ним), 74,5 тысяч гранат и 30 тысяч противотанковых мин ТМ-46.

В 1983 году ГДР и Сирия подписали соглашение, предусматривавшее подготовку в ГДР 310 сирийских военнослужащих. В 1984 году специальным протоколом это количество было увеличено до 400.

ГДР оказывала содействие Ливии в подготовке военных кадров. Были подписаны несколько соглашений, предусматривавших подготовку в ГДР 760 ливийских офицеров и унтер-офицеров, в основном технических специальностей, а также боевых пловцов. К тому же часть военнослужащих переучивали на инженеров военных заводов. Ливия оплачивала обучение своих специалистов в ГДР.

ГДР оказывал большую помощь португальским колониям в Африке, боровшимся за свою независимость, а после обретения независимости в 1975 Годуновым государствам Анголе, Гвинее-Бисау, Мозамбику и Сан-Томе и Принсипе.

Решение политбюро ЦК СЕПГ об оказании помощи национально-освободительным движениям в Африке было принято в январе 1967 года. Например, только ФРЕЛИМО^[407] и Мозамбику по линии Комитета солидарности ГДР в 1962–1989 гг. было предоставлено 148,2 миллиона марок.^[408]

Еще с конца 1960-х годов ГДР поставила ФРЕЛИМО 280 пулеметов, 5000 карабинов (в том числе из запасов вермахта), 1,5 миллиона патронов для стрелкового оружия и 2000 мин. МПЛА^[409] и ПАИГК^[410] получили по 100 пулеметов, 1700 карабинов и автоматов, 445 тысяч патронов и 500 мин.^[411] Этого оружия вполне хватало, чтобы обеспечить все боееспособные партизанские подразделения национально-освободительных движений.

В декабре 1974 года рассматривалась идея (одобренная затем в Москве) военной подготовки советниками из ГДР 2–3 тысяч бывших партизан ФРЕЛИМО непосредственно в Мозамбике. Но затем было принято решение, что вооруженные силы ставшего независимым Мозамбика опекает СССР, а ГДР концентрируется на подготовке специалистов МВД и госбезопасности. Тем не менее, ГДР поставляла оружие и армии Мозамбика, например, партию танков в 1976 году и истребители МИГ-21 — в 1982 году. В 1979 году ГДР поставила

Мозамбику 10 танков Т-34/85, 12 счетверенных зениток калибра 14,5 мм, а также боеприпасы. Подготовка мозамбикских военных осуществлялась только на территории ГДР, однако было поставлено оборудование для военного училища мозамбикской армии в Нампуле. Военная подготовка в ГДР по стандартам ННА проходила в течение трех лет (плюс подготовительный год на освоение немецкого языка). Мозамбик оплачивал только транспортные расходы на переезд своих военных в ГДР.

В 1980–1985 гг. в ГДР было обучено 279 военных из Мозамбика, в том числе 70 военнослужащих сухопутных войск, 62 — ВВС, 62 — ВМС, 60 офицеров-политработников, 25 пограничников.

При этом стоит отметить, что всего в 1974–1979 гг. в ГДР было обучено 268 зарубежных военных.^[412] В 1980–1986 гг. это количество выросло до 1550 человек.

После визита в Мозамбик весной 1980 года заместителя министра обороны ГДР генерал-полковника Хельмута Фляйснера ГДР обязалась безвозмездно поставить Мозамбику в августе-октябре 1980 года 20 танков Т-34, 6 зенитных пулеметных установок, 20 орудий, 100 радиостанций, 6 комплектов электроакустического оборудования, 100 миноискателей, 20 комплектов навесного оборудования для траления мин, оборудование для телексной связи, запасные части и ремонтные комплекты. В 1986 году ГДР бесплатно поставила Мозамбику военной техники на 0,9 миллиона марок, в 1988 году — на 2,1 миллиона.^[413]

Всего ГДР в 1975–1989 гг. оказала Мозамбику различной помощи на 277 миллионов марок.

Эта помощь имела для Мозамбика большое значение, если учесть фактическую агрессию против этого государства со стороны ЮАР и поддержанной расистским режимом мозамбикской марионеточной организации РЕНАМО.^[414] Финансирование и поддержку подрывной деятельности против Мозамбика осуществляли Саудовская Аравия и ЦРУ США.

После начала агрессии ЮАР (при поддержке США) против Анголы в конце 1975 года ГДР оперативно предоставила этому молодому государству оружия и военного снаряжения на 106 миллионов марок. Только в январе-феврале 1976 года в Луанду кораблем было доставлено военное снаряжение на сумму 6,5 миллиона марок.

В 1975–1989 гг. Ангола получила от ГДР помощи на 238 миллионов марок.

ГДР, как и другие социалистические страны, оказывала помощь

национально-освободительному движению в Южной Родезии (будущей Зимбабве), управлявшейся расистским белым режимом, не признанным мировым сообществом. В марте 1977 года ГДР посетил лидер ЗАПУ [\[415\]](#) Джошуа Нкомо (где он, в том числе, прошел лечение). Уже в 1977 году ГДР оказала ЗАПУ помощь на 8,33 миллиона марок. Из Луанды (столица Анголы) в лагерь зимбабвийских беженцев в Замбии самолеты ГДР перебрасывали сотни тонн гуманитарной помощи. В 1979 году один из самолетов (ИЛ-18) потерпел крушение в Луанде и весь немецкий экипаж погиб. В этом же году Нкомо отметил, что ГДР оказывает национально-освободительному движению Зимбабве самую большую помощь из всех стран мира.

В больнице ЗАПУ в Лусаке (столица Замбии) работали врачи ГДР, там же использовалось восточногерманское медицинское оборудование.

Когда в 1979 году национально-освободительная борьба в Родезии вступила в активную вооруженную фазу, ГДР по просьбе Нкомо поставила ЗАПУ 1000 автоматов Калашникова (плюс 250 тысяч патронов к ним). Были обещаны и другие виды вооружения.

В то же время ГДР по политическим мотивам отказалась направлять в лагерь ЗАПУ в Замбию военных советников, предложив организовать подготовку зимбабвийцев на территории ГДР. [\[416\]](#)

Национально-освободительные движения в Намибии (СВАПО) [\[417\]](#) и ЮАР (АНК) после 1972 года получали из ГДР сначала «нелетальное» снаряжение: форму палатки, компасы, ботинки, резиновые лодки и радиостанции. В ГДР справедливо считали, что эти организации пока еще не способны (в отличие от партизан португальских колоний) развернуть масштабную вооруженную борьбу.

Но после визита в ГДР в декабре 1977 году лидера СВАПО Сэма Нуйомы Берлин уже в январе-феврале 1978 году поставил СВАПО из запасов Минобороны ГДР 850 автоматов, 60 пулеметов ПКМ (вместе с боеприпасами), а также по линии МГБ ГДР 150 пистолетов и 15 пулеметов. Всего эта партия вооружения весом в 135 тонн обошлась ГДР в 1,15 миллион марок.

В конце 1979 года Нуйома попросил удвоить военную помощь, и ГДР предоставила оружия и снаряжения на 3,5 миллиона марок. Было также решено подготовить на территории ГДР 20 бойцов СВАПО по двухгодичной программе обучения. Для СВАПО было предоставлено до 10 тысяч комплектов военного обмундирования. В 1981 году СВАПО получило оружия и военного снаряжения на 1,6 миллиона марок, в 1983–

1984 г. — на 2,8 миллиона. Кроме того, ГДР снабжала партизан продовольствием.

В 1975–1989 гг. СВАПО получила от ГДР помощи на 110 миллионов марок.

Партизаны военного крыла АНК «Умконто ве сизве» (до 40 человек) в 1970-е годы проходили в ГДР шестимесячные военные курсы. В общей сложности в 1975–1989 гг. АНК получил от ГДР различной помощи на 52 миллиона марок.^[418]

Всего ГДР безвозмездно поставила развивающимся странам оружия и военного снаряжения в 1982 году на 81 миллион марок, в 1983 — на 54,2 миллиона, в 1984 — на 72 миллиона, в 1986 году — на 75,1 миллион (без учета затрат на транспортировку). В 1973–1983 гг. по линии Минобороны ГДР было безвозмездно поставлено национально-освободительным движениям и развивающимся странам вооружения и военного снаряжения на 647,6 миллионов марок. На обучение иностранных военных в этот же период было затрачено 37 миллионов марок, на медицинскую помощь — 19,6 миллиона. В последний «нормальный» год существования ГДР (1988) эти цифры составили соответственно 22,8, 17,2 и 1,4 миллиона марок.

Если взять данные 1986 года, то по линии Минобороны ГДР африканские страны безвозмездно получили оружия и снаряжения на 2,853 миллиона марок, из которых 1,964 пришлось на Замбию (то есть реально на ЗАПУ), а 889 — на Мозамбик. На военную подготовку персонала из африканских стран в этом году было затрачено 6,55 миллиона марок, в том числе 1,9 — на Анголу, 1,84 — на Конго (столица Браззавиль), 1,37 — на Мозамбик, 0,7 — на Танзанию, 0,6 — на Зимбабве и 0,13 — на Замбию. Из 114 тысяч марок, потраченных по военной линии на медицинское содействие африканским странам в этом году, львиная доля (83,6 тысяч) пришлось на Эфиопию, где Запад финансировал масштабную вооруженную борьбу различных группировок против дружественного СССР правительства Менгисту Хайле Мариама.^[419]

В 1987 году по линии Минобороны ГДР африканским странам и СВАПО было оказано содействия на 6,2 миллиона марок, в 1988 году — на 15. Причем в 1988 году в центре внимания была Эфиопия — она получила оружия и боеприпасов на 6,8 миллиона марок, а на подготовку эфиопских военных было затрачено 2,3 миллиона.

В Эфиопии в результате революции 1974 года была свергнута монархия, а в начале 1977 года эта древнейшая и очень влиятельная страна Африки объявила о переходе на рельсы социалистической ориентации. В

ответ на это США смогли спровоцировать нападение соседней Сомали на Эфиопию (Ога-денская война 1977–1978 гг.), которое эфиопская армия отбила с помощью социалистических стран, в первую очередь СССР и Кубы. Тогда американцы при финансовой поддержке Саудовской Аравии организовали в Эфиопии вооруженные сепаратистские движения. Особую опасность представляло отделение Эритреи, что лишило бы Эфиопию выхода к морю.

При этом эритрейские сепаратисты называли себя истинными марксистами, и ГДР пыталась (правда, безуспешно) посредничать в налаживании контактов между ними и эфиопским правительством.

Поначалу ГДР оказывала Эфиопии очень большую помощь в подготовке медицинских кадров — по состоянию на 1990 год треть всех врачей в Эфиопии получили образование в ГДР. Во время поразившей Эфиопию жесточайшей засухи начал 1980-х годов в Эфиопию было направлено 56 врачей и технического медицинского персонал из ГДР, а население ГДР собрало в пользу Эфиопии пожертвований на 13 миллионов марок.

ГДР активно закупала основные товары эфиопского экспорта — кофе, кожу хлопок, поставляя взамен трактора, комбайны, грузовики, калийные удобрения. В 1977–1982 гг. ГДР выразила готовность закупить у Эфиопии 5 тысяч тонн кофе, что было очень важно в условиях фактической экономической блокады Эфиопии со стороны Запада.

Уже в то время (конец 1970-х годов) Запад (прежде всего, ФРГ) голословно обвинял ГДР в направлении до 7000 военнослужащих и военных советников в Эфиопию. В Бонне демагогически говорили даже о «новом немецком Африканском корпусе», проводя параллель между военными из ГДР и частями вермахта в Северной Африке под командованием Роммеля. Специалисты МГБ ГДР, согласно западным СМИ, учили эфиопов «изощренным пыткам». В 1982 году западногерманская газета «Вельт» сообщала, что «корпус Хонеккера» в Африке достиг 30 тысяч человек(!)^[420]

На самом деле никаких воинских контингентов ГДР в Африке (в том числе и в Эфиопии) никогда не было, а первые 49 эфиопских военных прибыли на подготовку в ГДР лишь в 1984 году. В следующем году приехали еще 22 военнослужащих. По состоянию на 1989 год в ГДР по линии Минобороны проходили обучение 98 эфиопских солдат и офицеров.^[421]

Первая делегация МГБ ГДР посетила Эфиопию летом 1977 года. До этого в Берлине сознательно ограничивали контакты по линии

госбезопасности, так как эфиопские спецслужбы были сильно засорены людьми, прошедшими подготовку на Западе и негативно относившимися к социалистической линии своего правительства. Осенью того же года в Аддис-Абебе появилась оперативная группа МГБ ГДР в составе трех офицеров. Группа должна была помогать эфиопским коллегам в налаживании внешней разведки и организации технических средств контроля. Предполагалось и обучение эфиопского спецназа.

Заметим, что до 1974 года спецназ армии Эфиопии тренировал Израиль, полицию — ФРГ, а разведку — США. Вся армия Эфиопии была вооружена американцами, но в феврале 1977 года, накануне сомалийской агрессии, США неожиданно прекратили поставки оружия Эфиопии.

Начиная с 1977 года по линии МГБ ГДР в Эфиопию было направлено фотооборудование, средства технического контроля. В 1978 году было подписано двустороннее соглашение, регламентировавшее пребывание оперативной группы МГБ ГДР в Эфиопии. Никакого участия в допросах, а тем более «пытках» специалисты МГБ ГДР не принимали.

После сомалийской агрессии против Эфиопии в 1977, когда сомалийские войска к июлю 1977 года вторглись на эфиопскую территорию на глубину до 300 километров, ГДР срочно организовала воздушный мост и перебросила в Эфиопию легкое стрелковое оружие, боеприпасы и медикаменты (последние — из резерва МГБ). Оружие предназначалось в основном для кубинских добровольцев, прибывших в Эфиопию по просьбе правительства этой страны. Еще 3 апреля 1977 года Хонеккер сообщил Фиделю Кастро, что в Эфиопии приземлились уже 4 самолета с оружием из ГДР. 16 тысяч кубинцев (три мотострелковые бригады) были оперативно переброшены из Анголы в Эфиопию и быстро помогли отразить сомалийскую агрессию. Содействие Эфиопии оказывали и несколько сотен советских военных советников.

Следует подчеркнуть, что социалистические страны грамотно распределили в Эфиопии свои обязанности. СССР поставил тяжелую технику (танки, орудия, самолеты), кубинцы выделили живую силу (так как в короткие сроки было невозможно обучить эфиопскую армию управляться с советским вооружением), ГДР обеспечила материально-техническое снабжение, предоставила стрелковое оружие, боеприпасы, форму, питание, средства связи.

В первые же дни сомалийской агрессии ГДР поставила Эфиопии 70 тысяч автоматов АКМ (плюс 70 миллионов патронов к ним) 200 пулеметов (1 миллион патронов), 2000 пистолетов ТТ с помощью которых эфиопы смогли задержать сомалийское наступление до прибытия кубинцев.

Присланные морским путем из ГДР грузовики W-50 прямо с кораблей перебрасывали части эфиопской армии (одетые в форму из ГДР и снабженные немецким питанием) на фронт.^[422]

Сомали получала помощь от США, Саудовской Аравии и КНР, однако после серии жестоких поражений в феврале 1978 года, 15 марта 1978 года последние сомалийские солдаты покинули эфиопскую территорию. Сомали потеряла в войне треть численного состава регулярной армии, три четверти танков и половину самолетов. Тем не менее, при поддержке США и Сомали на востоке Эфиопии продолжали вооруженную борьбу мятежники из Западносомалийского фронта освобождения.

Эритрейские сепаратистские группировки вели войну еще против императорского правительства Эфиопии, которое боролось с партизанами при поддержке США и Израиля. После 1977 года против сепаратистов вместе с эфиопской армией сражались кубинские интернационалисты. СССР, ГДР и НДРГ оказывали Эфиопии материальную и техническую поддержку. Но ГДР не оставляла попыток примирить Аддис-Абебу с эритрейскими повстанцами — по приглашению Хонеккера делегация последних побывала в Берлине и встретила с представителями эфиопского правительства.^[423]

Эрих Хонеккер посещал Эфиопию дважды — в 1979 и 1986 гг.^[424] ГДР до самого последнего момента своего существования оказывала Эфиопии разностороннюю помощь, о которой до сих пор с благодарностью вспоминают жители этой африканской страны.

В мае 1979 года после визита в Эфиопию министра обороны ГДР генерала армии Хайнца Хофмана ГДР безвозмездно передала Эфиопии партию вооружения на сумму 5,3 миллиона марок (10 танков Т-34/85, 6 зенитных установок калибра 57 мм и 12 противотанковых пушек вместе с боеприпасами).

По просьбе СССР ГДР взяла на себя ремонт советской авиатехники и подготовку эфиопских специалистов соответствующего профиля.

В 1978 году военные врачи ГДР оказывали Эфиопии помощь в борьбе с эпидемией в провинции Волло. 107 раненых эфиопских военнослужащих получили медицинскую помощь в ГДР в 1976–1984 гг.

В 1984 году Эфиопию постигла страшная засуха, вызвавшая массовый голод в стране. С ноября 1984 года два самолета ВВС ГДР АН-26 и два самолета гражданской авиакомпании ГДР «Интерфлюг» ИЛ-18 базировались в Эфиопии и перевозили там гуманитарные грузы и людей, переселяемых из зоны бедствия. До конца сентября 1985 года самолеты

ГДР перебросили 9276 тонн грузов и 4578 человек. очевидцы вспоминали, что благодарные жители Эфиопии на коленях приветствовали на взлетной полосе немецкие самолеты. Стоимость спасательной акции (13,6 миллионов марок и 3,7 миллиона долларов^[425]) ГДР взяла на себя.

В декабре 1985 года по просьбе эфиопской стороны ГДР опять направила два АН-26 своих ВВС в Эфиопию. До конца декабря 1986 года было перевезено 1739 тонн гуманитарной помощи и 1340 пассажиров.

В конце 1988 года лидер СССР Горбачев, стремясь к «примирению» с США, в одностороннем порядке принял решение о постепенном выводе советских военных советников из Эфиопии. ГДР, однако, военной помощи Аддис-Абебе не прекратила. В апреле 1988 года ГДР поставила Эфиопии 35,8 тысяч автоматов (плюс 31,8 миллионов патронов к ним), 2000 легких пулеметов РПД, 100 грузовиков и 22 тысячи комплектов формы.

В марте 1989 года в условиях начавшегося наступления эритрейских сепаратистов Эфиопия вновь обратилась к ГДР за помощью. На сей раз Аддис-Абебе требовались танки Т-62, чтобы отбить наступление мятежников на крупные города Эритреи. Таких танков у ГДР не было, но Берлин предложил 100 танков Т-55 вместе с бортовым вооружением. Уже 27 марта 1989 года в Аддис-Абебе приземлился первый самолет из ГДР с грузом снарядов для танков. В мае 1989 года первые 30 танков прибыли в Эфиопию. Боевой дух эфиопской армии (деморализованной сокращением помощи со стороны СССР) вырос, и правительству удалось в том же мае 1989 года подавить попытку военного переворота. В июле 1989 морем из ГДР были доставлены еще 60 танков.

В целом стоит отметить, что за все время своего существования ГДР оказывала развивающимся странам бескорыстное военное содействие, не требуя взамен вассальной покорности или каких-либо экономических льгот. По состоянию на 1990 год ГДР предоставляла помощь различного характера 100 странам мира. В 1989 году в ГДР получали образование 4927 граждан иностранных государств.^[426]

Несмотря на стремление некоторых кругов современной Германии поставить ГДР на одну доску с «Третьим рейхом», Германская Демократическая Республика была и остается единственным немецким государством, не участвовавшим и не содействовавшим агрессии против других стран и народов.

Тщательно подготовленная «вспышка ярости»: агрессия США против Гренады в 1983 году

Гренада, крохотный клочок суши в Карибском море площадью всего 344 квадратных километра, издавна была известна как «остров пряностей». По всему миру славится мускатный орех, по экспорту которого Гренада всегда занимала лидирующие позиции в мире.^[427] В 1649 году остров захватили французы, истребившие местных индейцев, а с 1763 года он являлся британской колонией. Англичане завезли на Гренаду негров-рабов из Африки, потомки которых на сегодня составляют примерно 90 % населения острова.

После Второй мировой войны под влиянием побед Красной Армии и роста популярности левых идей во всем мире, на Гренаде разворачивается борьба за независимость. Поначалу ее возглавила Объединенная лейбористская партии во главе с профсоюзным активистом и учителем Эриком Гейри. В 1961 году после победы лейбористов на выборах Гейри был назначен колониальной администрацией «старшим министром», т. е. главой местного самоуправления. Но уже в следующем году англичане отрешили его от должности, обвинив в неправильном использовании бюджетных средств. Однако в 1967 году партия Гейри снова выиграла выборы, и он стал премьер-министром «ассоциированного государства» Гренада. В 1970 году Гейри был членом жюри конкурса «Мисс мира», на котором победила представительница Гренады. Причем именно его голос стал решающим (4 из 9 членов жюри проголосовали за шведку). Гейри обвинили тогда в коррупции и «черном расизме».

7 февраля 1974 года Гренада получила долгожданную независимость и Гейри возглавил правительство нового государства. Постепенно, с помощью фальсифицированных выборов 1976 года он превратился в диктатора, причем в диктатора явно сумасбродного. Например, в 1977 году он предложил ООН создать агентство по контактам с инопланетянами. Гейри заявил, что сам он давно состоит в связи с внеземным разумом, а также с всевышним, который и поручил ему пожизненно управлять Гренадой.^[428] Гейри даже сам сочинил молитвы в свою честь и велел читать их во всех церквях.

С массовыми протестами населения Гейри боролся, в том числе, и с помощью банд наемных убийц, так называемых «мангустов». Народ бежал с острова, и его население при Гейри сократилось в два раза. Только в 1972–1972 гг. ВВП Гренады рухнул на 33 %.^[429]

Оппозицию Гейри возглавило левое гражданское движение «Совместные усилия за благосостояние, образование и освобождение» (или «Нью Джуэл»)^[430].

Лидером движения был молодой юрист Морис Бишоп, который родился в 1944 году в семье рабочего. Бишоп окончил школу с золотой медалью и получил диплом юриста в Лондоне. Уже в британской столице он стал активистом гражданского движения против расовой дискриминации. Вернувшись на родину он был избран депутатом парламента и стал лидером оппозиции. Поклонник Че Гевары и Фиделя Кастро, Бишоп был прекрасным оратором, умело использовал народную речь и отличался блестящим чувством юмора. Свою первую дочь, родившуюся в 1969 году в браке с медсестрой Анджелой Редхед, он назвал в честь Н.К. Крупской — Надя. В 1978 году Бишоп женился второй раз на Жаклин Крефт и в 1978 году у них родился сын — Владимир Ленин Крефт (убит в 1994 году в Торонто во время драки).

Гейри считал Бишопа личным врагом после того как молодой юрист встал на сторону уволенных премьером медсестер, требовавших повышения заработной платы. В 1970 году Бишоп был арестован по указанию Гейри за организацию демонстрации солидарности с уволенными. Бишоп и его движение «Нью Джуэл» активно выступали также против распродажи гренадских пляжей богатым англичанам.

18 ноября 1973 года полиция разгромила собрание «Нью Джуэл». При задержании Бишопу сломали челюсть, а в тюрьме демонстративно сбрили бороду (унижение для гренадского мужчины). Эти события стали известны на Гренаде как «кровавое воскресенье». В 1974 году полиция убила отца Бишопа.

В 1976 году Народный альянс Бишопа (в который вошло и «Нью Джуэл») получил на выборах 6 из 15 мест в парламенте. Бишоп открыто высказался в пользу построения на Гренаде социализма и посетил Кубу. В ответ на постоянные репрессии властей «Нью Джуэл» образовало подпольные структуры и стало готовиться к свержению режима Гейри.

В полночь 13 марта 1979 года 50 вооруженных сторонников «Нью Джуэл»^[431] во главе с Бишопом начали «Операцию Яблоко». В то время как Гейри находился в США, революционеры захватили казармы,

радиостанцию и другие ключевые объекты в столице. В ходе бескровной революции было образовано народно-революционное правительство Гренады, в котором Бишоп занял пост премьер-министра.

15 марта 1979 года на заседании Совета национальной безопасности (СНВ) США, несмотря на сопротивление ЦРУ, было решено, что вернуть Гейри на Гренаду невозможно и надо признать новое правительство. [432] Однако американцы отказались выдать Гейри и послать на Гренаду своего посла.

Революционный режим активно боролся с бедностью и безработицей, охватившей к тому времени половину взрослого населения острова. На селе учреждались кооперативы и предприятия по производству продовольствия. В 1979–1982 гг. удалось увеличить производство в аграрном секторе на 20 %, несмотря на снижение мировых цен на мускатный орех — основной экспортный товар страны. Гренада впервые добилась самообеспечения продуктами питания.

Безработица уменьшилась почти втрое (до 14 % от самодеятельного населения), а рост ВВП Гренады в 1982 году составил 5,5 %, в то время как в США еще свирепствовал экономический кризис.

Была начата кампания по ликвидации неграмотности. В 1979–1983 гг. количество неграмотных сократилось с 35 % до 5 % от общего населения. Со временем образование на Гренаде стало таким престижным, что в местном университете появилось много американских студентов-медиков, которые не могли себе позволить учебу в США из-за ее дороговизны.

При Бишопе на Гренаде было введено бесплатное медицинское обслуживание.

В области внешней политики были установлены дружественные отношения с СССР и Кубой. С помощью кубинцев Гренада создала собственный рыболовный флот.

26-31 июля 1982 года премьер-министр Гренады впервые в истории посетил Советский Союз.

Стремясь создать независимую экономику, правительство Бишопы приняло специальную программу по развитию туризма. Причем предполагалось привлекать в страну иностранцев с невысокими доходами. Но для этого Гренаде был нужен новый международный аэропорт.

Впервые построить на Гренаде международный аэропорт и именно в целях развития туризма предложило еще правительство Великобритании в 1954 году. Позднее за строительство взялись было канадцы, но им не хватило средств.

Первоначально предполагалось строить аэропорт силами британских

компаний на кредиты Всемирного банка. Однако американцы сразу же после победы революции на Гренаде полностью заблокировали любую финансовую помощь острову со стороны подконтрольных Вашингтону международных финансовых организаций — МБРР и МВФ. В этих условиях Гренада согласилась принять помощь Кубы и на остров прибыли кубинские строители. В сооружении аэропорта принимали участие также Великобритания (английская компания «Плесси» руководила всем строительством), Алжир и Ливия.

Взлетно-посадочная полоса нового аэропорта должна была оставить 9000 футов (2700 метров). До этого на северной оконечности Гренады был лишь аэропорт с длинной полосы в 5200 футов («Пирлз Эйрстрип»), что не позволяло принимать большие пассажирские самолеты. Продлить полосу этого аэропорта не представлялось возможным — он был зажат между горами и океаном.

Новый аэропорт Пойнт-Сэлайнз был в октябре 1983 года построен на 85 % и должен был быть введен в строй в марте 1984 года.

В Вашингтоне сразу же без всяких доказательств окрестили кубинских строителей аэропорта «спецназом», а саму Гренаду стали именовать «советско-кубинским сателлитом». Строящийся аэропорт Пойнт-Сэлайнз администрация президента США Рейгана стал называть базой советских истребителей МиГ-29, которые якобы придут на Гренаду в случае мировой войны. Американцы твердили об «излишне протяженной» взлетно-посадочной полосе Пойнт-Сэлайнз, хотя на соседних Барбадосе и Тринидаде-и-Тобаго взлетные полосы были более 3 километров.

Рейгана несколько не смутили выводы члена конгресса США Рона Деллумса, посетившего Гренаду в 1983 году. Конгрессмен побывал на строительстве аэропорта и заявил, что не увидел никаких признаков его военного использования.

Уже 19 июня 1980 года ЦРУ организовало покушение на Бишопа во время военного парада. Был взорвана трибуна, на которой гренадский премьер находился вместе с послом Кубы и генерал-губернатором Великобритании. От смерти Бишопа спас лишь бетонный помост трибуны, но были ранены более 90 человек, погибла 13-летняя девочка и 23-летняя женщина.

В марте 1983 года Рейган предупредил, что США не потерпят «советско-кубинской милитаризации» Гренады. О военном предназначении Пойнт-Сэлайнз, согласно Рейгану, свидетельствовали «ненужные» для гражданской авиации цистерны с авиатопливом. Но на самом деле наземные танки с топливом говорили как раз о гражданском

предназначении аэропорта — на базах ВВС цистерны обычно были подземными.

Учитывая открыто враждебную политику США, Гренаде пришлось приступить к созданию собственных, хотя и очень небольших по численности, вооруженных сил. СССР, Чехословакия и Куба поставили на Гренаду стрелковое оружие (автоматы АК, пистолеты ПМ и ТТ, а также чехословацкие пистолеты Cz52), ручные гранаты Ф-1, гранатометы РПГ-7, пулеметы ПК, ДШК и Vz.52 (производства ЧССР). Из тяжелого оружия на вооружении гренадской армии находились 8 БТР-60 и две БРДМ-2, а также 82-мм минометы БМ-37 (которые были сняты с вооружения в Советской Армии еще в начале 70-х годов).

Силы ПВО Гренады состояли из двенадцати 23-мм спаренных зенитных установок ЗУ-23 (были приняты на вооружение в СССР в 1960 году). Вся артиллерия состояла из четырех полученных с Кубы советских пушек калибра 76.2 мм ЗИС-3, образца 1942 года.

Американцы использовали весьма небольшие поставки советского оружия на остров для развертывания антигренадской компании. Мол, Гренада представляет военную угрозу для своих соседей. При этом ни танков, ни авиации, ни серьезной артиллерии, ни военного флота у Гренады не было.

Однако Вашингтон использовал своих марионеток из Организации Восточнокарибских государств, которые послушно повторяли американские сентенции о «гренадской угрозе». Сама организация была создана в 1981 году и объединила шесть островных государств Карибского моря, бывших британских колоний, — Антигуа и Барбуда, Доминика, Гренада, Монтсеррат, Сент-Люсия, Сент-Китс и Невис, Сент-Винсент и Гренадины. Гренада вошла в этот блок, так как его формально заявленной целью было развитие регионального экономического сотрудничества.

Бишоп искренне пытался наладить нормальные отношения с США и 31 мая 1983 года после долгих проволочек с американской стороны все же смог прибыть с визитом в Вашингтон. Но лидера суверенного государства на 30 минут приняли лишь помощник президента США по национальной безопасности Кларк и заместитель госсекретаря Дэм. Бишоп в который раз заверил, что Гренада не представляет опасности для США и в который раз его заверения были «приняты к сведению». Еще бы: территория всей «опасной» Гренады была в 26 тысяч раз меньше площади США.

Осенью 1983 года обострились отношения внутри гренадского революционного правительства. Бишоп выступал за осторожное продвижение к социализму (чтобы не давать американцам предлога для

интервенции), а военное руководство (генерал Хадсон Остин)^[433], заместитель премьера Бернارد Корд наоборот стремились ускорить социальные реформы. 12 октября 1983 года ЦК партии «Нью Джуэл» обвинил только что вернувшегося из зарубежной поездки Бишопа в распространении слухов о том, что Корд и его жена Филлис якобы хотят убить премьера. Бишоп был помещен под домашний арест, но как только об этом стало известно населению, на Гренаде начались массовые демонстрации в поддержку Бишопа.

18 октября 1983 года при посредничестве застигнутой врасплох гренадским внутривластным кризисом Кубы был достигнут компромисс — Бишоп согласился вернуться на пост премьера и выработать совместную линию с большинством ЦК «Нью Джуэл». Но ситуация на улицах уже вышла из-под контроля. В 9.30 19 октября толпа сторонников освободила Бишопа и двинулась на штурм штаб-квартиры народной армии в Форт-Руперте, которую и захватила. Комендант форта отдал приказ не оказывать народу сопротивления.

Нападавшие стали раздавать населению оружие и в этих условиях ЦК «Нью Джуэл» приняло решение послать войска для того, чтобы отбить Форт-Руперт. Форт был взят (при штурме погибло двое военнослужащих), а Бишопа захватили в плен. Возмущенные гибелью своих сослуживцев солдаты расстреляли Бишопа и 10 его сторонников, в том числе и беременную жену премьера — министра образования Жаклин Крефт. Трупы были вывезены за город, сожжены и тайно захоронены. По другим данным решение о расстреле Бишопа было принято на заседании ЦК «Нью Джуэл».

Есть версия, что убийство Бишопа совершили агенты ЦРУ внедренные в его личную охрану. Всю операцию якобы спланировала резидентура ЦРУ на Барбадосе.

Во второй половине дня 19 октября 1983 года генерал Хадсон Остин выступил по радио и объявил о переходе всей власти к армии в лице Революционного военного совета. Остин обвинил Бишопа в попытке переворота и стремлении уничтожить все руководство «Нью Джуэл». Был объявлен четырехдневный тотальный комендантский час. Новое руководство заявило о формировании в течение двух недель представительного гражданского правительства и уважении прав иностранных инвесторов.

На Кубе были потрясены убийством Бишопа, близкого друга Фиделя Кастро, и на Острове Свободы был объявлен трехдневный траур. В отношении нового гренадского руководства кубинцы заняли

выжидательную позицию, дожидаясь первых конкретных шагов Революционного военного совета.

В США между тем решили немедленно воспользоваться внутренним конфликтом на Гренаде, чтобы задушить революцию в этой стране. В качестве предлога для военной интервенции были выбраны просьбы о помощи со стороны учившихся на Гренаде американских студентов из университета гренадской столицы Сент-Джорджеса. При этом студентов никто не трогал и ни о какой помощи никого они не просили.

По данным руководства университета из 500 американских студентов пожелали вернуться на родину лишь 10–15 человек. Причем гренадские власти заверили, что никто мешать им не станет. На Гренаду для встреч с соотечественниками приехали дипломаты из Канады, США и Великобритании, но никаких жалоб они не услышали. В Нью-Йорке прошел митинг родителей студентов, потребовавших от правительства США не предпринимать никаких военных мер против Гренады.

Так как «студенческая карта» явно не сыграла, «на всякий случай» американцев попросили вмешаться с целью установления порядка на Гренаде страны-члены Организации Восточнокарибских государств, а также Барбадос и Ямайка. Соответствующее решение было принято 22 октября 1983 года.

Свою военную операцию против Гренады американцы назвали «Вспышка ярости (Urgent Fury). Официально президент США Рейган сообщил военным, что их миссией является спасение американских граждан на Гренаде, подавление возможного сопротивления и поддержание порядка на острове.

21 октября 1983 года начало операции (час Н) было намечено на 25 октября, 2.00 часа.

В 1981 году во время совместных маневров флотов США, Голландии и Великобритании «Оушен Венчур» уже имитировалась высадка на Гренаду. По сценарию учений в островном государстве «Эмбер» (т. е. «Янтарь») произошли беспорядки и силы вторжения должны были эвакуировать американских граждан. При этом первоначально следовало захватить аэропорт столицы «Эмбера». Десантная операция отрабатывалась на островке Вьекес недалеко от Пуэрто-Рико. В 1983 году оставалось лишь превратить учения 1981 года в реальную боевую операцию.

На Гренаде как могли готовились к вторжению. Радио страны начиная с 20 октября передавало призывы к населению встать на защиту родины. Лидер Революционного совета Остин обратился к Фиделю Кастро с просьбой прислать на остров кубинские войска. Но Гавана ответила

отказом — кубинцы не хотели давать США желанный повод для агрессии. Кубинским рабочим и советникам был отдан приказ не вмешиваться в боевые действия и применять оружие лишь для самообороны. На Кубе не исключали, что американцы действительно высадутся лишь для того, чтобы забрать своих студентов, а потом уберутся восвояси.

В телеграмме, которую Фидель Кастро направил 22 октября 1983 года в кубинское посольство на Гренаде, говорилось: «...Если США осуществят интервенцию, наш долг — решительно, как если бы мы находились на Кубе, защищаться у наших лагерей и у мест работы — однако лишь в том случае если мы подвергнемся непосредственному нападению. Я повторяю: только если мы подвергнемся непосредственному нападению...»^[434]

Кубинцы могли бы заранее эвакуировать с Гренады все своих граждан — в акватории гренадской столицы стояло кубинское судно «Героический Вьетнам», осуществлявшее радиосвязь с Гаваной кубинского персонала на острове. Но было сочтено, что в условиях грозящего вторжения США нельзя бросать Гренаду на произвол судьбы.

Для организации обороны строительного объекта в Пойнт-Сэлайнз 24 октября 1983 года с Кубы прилетел полковник Педро Тортоло, выпускник советской Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Средний возраст 635 кубинских рабочих на Гренаде был 38 лет, а некоторым было и за 50. Когда-то они прошли действительную военную службу или подготовку в рядах народной милиции Кубы, но реального боевого опыта не имели. В преддверие вторжения каждому дали автомат АК и 100 патронов. Вокруг базы рабочих (находилась примерно в 1200 метрах к северо-востоку от здания терминала аэропорта) вырыли неглубокие траншеи (грунт был скалистый), проложили линии полевой телефонной связи и оборудовали два медпункта. Помимо стрелкового оружия для обороны имелись несколько легких минометов и 90-мм безоткатных орудий.

Из 43 кубинских военных советников на Гренаде было 34 офицера (в том числе одна женщина), но из них лишь 6 являлись боевыми пехотными офицерами. Остальные представляли вспомогательные службы — советники по связи, инженерному обеспечению, финансам, переводчики и т. д.

Непосредственно за оборону строительной базы кубинских рабочих отвечал подполковник Орландо Матаморос, ветеран революционной войны на Кубе 1956–1958 гг.

Зенитная охрана аэропорта Пойнт-Сэлайнз находилась в руках гренадской армии.

Из граждан других стран на Гренаде на момент вторжения находились 49 советских дипломатов, 24 представителя КНДР, 16 — ГДР и 14 болгар. [\[435\]](#)

Между тем на Барбадос были переброшены американские разведывательные самолеты, которые после дозаправки еще перед рассветом в 3.00 25 октября 1983 года взяли курс на Гренаду. Другая часть десанта поднялась в воздух с Флориды. Десант спецназа (батальон «рейнджеров») должен был захватить строящийся международный аэропорт Пойнт-Сэлайнз и обеспечить прибытие подкреплений из состава ударной 82-й воздушно-десантной дивизии, которая и должна была затем установить контроль над всем островом.

«Рейнджеры» (или «черные береты»; входили в состав сухопутных войск США) предназначались для быстрых, главным образом ночных операций по внезапному захвату отдельных объектов. К длительным затяжным боям спецназ не готовили, поэтому его вооружение было легким — помимо автоматического стрелкового оружия по два 60-мм миномета на роту, несколько противотанковых гранатометов и смонтированные на джипах пулеметы М-60. Все «рейнджеры» имели приборы ночного видения и опыт затяжных парашютных прыжков.

«Вспышка ярости» стала самой крупной военной операцией США после позорного поражения американской армии во Вьетнаме. В Белом доме придавали быстрой и победоносной войне огромное психологическое значение — оккупация Гренады была призвана избавить американское общество от «вьетнамского синдрома», то есть от антивоенных пацифистских настроений.

Всего к операции привлекалось до 20 тысяч военнослужащих специальных войск, морской пехоты, ВМС и воздушно-десантных войск США. Непосредственно на Гренаде должны были действовать 7,5 тысяч военнослужащих элитных подразделений. В качестве «фигового листка», призванного символизировать «международный» характер интервенции, использовали 353 солдата и офицера так называемых «Карибских миротворческих сил» из стран Организации Восточнокарибских государств, в том числе 120 человек с Ямайки, которая вообще в эту организацию не входила.

У побережья Гренады заняла боевую позицию авианосная группа ВМС США — авианосец «Индепенденсе» [\[436\]](#) и 6 боевых кораблей сопровождения. Только на одном авианосце базировалось более 70 боевых самолетов. У Гренады был задержан и вертолетоносец, боевой десантный корабль «Гуам» (водоизмещением более 19 тысяч тонн), направлявшийся в

Средиземное море. Именно «Гуам» с 1965 года был ядром ударной военно-морской группировки быстрого реагирования ВМС США, предназначенной для действий против стран Центральной Америки и Карибского бассейна.

Вся армия Гренады милиционного типа насчитывала не более 1500 человек, к тому же она была расколота событиями октября 1983 года и деморализована смертью очень популярного в стране Бишопа. Заметим, что все население острова на тот момент не превышало 110 тысяч человек.

Однако легкой прогулки на Гренаде у американской армии все же не получилось. Уже в воздухе «рейнджеры» получили данные разведки о том, что взлетно-посадочная полоса аэропорта Пойнт-Сэлайнз заблокирована строительными конструкциями, грузовиками и бульдозерами, а значит придется прыгать с парашютом. Пришлось срочно одевать парашюты и избавляться от походного оснащения. Из-за нехватки времени было решено отказаться от резервных парашютов, крепившихся на груди. К тому же на малых высотах резервный парашют все равно бы не успел раскрыться.

Высадка парашютного десанта (батальон «рейнджеров») в Пойнт-Сэлайнз началась примерно в 5.30 утра 25 октября. «Рейнджеры» прыгали сразу из двух дверей самолета С-130, и одновременно каждую секунду в воздухе находилось четыре человека. Из-за зенитного огня «рейнджерам» пришлось прыгать с малой высоты (500 футов или 200 метров).

Высадка прошла без потерь, если не учитывать разбившихся на малой высоте двух парашютистов. Кубинцы не вмешивались, а небольшое подразделение охраны аэропорта гренадской армии лишь азартно, но неумело палило из зенитных установок и стрелкового оружия по десантным самолетам С-130. Тем не менее, гренадцы отогнали два самолета С-130 и высадка «рейнджеров» затянулась на 2 часа.

Но как только спецназовцы примерно в 7.30 начали наступление в сторону барачных кубинских рабочих (так называемая «Малая Гавана» к северу от взлетно-посадочной полосы) С-130, они попали под хорошо скоординированный огонь, который вели из стрелкового оружия кубинские строители и советники (примерно 700 человек) и гренадские ополченцы.

Синхронно с атакой на кубинцев США направили через посольство Швейцарии^[437] Кубе ноту, в которой заверяли, что «предпринимаются и будут предприниматься все усилия для обеспечения безопасности» граждан Кубы на Гренаде.^[438]

При этом высадку американцев прикрывали четыре самолета АС-130, каждый из которых имел на вооружении две 20-мм пушки (скорострельностью 2500 выстрелов в минуту), две шестиствольные

пулеметные установки пулеметов «гэтлинг» калибра 7.62 мм (каждая установка производила до 6000 выстрелов в минуту) и даже 105-мм орудие, стрелявшее прямо из парашютной двери самолета. ^[439]

На транспортных самолетах С-130 перебрасывались и неразобранные вертолеты АН-6 и МН-6 («литтл берд»), окрашенные в черный цвет без опознавательных знаков.

В 10.45 25 октября командующий батальном «рейнджеров» в аэропорту Пойнт-Сэлайнз с удивлением увидел, что из американского транспортного самолета С-130 высаживаются люди в странной форме — их даже приняли поначалу за гренадских военных. Но это оказались восточнокарибские «союзники», об участии которых в агрессии «рейнджеры» не имели ни малейшего понятия. Удивление было взаимным — «союзники» тоже не имели ни малейшего представления о том, что им надо делать на Гренаде. Им приказали лишь во всем слушаться американцев.

Несмотря на огромное огневое превосходство, спецназ США в течение суток так и не смог установить полный контроль над аэропортом и прилегающими высотами, и 26 октября были вызваны два батальона подкреплений. У кубинцев и гренадцев не было тяжелого вооружения, боезапас был крайне ограничен, и их сопротивление в конце концов было подавлено.

На активный отпор гренадских ополченцев натолкнулись и высадившиеся с вертолетов утром 25 октября на аэродроме Пирлз Эйрстрип (север Гренады) американские морские пехотинцы. Вторую волну вертолетного десанта встретили советские установки ЗУ-23. Морпехи окопались и запросили огневой поддержки боевых вертолетов «Си Кобра».

25 октября американские журналисты связались по телефону со студентами-медиками на Гренаде, которые еще раз подтвердили, что им никто не угрожал. Университет Сент-Джорджеса находился прямо рядом с аэропортом Пойнт-Сэлайнз и силы вторжения быстро «спасли» ничего не подозревавших студентов. Причем студенты до этого почти весь день прятались под кроватями и в туалетах именно от огня своих «освободителей» — они не понимали кто и зачем стреляет в аэропорту.

Примерно в это же время Рейгану позвонила премьер-министр Великобритании Тэтчер и жестко потребовала прекратить высадку на Гренаде. Саму Тэтчер просил вмешаться новый гренадский лидер Остин. Требование «железной леди» в Вашингтоне проигнорировали.

Морская пехота с севера, а также десантники и «рейнджеры» из

аэропорта начали двигаться на столицу Гренады Сент-Джорджес. Еще одна группа морской пехоты высадилась на берег Гренады с помощью 13 амфибийных машин десанта и пяти плавающих танков.

Американцы якобы «случайно» нанесли удар с воздуха по госпиталю для душевнобольных, убив как минимум 20 человек (по другим данным — 47). Правда, в 1983 году США объясняли удар по госпиталю тем, что на нем был флаг армии Гренады, а значит, больницу можно было считать «боевой позицией».

Утром 26 октября 1983 года американцы при поддержке авиации с авианосца «Индепенденс» приступили к решающему штурму столицы и в 7.12 овладели резиденцией генерал-губернатора.^[440] Интервенты разгромили здание радиостанции «Свободная Гренада», которое горело целый день.

27 октября десантники 82-й дивизии^[441] в столице Гренады запросили бомбардировку с воздуха «важного укрепленного объекта» Форт-Адольфус, который они должны были по плану взять штурмом. Лишь в последний момент выяснилось, что форт — резиденция посольства Венесуэлы. Не отличавшиеся большой грамотностью десантники видели над фортом какой-то флаг (венесуэльский), но не смогли его идентифицировать и решили, что он боевой гренадский.

На улицах гренадской столицы не было ни души, лишь на горизонте, в море, маячили корабли эскадры вторжения. Тем не менее, американцы уничтожили массивной бомбардировкой резиденцию Бишопа (Батлер-Хаус). До сих пор руины специально не восстановленной резиденции напоминают всем о трагическом октябре 1983 года.

Морской пехоте срочно поручили «освободить» якобы захваченных «коммунистами» 400 иностранных граждан в столичном отеле «Росс Пойнт Инн». Дело было в том, что Рейган готовился сообщить соотечественникам о победе на Гренаде и ему срочно понадобились на телеэкранах счастливые вызволенные жертвы «марксистской тирании». Американцы нашли в отеле примерно 20 иностранцев, преимущественно канадцев, которые вежливо сообщили, что хотели бы продолжить свой отдых и никуда не поедут.

27 октября 1983 года войска США получили задание установить контроль над казармами Каливиньи на южной оконечности Гренады. Разведка сообщила, что казармы якобы обороняют 400 кубинцев и 30 «русских». Поэтому намеченный первоначально на 25 октября штурм окрестили «миссией смерти» и отложили. Боевые вертолеты, самолеты с авианосца,^[442] семнадцать 105-мм гаубиц из Пойнт-Сэлайнз должны были

«сравнять с землей» военный городок, после чего его должен был зачистить вертолетный десант на 16 «черных ястребах» (вертолеты UH-60 “Black Hawk”), по четыре вертолета в каждой волне.^[443] Заметим, что и «русских», и кубинцев планировалось попросту истребить — никто даже и не пытался предложить им сложить оружие.

Но американская разведка как всегда ошиблась — из лагеря Каливиньи еще 23 октября были выведены все войска (причем гренадские — никаких десятков «русских» и сотен кубинцев там не было) и он был пуст. Но готовившиеся к атаке «рейнджеры» и морские пехотинцы об этом не знали. В 16.00 27 октября 17 гаубиц из аэропорта (примерно в 8 километрах от цели атаки) открыли огонь по Каливиньи, выпустив более 500 снарядов. Только два из них попали на территорию лагеря, а остальные упали в море — американские артиллеристы использовали неправильные данные по дистанции, а прицелы они забыли в США. Таким же неточным был и обстрел с американских кораблей.

Однако лагерь основательно проутюжили с авианосца штурмовики А-7 (8 боевых вылетов), а также самолет АС-130.

Высадка с первого «черного ястреба» (в каждом вертолете было примерно 15 бойцов спецназа) прошла успешно. Затем сел второй вертолет, но в него почти сразу же врезался третий — летчики спешили, ожидая огонь противника. Четвертый вертолет совершил резкий вираж, чтобы не врезаться в третий, но повредил ротор хвостового винта. Пилот не заметил повреждения и пытался подняться в воздух. «Ястреб» взлетел и тут же рухнул на землю — от ударов разлетевшихся частей двигателя погибло три человека, а четверо были тяжело ранены.^[444]

Это было настоящее фиаско, тем более, если учесть, что ни одной живой (или мертвой) души в лагере не обнаружили. Захватчиков встретила лишь надпись «I love Fidel Castro».

На Гренаде начались повальные обыски и аресты тех, кого подозревали в сочувствии к «Нью Джуэл». При попытке отплыть с Гренады в Гайану американцы арестовали Хадсона Остина, который был в 1986 году вместе с другими гренадскими лидерами приговорен к смертной казни, замененной в 1991 году пожизненным заключением. В декабре 2007 года он был амнистирован и отпущен на свободу.

В ходе агрессии против крошечной Гренады США потеряли 19 человек убитыми, 116 ранеными. На гренадской стороне было 45 убитых и 358 раненых. Было убито 25 кубинцев, ранено — 59, 638 захвачено в плен.

Генеральная Ассамблея ООН 108 голосами против 9 (27 стран

воздержались) осудила вторжение США на Гренаду как «вопиющее нарушение международного права».^[445] Причем агрессию США критиковали не только социалистические страны, но и Канада, Франция и Великобритания.

В Совете Безопасности (СБ) ООН США наложили вето на соответствующую резолюцию, внесенную Никарагуа, Зимбабве и Гайаной. Из 15 стран-членов СБ ООН резолюцию поддержали помимо ее инициаторов СССР, КНР, Франция, Мальта, Нидерланды, Пакистан, Польша и Иордания. Великобритания, Заир и Того воздержались. Президент США Рейган в ответ публично заявил, что осуждение США в Генеральной Ассамблее ООН «не смогло испортить мне завтрак».^[446]

Интервенцию осудил лидер Социалистического Интернационала и председатель Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Вилли Брандт. Скорбь и сочувствие выразил папа Римский.

В заявлении ТАСС от 25 октября 1983 года говорилось, что «речь идет о прямой вооруженной агрессии против миролюбивого народа малой, никому и ничем не угрожавшей страны».^[447]

Вместе с оккупантами на Гренаду вернулся Гейри, утверждавший, что он коренным образом изменился. Но ни в 1984 году, ни позднее он так и не смог выиграть выборы и умер в 1997 году.

Американские войска ушли с Гренады в декабре 1983 года. Новым премьером стал в 1984 году лидер правой Гренадской национальной партии Герберт Блейз, управлявший островом до 1989 года. Причем «демократический» премьер стал по совместительству и министром безопасности, внутренних дел, информации, финансов, торговли, планирования и промышленного развития. Новый сервильный проамериканский режим провозгласил день начала агрессии США национальным праздником — Днем благодарения.

Но история всегда все расставляет на свои места. В 2009 году главный аэропорт Гренады Пойнт-Сэлайнз был назван именем Мориса Бишопа — Maurice Bishop International Airport (MBIA). До сих пор почти все гренадцы считают Бишопа национальным героем страны, искренне и бескорыстно стремившимся уничтожить бедность, отсталость и угнетение.

Объединение Германии: как это было

К середине 1980-х годов два германских государства — ФРГ и ГДР воспринимались во всем мире как реальность, и никто не ожидал, что здесь возможны какие-либо изменения. И ГДР и ФРГ были членами ООН и имели дипломатические отношения с подавляющим большинством государств мира. ФРГ была ключевым союзником США по НАТО и на территории страны стояла внушительная американская военная группировка, оснащенная ядерным оружием. ГДР была столь же важным союзником СССР по Варшавскому договору (ОВД) и на территории этой страны дислоцировалась не менее мощная группировка Советской Армии.

Приход к власти в СССР М.С. Горбачева в 1985 году на первых порах не внес в германские дела никаких изменений. Однако радикализация перестройки в 1988 году и первые признаки внутренней нестабильности в СССР (конфликт в Карабахе, образование националистических «народных фронтов» в Прибалтике) заставил Запад, и, прежде всего, США вновь выдвинуть германский вопрос в повестку дня мировой политики. В Вашингтоне и Бонне внимательно наблюдали за охлаждением отношений между ГДР и СССР, так как Восточная Германия не желала следовать по пути горбачевской перестройки, считая его губительным для социализма.

Между тем отмечался рост авторитета ГДР на международной арене: 15 августа 1988 года ЕС и ГДР установили дипломатические отношения.^[448] Без эксцессов прошли местные выборы в ГДР в мае 1989 года. Но именно в мае 1989 года руководство США решило, что германский вопрос после десятилетнего забвения вновь становится актуальным. Госсекретарь США Бейкер сказал президенту Бушу 17 мая 1989 года (обсуждалась подготовка очередного саммита НАТО): «Несомненно, эта тема возвращается (на международную арену). Реальный вопрос заключается в том, ухватится ли за нее Горбачев первым».^[449] Причем американцы полагали, что встает вопрос именно об объединении Германии, но решили пока не употреблять этого слова, заменив его «нормализацией». Это было сделано потому, что США были удовлетворены политикой Горбачева, которая вела, с их точки зрения, к ослаблению как самого СССР, так и советского влияния в Восточной Европе. Неосторожные и слишком радикальные фразы могли «вспугнуть» Горбачева и его консервативных противников в Политбюро ЦК КПСС, а этого США хотели избежать.

Во время своего визита в ФРГ 31 мая 1989 года президент Буш

призвал к разрушению «железного занавеса» в Европе, и, прежде всего, в Берлине: “Let Berlin be next!”.

Не без влияния нового американского курса в германском вопросе тысячи граждан ГДР отказались возвращаться домой из Венгрии (где они традиционно проводили свой отпуск), и требовали пропустить их оттуда в ФРГ. 17 июля 1989 года венгерское руководство по просьбе США и ФРГ и без консультаций с ГДР (союзником Венгрии по Варшавскому договору) принимает решение об открытии венгерско-австрийской границы и о пропуске граждан ГДР в Австрию без всяких формальностей. Когда президент США Буш посетил Будапешт в июле 1989 года, премьер-министр Венгрии Немет театрально подарил ему кусок колючей проволоки из бывшего «железного занавеса» на венгерско-австрийской границе. К концу августа 1989 года через Венгрию в ФРГ бежало примерно 1600 граждан ГДР.

Под влиянием такой позиции Венгрии тысячи граждан ГДР укрылись на территории посольства ФРГ в Праге, и тоже требовали выезда в ФРГ. Но если госсекретарь США Бейкер убедил венгров открыть границу, то переговоры его с ЧССР первоначально результатов не принесли.

14 августа 1989 года глава ГДР Эрих Хонеккер заявил: «Триумфальные вопли западных СМИ о крахе социалистического общественного строя не стоят даже тех денег, которые за них заплачены».^[450] На следующий день посольство ФРГ в Праге покинули 168 граждан ГДР, которые вернулись на родину, где им было обещано решить вопрос об их выезде в ФРГ в установленном законами ГДР порядке.

7 сентября 1989 года в Польше к власти пришло первое в послевоенной истории страны коалиционное правительство коммунистов и оппозиции во главе с Т. Мазовецким — противником социализма. Тем не менее, США по воспоминаниям тогдашнего госсекретаря Бейкера, даже не могли себе представить, что Горбачев может так же «сдать» ГДР. Сам Бейкер понимал, что для советского народа воспоминания об ужасах Второй мировой войны предопределяют особую чувствительность в отношении всего, что касается Германии.^[451] Однако визит Горбачева в Берлин на 40-летие ГДР в октябре 1989 года произвел на американцев впечатление разорвавшейся бомбы. Горбачев, как поняли в Вашингтоне, предоставил ГДР ее собственной участи, заявив, что политика в отношении ГДР определяется не в Москве, а в (восточном) Берлине.^[452]

На следующий день после выступления Горбачева в Берлине, госсекретарь США впервые за многие десятилетия публично заявил, что

Америка поддерживает воссоединение (reunification) Германии. При этом американцы видели единую Германию только в «демократическом сообществе европейских наций», то есть в НАТО. Фактически такая линия означала не реальное объединение двух германских государств, а поглощение восточной Германии Германией западной.

Сразу же после отъезда Горбачева из Берлина в Лейпциге 9 октября 1989 года начались вечерние несанкционированные демонстрации, которые первоначально проходили под лозунгом привнесения советской перестройки в ГДР.

Американцы (в том числе и спецслужбы США) считали, что Хонеккер контролирует ситуацию и не пойдет на поводу у демонстрантов. Госсекретарь Бейкер опять решил на время убрать из публичных выступлений американских официальных лиц слово «воссоединение». В США не исключали, что руководство ГДР прибегнет к «китайскому способу» борьбы с манифестантами — то есть применит силу как это сделали в КНР на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 года, подавив танками оппозиционную демонстрацию. Но ни руководство ГДР, ни советские войска в Германии не собирались применять силу.

Позднее председатель СДПГ и бывший канцлер ФРГ Вилли Брандт говорил, что 9 октября 1989 года (день первой несанкционированной демонстрации в Лейпциге) войдет в историю «советско-германской дружбы как особый день, так как в этот день советские офицеры предотвратили кровавую бойню в Лейпциге».^[453] На самом деле никакой бойни и не планировалось: и войска, и народная полиция ГДР получили строгий приказ оружия не применять. Брандт просто хотел противопоставить «голубя» Горбачева «ястребу» Хонеккеру.

Однако в руководстве ГДР к октябрю 1989 года сформировалась оппозиционная Хонеккеру группа во главе с Эгоном Кренцем, которая фактически требовала пересмотра всей внутренней политики и стремилась привнести в ГДР советскую перестройку. 10–11 октября 1989 года на заседании политбюро ЦК СЕПГ Хонеккер впервые столкнулся с резкой критикой многих членов этого высшего партийного органа.^[454] 13 октября политбюро, после совещания с секретарями окружных комитетов СЕПГ, окончательно отдает приказ всем силовым структурам ГДР не применять оружие против мирных демонстраций, пусть и несанкционированных. Кренц проинформировал Горбачева, что 17 октября планируется сместить Хонеккера с поста генерального секретаря ЦК СЕПГ. Горбачев одобрил эти планы.

На заседании Политбюро ЦК СЕПГ 17 октября тяжело больной Хонеккер^[455] провидчески предостерег, что его снятием проблем ГДР не решит: «...Противник и впредь будет действовать настойчиво. Никто не успокоится... Мое смещение показывает, что мы поддаемся шантажу...». ^[456] Сам Хонеккер тоже проголосовал за свое освобождение от занимаемой должности, и решение политбюро было принято единогласно. Новым генеральным секретарем ЦК СЕПГ был избран Кренц, который в этот же день объявил о решительных переменах в ГДР в духе демократизации общества.

Но фактически эти перемены приобрели неконтролируемый характер. Уже 24 октября состоялась массовая манифестация против самого Кренца, которого западные СМИ (и, прежде всего, западногерманские) без всяких оснований окрестили «ястребом» и сторонником «китайского варианта» решения внутренних проблем ГДР.

США немедленно подхватили лозунг о необходимости применения в ГДР советской политики гласности и перестройки, так как видели в этом верное средство ослабления Восточной Германии. Госсекретарь Бейкер заявил в Нью-Йорке, что пришло время для гласности и перестройки в Восточной Германии.^[457] Однако Бейкер говорил не о воссоединении Германии, а о «примирении» двух немецких государств на основе принципа самоопределения. Американцы опять смягчили тон, чтобы укрепить позиции Горбачева. И они не ошиблись. 25 октября 1989 года Горбачев заявил в Хельсинки, что СССР не будет вмешиваться в политику восточноевропейских стран. Бейкер воспринял это как «ясный зеленый свет» для активного наступления Запада в германском вопросе.^[458]

3 ноября 1989 года Кренц объявил, что граждане ГДР могут выезжать в ФРГ через ЧССР и Венгрию без всяких формальностей, призвав одновременно восточных немцев оставаться в стране. Однако до 9 ноября 1989 года ГДР покинули примерно 40 тысяч человек.^[459]

9 ноября 1989 года неожиданно для всего мира и самого руководства ГДР член политбюро ЦК СЕПГ Шабовски заявил на пресс-конференции, что граждане ГДР могут переходить в Западный Берлин без всяких формальностей. Вообще ГДР планировала ввести новые облегченные правила выезда из страны 10 ноября, но Шабовски почему-то сказал, что они вступают в силу немедленно. В этот же день толпа начала разрушать стену в Берлине. Кренц описал это так: «В течение короткого времени случается то, чего никто не ожидал. Жители Берлина отправляются к стене. На автобанах нарастает поток машин в западном направлении».

[\[460\]](#) Ошеломленная народная полиция ГДР, не получившая никаких указаний относительно правил выезда, бессильно смотрела на то, как пограничный режим был ликвидирован явочным порядком.

Только 9-13 ноября 1989 года ФРГ и Западный Берлин посетили около трех миллионов граждан ГДР (из 16 миллионов населения). Восточных немцев приманивали тем, что давали каждому, кто посетил ФРГ впервые, так называемые «приветственные деньги» (Begrussungsgeld) в размере 100 марок ФРГ.

Бейкер вспоминал, что им «как американским государственным деятелем» овладело странное чувство — новость о падении стены была слишком неожиданной и слишком хорошей, чтобы в нее поверить. Американцы боялись, что в Германии развиваются неконтролируемые процессы. Именно поэтому в телефонном разговоре с министром иностранных дел ФРГ Геншером сразу после падения стены Бейкер подчеркнул, что от свободы передвижения до воссоединения Германии — длинный путь. Геншер заверил американцев, что единая Германия в любом случае будет членом НАТО. [\[461\]](#)

Во время телефонного разговора Бейкера и Геншера было принято судьбоносное решение — вопросом объединения Германии должны заниматься, прежде всего, сами немцы, а не четыре державы-победительницы (США, СССР, Великобритания и Франция) как это предписывало Потсдамское соглашение четырех держав 1945 года. Однако Бейкер и Буш прекрасно сознавали, что с такой формулой не согласится не только СССР, но и Великобритания [\[462\]](#) и Франция, а также соседи Германии на востоке — Чехословакия и Польша. Первые две страны вообще хотели отложить объединение Германии на неопределенный срок, так как опасались появления немецкого гиганта в Европе, который стал бы ключевым членом НАТО. СССР, Польша и Чехословакия, естественно, хотели, чтобы Германия гарантировала их послевоенные границы. Москва к тому же, как предполагали в Вашингтоне, будет решительно возражать против членства объединенной Германии в НАТО. Ведь именно в ответ на вступление «малой» ФРГ в НАТО в мае 1955 года был создан оборонительный военный союз социалистических стран — Варшавский договор.

На следующий день после падения стены Тэтчер позвонила Колю и предупредила, что для Великобритании главным является не объединение Германии, а создание в ГДР демократического правительства.

Американцы между тем укрепились в своих подозрениях

относительно позиции Москвы, когда Буш 12 ноября 1989 года получил письмо от Горбачева, в котором советский лидер выражал обеспокоенность «хаосом» в ГДР (такие опасения были и у госсекретаря Бейкера) и критиковал «политический экстремизм» Западной Германии в вопросе об объединении. Американцы успокоили советского лидера тем, что заявили о поддержке процесса перестройки.

13 ноября 1989 года на ужине с участием президента США Буша, госсекретаря Бейкера, секретаря Совета национальной безопасности (СНБ) Скоукрофта и Киссинджера было констатировано, что объединение Германии «неизбежно». Однако Буш сказал, что предпочитает видеть этот процесс в форме «осторожной эволюции».

И США, и СССР готовились к запланированной ранее встрече в верхах на Мальте, где первоначально вообще не предполагалось обсуждать германский вопрос. Американцы и после падения стены хотели придерживаться прежней линии. Им удалось побудить Горбачева публично согласиться на формулу: «Мальта — это не вторая Ялта». То есть, СССР и США больше не будут обсуждать ситуацию в Европе (а именно в Германии) без участия самих европейцев.^[463] Это успокоило канцлера ФРГ Коля, который боялся, что СССР и США решат снять вопрос германского объединения с повестки дня (именно этого добивались Лондон и Париж).

И все же Коля настолько не доверял своим союзникам по НАТО, что без всяких консультаций с ними (в том числе и с США) 28 ноября 1989 года неожиданно для всего мира выступил в бундестаге с планом из 10 пунктов, предлагавшим создание конфедерации ГДР и ФРГ. В этот же день американцы получили послание Кренца, в котором тот заверял в своей решимости продолжать реформы в ГДР, но исходил из необходимости существования двух германских государств, как краеугольного камня системы безопасности в Европе.^[464] Кренц не возражал против конфедерации, но весьма логично считал предпосылкой для нее роспуск НАТО и ОВД — было бы странно, если бы члены конфедерации находились в противоположных военных союзах. Сходное послание Кренц направил Горбачеву. Американцы поняли этот как позицию, которую СССР и ГДР не намерены уступить во время встречи на Мальте.

Демарш Коля расстроил Москву: на пресс-конференции в Италии перед отбытием на Мальту Горбачев заметил, что объединение Германии не стоит на повестке дня, хотя его и нельзя исключить в долгосрочной перспективе. 5 декабря 1989 года во время визита Геншера в Москву советское руководство решительно отвергло план Коля — ФРГ не должна

предписывать другому германскому государству как себя вести.

План Коля решительно отвергла премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер — сначала ГДР должна стать демократическим государством, это займет время, в течение которого границы в Европе должны оставаться неизменными. Министр иностранных дел Великобритании Хэрд заметил в беседе с Бейкером, что 10 пунктов Коля надо дополнить одиннадцатым: «Нельзя делать ничего, что бы разрушило баланс сил и стабильность в Европе...».^[465]

Президент Франции Миттеран вообще не скрывал своего возмущения Колем: за три дня до выступления канцлера в бундестаге Миттеран встречался с Колем и тот ни словом не обмолвился о своей предстоящей инициативе. В знак протеста Миттеран объявил, что посетит ГДР с официальным визитом в декабре 1989 года (причем президент Франции тоже не предупредил Коля об этом своем плане). Тем самым, Париж, как и Москва, поддерживал Восточную Германию как самостоятельное государство.

Но на стороне ФРГ твердо стояли американцы, зафиксировавшие перед встречей на Мальте свои 4 пункта по германскому вопросу:

— вопрос объединения Германии должен решаться на основе принципа самоопределения наций. Ни один из вариантов объединения нельзя исключать заранее;

— объединенная Германия должна оставаться в рамках НАТО и ЕС с учетом законных интересов четырех держав-победительниц;

— объединение должно быть мирным и постепенным;

— нерушимость границ, как она зафиксирована в Заключительном акте 1975 года в Хельсинки, должна соблюдаться.

Американцев несколько не смущало, что первый и последний пункты их позиции противоречат друг другу. Ссылку на Хельсинки дали лишь для того, чтобы успокоить Москву и Париж.

На встречу на Мальте 2 декабря 1989 года (которая едва не сорвалась из-за сильного шторма) Буш прибыл с целым рядом мелких инициатив по развитию советско-американских отношений, призванных продемонстрировать поддержку политики Горбачева.^[466] Советский лидер был явно тронут и в ответ заявил, что считает необходимым сохранение американского присутствия (в том числе и военного) в Европе.

СССР, тем не менее, был не намерен отдавать процесс германского объединения на откуп ФРГ и США. 8 декабря 1989 года Москва официально предложила созвать встречу послов четырех держав-

победительниц в ФРГ «в кратчайшие сроки» для обмена мнениями по германскому вопросу. Американцы нехотя согласились, но ограничили повестку дня состоявшейся 12 декабря встречи послов только предварительным обсуждением будущего статуса Берлина. В тот же день Бейкер встретился в Берлине с Колем, который был явно расстроен жесткой линией Москвы, Парижа и Лондона, не желавших ускоренного объединения Германии без предварительного решения связанных с этим проблем европейской безопасности. Особенно возмущала Коля позиция Тэтчер: «Она думает, что если избегать слова «воссоединение», то оно рассосется само собой».^[467]

Бейкер провел встречу с премьер-министром ГДР Хансом Модровым. Госсекретарь в тот же день с удовлетворением сообщил президенту, что Модров говорит так же как Шеварднадзе и Горбачев. Бейкер предложил, чтобы США «прикрыли» Коля от критики европейских стран, в то время как ФРГ будет экономически брать под контроль ГДР, что сделает политическое объединение делом техники.

США между тем усиленно работали над тем, как заставить Москву согласиться на членство объединенной Германии в НАТО. Бейкер выступил с заявлением о необходимости реформирования НАТО (об этом американцы говорят и по сей день) и усилении роли Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). СССР не входил в НАТО, но был членом СБСЕ (хотя формально на тот момент Совещание вообще не было организацией) и Бейкер рассчитывал снова усыпить подозрения Москвы.

18 декабря 1989 года министр иностранных дел ФРГ Геншер заявил журналистам, что НАТО должно стать политическим союзом и заниматься... организацией процесса разоружения.

Одновременно правительство ФРГ всячески расшатывало ГДР, проводя политику свершившихся фактов. При финансовой поддержке западногерманских властей образовывались партии, требовавшие немедленного воссоединения Германии. На массовых вечерних демонстрациях в Лейпциге и других городах страны в декабре 1989 года появился новый лозунг — немедленное объединение страны. Ранее манифестанты требовали в основном проведения демократических реформ в ГДР. Правительство ГДР начиная с декабря 1989 года, проводило регулярные встречи с оппозиционными группами в рамках т. н. «круглого стола». Все эти встречи развивались по одному сценарию — оппозиционеры (которых собственно никто не выбирал) постоянно требовали от правительства новых уступок и, прежде всего, немедленного

расформирования органов госбезопасности.

6 декабря 1989 года Кренц подал в отставку со всех государственных постов. Реальная власть сосредоточилась в руках премьер-министра ГДР Ханса Модрова, правящая партия стала разваливаться, причем, в основном изнутри: многие члены не понимали, куда движется ГДР и есть ли вообще перспективы у этого государства.

Коль хотел любой ценой упредить складывавшийся франко-советский альянс: и Москва и Париж не желали скоропалительного объединения Германии. 6 декабря 1989 года Миттеран и Горбачев встретились в Киеве. Обе стороны решительно высказались против того, чтобы объединение Германии проходило без учета мнения других европейских государств. Миттеран полностью поддержал советскую точку зрения, что при решении германского вопроса должны учитываться как исторические условия (т. е. справедливое опасения многих народов Восточной Европы относительно единой Германии), так и сохранение баланса сил в Европе. [\[468\]](#)

19 декабря 1989 года Коль, чтобы упредить Миттерана, прибыл в ГДР. Канцлер провел фактически предвыборный митинг и встречу с оппозиционными кругами: последние должны были более решительно требовать немедленного проведения парламентских выборов в ГДР. Коль надеялся, что новое правительство после выборов будет послушно выполнять указания Бонна.

20 декабря в ГДР с трехдневным официальным визитом прибыл Миттеран. Было подписано несколько соглашений о развитии двустороннего сотрудничества. Миттеран обещал ГДР финансовую помощь. Относительно объединения Германии Миттеран говорил, что тем самым Германия станет сильнее, чем во времена Гитлера. [\[469\]](#) В Бонне и в Вашингтоне правильно оценили этот визит как международную поддержку ГДР. Президент Буш встретился с Миттераном и после часовых переговоров убедил последнего координировать все свои шаги и заявления по Германии с США и ФРГ. [\[470\]](#)

В начале 1990 года существовали три модели решения германского вопроса:

— созыв общеевропейской конференции (например, в рамках СБСЕ). Эта конференция должна была зафиксировать итоги Второй мировой войны, включая нерушимость границ в Европе. К такой модели склонялись СССР, Польша и Чехословакия (у власти там уже находились в то время некоммунистические правительства). США и ФРГ были решительно против, так как полагали, что международная конференция с участием

десятков стран затормозит процесс объединения Германии;

— созыв конференции четырех держав-победительниц. Такой вариант предпочитали в Москве, а также в Лондоне и Париже. США уже давно считали четырехсторонний формат анахронизмом, а ФРГ его прямо отвергала как «диктат победителей»;

— третий вариант предполагал, что об объединении должны договориться ГДР и ФРГ, а четыре державы должны просто зафиксировать то, что согласовали немцы.

И США и ФРГ предпочитали именно третий вариант, и проблема была только в том, как заставить Москву согласиться с этой формулой. 30 января 1990 года госдепартамент США разработал формат переговоров по объединению Германии, ставший известным как «2+4».^[471] Это означало, что два германских государства должны были согласовать параметры объединения, а четыре державы победительницы утвердить только внешние аспекты объединения, главным образом, неизменность границ объединенной Германии.

В этот же день 30 января Модров прибыл в Москву и Горбачев согласился на вариант постепенного движения к конфедерации ГДР и ФРГ, не зная, что в Вашингтоне и Бонне от этой схемы уже отказались. 7 февраля Коль объявил, что вскоре будет заключено соглашение о валютном и экономическом союзе ГДР и ФРГ, предполагавшее введение в ГДР марки ФРГ. Естественно, что ни о какой реальной независимости ГДР в этом случае говорить уже не приходилось.

В начале февраля 1990 года Бейкер презентовал формулу «2+4» Геншеру. Последний был в восторге и настаивал именно на «2+4», а не «4+2», т. е. приоритет должны иметь немцы, а не державы победительницы. Министр иностранных дел ФРГ просил Бейкера подождать с реализацией формулы до выборов в ГДР 18 марта 1990 года (первоначально они были намечены на май, но оппозиция по просьбе Коля заставила Модрова перенести их март). После выборов, как рассчитывал Геншер, и ГДР, и ФРГ будут говорить на одном языке.

В начале февраля 1990 года Бейкер отправился в поездку по Европе, чтобы убедить и Москву, восточноевропейские страны и союзников по НАТО в формате «2+4». Министр иностранных дел Франции Ролан Дюма сказал, что должен проконсультироваться с Миттераном, но заметил, что предпочитает все же «4+0» (т. е. советский вариант). Президент Чехословакии, известный диссидент Гавел, побаивался объединенной Германии и предпочитал вариант международной общеевропейской

конференции.^[472]

7 февраля Бейкер провел в Москве переговоры с Шеварднадзе. Тот был в хорошем настроении, так как только что Горбачев в очередной раз добился одобрения своей политики на пленуме ЦК КПСС, в том числе предложения исключить из конституции СССР статью 6 о руководящей роли КПСС в советском обществе. Что касается германского вопроса, то Шеварднадзе по впечатлению Бейкера точно не знал, какой механизм обсуждения германских дел предпочесть. То он был за СБСЕ, то говорил, что «история не простит нам, если мы эффективно не задействуем четырехсторонний механизм».^[473] Наконец он сказал то, что хотел услышать Бейкер: «...вопрос объединения должен быть решен германской нацией и немецким народом, но он должен знать о точке зрения других». Фактически это и было согласием на механизм «2+4».

Горбачев вел переговоры с Бейкером в прекрасном расположении духа после своей «победы» на пленуме ЦК. Он отмахнулся от сообщений иностранной прессы об ухудшении ситуации в СССР. По германскому вопросу он предложил формулу «4+2». Но к удивлению Бейкера Горбачев пошел даже дальше Шеварднадзе, заявив, что события в Германии движутся быстро и надо к ним приспособливаться. Если Шеварднадзе говорил Бейкеру о советском общественном мнении, где со времен войны распространены сильные опасения насчет единой Германии, то Горбачев сказал, что ничего страшного в единой Германии нет. Советский лидер даже заметил, что у Москвы гораздо меньше опасений на сей счет, чем у Лондона и Парижа. Впервые, вспоминая Бейкера, он наблюдал столь явный диссонанс между Горбачевым и Шеварднадзе.^[474] В конце концов, Горбачев довольно легкомысленно заметил, что не видит большой разницы между «2+4» или «4+2». Госсекретарь США «быстро и спокойно» принял это к сведению. Бейкер написал письмо Колю, который уже находился на пути в Москву: «В то время как у него (Горбачева. — Авт.) явно есть реальные опасения относительно германского объединения — некоторые из которых, возможно, связаны с теми чувствами, которые прошлое вызывает в Советском Союзе — он вероятно будет двигаться по этому пути при деликатном подходе, который даст ему прикрытие или объяснение для его действий».^[475]

10-11 февраля 1990 года Колю находился в Москве и Горбачев согласился с тем, что немцы могут жить в едином государстве (т. е. от конфедерации уже отказались) и что время объединения должны определять сами немцы. В ответ ФРГ согласилась на расплывчатую

формулу, что процесс объединения Германии должен проходить в рамках реформирования всей структуры европейской безопасности. К тому же Коль обещал выполнять соглашения о поставках товаров в СССР, которые были ранее заключены с ГДР.

Вопрос объединения Германии фактически был предрешен в Оттаве, где 11–14 февраля 1990 года проходила ранее запланированная конференция НАТО и ОВД по «открытому небу» — контрольному механизму разоружения. Ролан Дюма сообщил Бейкеру, что Франция не возражает против формулы «2+4», хотя предпочла бы «4+2». Бейкер «занервничал», опасаясь, что Дюма может договориться об этой единой позиции с Шеварднадзе и тогда формула «2+4» может не пройти. Он приказал своему помощнику немедленно организовать встречу с Шеварднадзе еще до того, как советский министр успеет переговорить с Дюма. В этот критический для мировой истории промежуток времени Бейкер встретился с министром иностранных дел Великобритании Хэрдом и тот рассказал, что виделся с Шеварднадзе. Последний находился в «меланхолии» и был готов согласиться на «2+4». Бейкер сказал, что надо немедленно «застолбить» (lock in) СССР на этой позиции.

В 16.25 12 февраля Бейкер «вытащил» Шеварднадзе с заседания конференции, с удовлетворением отметив про себя, что встреча советского и французского министров была перенесена на более поздний срок. Но Шеварднадзе четкого согласия на формулу «2+4» не дал — он все еще колебался. Бейкер отметил для себя, что и Польша явно под советским влиянием склоняется к формуле «4+2», опасаясь остаться один на один с ФРГ в вопросе о границах.

На следующий день Бейкер, Хэрд, Дюма и Геншер выработали проект совместного заявления, который они намеревались единым фронтом представить Шеварднадзе: «Министры иностранных дел (перечень стран) провели переговоры в Оттаве. Они согласились в том, что в короткий срок после выборов в ГДР 18 марта 1990 года, министры обоих германских государств встретятся с (перечень министров иных держав) для обсуждения внешних аспектов германского объединения. Предварительные переговоры на официальном уровне начнутся в ближайшее время».

Геншер предложил внести следующую правку: «... обсуждения внешних аспектов **установления** германского единства», чтобы из текста заявления выходило, что вопрос об объединении Германии — дело уже решенное. Западные державы не возражали.

Бейкер познакомил Шеварднадзе с текстом заявления и последний обещал немедленно получить «добро» Горбачева по телефону. Горбачев

предложил внести два изменения: убрать из текста ссылку на выборы в ГДР, и (что было более важным), добавить в текст необходимость обсуждения «вопроса безопасности граничащих с Германией государств». Бейкер решил для себя, что если первое замечание касается вопросов сохранения лица (было ясно, что на выборах в ГДР победят поддерживаемые ФРГ партии), то второе носит принципиальный характер и может получить поддержку чехов и поляков, которых придется включить в переговоры (ФРГ была решительно против этого). Госсекретарь США решил даже, что второе замечание выдвинул не Горбачев, а сам Шеварднадзе, который, как считали американцы, занимал более жесткую позицию в германском вопросе.

Бейкер позвонил Бушу и с удивлением выяснил, что секретарь СНБ Скоукрофт тоже настроен негативно по отношению к формуле «2+4», ссылаясь на мнение Коля. Геншер по просьбе Бейкера прямо из его номера в гостинице срочно позвонил в Бонн и убедил Коля немедленно перезвонить Бушу в Вашингтон. Но Буша звонок Коля не убедил: когда Бейкер снова позвонил президенту, тот сказал, что Коль в телефонном разговоре формулу «2+4» четко не поддержал. Бейкер и Геншер попросили Коля позвонить Бушу еще раз. Только после этого президент США успокоился.

Между тем было решено внести советские поправки, как не имевшие принципиального значения, и заявление 6 министров иностранных дел было опубликовано. Тем самым, фактически было решено, что объединение Германии будет делом ГДР и ФРГ.

Интересно, что многие страны НАТО (прежде всего, Италия, Канада, Норвегия, Бельгия, Люксембург и Испания) были возмущены, что формула «2+4» была выработана без них. Однако Геншер грубо прервал на заседании НАТО в Оттаве министра иностранных дел Италии де Микелиса и при поддержке американцев не допустил дискуссии по германской проблеме.^[476]

Но оставался открытым основной вопрос — будет ли объединенная Германия членом НАТО? И здесь ФРГ и США проводили политику свершившихся фактов, не обращая никакого внимания на позицию СССР. Уже 24–25 февраля 1990 года во время своего визита в США Коль заявил на пресс-конференции, что объединенная Германия обязательно будет членом НАТО.^[477] Буш в беседе с Кодем высказал некоторую озабоченность возможным сопротивлением Москвы: «Они говорят, что Германия не должна оставаться в НАТО. Пусть идут к черту. Мы победили,

а они нет. Мы не должны позволить Советам украсть победу из челюстей поражения».^[478] Коль был спокоен: «Они продолжают торговаться. Но это в конечном итоге будет вопрос денег. Им нужны деньги... Советы озабочены своей безопасностью, если Германия останется в НАТО. И они хотят получить что-нибудь взамен». «Ну, у вас денег-то полно», — заметил Буш. Коль предположил, что Горбачев сдастся по вопросу НАТО в конце мая, во время американосоветского саммита. Канцлер полагал, что Горбачев готов уступить по НАТО, но хотел бы сделать это именно на переговорах с президентом США. Причем Коля абсолютно не заботило, удержится ли Горбачев у власти: СССР ослаблен уже настолько, что любому преемнику Горбачева придется продолжить его политику уступок. И Буш, и Коль сошлись во мнении, что Германия должна стать полноправным членом НАТО. Буш заметил, что «ненавидит» саму мысль о еще одной Франции в НАТО.^[479]

Весной 1990 года советское руководство продолжало публично заявлять, что объединенная Германия не должна быть в НАТО, так как это изменит баланс сил в Европе.

При массивной финансовой поддержке ФРГ (как на государственном уровне, так и по каналам частных компаний, например, «Дойче банка») на парламентских выборах в ГДР 18 марта 1990 года победили фактически недавно созданные филиалы западногерманских партий (многие их руководители через некоторое время были разоблачены как бывшие информаторы или агенты госбезопасности ГДР). Отныне первая часть формулы «2+4» фактически превратилась в 1.

Если американцев не беспокоила позиция Горбачева, то разведсообщество США предрекало, что консервативные критики советского президента в ЦК КПСС могут использовать именно германский вопрос (как волновавший многих простых советских людей), чтобы заставить Горбачева прекратить политику односторонних уступок Западу. Именно об этом говорила разведсводка госдепартамента США от 1 марта 1990 года.^[480] В этих условиях американцы решили поторопиться.

19 марта 1990 года (на другой день после выборов в ГДР) Бейкер и Шеварднадзе встретились в столице Намибии Виндхук на праздновании независимости этой страны. Советский министр был обеспокоен слишком быстрым ходом германского объединения, заметив, что, как показала история, немцы обладают большим деструктивным потенциалом. Он хотел получить от объединенной Германии некие гарантии безопасности. Чтобы он, Шеварднадзе, или Горбачев не думали о членстве единой Германии в

НАТО, советский народ с этим не смирится.^[481] И в то же время Шеварднадзе был против нейтральной Германии — нелогичность этой позиции сразу же подметил Бейкер. Шеварднадзе даже пытался напугать Бейкера: что если вслед за выводом советских войск, немцы попросят домой и американцев? Госсекретарь «милостиво» обещал, что американцы не уйдут.

5 мая 1990 года в Бонне состоялось первое совещание министров иностранных дел по формуле «2+4». Шеварднадзе был по-прежнему против членства объединенной Германии в НАТО. По просьбе СССР немцы и американцы нехотя согласились, чтобы к процессу переговоров была подключена Польша. Бейкер убеждал Шеварднадзе, что единая нейтральная Германия будет представлять собой угрозу для Европы, и, прежде всего, для СССР. Советский министр полагал, что Германия и так останется членом СБСЕ и процесса по сокращению обычных вооруженных сил в Европе и этого будет вполне достаточно. Бейкер ограничился туманными заверениями, что новое НАТО будет скорее политическим, чем военным союзом. У госсекретаря сложилось впечатление, что Горбачев не хочет идти на уступки перед намеченным на лето 1990 года съездом КПСС, но в целом он «на одной волне» с США.^[482]

Во время переговоров в Бонне Шеварднадзе передал ФРГ пожелание СССР о получении кредитов в объеме 20 миллиардов марок в течение 5–7 лет. Западные частные банки (в том числе и немецкие) в то время уже не давали Советскому Союзу кредитов, так как экономическая ситуация в СССР в 1989–1990 гг. быстро ухудшалась. 14 мая в Москву прибыл глава ведомства федерального канцлера ФРГ Хорст Тельчик, у которого Горбачев опять просил денег (срочно 1,5–2 миллиарда марок). В обмен он обещал провести переговоры с Кодем по вопросу объединения Германии после XXVIII съезда КПСС.^[483] Горбачев жаловался Тельнику, что США не хотят ему помогать. После возвращения из Москвы Тельчик позвонил секретарю СНВ США Скоукрофту и сказал, что Горбачев созрел для «компромисса» по НАТО.

Через десять дней после боннской встречи «2+4» Бейкер прибыл в Москву для подготовки советско-американского саммита. Он рекомендовал Горбачеву «отпустить» из СССР все республики, кто этого пожелает, особенно Прибалтику. Советский лидер, похоже, начал понемногу прозревать и упрекал Бейкера в том, что США хотят поссорить Восточную Европу с Москвой. Мол, в СССР полно голосов, которые критикуют его за то, что он «сдает» Восточную Европу и Германию. Объединенная Германия

в НАТО — говорил Горбачев — станет серьезным нарушением баланса сил в Европе.

Горбачев полагал, что если Запад против нейтральной Германии, то можно назвать ее неприсоединившейся. Если же США будут настаивать на членстве Германии в НАТО, то он обратится с просьбой к Бушу принять в Североатлантический блок и Советский Союз.^[484] Бейкер твердил, что сами немцы должны решить, в какие военные блоки они вступят. «А что если единая Германия захочет присоединиться к ОВД?», — спросил Горбачев. Бейкер (понимавший всю нереальность такого сценария) с готовностью «согласился» на это, хотя и подчеркнул, что США предпочитают видеть Германию в НАТО.

Горбачев сказал, что Москве понадобятся в ближайшие годы 20 миллиардов долларов, а США увязывают кредиты с жесткими политическими условиями, в частности с прекращением советской помощи Кубе, Вьетнаму и Камбодже.

30 мая 1990 года Горбачев прибыл в Вашингтон и на следующий день он обсудил с Бушем и Бейкером германский вопрос. Президент СССР предложил, чтобы Германия была одновременно членом и НАТО и ОВД. «Вы же моряк, — убеждал он Буша, — а значит, понимаете, что два якоря лучше, чем один».^[485] Ни один советский лидер не может забыть чувства советских людей, еще помнивших Великую Отечественную войну. Американцы даже отказались это обсуждать и все время говорили о том, что в июле 1990 года НАТО примет новую стратегию и перестанет быть антисоветским блоком (они говорят об этом и по сей день, одновременно расширяя НАТО на Восток). Горбачеву говорили, что это будет сделано специально, чтобы усилить его позиции на съезде КПСС.

Наконец, Горбачев согласился, что сама Германия должна решить, в какой блок ей вступать. Как вспоминал Бейкер, многие члены советской делегации были шокированы такой уступкой Горбачева.^[486] В присутствии американцев Горбачев опять попытался дать задний ход и предложил, чтобы Бейкер и Шеварднадзе детально обсудили германский вопрос. Он явно хотел переложить ответственность за «сдачу» Германии на своего министра иностранных дел. Шеварднадзе отказался: этот вопрос должны решать президенты. Горбачев продолжал давить и Шеварднадзе был вынужден нехотя согласиться. Бейкер оценивал это так: «Я думаю, он понимал, какая уступка была сделана, и не хотел, чтобы ответственность за нее в каком-либо виде лежала на нем».^[487]

Американцы немедленно предложили ФРГ закрепить Горбачева на его

позиции обещаниями финансовой поддержки. Геншер в июне 1990 года приехал в Москву и 12 июня доложил Бейкеру, что он обещал Горбачеву 5 миллиардов марок немедленно и 20 миллиардов — через некоторое время. ^[488] По вопросу НАТО позицию Горбачева Геншер описал, как «да, но...», в то время как раньше это было жесткое «нет».

Однако Москва все еще продолжала сопротивляться. 22 июня 1990 года в Берлине прошла очередная встреча министров иностранных дел в формате «2+4». Шеварднадзе предложил, чтобы четыре державы победительницы сохранили свои права в отношении Германии на 5 лет после объединения. В этот переходный период Германия не должна была быть в военной организации НАТО, а состоять одновременно и в НАТО и в ОВД. Численность армии ФРГ — бундесвера — должна быть ограничена. Бейкер не смог сдержать раздражения: «Вот как вы, оказывается, понимаете суверенитет Германии». Он прямо за столом переговоров написал записку Геншеру: «Что все это значит?». Геншер ответил: «Надувание щек». ^[489] Помощник Шеварднадзе Тарасенко объяснил Бейкеру, что новые предложения подготовлены Политбюро ЦК КПСС, и Горбачев не сможет обойти их до съезда партии. Шеварднадзе «открыто» сказал Бейкеру, что ужесточение позиции по Германии вызвано внутривластными сложностями Горбачева. После съезда все изменится.

Так и произошло. Для укрепления позиций Горбачева в Москве саммит НАТО в Лондоне 5–6 июля 1990 года принял заявление об изменении стратегии блока. Было заявлено о готовности заключить с ОВД соглашение о неприменении силы. СБСЕ предполагалось превратить в организацию, правда, с неясными полномочиями. ^[490] На встрече «Большой семерки» 9-11 июля 1990 года в родном городе Буша Хьюстоне было обещано поддержать перестройку кредитами.

В это же самое время (2-13 июля 1990 года) в Москве проходил XXVIII (и последний) съезд КПСС.

Горбачеву удалось добиться своего переизбрания на пост генерального секретаря. Его главный оппонент (в том числе и по Германии) Е.К. Лигачев не был избран в состав политбюро.

Сразу же после съезда 14 июля 1990 года в СССР прибыли Коль, Геншер и министр финансов ФРГ Вайгель. На «исторических» переговорах на малой родине Горбачева в Ставрополье СССР согласился на членство объединенной Германии в НАТО и полный суверенитет единой Германии в обмен на финансовую помощь и ограничение бундесвера до 370 тысяч

человек (ранее — 450 тысяч).^[491] Германия обещала по-прежнему не приобретать оружие массового уничтожения и оставаться членом Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Горбачев согласился вывести советские войска с территории ГДР до 1994 года.

Германская делегация предлагал Горбачеву обозначить круг лиц в бывшей ГДР, которые должны быть освобождены от уголовного преследования, но советский лидер оставил этот вопрос на усмотрение самих немцев. Заметим, что после прекращения формальной оккупации западными державами малой ФРГ в договоре об окончании оккупации от 26 мая 1952 года (т. н. Deutschlandvertrag) было зафиксировано, что ФРГ освобождает от любой ответственности всех западных немцев, сотрудничавших с оккупационными властями, даже если при этом нарушались законы страны.

После объединения Германии 3 октября 1990 года десятки тысяч граждан ГДР подверглись в нарушение договора об объединении ГДР и ФРГ^[492] уголовному преследованию и «запретам на профессию» (последние уголовные дела были рассмотрены в 2005 году). Тогдашний министр юстиции ФРГ Кинкель заявил, что ГДР надо «делегитимизировать» и поставить на одну доску с «Третьим рейхом». Только в столице ФРГ — Берлине — в 1990–1999 году было заведено 21 553 уголовных дела против граждан ГДР, из которых только 419 завершились судебным разбирательством^[493] (что показывает, насколько «притянутыми за уши» были эти «дела»). В Саксонии было заведено 12606 дел (279 обвинений в суде), в Мекленбурге — 4775, Саксонии-Ангальт — 6540 дел, Тюрингии — 6401 дело.

Всего к ответственности попытались привлечь 105 тысяч граждан ГДР. Судами было осуждено 786 граждан ГДР (из них 281 пограничник), в том числе 48 — приговорены к лишению свободы, 572 — к лишению свободы условно.^[494]

Академики-врачи с мировым именем лишались права вести врачебную практику, так как имели советские дипломы. Им предлагали сначала поработать санитарями-ассистентами у западногерманских врачей. Бывшим пионервожатым в школах был закрыт доступ на государственную службу. Молодым офицерам Национальной народной армии ГДР предлагалось переходить в бундесвер на звание ниже и с более низкой зарплатой (старших офицеров вообще уволили). Бывших пограничников ГДР сажали в тюрьмы только за то, что они добросовестно выполняли присягу, данную ГДР. Сотрудники МГБ, судов и прокуратуры получали т. н.

«штрафные пенсии» — т. е. низкие пенсии, на которые почти нельзя было существовать (не более 802 марок ФРГ в месяц, т. е. 400 евро).

Таким образом, можно сделать следующий вывод. В условиях 1989–1990 гг. СССР не мог, да и не хотел предотвратить объединения Германии — этого желало большинство немцев. Однако можно было вполне добиться совсем других условий этого объединения — предотвратить членство Германии в НАТО (или хотя бы в ее военной организации по образцу Франции) и, что самое главное, обеспечить нормальные и достойные условия существования для десятков тысяч граждан ГДР — страны, которая всегда была верным другом и союзником Советского Союза.

Распад СССР и право наций на самоопределение

Принцип права наций на самоопределение является одним из фундаментальных столпов международного права.^[495] Он зафиксирован не только в самой первой статье Устава ООН, но и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, а также в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (в обоих пактах — статья 1). В последнем из упомянутых пактов говорится: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают своё экономическое, социальное и культурное развитие... Все участвующие в настоящем Пакте государства... должны в соответствии с положениями Устава ООН поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право».

В Декларации о принципах международного права (от 24 октября 1970 года) отмечается: «В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закреплённого в Уставе ООН, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять своё экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава».

В этой же Декларации говорится, что способами осуществления права на самоопределение могут быть «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса».

Аналогичные принципы закреплены в документах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе — Хельсинкском Заключительном акте 1975 года, Итоговом документе Венской встречи 1986 года, документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 года и других международно-правовых актах.

Политика России в 90-е годы XX века в связи с конфликтом в Чечне, а также негативное отношение Москвы к независимости Косово породили точку зрения, что Россия после 1991 года старается стоять на почве скорее нерушимости границ, чем права наций на самоопределение. Якобы только

воссоединение Крыма с Россией в марте 2014 года стало неким фундаментальным и коренным поворотом в этом отношении.

На самом деле у нашей страны при самых разных политических режимах всегда была достойная памяти традиция уважения права наций на самоопределение, причем во всех трех гипотетических случаях конкретного применения этого права:

— когда реализация права наций на самоопределение приводила к созданию совершенно нового государства;

— когда реализация права наций на самоопределение имела результатом присоединение какой-либо территории к России;

— когда реализация права наций на самоопределение приводила к выходу той или иной территории из состава России.

И именно это свидетельствует о том, что для России этот принцип международного права действительно был принципом, а не данью конъюнктуре, причем задолго до того, как он был юридически закреплен в международном праве.

На Западе почему-то считается, что впервые этот принцип стал субъектом международной политики в Атлантической хартии, принятой британским премьером Уинстоном Черчиллем и президентом США Франклином Делано Рузвельтом 14 августа 1941 года.

На самом деле, по крайней мере во внешней политике России, этот принцип применяется не одну сотню лет.

В 1654 году царь Алексей Михайлович удовлетворил просьбу украинского населения о выходе из состава Польши и присоединении к России. Заметим, что такое решение далось царю и Боярской думе нелегко, так как означало многолетнюю войну с Польшей, тяжелейшие финансовые и людские потери. Кстати, отметим, что тогда лидер восставшей нации Богдан Хмельницкий избегал термина «Украина» как навязанного Польшей. В его воззваниях всегда говорилось о поднявшемся против польского гнета «русском народе».

На протяжении XVI–XIX веков Россия приняла в свой состав десятки народов от якутов до кабардинцев и заметим, что ни в одном случае пребывание этих народов в составе России не привело не только к их уничтожению, но даже к сокращению численности. Это уникальный случай, особенно если вспомнить геноцид европейских колонизаторов в отношении, например, коренного населения Южной и Северной Америк.

После Великой Октябрьской социалистической революции центральная советская власть в Москве добровольно предоставила государственный статус десяткам народов бывшей Российской империи,

многие из которых ранее этого статуса никогда не имели. Только тогда, например, на политической карте мира впервые появилось такое государство как советская республика Украина, территория которой была существенно увеличена за счет территории самой России.

Кстати, одновременно с Советской Украиной возникла и Донецко-Криворожская Советская республика (февраль 1918 года), в которую входил весь восток современной Украины. Так что даже в этом, историческом, смысле ДНР и ЛНР имеют ровно столько же прав на независимость, как и сама Украина.

Россия, в лице РСФСР в 1936 году добровольно предоставила государственный статус своим автономиям, ставшим позднее Киргизской и Казахской ССР, а затем и независимыми государствами.

31 декабря 1917 года Советская Россия первой из всех стран признала независимость Финляндии, то есть ее выход из состава России. Именно поэтому на территории Финляндии до сих пор стоят памятники человеку подписавшему постановление о признании независимости — Ленину И никто в отличие от Украины даже не помышляет о том, чтобы их рушить.

В августе 1918 года Совет Народных комиссаров (СНК) отменил все договоры о разделе Польши и признал таким образом выход польских земель из состава России.

Но в истории нашей страны были и такие примеры, когда реализация права на самоопределение наций приводило к вступлению наций или даже целых государств в состав России (СССР). И все это отнюдь не только преданья старины глубокой.

Независимая Тувинская Народная Республика (ТНР) существовала в 1921–1944 гг. Кстати, 25 июня 1941 года она объявила войну Германии, став первым официальным союзником СССР в Великой Отечественной войне. В фонд борьбы против нацизма был передан весь золотой запас Тувы — 30 миллионов рублей. С 1942 года в Красную Армию стали принимать добровольцев из Тувы. 17 августа 1944 года парламент (Малый Хурал) Тувы принял решение о вхождении республики в состав СССР (на правах автономной области в РСФСР). Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 октября 1944 года «О принятии Тувинской Народной Республики в состав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» Тува была принята в состав РСФСР на правах Тувинской автономной области. Референдум по этому вопросу не проводился.^[496]

Вступали в СССР и части иностранных государств.

После освобождения Красной Армией Закарпатской Украины (ныне

Закарпатская область Украины)^[497] в октябре 1944 года, СССР был готов согласиться на оставление этой области в составе Чехословакии. Тем более, что Чехословакия была союзником СССР в войне против гитлеровской Германии. В Закарпатской Украине даже была объявлена мобилизация в Чехословацкий корпус Л. Свободы. Однако местное население на многочисленных собраниях и митингах требовало присоединения к СССР, точнее к Советской Украине. 26 ноября 1944 года в городе Мукачево первый съезд национальных комитетов Закарпатской Украины принял манифест о воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной и избрал высший орган власти — Народную Раду Закарпатской Украины.

29 июня 1945 года в Москве был подписан «Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине», согласно которому «Закарпатская Украина (носящая согласно чехословацкой конституции название Подкарпатская Русь),^[498] на основании договора от 10 сентября 1919 г., заключенного в Сен-Жермене, вошедшая как автономная единица в границы Чехословацкой Республики, воссоединяется, согласно желанию, изъявленному населением Закарпатской Украины, и на основании дружественного договора обеих Высоких Договаривающихся Сторон со своей исконной родиной — Украиной и включается в состав Украинской Советской Социалистической Республики».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 января 1946 года образована Закарпатская область Украинской ССР с центром в городе Ужгороде. 4 апреля 1946 года деревня Лекаровцы была передана Чехословакии из состава Закарпатской области в обмен на словацкий город Чоп, и на этом обмен территориями закончился.

Заметим, что, по мнению госдепартамента США, принятие Закарпатской Украины в состав СССР было бескорыстным шагом Москвы, так как и в Австро-Венгрии и в Чехословакии этот регион был самым отсталым, и разоренному войной Советскому Союзу пришлось вкладывать в его развитие большие средства.^[499]

Что касается борьбы других наций за самоопределение, то Российская империя поддержала, например, в конце XVIII века право на самоопределение английских колоний в Северной Америке, будущих США. И это несмотря на то, что Англия предлагала большие деньги в обмен на посылку русских солдат для усмирения сторонников Джорджа Вашингтона.

В 1905 году Норвегия решила выйти из состава Швеции, с которой она

вынуждена была заключить унию (союз) в 1814 году. Регулярно проходившие шведско-норвежские переговоры о пересмотре условий унии не снимали остроты споров между странами. Разрыв союза был ускорен влиянием революции 1905–1907 гг. в России, оказавшей сильное воздействие на развитие событий в Норвегии. Решительным действиям Норвегии способствовала и благожелательная в отношении ее позиция России. 7 июня 1905 норвежский парламент (стортинг) принял резолюцию о расторжении унии. В ходе плебисцита, состоявшегося в Норвегии 13 августа 1905 года, за разрыв унии было подано 368 892 голоса и только 184 — за ее сохранение.

Россия одной из первых в октябре 1905 года признала независимость Норвегии, а позднее СССР согласился с передачей в ее состав архипелага Шпицберген, оговорив за собой особые экономические права в этом районе.

Россия оказалась единственной великой державой XIX века, не создавшей собственной колониальной империи и не запятнавшей себя работорговлей или расстрелом азиатов или африканцев из орудий и пулеметов, чем занимались тогда «прогрессивные» США, Англия, Франция и Германия.

В 1875 году родоначальник русской этнографии Н.Н. Миклухо-Маклай в докладной записке предлагал царю Александру II установить протекторат над северным берегом острова Новая Гвинея с единственной целью — спасти местное население от произвола европейских и австралийских работорговцев. Он заявил, что жители Новой Гвинеи «... через моё посредство подчинятся некоторым международным обязательствам и... в случае насилий со стороны белых, имели бы законного могущественного покровителя». К сожалению, прошение Миклухо-Маклая было отвергнуто царем, и эта территория стала колонией Германии, а позднее — Австралии.

СССР последовательно выступал за независимость африканских народов в ООН и именно благодаря советской дипломатии 1960 год стал на Земле Годом Африки — тогда большинство колоний при поддержке Москвы смогли освободиться от колониального ига.

Политика признания права наций на самоопределение продолжалась и после распада СССР, который (распад) сам по себе не может быть расценен как торжество права наций на самоопределение. Ведь на референдуме 17 марта 1991 года (его результаты до сих пор под вопрос никто не ставил) более 70 % населения твердо высказалось за сохранение Советского Союза. Заметим, что на Украине таковых было 70,2 %, в РСФСР — 71,3 %, в Белоруссии — 82 %, в Узбекистане — 93,7 %. Таким образом, заключенные

в Беловежской пуще 8 декабря 1991 года соглашения о прекращении существования СССР были незаконными и противоправными.

Заметим, что во время референдума о независимости Украины 1 декабря 1991 года самые низкие результаты в пользу независимости были получены в Крыму и в Севастополе (менее 70 % в сравнении, например, с 95,24 % в Львовской области).

23 марта 2003 года в Чечне прошел референдум по вопросу о Конституции Чечни, на котором 95 % поддержали статус республики в составе России. Если Украина упорно отказывается своим регионам в праве на проведение референдумов, то Россия для своих регионов это допускает.

Россия в 2008 году поддержала право абхазского и югоосетинского народа на самоопределение и тем самым эти народы были надежно защищены от агрессии Грузии.

В «дальнем» зарубежье Россия также последовательно выступала за право наций на самоопределение.

В 1999 году под давлением ООН в Восточном Тиморе был проведен референдум по вопросу о самоопределении этой бывшей колонии Португалии, оккупированной Индонезией в 1975 году. В результате 78,5 % населения высказались за независимость. Это привело к новой вспышке насилия, потребовавшей введения международного миротворческого контингента ООН. 20 мая 2002 года Восточный Тимор был официально объявлен независимым государством и в этот же день были установлены дипломатические отношения между ним и Российской Федерацией.

В 2006 году Москва поддержала независимость Черногории, где на референдуме 21 мая 2006 года за независимость высказались 55,49 % голосовавших. 44,51 % поддержали сохранение союза Сербии и Черногории. Участие в голосовании приняли 86,49 % избирателей. МИД России 23 мая 2006 года выступил с заявлением, в котором говорилось, что «Россия с уважением относится к волеизъявлению принявших участие в референдуме черногорских граждан, больше половины которых высказались за независимость Черногории». Кроме этого российская сторона призвала Черногорию и Сербию приступить к конструктивному, доброжелательному и всестороннему диалогу с целью выработки взаимоприемлемых политических решений, касающихся выстраивания их дальнейших взаимоотношений.

9-15 января 2011 года проходил референдум о независимости Южного Судана, на котором за независимость, то есть отделение от Судана высказались 98,85 % принявших участие в голосовании. Независимость Южного Судана признали все государства ООН, в том числе и Россия. [\[500\]](#)

Независимость Косово, с другой стороны была не признана Москвой и десятками других стран (в том числе и членом НАТО),^[501] потому, что она была навязана Югославии противоправной иностранной военной интервенцией, в ходе которой погибли сотни мирных жителей. Заметим, что до сих пор в Косово референдум по вопросу о независимости не проводился.

По отношению к прошедшему в Шотландии 18 сентября 2014 года референдуму о независимости МИД России отметил: «Принципиально важным в этом контексте считаем соблюдение действующих международных стандартов в области избирательного права, предполагающих свободное, демократичное и транспарентное волеизъявление, и исходим из того, что власти Великобритании отнеслись к этим аспектам со всем требуемым вниманием».^[502]

Из всего вышеизложенного нужно, как представляется, сделать следующие выводы.

1. Уважение права наций на самоопределение — важная часть внешней политики нашей страны на протяжении веков, причем как по отношению к иностранным государствам, так в отношении наций в рамках России.

2. Исходя из этого России следует признать референдумы на Донбассе, прошедшие 10 мая 2014 года и принять ДНР и ЛНР в состав России, если на то будет воля народов этих регионов.

3. Россия должна последовательно поддерживать право наций на самоопределение в мире, например, право Шотландии на новый референдум о независимости (после фактического выхода Великобритании из ЕС) и право Каталонии на проведение аналогичного плебисцита.

Примечания

Foreign Relations of the United States, 1968–1976, Volume XII, Western Europe. Notes on US covert actions URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/actionsstatement> (дата обращения 10.10.2017 г.)

Foreign Relations of the United States, Notes on US covert actions...

Thomas E. The Very Best Men. The Daring Early Ears OF CIA. Simon & Schuster, New York, 1995, p. 33.

. Thomas E. The Very Best Men. The Daring Early Ears OF CIA. Simon

Schuster, New York, 1995, p. 61.

Петрусенко В.В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985, с. 63.

https://en.wikipedia.org/wiki/MelvinJ._Lasky

s. <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/publications/csi-studies/studies/95unclass/Warner.html>

[https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/
publications/csi-studies/studies/95unclass/Warner.html](https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/publications/csi-studies/studies/95unclass/Warner.html) csi-

Draper Th., *The Roots of American Communism*, Chicago, 1985, p. 69.

http://ru.wikipedia.org/wiki/Индустриальные_рабочие_мира

Draper Th., *The Roots of American Communism*, Chicago, 1985, P-77.

<http://libelli.ru/works/37-6.htm>

Характерно, что в США ее официально называют Революционной войной или просто Американской революцией.

Morgan T., Reds., New York, 2003, p. 17.

На самом деле в Добровольческой армии в то время было менее 3 тысяч человек, и она не могла справиться даже с местными, наспех сформированными отрядами Красной гвардии.

Morgan T., *Reds.*, New York, 2003, p. 26–27.

Morgan T., *Reds.*, New York, 2003, p. 31.

Посольства стран Антанты переехали из Петрограда в Вологду именно из-за начала немецкого наступления в районе Пскова и Нарвы.

Morgan T., Reds., New York, 2003, p. 35.

Morgan T., Reds., New York, 2003, p. 43.

http://en.wikipedia.org/wiki/Overman_Committee

Среди них преобладали белогвардейцы, бывшие чиновники царского и Временного правительств.

Hagedorn, Ann (2007). *Savage Peace: Hope and Fear in America, 1919*, New York, 2007, p.148.

http://www.e-reading-lib.Org/chapter.php/1003624/5/Kovtun_Ivan_-_Russkie_esesovcy.html

В отличие от многих «экспертов» Рид побывал в России и сам вызвался дать показания комитету Овермана, но его попытка объяснить суть революции в России была сенаторами проигнорирована.

Morgan T., *Reds.*, New York, 2003, p. 65.

Schmidt, R., *Red Scare: FBI and the Origins of Anticommunism in the United States, 1919–1943*, University of Copenhagen, 2006, p. 144.

Мартенс легально приехал в США еще до свержения царизма как коммерческий представитель русских фирм.

Draper Th., *The Roots of American Communism*, Chicago, 1985, p.189.

Draper Th., *The Roots of American Communism*, Chicago, 1985,
p.182.

Американская федеральная полиция, образованная в 1908 году.
Предтеча ФБР.

Morgan T., Reds., New York, 2003, p. 62.

Родился в 1872 году. С 1909 года – член конгресса от Демократической партии. Во время Первой мировой войны отвечал за конфискацию и управление «вражеской собственностью» – активами Германии и ее союзников на сумму в 500 миллионов долларов (более 5 миллиардов долларов в современных ценах)

Характерно, что американские парламентарии не слишком поверили в алармистские заявления Палмера и увеличили его бюджет всего на 100 тысяч долларов.

Murray, Robert K., *Red Scare: A Study in National Hysteria, 1919–1920* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1955, p. 227–229.

http://en.wikipedia.org/wiki/Alexander_MitchellPalmer

Япония к тому времени оккупировала русский Дальний Восток.

<http://libelli.ru/works/37-6.htm>

Американцы назвали красноармейцев «болос», сокращенное от «большевики».

Morgan T., Reds., New York, 2003, p. 47.

Morgan T., Reds., New York, 2003, p. 42.

Впоследствии японский контингент вырос до 72 тысяч, хотя по решению Антанты не должен был превышать 12 тысяч человек.

Войска Грейвса еще назывались «Американскими экспедиционными силами».

Morgan T., *Reds.*, New York, 2003, p. 51.

Последний американский солдат покинул территорию России 1 апреля 1920 года.

Ее возглавлял будущий президент США, республиканец Герберт Гувер. Первая благотворительная кухня АРА в Петрограде открылась 7 сентября 1921 года.

Morgan T., *Reds.*, New York, 2003, p. 91.

Morgan T., *Reds.*, New York, 2003, p. 105.

Обе образованные в 1919 году компартии в 1920 году объединились. С 1921 по 1929 года коммунисты назывались Партией трудящихся Америки.

Заметим, что само название детской организации СССР и даже повязанный определенным образом красный галстук были заимствованы из американской истории освоения «дикого Запада» пионерами-первопроходцами.

В 1971 и 1976 года здание «Амторга» в Нью-Йорке пытались взорвать террористы из «Вооруженного еврейского сопротивления». «Амторг» продолжал существовать даже после распада СССР.

В 2011 году в союзе было более 500 тысяч членов, а годовой бюджет организации превысил 100 миллионов долларов.

Morgan T., Reds., New York, 2003, p. 129.

Иногда батальон называли и бригадой, но это неверно.

Morgan T., Reds., New York, 2003, p. 185.

Morgan T., Reds., New York, 2003, p. 187.

Согласно этой поправке никого нельзя принуждать давать показания против себя.

<http://www.nytimes.com/1988/09/18/books/mr-euripides-goes-to-washington.html>

Morgan T., Reds., New York, 2003, p. 193.

Донован родился в 1883 году. Его родители эмигрировали в США из Ирландии. В колледже активно играл в американский футбол и за ярость на поле получил свое прозвище. Окончил престижный Колумбийский университет и стал юристом на Уолл-стрит. Во время Первой мировой войны в чине майора пошел добровольцем в армию и был повышен до полковника. Затем вернулся к юридической карьере и с 1924 года работал в министерстве юстиции в отделе по борьбе с монополизмом. В 1932 году безуспешно баллотировался на пост губернатора штата Нью-Йорк.

Weiner T., *Legacy of Ashes*, New York, 2007, p. 4.

Weiner T., *Legacy of Ashes*, New York, 2007, p. 7.

Weiner T., *Legacy of Ashes*, New York, 2007, p. 13.

После расформирования УСС Даллес вернулся к своей юридической практике по обслуживанию крупных компаний в фирме «Сэлливан энд Кромвелл». Его партнером там был брат и будущий госсекретарь США Джон Фостер Даллес.

В 1947–1949 гг. Макклой был президентом МБРР. В 1953–1960 гг. был председателем правления банка «Чейз Манхэттен бэнк», в 1958–1965 гг. – председателем правления Фонда Форда. Характерно, что президент Джонсон назначил республиканца Макклоя в комиссию Уоррена, расследовавшую (а фактически закрывавшую следы) убийство президента США Джона Кеннеди.

Кольбе (родился в 1900 году) работал в МИД Германии с 1925 года на незначительных должностях. Например, в 1933 году он был консульским работником в Мадриде, а в 1938–1939 гг. вице-консулом в Кейптауне. Кольбе имел доступ к военным документам, потому что работал помощником посла по особым поручениям Карла Риттера, отвечавшего за сотрудничество МИД Германии с Верховным командованием вермахта (ОКБ). Бывший социал-демократ Кольбе по собственной инициативе работал на УСС с августа 1943 года и передал американцам более 1600 секретных документов. До 1949 года Кольбе находился в Швейцарии и продолжал работать на американцев. В ФРГ его как «предателя» отказались взять обратно в МИД, и Кольбе до самой смерти в 1971 году был вынужден жить в Швейцарии на мизерное пособие, которое ему с трудом выхлопотал Даллес.

Ranelagh J., *The Agency. The Rise and Decline of the CIA*, New York, 1987, p. 104.

Родился в 1892 году в Дейтоне, штат Огайо. Знал и Даллеса, и Донована по тайному престижному студенческому братству «Дельта Каппа Эпсилон»

Weiner T., *Legacy of Ashes*, New York, 2007, p. 14.

ЦДр://гиллчкфесЦа. о^Ллчк1/Фултонская_речь_Уинстона_Черчилля

Так как все радиограммы всех посольств США естественно шифровались, то телеграммы должны были быть максимально короткими, чтобы их не могли перехватить и расшифровать спецслужбы других стран.

Weiner T., *Legacy of Ashes*, New York, 2007, p. 19.

В 1963–1968 гг. Клиффорд был председателем экспертного совета по разведке при президенте США – President’s Foreign Intelligence Advisory Board, а в 1968 году стал министром обороны США.

Thomas E., *The Very Best Men*, New York, 1995, p. 18.

Thomas E., *The Very Best Men*, New York, 1995, p. 20.

Thomas E., *The Very Best Men*, New York, 1995, p. 22.

Thomas E., *The Very Best Men*, New York, 1995, p. 23.

Weiner T., *Legacy of Ashes*, New York, 2007, p. 24.

Weiner T., *Legacy of Ashes*, New York, 2007, p. 19.

Weiner T., *Legacy of Ashes*, New York, 2007, p. 28.

Weiner T., *Legacy of Ashes*, New York, 2007, p. 29.

Подробно историю создания органов США по подрывной войне против иностранных государств см. на сайте госдепартамента США [www.history.state.gov/historicaldocuments/frus 1969-7 6ve 10/actionsstatement](http://www.history.state.gov/historicaldocuments/frus/1969-76/vol10/actionsstatement)

TIME Magazine, April 12,1948.

CIA memorandum to the Forty Committee (National Security Council), presented to the Select Committee on Intelligence, United States House of Representatives (the Pike Committee) held in 1975.

Национальный фронт возник весной 1945 года и объединял все антифашистские партии Чехословакии.

Lucas S., *Freedom's War: The US Crusade against Soviet Union 1945–1956*, Manchester University Press, 1999, p.63

[www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/
actionsstatement](http://www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/actionsstatement)

[www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/
actionsstatement](http://www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/actionsstatement)

Weiner T., *Legacy of Ashes*, New York, 2007, p. 28.

Thomas E., *The Very Best Men*, New York, 1995, p. 27.

Thomas E., *The Very Best Men*, New York, 1995, p. 33.

После образования ФРГ Хильгер стал неформальным представителем Аденауэра в Вашингтоне для решения особо «чувствительных» вопросов. В 1953 году он вернулся в ФРГ и стал работать в МИДе опять-таки «специалистом по восточным вопросам». В 1957 году он получил от Аденауэра высшую награду ФРГ – «Большой крест за заслуги».

Thomas E., *The Very Best Men*, New York, 1995, p. 36.

С целью затруднения дешифровки противником все операции ЦРУ имели первые две буквы в названии (причем либо две согласные, либо две гласные, чтобы затруднить формирование целого слова), никак не связанные с самим наименованием. Реальное название операции было ELOPE, т. е. «Побег».

[http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/CIA%20AND%20NAZI%20WAR%20 °CRIM.%20AND%10, %20DRAFT%20 WORKING%20PAPER_0009.pdf](http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/CIA%20AND%20NAZI%20WAR%20%20CRIM.%20AND%20%20DRAFT%20WORKING%20PAPER_0009.pdf)

[http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/CIA%20AND%20NAZI%20WAR%20 °CRIM.%20AND%20%20DRAFT%20 WORKING%20PAPER_0009.pdf](http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/CIA%20AND%20NAZI%20WAR%20%20CRIM.%20AND%20%20DRAFT%20WORKING%20PAPER_0009.pdf)

Всем известно, что основные «кадры» РОА черпала не от «беженцев», а из нацистских лагерей для советских военнопленных, причем многие шли к Власову, чтобы вырваться из плена и перебежать к своим.

[http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/CIA%20AND%20NAZI%20WAR%20 °CRIM.%20AND%-10,%20DRAFT%20 WORKING%20PAPER_0009.pdf](http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/CIA%20AND%20NAZI%20WAR%20°CRIM.%20AND%-10,%20DRAFT%20WORKING%20PAPER_0009.pdf)

Назван так по имени озвучившего его госсекретаря США Маршалла.
На самом деле был разработан Кеннаном.

на. Thomas E., The Very Best Men, New York, 1995, p. 40.

Thomas E., *The Very Best Men*, New York, 1995, p. 37–38.

Thomas E., *The Very Best Men*, New York, 1995, p. 37.

Thomas E., *The Very Best Men*, New York, 1995, p. 37.

В 1953 году, после победы республиканца Эйзенхауэра на президентских выборах, Даллес стал первым «гражданским» директором ЦРУ.

См например, <http://www.spiegel.de/wissenschaft/mensch/argentinien-das-maerchen-vom-nazi-versteck-im-dschungel-a-1025259.html>

<http://www.freunde-deutschlands.de/index.php/deu/deutsche-im-ausland/argentinien.html>

Newton R., *German Buenos Aires: Social Change and cultural Crisis 1900–1933*, University of Texas Press, 1977, p. 82.

<http://www.quetzal-leipzig.de/lateinamerika/argentinien/deutschsprachige-zeitungen-in-argentinien-1930-1945-19093.html>

«Аргентинише Тагеблатт» занимала в 1930-е годы либеральную антинацистскую позицию (тираж газеты доходил до 8 тыс экземпляров) и ее издателя Эрнесто Алемана университет Гейдельберга лишил докторского звания. Алеман продолжал в ответ публиковать в своей газете карикатуры на Гитлера и Геббельса.

<http://www.spiegel.de/wissenschaft/mensch/argentinien-das-maerchen-vom-nazi-versteck-im-dschungel-a-1025259.html>

На момент основания в ней было 59 членов.

Родился в Касселе в 1884 году, в Аргентину приехал в начале 1920-х. Вызвал редактора «Аргентинише Тагеблатт» на дуэль, но тот отказался.

В 1938 году возглавил организацию нацистов в оккупированной Чехии, в 1940 году был переброшен на руководство партийной организацией НСДАП в оккупированной части Франции. В 1941 году добровольцем пошел на восточный фронт, где погиб под Вязьмой в январе 1942 года.

<http://www.spiegel.de/einestages/nazi-karriere-a-949990.html>

Newton R.C., *The "Nazi Menace" in Argentina, 1931–1947*, Stanford University Press, 1992, p. 46.

После поражения «Третьего рейха» газета быстро переименовалась в «Свободную прессу» (1 декабря 1945 года), но ее собственник (семья Тьяркс) остался прежним. В 1952 году главным редактор газеты стал бывший референт Геббельса Вильфрид фон Овен.

Schliiter D., Vom Kampfblatt zur Staatspropaganda: Die auswärtige Pressearbeit der NSDAP, 2016, s. 102.

Рем был одним из немногих людей, говоривших Гитлеру «ты».

Боливия готовилась к схватке с Парагваем за пустынный район Чако, где предполагали большие залежи нефти. Боливийско-парагвайская граница в Чако не была делимитирована, постоянного населения там фактически не было.

<http://eju.tv/2012/06/ernst-rhm-en-bolivia/>

Отец Дарре происходил из рода французских протестантов (гугенотов), отсюда и фамилия. У матери-аргентинки были швейцарские и немецкие корни.

В апреле 1949 года Дарре был осужден американцами на 7 лет, но уже в августе 1950 года вышел на свободу. Умер в 1953 году.

[http://hydrastg.library.cornell.edu/fedora/objects/nur:01190/
datastreams/pdf/content](http://hydrastg.library.cornell.edu/fedora/objects/nur:01190/datastreams/pdf/content)

В порядке жеста доброй воли немцы все же закупили примерно 15 тысяч тонн аргентинского мяса.

[http://hydrastg.library.cornell.edu/fedora/objects/nur:01190/
datastreams/pdf/content](http://hydrastg.library.cornell.edu/fedora/objects/nur:01190/datastreams/pdf/content)

В США разведкой и контрразведкой в Западном полушарии занималось ФБР – то есть американцы даже в этом смысле считали Латинскую Америку своей внутренней территорией.

Аргентина является единственной страной испанской Латинской Америки, где большая часть населения выходцы из Италии, а не из Испании.

Очерки истории Аргентины, М., 1961, с. 385–386.

Beckh J., Blitz und Anker, Band 2, s. 517.

Назначение Нибура в Буэнос-Айрес в 1936 году состоялось по протекции шефа абвера адмирала Канариса (предыдущий глава абвера Патциг был вообще личным другом Нибура). Сам Канарис имел к Аргентине прямое отношение. Первая мировая война застала его офицером крейсера «Дрезден», стоявшего на якоре на Гаити (к тому времени Канарис уже хорошо говорил по-испански). «Дрезден» получил приказ вести крейсерскую войну в Атлантике. Крейсер потопил у аргентинских берегов два английских суда и стал единственным немецким кораблем, уцелевшим после разгрома немецкой эскадры британским флотом у Фолклендских островов 8 декабря 1914 года. «Дрезден» долго укрывался во фьордах Южного Чили, где Канарис смог наладить разведсеть среди местного населения. В марте 1915 года британцы обнаружили «Дрезден» и команда сама затопила корабль. Канарис бежал из чилийского лагеря для интернированных в Аргентину, преодолев Анды на лошади. Из Буэнос-Айреса на голландском корабле он смог пробраться в Европу, и в октябре 1915 года был уже в Гамбурге.

Хорошо знавший испанский язык Нибур был по совместительству аккредитован в Парагвае, Уругвае, Бразилии и Чили, что давало ему возможность легально ездить в эти страны.

[https://etd.ohiolink.edu/!etd.send_file?accession=ohiou
&disposition=inline](https://etd.ohiolink.edu/!etd.send_file?accession=ohiou&disposition=inline) 12563300 41

Осуществлявший крейсерство в Атлантике «Граф Шпее» столкнулся в устье Ла-Платы 13 декабря 1939 года с целой британской эскадрой и получил в бою серьезные повреждения. Корабль укрылся в нейтральном Монтевидео, но не мог по международному праву оставаться там более 72 часов. Из Берлина был получен приказ затопить крейсер.

После отставки Канариса в начале 1944 года абвер подчинили РСХА

<http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelspecial/d-39863543.html>

Работу американцев облегчило странное пренебрежение немцев к конспирации: вопреки устоявшимся правилам любой разведки немецкие агенты в Бразилии были лично знакомы друг с другом.

Goni U., The real ODESSA, London, 2002, p. 2.

Пост посла в Ватикане традиционно считается во всех католических странах самым престижным. Нунций Ватикана в любой католической стране автоматически является дуайеном дипломатического корпуса.

С 1933 года Терман был главой миссии в ранге посланника в Буэнос-Айресе. В 1936 году Гитлер поднял уровень дипломатического представительства в Аргентине, Бразилии и Чили до уровня посольстве и Терман стал послом, коим и оставался до 1942 года.

Кнохен служил в разведке СД с 1 сентября 1936 года и работал во Франции с 1940 года. Пользовался личным доверием Шелленберга. Находясь в Париже до 1944 года, Кнохен принимал самое активное участие в пытках захваченных английских агентов и в депортациях французских евреев в лагеря смерти. В июне 1946 года был приговорен к смертной казни британским военным судом за участие в казнях сбитых над Францией английских пилотов. Однако приговор в исполнение приведен не был и в июле 1947 года Кнохена выдали по запросу Франции. Там в 1954 году его опять приговорили к смерти, но в 1958 году по просьбе ФРГ заменили приговор на пожизненное заключение, а в 1962 году выпустили на свободу. Вернувшись в ФРГ, страховой агент Кнохен активно работал в организации, занимавшейся помощью бывшим нацистам. В 1982 году (в возрасте 72 лет) он женился второй раз. Умер военный преступник Кнохен в 2003 году.

Goni U., The real ODESSA, London, 2002, p. 7.

Goni U., The real ODESSA, London, 2002, p. 8.

Лути был противником нацизма и неоднократно сообщал в Буэнос-Айрес об истреблении нацистами евреев в Европе, в том числе и о восстании в варшавском гетто в 1943 году, «акциях» СС в Раве Русской, Люблине и т. д. В ноябре 1943 года аргентинское посольство в Берлине было сильно повреждено бомбами союзников (здание окончательно снесли в 1960 году). После войны в 1946 году Перон назначил Лути поверенным в делах в Вашингтоне, где Лути насыпал горсть аргентинской земли на могилу Рузвельта.

Goni U., The real ODESSA, London, 2002, p.16.

Немцы такого разрешения не давали, так как опасались, что в Атлантике танкер перехватят союзники и он пополнит их торговый флот.

Говорили, что розовый цвет стены президентского дворца приобрели потому, что в раствор при кладке подмешивали кровь с местных скотобоен.

Фройте (родился в 1889 году) уже был на подозрении ФБР как спонсор нацистских организаций в Аргентине. Американцы считали его одним из 10 самых богатых людей в Латинской Америке. В 1940-е годы Фройте был директором «Банко Алеман Трансатлантико», дочерней структуры крупнейшего германского банка «Дойче банк». В 1941–1945 гг. он был также президентом Немецкого клуба – главной легальной организации немцев в Аргентине.

После переворота Велес стал начальником интендантской службы аргентинской армии.

Велес ехал в Европу как новый военный атташе в Германии, Хельмут – как консул, назначенный в Барселону.

Формально Перон занимал тогда только что созданный пост секретаря по социальным и трудовым вопросам и заместителя военного министра.

Walters G., *Hunting Evil*, London, 2009, p. 158–159.

Wood B., *The Dismantling of Good Neighbor policy*, University of Texas Press, 1985, p. 222.

Goni U., The real ODESSA, London, 2002, p. 23.

Заметим, что формально война была объявлена Японии, а Германии лишь в качестве союзницы Японии. 10 апреля 1945 года США вернули посла в Буэнос-Айрес.

На все пожелания и вопросы Отто отвечал «Яволь!» («Есть!» по-немецки), что выдавало в нем бывшего военного.

<http://db.dodis.ch/document/23825?lang=de>

<http://db.dodis.ch/document/23825?lang=de>. Данные американской разведки возможно преувеличенные.

Верховная власть в американской зоне оккупации Германии принадлежала главе военной администрации. Представитель госдепартамента Роберт Мэрфи был при нем главным гражданским лицом и отвечал за все политические вопросы.

https://history.state.gov/historicaldocuments/frus_1947v08/d_174

В 1938 году Фульднер пытался восстановиться в СС, но безуспешно.

Бежавший от возмездия Дайе в декабре 1946 года был приговорен на родине к смертной казни.

Во время оккупации Франции немцами Леска был ведущим сотрудником коллаборационистского антисемитского журнала «Je suis partout». В 1941 году он опубликовал антисемитскую книгу «Когда Израиль начал мстить». Участвовал в наборе французских добровольцев для отправки в составе вермахта на советский фронт. В августе 1944 года бежал в Берлин. Американская разведка еще в 1945 году подозревала, что Леска готовится бежать в Аргентину, где у него была недвижимость. В декабре 1944 года Леска с семьей прилетел в Мадрид. В мае 1947 года был приговорен в Париже к смертной казни.

Штаб-квартира Красного Креста находилась в годы войны в Швейцарии, которая выдавала немцам на верную казнь всех бежавших в эту страну из немецких лагерей советских военнопленных и евреев. Охотно принимая немецкое золото, Швейцария продавала «рейху» дефицитное военное сырье, например, цветные металлы и бензин. После 1945 года СССР совершенно справедливо предложил признать Швейцарию страной-поспособницей нацистов. Однако западные страны, которые сами торговали с Германией через Швейцарию, эту инициативу заблокировали.

В особо экстренных случаях нацисты въезжали в Аргентину даже без визы.

Delegacion Argentina de Inmigracion en Europa (DAIE).

февраля 1948 года Девуатин был приговорен во Франции к 20 годам каторги, лишению гражданских прав и полной конфискации имущества.

За характерную форму шасси советские летчики называли этот самолет «лапотником».

После свержения Перона в 1955 году Танк перебрался в Индию, где продолжал конструировать боевые самолеты. В 1969 году он вернулся в Германию, где и скончался в Мюнхене в 1983 году.

Родился в 1909 году на территории современной Чехии (Соколов, ранее Фалкенау). Изучал физику в Пражском университете. Еще тогда его научный руководитель профессор Траубенберг говорил, что у юноши полно фантастических идей. Рихтер утверждал, что в годы войны работал над созданием немецкой атомной бомбы. В августе 1948 года он прибыл в Аргентину, где его принял лично Перон.

Wulffen B., Deutsche Spuren in Argentinien: zwei Jahrhunderte wechsellvoller Beziehungen, Berlin, 2010, s.147.

<http://anonhq.com/adolfo-hitler-argentina/>

ФБР отмечало, что источник явно хочет в обмен на информацию получить какой-нибудь правительственный пост и желает избежать депортации в Аргентину. Из этого можно сделать вывод, что речь шла о каком-то политическом противнике Перона.

Breitman R., Goda N., Naftali T., Wolfe R., US Intelligence and Nazis, Cambridge University Press, 2005, p. 421.

На самом деле Борман покончил жизнь самоубийством в Берлине в ночь с 1 на 2 мая 1945 года. Он пытался выбраться из Берлина вместе с врачом рейхсканцелярии Штумпфеггером и лидером «гитлерюгенда» Аксманом и неожиданно наткнулся на советский патруль. Советские солдаты попросили закурить. Не знавший русского языка Борман подумал, что его хотят задержать и принял яд. Его примеру последовал и Штумпфеггер. Трупы Бормана и Штумпфеггера были случайно обнаружены в указанном Аксманом месте во время земляных работ 7 декабря 1972 года. По зубам оба скелета были опознаны. В 1998 году личность Бормана подтвердила экспертиза ДНК. В 1999 году останки Бормана были кремированы и развеяны над Балтийским морем.

Американцы задержали в Германии несколько Генрихов Мюллеров, но все они оказались «не тем».

Личный пилот Гитлера Баур вспоминал: Мюллер говорил, что ни за что не хочет попасть в плен к русским.

<https://www.archives.gov/iwg/declassified-records/rg-263-cia-records/rg-263-mueller.html>

Уже в 1960-е годы Шмид сообщила западногерманской полиции, что последний раз видела Мюллера 24 апреля 1945 года в Берлине. Он дал ей капсулу с ядом и ушел.

Масоны наряду с коммунистами считались главными противниками национал-социалистов.

За 18 месяцев Эйхман заставил выехать 150 тысяч евреев.

Гитлер из уважения к Муссолини отказался присоединить южный Тироль к Германии. Он планировал переселить всех немцев оттуда в Крым, который естественно перед этим предполагалось «очистить» от местного населения.

Aarons M., Loftus J., Ratlines, London, 1991, p. 29.

После нападения нацистов на СССР Рауфу (родился в 1906 году) было получено истребление цыган на советской территории. Впервые душегубки Рауфа были применены в ноябре 1941 года в Полтаве. К июню 1942 года «работало» уже 20 таких машин. К этому времени с помощью всего трех душегубок нацисты истребили 97 тысяч человек. В 1946 году Рауф без проблем сбежал из американского лагеря в итальянском городе Римини (оттуда бежали фактически каждый день). 18 месяцев Худал прятал его в различных католических монастырях и семинариях. В 1948 году с помощью полученных от Ватикана документов Рауф с семьей выехал в Сирию. В ноябре 1949 года он вернулся в Рим, откуда отбыл в Эквадор. Там он спокойно работал представителем немецкой и американской фармацевтических фирм. В 1958 году Рауф переехал в Чили и сообщил министерству финансов ФРГ свой адрес для получения пенсии(!). Его никто не искал, и только в 2000-х годах стало ясно почему. Германская разведка БНД в сентябре 2011 года официально подтвердила, что с 1958 по 1962 годы Рауф был ее агентом (номер V-7.410, псевдоним «Энрико Гомес»). За работу БНД выплатила Рауфу в общей сложности громадную по тем временам сумму в 70 тысяч западногерманских марок. После процесса над Эйхманом ФРГ потребовала выдачи Рауфа, но чилийский суд в 1963 году отклонил это ходатайство за истечением срока давности. После прихода Пиночета к власти в 1973 году Рауф по данным ЦРУ скорее всего сотрудничал с тайной полицией диктатора ДИНА. Он умер в результате инфаркта в 1984 году.

Статьи в этот журнал присылал из тюрьмы даже Рудольф Гесс.

В марте 1960 года Херрман, например, написал израильскому послу в Буэнос-Айресе: «Кажется, вы не заинтересованы в том, чтобы схватить Эйхмана».

Всего в результате этой «акции», начиная с осени 1939 года, было убито более 70 тысяч человек как в самой Германии, так и на оккупированных нацистами территориях.

По его же собственным данным, которые никто толком не проверял, уничтожил 519 танков.

Бывшие нацисты, как правило, предпочитали голландскую авиакомпанию КЛМ.

Гесс, например, жаловался на то, что русские в тюрьме Шпандау кормят его гречневой кашей, которую он ненавидит.

Министерство обороны ФРГ оправдывалось, что самолеты совершали плановые полеты и случайно оказались над местом похорон. В это никто не поверил.

Нацисты считал славян хоть и неполноценными, но все же арийцами. В хорватском государстве усташей сербы должны были носить голубые нарукавные повязки с латинской буквой Р (Pravoslavni)

Аргентинские власти утверждали, что Павелича в Аргентине нет, и к тому же еще ссылались на отсутствие югославно-аргентинского соглашения об экстрадиции.

Дата была выбрана не случайно – в этот день 10 апреля 1941 года усташа при поддержке нацистов провозгласили независимость Хорватии.

Павелич узнал, что Аргентина готова выдать его Югославии.

cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/.. /clthe_ukrainlan.pdf

Первый униатский храм в Аргентине возник еще в 1902 год (поляки и украинцы использовали его совместно). К тому времени с территории Австро-Венгрии (куда до 1918 года входила Западная Украина) в Аргентину эмигрировали более 10 тысяч украинцев. Многие в Аргентине перешли в православие и по просьбе ватиканского интернунция в Буэнос-Айресе папа прислал для униатов священника из Бразилии. В 1922 году Аргентину посетил униатский митрополит Шептицкий. В межвоенный период (1920–1939 гг.) в Аргентину из-за жестокой ассимиляторской политики польских властей приехало более 70 тысяч украинцев.

<http://www.argentina-rree.com/13/13-013.htm>

СССР-Австрия. 1938–1979 гг. Документы и материалы М., 1980, с. 14.

Ворошилов С.И. Рождение Второй республики в Австрии. Л., 1968, с. 24.

Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1978, с. 354.

СССР-Австрия. 1938–1979 гг...., с. 27.

АВП РФ, ф. 048 "з", оп. 2, п. 1, д. 6, л. 20.

АВП РФ, ф. 066, оп. 26, п. 126, д. 46, л. 139–140.

Andies H. Die Insel der Seligen. Wien, 1968. S. 130–131.

207

АВП РФ, ф. 431/1, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 12.

АВП РФ, ф. 440/І, ф. 1, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 150–165.

Коваль К.И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М., 1997, с. 392.

210

New York Times, 29.IV.1947.

Scharf A. Österreichs Erneuerung 1945–1955. Wien. 1955. S. 140.

АВП РФ, ф. 048 "з", оп. 2, п. 1, д. 6, л. 72–73.

АВП РФ, ф. 0440, оп. 1, п. 2, д. 7, л. 77.

214

АВП РФ, ф. 066, оп. 34, п. 30. д. 4, л. 109.

Heinemann W. Vom Zusammenwachen des Bundnisses, Munchen, 1998. S. 20.

Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. VII, part 2, Washington 1986, p. 1723.

Сборник основных документов СССР, США, Англии и Франции об Австрии. Выпуск 1. М., 1953. С. 236.

218

АВП РФ, ф. 048, оп. 2, п. 1, д. 6, л. 30.

Жиряков И.Г. СССР – Австрия: итоги и перспективы сотрудничества.
М., 1985. С. 22.

220

АВП РФ, ф. 048, оп. 2, п. 1, д. 6, л. 35.

Cesky lid vboji proti fasismu, Praha, 1975. S.194

Arburg A. von, Das Protektorat Böhmen und Mahren 1939–1945 Ein kurzer Abriss seiner Entstehung und Entwicklung, Grin Verlag, 2000. S. 34.

Kliment C.K., Nakladal B., Slovenska armada 1939–1945, Praha, 2006. S. 32.

Seeber E., Die Mächte der Antihitlerkoalition und die Auseinandersetzung um Polen und CSR 1941–1945, Berlin 1984. S. 397.

Hajkova A., Praha v komunistickem odboji, Praha, 1984. S. 422.

История Словакии. М., 2003. С. 336.

Kaminski M.K., Polen und die Tschechoslowakei in der Politik der USA und Grossbritanniens in den Jahren 1945–1948//Polen und die Bohmischen Lander, Miinchen, 1997. S. 281.

Seeber E., Die Mächte der Antihitlerkoalition und die Auseinandersetzung um Polen und CSR 1941–1945, Berlin 1984. S. 413.

Гусак Г., Свидетельство о словацком национальном восстании, М., 1969, С.570

Об участии РОА в событиях в Праге в мае 1945 г. см. Ausky S., Vojska generala Valsova v Cechach, Vysehrad, 1992.

Мухтасипов М.М. Торжество правды. М., 1983, с. 161.

Янин А.А. Решающее сражение. М., 1978. С. 32.

Семиряга М.И. Антифашистские народные восстания (очерки). М., 1965. С.170.

Подробнее о боевом пути чехословацких частей на советско-германском фронте см.: *Vojenske dejiny Ceskoslovenska*, IV. Dil, Praha, 1988.

Подробнее о чехословацких военных формированиях на западном фронте см.: Brod T., Sejka E., Na zapadni fronte, Praha, 1965.

Снитил З., Цезар Я., Чехословацкая революция 1944–1948 гг. М., 1986.
С. 163.

[https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/](https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bodl.pdf) csi-
publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-
war-years/5563bodl.pdf

История Чехословакии, том III. М., 1960. С. 455.

Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века, Том первый. Становление «реального социализма» 1945–1965 гг. М., 2000. С. 471.

Foreign Relations of United States, 1946, Eastern Europe and Soviet Union,
[http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?
type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06
&isize=M](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M)

Foreign Relations of United States, 1946, Eastern Europe and Soviet Union,
[http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?
type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06
&isize=M](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M)

Kossert, A., Chladna vlast: historie odsunutých Němců po roce 1945. Brno: Host, 2011, s. 473.

http://www.coldwar.ru/stalin/about_churchill.php

Foreign Relations of United States, 1946, Eastern Europe and Soviet Union,
[http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS)
[type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS) FRUS1946v06
&isize=M

История Словакии. М., 2003. С. 339.

The Marshall Plan. Fifty years after//Abrams B.F., The Marshall Plan and Czechoslovak Democracy: Elements interdependency, p. 97.

июля 1947 года КПЧ получила от ВКП(б) рекомендацию принять участие в Парижской конференции. Правда, целью участия ЧСР советские коммунисты видели разоблачение англо-американских планов экономического диктата в Европе. Чехословацкая делегация должна была покинуть конференцию и убедить последовать за ней как можно больше делегаций других стран.

Schain M., *The Marshall Plan. Fifty years after*, New York, 2001, // Abrams B.F., *The Marshall Plan and Czechoslovak Democracy: Elements interdependency*, p. 93.

Сам Стейнгардт ссылался на «надежный источник» в правительстве ЧСР (скорее всего им был Дртина). <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod1.pdf>

Мухтасипов М.М. Торжество правды. М., 1983. С. 201.

Совещания Коминформа 1947,1948,1949. Документы и материалы.
М., 1998. С. 34.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bodl.pdf>

Foreign Relations of the United States (FRUS), 1948, <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1948v04/reference/frus.frusl948v04.i0007.pdf>

Trpisovska J., Unor 1948 v prezidentske kancelari, bakalarska prace (Univerzita Karlova), Praha, 2001//http://www.sezimovo-usti.cz/_kultura/ebenes/2011_trpisovska.pdf

[https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/](https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod2.pdf) csi-
publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-
war-years/5563bod2.pdf

Foreign Relations of the United States (FRUS), 1948, <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1948v04/reference/frus.frusl948v04.i0007.pdf>

История Словакии. М., 2003. С. 341.

Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 1. М., 2000. С. 149.

Нежинский Л.Н. Очерк истории народной Венгрии. 1948–1962. М., 1969. С. 107.

Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993. С. 18–20.

Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV.
Washington, 1990, p. 16–17.

Берец Я. Крах операции «Фокус». М., 1986. С. 25.

На март 1955 года численность корпуса составляла 25 974 человека, которые формально проходили военную подготовку под вывеской Трудовой организации – Labor Service Organization

Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington, 1990, p. 60.

Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV.
Washington, 1990, p. 104.

Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV.
Washington, 1990, p. 147.

Примечательно, что телеграмма дипмиссии США в Будапеште об отставке Ракоши была направлена командованию ВВС и сухопутных сил США

Берец Я. Крах операции «Фокус»... С. 42–43.

После XX съезда КПСС при межведомственной группе была создана «Специальная рабочая группа по сталинизму», которая должна была использовать критику культа личности для подрыва социалистических стран. Возглавил рабочую группу заместитель госсекретаря США Бим. Именно эта рабочая группа приняла решение опубликовать и размножить в соцстранах доклад Н.С. Хрущева на XX съезде.

Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington, 1990, p. 232.

Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington. 1990, p.263.

Дипмиссия США со ссылкой на неких неназванных свидетелей сообщала, что стрельбу открыли говорившие по-русски люди.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. М., 1998. С. 357.

Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV. Washington, 1990, p. 272.

АВП РФ, ф. 059а, оп. 4, н. 6, д. 5, л. 1–7.

Советский Союз и венгерский кризис... С. 383–384.

Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV.
Washington, 1990, p. 278.

Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV.
Washington, 1990, p. 301.

Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV.
Washington, 1990, p. 319.

Bekes C. The 1956 Hungarian Revolution and World Politics.
Washington, 1996, p. 19.

Холлош Э., Лайтаи В. Площадь Республики 1956. М., 1978. С. 163.

Foreign Relations of the United States (FRUS). Vol. XXV.
Washington, 1990. p. 362.

АВП РФ, ф. 059а, оп. 4, н. 6, д. 5, л. 21.

ноября Миндсенти уже попросил убежище в миссии США в Будапеште.

Irving D. Aufstand in Ungarn. Mimchen, 1986. S. 528.

Гриф секретности снят. М., 1993. С. 397.

Weiner T., *Legacy of Ashes. The History of CIA*, New York, 2007,
p. 180.

Этот тайный комитет (о нем не знали даже в конгрессе США) занимался подготовкой подрывных операций против зарубежных государств. В комитет входили старшие чиновники госдепартамента, министерства обороны, ЦРУ и аппарата Совета национальной безопасности (СНБ) США. Комитет называли также «специальной группой».

Foreign Relations of United States (FRUS), Volume VI, 1960, p. 850.

Листов В., Жуков В. Тайная война США против революционной Кубы. М., 1966. С. 231–232.

Для того, чтобы ввести кубинскую разведку в заблуждение относительно истинной численности бригады эмигрантов в ЦРУ решили начать нумерацию ее бойцов с 2500 и к весне 1961 года в бригаде на бумаге числилось более 4000 человек. Номер 2506 принадлежал одному из наемников, погибшему во время обучения в Гватемале – в честь него и назвали все силы вторжения.

Листов В., Жуков В., Тайная война США против революционной Кубы. М., 1966. С. 255.

Ranelagh John, *The Agency. The Rise and Decline of the CIA*, New York, 1987, p. 368.

Листов В., Жуков В. Тайная война США против революционной Кубы.
М., 1966. С. 241.

Weiner T., *Legacy of Ashes. The History of CIA*, New York, 2007,
p. 201.

Листов В., Жуков В. Тайная война США против революционной Кубы.
М., 1966. С. 260.

мая 1960 года силы ПВО СССР сбили в районе Свердловска американский самолет-шпион У-2. Эйзенхауэр это отрицал, так как ЦРУ заверило его, что не предпринимало никаких разведывательных полетов над СССР в преддверии саммита США, СССР, Англии и Франции в Париже. Когда в Москве был продемонстрирован захваченный в плен летчик Пауэрс, Эйзенхауэр был взбешен поведением ЦРУ, которое выставило его лжецом и даже хотел подать в отставку.

Weiner T., *Legacy of Ashes. The History of CIA*, New York, 2007, p. 201.

Листов В., Жуков В. Тайная война США против революционной Кубы.
М., 1966. С. 194.

Weiner T., *Legacy of Ashes. The History of CIA*, New York, 2007, p. 202.

Weiner T., *Legacy of Ashes. The History of CIA*, New York, 2007, p. 203.

А-4 серийно производились до 1979 года (первый полет состоялся в 1954 году) и находились на вооружении ВМС США до 2003 года. Было произведено 2960 штук. Поставлялись в Австралию, Аргентину, Израиль, Бразилию, Индонезию, Малайзию. Участвовали в агрессии США во Вьетнаме, были главным боевым самолетом израильских ВВС в войне 1973 года, применялись аргентинцами в войне за Фолклендские острова в 1982 году. Самолет развивал скорость до 1077 км/ч, был вооружен двумя 20-мм пушками и пятью пусковыми установками ракет.

Листов В., Жуков В. Тайная война США против революционной Кубы.
М., 1966. С. 275.

На тот момент СССР был связан с европейскими социалистическими странами двусторонними договорами о взаимной помощи.

Lutnak P., Planovani nemyslitelneho, Praha, 2008, s. 26.

До этого момента каждая армия страны-участницы ОВД проводила учения самостоятельно, хотя и с обязательным участием советских наблюдателей.

А.А. Гречко занимал этот пост в 1960–1967 гг.

Отметим, что до 1966 года штаб-квартира НАТО и главное командование войсками блока в Европе находились в Париже.

Lutnak P., Planovani nemyslitelneho, Praha, 2008, s. 189.

Lutnak P., Planovani nemyslitelneho, Praha, 2008, s. 211.

Lutnak P., Planovani nemyslitelneho, Praha, 2008, s. 192.

Lutnak P., Planovani nemyslitelneho, Praha, 2008, s. 211.

<http://www.csla.cz/armada/taktika/plany001.htm>

[http://www.csla.cz/armada/taktika/planyOO 1.htm](http://www.csla.cz/armada/taktika/planyOO1.htm)

После начала войны ГСВГ и ННА преобразовывались в 1-й Западный фронт.

Lutnak P., Planovani nemyslitelneho, Praha, 2008, s. 207.

Правда, по состоянию на осень 1964 года новыми танками была полностью оснащена всего одна дивизия ЧНА, хотя темп перевооружения ускорился.

<http://armada.vojenstvi.cz/povalecna/studie/17.htm>

Lutnak P., Planovani nemyslitelneho, Praha, 2008, s. 213.

Lutnak R, Planovani nemyslitelneho, Praha, 2008, s. 217.

Бомбардировка американцами мирного населения Хиросимы и Нагасаки явно не в счет.

Lutnak P., Planovani nemyslitelneho, Praha, 2008, s. 215.

Lutnak R, Planovani nemyslitelneho, Praha, 2008, s. 220.

Профессиональный военный. Служил в чехословацкой армии с 1936 года. В 1939 году, после оккупации нацистами Чехословакии, бежал в Польшу, чтобы продолжить борьбу против немцев. С 1942 года воевал в составе чехословацких частей на советско-германском фронте. Окончание войны встретил в должности командира танковой бригады. Кавалер Ордена Ленина. В 1946–1947 гг. учился в академии Генерального штаба в Москве. Был заместителем министра обороны ЧССР в 1958–1968 гг. 14 марта 1968 года застрелился, когда был подвергнут травле в ходе т. н. «Пражской весны».

Lutnak P., Planovani nemyslitelneho, Praha, 2008, s. 223.

Текст см.: <http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB31/docs/doc05.pdf>

<http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB31/docs/doc06.pdf>

Lutnak P., Planovani nemyslitelneho, Praha, 2008, s. 217.

Foreign Relations of the United States (далее – FRUS), Volumes online, Volume XVII, Johnson Administration 1964–1968, Eastern Europe, Document 53.

На самом деле социалистическая Чехословакия развивалась гораздо быстрее, чем сами США. В 1948–1970 гг. использованный национальный доход на душу населения вырос в ЧССР на 229 %. Благодаря советским заказам традиционно развитое чехословацкое машиностроение смогло увеличить выпуск продукции в 1948–1969 гг. в 12,8 раз.

См. телеграмму посольства США в Вашингтон 9.12.1968, FRUS, Document 54.

Skoug K. Czechoslovakia's lost fight for freedom, 1967–1979; an American embassy perspective. Westport, 1999, p. 63.

FRUS, Document 55.

Небезынтересно отметить, что золотой запас ЧСР (23 тонны золота) совершенно официально был переведен нацистам в 1939 году через Банк Англии. Всего нацисты присвоили себе в разное время оккупации примерно 45 тонн чехословацкого золота.

FRUS, Document 55.

FRUS, Document 56.

FRUS, Document 57.

Имеются в виду события в Венгрии осенью 1956 года.

FRUS, Document 57.

FRUS, Document 58.

FRUS, Document 59.

См. Spiegel online. Einestages, 23.12.2009, www.einestages.spiegel.de

Для позиции Ростоу характерен следующий факт. Во время сенатских слушаний по утверждению его кандидатуры на пост заместителя госсекретаря США (третий по важности пост в госдепартаменте) в 1966 году сенатор Пелл спросил, смогу ли США пережить ядерную войну. Ростоу ответил, что Япония «не только пережила, но и расцвела после ядерной атаки». Когда сенатор заметил, что в случае войны с СССР будут использованы не два, а тысячи ядерных зарядов, Ростоу ответил, «человеческая раса очень вынослива... На основании предположений можно сделать вывод, что будет убито 10 миллионов человек с одной стороны и 100 миллионов – с другой. Но это еще не все население».

FRUS, Document 60.

FRUS, Document 61.

FRUS, Document 62.

FRUS, Document 63.

Текст меморандума опублікован в збірник документів The Prague Spring 1968. Central European University Press, Budapest, 1998, p. 166–171.

Само ЦРУ наоборот считало, что именно дешевое сырье из СССР смогло обеспечить Чехословакии высокие темпы экономического роста и улучшение жизненного уровня населения.

The Prague Spring 1968. Central European University Press, Budapest, 1998, p. 171.

FRUS, Document 65.

352

www.foia.cia.gov

FRUS, Document 71.

FRUS, Document 70.

FRUS, Document 72.

FRUS, Document 77.

FRUS, Document 78.

FRUS, Document 79.

Далее содержание беседы раскрывается на основе американской записи переговоров: FRUS, Document 80.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. М., 2008. С. 173.

В операции «Дунай» помимо советских войск участвовали три мотострелковые дивизии польской армии (24 тысячи военнослужащих, 647 танков), усиленная мотострелковая дивизия венгерской армии (11 тысяч солдат и офицеров 177 танков) и два мотострелковых полка болгарской армии (2164 военнослужащих). Как вспоминал министр обороны ПНР В. Ярузельский, польские войска получили строжайший приказ не допускать никакого насилия по отношению к населению ЧССР – «даже яблоки с деревьев рвать запрещалось». Также предупредительно и осторожно вели себя и армии всех стран ОВД на территории Чехословакии.

FRUS, Document 81.

США и их союзники по НАТО 21 августа 1968 года действительно инициировали обсуждение чехословацкого вопроса в Совете безопасности ООН, однако представитель ЧССР попросил снять вопрос с обсуждения.

Подробно историю создания органов США по подрывной войне против иностранных государств см. на сайте госдепартамента США [www.history.state.gov/historicaldocuments/frus 1969-7 6ve 10/actionsstatement](http://www.history.state.gov/historicaldocuments/frus/1969-76/vol10/actionsstatement)

[www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/
actionsstatement](http://www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/actionsstatement)

[www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/
actionsstatement](http://www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/actionsstatement)

[www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/
actionsstatement](http://www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/actionsstatement)

Лаврецкий И.Р. Сальвадор Альенде. М., 1974. С. 79.

www.cia.gov/library/reports/general-reports-l/chile/index.html

Treverton G.F. Covert Intervention in Chile 1970–1973, p.2/www.georgetown.edu

Тарасов К.С., Зубенко В.В. Тайная война США против Латинской Америки. М., 1987. С. 61–64.

Лаврецкий И.Р. Сальвадор Альенде. М., 1974. С. 90.

www.cia.gov/library/reports/general-reports-l/chile/index.html

Томич говорил, что все население Чили делится на две части: тех, кто не ест и тех, кто не спит, опасаясь тех, кто не ест. Сам Томич считал себя выразителем интересов тех, кто не ест.

Чернышев В.П. Заговор «мумий». М., 1974. С. 40.

Бурстин Э. Чили при Альенде. М., 1979. С. 59.

Treverton G.F. Covert Intervention in Chile 1970–1973, p.2 /
www.georgetown.edu

Ranelagh John. *The Agency. The Rise and Decline of the CIA.* New York. 1987, p.515.

Treverton G.F. Covert Intervention in Chile 1970–1973, p. 3. www.georgetown.edu

Советник Никсона по национальной безопасности Киссинджер в шутку назвал Чили «кинжалом, направленным в сердце Антарктиды», подчеркивая тем самым абсолютно бесполезное со стратегической точки зрения геополитическое положение страны.

Treverton G.F. Covert Intervention in Chile 1970–1973, p. 3. www.georgetown.edu

Ranelagh John. *The Agency. The Rise and Decline of the CIA.* New York, 1987, p. 513.

Treverton G.F. Covert Intervention in Chile 1970–1973, p. 5.
www.georgetown.edu

Чернышев В.П. Заговор «мумий». М., 1974. С. 66.

Бурстин Э. Чили при Аьенде. М., 1979. С. 66.

Карамессинес активно участвовал в жестоких репрессиях против коммунистов в Греции в конце 40-х – начале 50-х годов.

В 1962–1964 гг. в Риме он координировал подрывную деятельность против итальянской компартии, чтобы не допустить ее победы на парламентских выборах. В 1967 году именно он разработал успешный план физической ликвидации Че Гевары в Боливии.

Филипс участвовал в свержении законно избранного президента Гватемалы Арбенса в 1954 году и был специально отозван из Бразилии, где ЦРУ также организовало военный переворот в 1964 году.

Ranelagh John. *The Agency. The Rise and Decline of the CIA.* New York, 1987, p. 515–516.

Treverton G.F. Covert Intervention in Chile 1970–1973, p. 6.
www.georgetown.edu

Treverton G.F. Covert Intervention in Chile 1970–1973, p. 6. www.georgetown.edu

Американцы прекрасно знали, что два сына Шнейдера активно участвовали в предвыборной кампании Альенде.

www.cia.gov/library/reports/general-reports-l/chile/index.html

Текст меморандума см. [www.gwu. Edu/-nsarchiv/NSAEBB/
NSAEBB8/ch01-06.htm](http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB8/ch01-06.htm)

Ranelagh John. *The Agency. The Rise and Decline of the CIA.*
New York, 1987, p. 517.

Treverton G.F. Covert Intervention in Chile 1970–1973, p. 7.
www.georgetown.edu

Ranelagh John. *The Agency. The Rise and Decline of the CIA*. New York, 1987, p. 518.

www.cia.gov/library/reports/general-reports-1/chile/index.html

Речь шла об американских автоматах времен Второй мировой войны М3 (grease guns). С середины 1950-х годов эти автоматы официально не находились на вооружении армии США, но продолжали выпускаться по лицензии в Аргентине. Таким образом, в случае их обнаружения чилийской полицией, американцы смогли бы настаивать на том, что оружие контрабандой поступило из соседней Аргентины.

Treverton G.F. Covert Intervention in Chile 1970–1973, p. 8.
www.georgetown.edu

401

www.cia.gov/library/reports/general-reports-1/chile/index.html

Storkman K., Geheime Solidarität. Militärbeziehungen und Militärhilfen der DDR in die „Dritte Welt“, Berlin, 2012. S.190.

ФАР, образование конфедеративного типа, формально существовала с 1972 до 1977 года и объединяла Ливию, Египет и Сирию.

Эту эскадрилью в шутку называли в ВВС ГДР «яичной» из-за бытовавшей в ней шутки: «Что у нас на завтрак? – Яйца в любом виде!».

Lahmer S., Piloten des JG-8 fliegen in Syrien eine Hilfsaktion. (Bericht eines beteiligten Piloten) In: Fliegergeschichten. Vom Start bis zur Landung. Tatsachen und Erlebnisse – aufgeschrieben von Angehörigen der Fliegerkräfte der NVA. Fliegerstammtisch Strausberg (Hrsg.), Berlin 2013, S. 124/125 und 385/386

http://www.poolalarm.de/kindersuchdienst/raf/Beteiligung_der_DDR%20am_Yom-Kippur-Krieg_1973_Israels_mit_den_arabischen_Staaten.pdf

ФРЕЛИМО – португальская аббревиатура (Frente de Libertagao de Mozambique) Фронта освобождения Мозамбика, основанного в 1962 году. После обретения Мозамбиком независимости в 1975 году является бессменной правящей партией страны.

Doring H-J., "Es geht um unsere Existenz:: die Politik der DDR gegenüber der Dritten Welt, Berlin, 2001. S. 209.

МПЛА – португальская аббревиатура (Movimento Popular de Libertagao de Angola) Народного движения за освобождение Анголы. Основано в 1956 году. После обретения Анголой независимости является бессменной правящей партией страны.

ПАИГК – португальская аббревиатура (Partido Africano da Independência da Guiné e Cabo Verde) Африканской партии независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса. Основана в 1956 году. С момента обретения независимости и до 1991 года была правящей партией в Гвинее-Бисау. В 2009 году на пост президента страны вновь был избран представитель ПАИГК.

Heyden von U., Schleicher I. (Hrsg), Engagiert für Afrika: DDR und Afrika II, Hamburg, 1994. S.13–14.

Heyden von U., Schleicher I. (Hrsg), Engagiert für Afrika: DDR und Afrika II, Hamburg, 1994. S. 22.

Здесь и далее речь в статье идет о марках ГДР.

РЕНАМО – португальская аббревиатура Мозамбикского национального сопротивления (Resistencia Nacional Mo[^]ambicana). Создано в 1977 году при поддержке расистских режимов ЮАР и Южной Родезии. Получало помощь от Саудовской Аравии и США. Базировалось в Малави. После окончания гражданской войны в Мозамбике в 1992 году РЕНАМО не смогло выиграть ни одних выборов.

ЗАПУ – Союз африканского народа Зимбабве (английская аббревиатура Zimbabwe African People's Union, ZAPU). Основан в декабре 1961 года. В 1963 году ряд лидеров ЗАПУ вышли из союза и организовали Африканский национальный союз Зимбабве (ЗАНУ) во главе с Робертом Мугабе. ЗАНУ поначалу придерживался маоистской ориентации и опирался на помощь КНР. С 1964 года ЗАПУ перешел к вооруженной борьбе против расистского режима Южной Родезии. В 1976 году ЗАНУ и ЗАПУ объединились в Патриотический фронт.

Heyden von U., Schleicher I. (Hrsg), Engagiert für Afrika: DDR und Afrika II, Hamburg, 1994. S. 56–57.

СВАПО – английская аббревиатура Организации народов Юго-Западной Африки (South-West Africa's Peoples Organization). Основана в 1960 году. Вела партизанскую борьбу против войск ЮАР, оккупировавших Намибию. После обретения Намибией независимости в 1990 году – бессменная правящая партия страны.

Adler N., DDR in Aethiopien und späte Lügen, Berlin, 2013. S. 11.

Heyden von U., Schleicher I. (Hrsg), Engagiert für Afrika: DDR und Afrika II, Hamburg, 1994. S. 27.

420

[http://www.tagesspiegel.deAultur/honeckers-afrika-korps/772 75 28.html](http://www.tagesspiegel.deAultur/honeckers-afrika-korps/772_75_28.html)

Adler N., DDR in Aethiopien und späte Lügen, Berlin, 2013. S. 33.

Storkman K., Geheime Solidarität. Militärbeziehungen und Militärhilfen der DDR in die „Dritte Welt“, Berlin, 2012. S. 316.

423

[http://www.addis-abeba.diplo.de/contentblob/909112/
Daten/3021178/download_100_jahre_dipl_bez.pdf](http://www.addis-abeba.diplo.de/contentblob/909112/Daten/3021178/download_100_jahre_dipl_bez.pdf)

Dagne H.G., Das entwicklungspolitische Engagement der DDR in
Äthiopien: eine Studie auf der Basis äthiopischer Quellen, Münster, 2004, S. 23–
24.

425

Расходы в долларах проистекали из стоимости керосина и ГСМ, приобретаемых у иностранных компаний в Эфиопии.

426

<http://www.cs.uni-saarland.de/~rkoenig/download/Die%20Entwicklungszusammenarbeit%20der%20DDR.pdf>

Мускатные деревья завезли на остров в 1843 году.

Хачатуров К.А. Боль и гнев Гренады. М., 1985. С. 16.

Crisis in the Caribbean, New York, 1983, p. 193.

New Joint Endeavor for Welfare, Education, and Liberation – New JEWEL
Movement

Вооруженное крыло «Нью Джуэл» называлось Народнореволюционной армией и поначалу в эту «армию» входило всего 12 человек, которых назвали «двенадцатью апостолами».

Heine J (editor), *A Revolution Aborted. The Lessons of Grenada*, University of Pittsburgh Press, 1990, p. 188.

В 1983 году – министр строительства, отвечал за сооружение международного аэропорта.

Гренада: мир против преступления. М., 1985. С. 29.

http://de.wikipedia.org/wiki/US-Invasion_in_Grenada

436

Выведен из состава ВМС США в 1998 году

В 1960 году США разорвали дипломатические отношения с Кубой и интересы США в Гаване представляло посольство Швейцарии.

Гренада: мир против преступления. М., 1985. С. 34.

Adkin M., *Urgent Fury. The Battle for Grenada*, New York, 1989, p. 197.

Как, например, Канада или Австралия, Гренада после обретения независимости формально оставалась в Британском содружестве и главой государства считалась британская королева, представленная на острове генерал-губернатором.

441

В операции на Гренаде участвовали две бригады 82-й дивизии, сведенные в «группу особого назначения 121».

Помимо «Индепенденс» в операции участвовал вертолетоносец «Гуам».

<http://www.history.navy.mil/faqs/faq95-1.htm>

Adkin M., *Urgent Fury. The Battle for Grenada*, New York, 1989, p. 284.

Поимом самих США, агрессию поддержали марионетки из Восточнокарибского сообщества, сами принимавшие участие во вторжении, а также Израиль и диктаторский режим Сальвадора.

[http://news.google.com/newspapers?nid= 13 14&dat= 19831104&id=uDcSAAAIBAJ &sjid=604DAAAIBAJ &pg=5592,2048008](http://news.google.com/newspapers?nid=1314&dat=19831104&id=uDcSAAAIBAJ&sjid=604DAAAIBAJ&pg=5592,2048008)

Гренада: мир против преступления. М., 1985. С. 54.

Dierner G., Kuhrt E. Kurze Chronik der Deutschen Frage, München, 1994.
S. 113.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 159.

Dierner G., Kuhrt E, Kurze Chronik der Deutschen Frage, Munchen, 1994.
S. 117.

Бейкер писал в своих мемуарах, что, будучи подростком, восхищался стойкостью советских людей в битве за Сталинград.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 161.

Dierner G., Kuhrt E. Kurze Chronik der Deutschen Frage, München, 1994.
S. 137.

Кренц Э. Осень 1989 года. М., 2009. С. 106–114.

Эрих Хонеккер родился 25 августа 1912 года в Сааре в рабочей семье. Работал учеником кровельщика. С ранних лет участвовал в молодежном коммунистическом движении. В 1935 году арестован нацистами, в 1937 году приговорен к 10 годам лишения свободы. Освобожден из тюрьмы в 1945 году. Возглавлял молодежную организацию ГДР – Союз свободной немецкой молодежи (ССНМ). С 1958 года – член Политбюро ЦК СЕПГ. В 1971 году при поддержке СССР стал первым секретарем ЦК СЕПГ. 3 декабря 1989 года Хонеккер был исключен из СЕПГ. После ликвидации ГДР в 1990 году Хонеккер нашел приют у лютеранского пастора, так как не имел собственной квартиры (только служебную, которую он после отставки сдал государству). Банковский счет Хонеккера в размере 218 тысяч марок ГДР был заблокирован. Однако никаких фактов коррупции в отношении Хонеккера доказать не удалось, и 30 ноября 1990 года был издан приказ об его аресте, на этот раз по обвинению в издании некоего приказа о применении оружия против перебежчиков на внутригерманской границе после 1961 года. 13 марта 1991 года тяжелобольной Хонеккер с супругой с согласия германских властей был вывезен в СССР на лечение. Опасаясь выдачи ФРГ новыми российскими властями, Хонеккер 11 декабря 1991 года укрылся в чилийском посольстве в Москве. В июле 1992 года Хонеккера выманили из чилийского посольства и передали ФРГ. Перспективы судебного процесса против Хонеккера были очень туманными, так как никаких законов ГДР он не нарушал. В начале 1993 года уголовное преследование бывшего лидера ГДР было прекращено по состоянию здоровья. Хонеккер вылетел в Чили (там уже находились его жена и дочь), где был встречен с почетом, так как во времена диктатуры Пиночета правительство ГДР предоставило политическое убежище многим чилийцам. Скончался в Сантьяго 29 мая 1994 года.

Кренц Э. Осень 1989 года. М., 2009. С. 132.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 162.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 163.

Dierner G., Kuhrt E. Kurze Chronik der Deutschen Frage, München, 1994.
S. 127.

Кренц Э. Осень 1989 года. М., 2009. С. 272.

Baker J.A. *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 164.

Маргарет Тэтчер на переговорах с Горбачевым 23 сентября 1989 года (т. е. еще до падения стены в Берлине) прямо сказала: «Мы не хотим единой Германии». Так же думали и большинство стран НАТО, и особенно, президент Франции Миттеран. Тэтчер призвала Горбачева не обращать внимания на публичные заявления НАТО в поддержку германского единства.

Фактически Горбачев тем самым осудил решения Ялтинской конференции 1945 «Большой тройки», обеспечившей мир в Европе на полвека.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 166.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 167.

Бывший президент Никсон перед саммитом написал Бушу, что особо поддерживать Горбачева не стоит – он проводит политику перестройки не из-за любви к демократии, а в силу жесткой необходимости.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 172.

Dierner G., Kuhrt E. Kurze Chronik der Deutschen Frage, München, 1994.
S. 134.

<http://www.ksta.de/html/artikel/1252495890973.shtml>

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 175–176.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 198.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 201.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 204.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 205.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 206.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 216

Dierner G., Kuhrt E, Kurze Chronik der Deutschen Frage, Miinchen, 1994.
S. 148.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 230.

Франция в тот момент не входила в военные структуры блока и на ее территории не были размещены базы НАТО.

Госдепартамент США имеет собственную разведслужбу.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 237.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 246.

Kiisters H.-J., Hoffman D., (Herausgeber) Deutsche Einheit: Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90, Munchen, 1998. S.165–166.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 251.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p.252.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 253.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 253.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p.255.

Baker J. A., *The Politics of Diplomacy*, 1995, New York, p. 256.

Dierner G., Kuhrt E. Kurze Chronik der Deutschen Frage, Mimchen, 1994.
S. 164.

После распада ОВД и СССР ФРГ сама сократила бундесвер до 235 тысяч человек (по состоянию на декабрь 2010 года).

В подписанном 31 августа 1990 года договоре об объединении ГДР и ФРГ было четко зафиксировано, что ни один гражданин ГДР не должен подвергаться наказанию за выполнение законов ГДР.

www.stiftung-aufarbeitung.de/downloads/pdf/.../strafverfolgung.pdf

http://www.grh-ev.org/html/body_bilanz_der_politischen_strafve.html

Новые взгляды на Западе по данной проблеме см. например, Fisch J., Das Selbstbestimmungsrecht der Volkerr: Domestizierung einer Illusion, Miinchen, 2010.

По данному вопросу см. не потерявший актуальности фундаментальный труд: История Тувы. В 2-х томах. М.: Наука, 1964.

До 1918 года Закарпатская Украина на протяжении сотен лет входила в состав Венгрии (Австро-Венгрии). В 1919 году решением Антанты без всякого учета мнения местного населения (которое называло себя русинами) этот регион был передан Чехословакии, где именовался Подкарпатская Русь (а не Украина). После Мюнхенского сговора 1938 года Закарпатская Украина была оккупирована хортистской Венгрией с санкции Гитлера.

О положении Закарпатской Украины в составе Чехословакии см.
например: Podkarpatska Rus, Bratislava, 1936.

Подробнее об этом см.: Платошкин Н.Н. Весна и осень чехословацкого социализма. Ч. I. М., 2016. С. 235–237.

Об истории борьбы за независимость Южного Судана см.: Johnson H., South Sudan: Untold Story from Independence to Civil War, London, 2016.

Независимость Косово не признали, например, Китай, Азербайджан, Аргентина, Бразилия, Ватикан, Греция, Израиль, Испания, Иран и т. д.

Хороший анализ проблем, связанных с референдумом в Шотландии в:
Keating M., *Debating Scotland: Issues of Independence and Union in the 2014 Referendum*, Oxford University Press, 2017.